15065

Н. Астыревъ.

17750.

ВЪ ВОЛОСТНЫХЪ ПИСАРЯХЪ.

ОЧЕРКИ

КРЕСТЬЯНСКАГО САМОУПРАВЛЕНІЯ.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ, дополненное, редакціи журнала „РУССКАЯ МЫСЛЬ“.

СЪ ПОРТРЕТОМЪ АВТОРА.

МОСКВА.
Типо-лит. Высоч. утв. Т-ва **И. Н. Кушнеревъ и К°**,
Пименовская улица, собствен. домъ.
1896.

БИБЛІОТЕКА УЧЕБНАГО КОМИТЕТА [illegible]

39

15065
II 7750

ВЪ ВОЛОСТНЫХЪ ПИСАРЯХЪ.

ОЧЕРКИ

КРЕСТЬЯНСКАГО САМОУПРАВЛЕНІЯ.

Н. Астырева.

БИБЛІОТЕКА
УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИН. ФИН.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ, ДОПОЛНЕННОЕ, РЕДАКЦІИ ЖУРНАЛА
„РУССКАЯ МЫСЛЬ“.

СЪ ПОРТРЕТОМЪ АВТОРА.

МОСКВА.
Типо-литогр. Высоч. утвер. Т-ва **И. Н. Кушнеревъ и К°,**
Пименовская улица, собств. домъ.
1896.

II 7750

5125L

ВЪ ВОЛОСТНЫХЪ ПИСАРЯХЪ.

Николай Михайловичъ Астыревъ.

Книга Н. М. Астырева была издана въ первый разъ въ 1886 году и давно уже разошлась. Онъ подготовилъ къ печати второе изданіе, отмѣчая на поляхъ перваго измѣненія и дополненія. Всѣ эти измѣненія и дополненія перенесены мною въ новое изданіе. Согласно желанію покойнаго автора, въ книгу включена глава изъ другого его сочиненія.

Нѣкоторыя свѣдѣнія о жизни и дѣятельности покойнаго Николая Михайловича напечатаны въ *Энциклопедическомъ Словарѣ* Брокгауза-Эфрона (третій полутомъ) и въ *Критико-біографическомъ Словарѣ* г. Венгерова.

Родился Николай Михайловичъ въ городѣ Тихвинѣ, въ 1857 году. Онъ былъ незаконнымъ генеральскимъ сыномъ. Отецъ далъ ему хорошее домашнее воспитаніе, но съ девяти лѣтъ отдалъ пансіонеромъ въ первую петербургскую гимназію (мать Николая Михайловича скончалась, давши ему жизнь). Потомъ Астыревъ перешелъ въ шестую московскую гимназію, опасно проболѣлъ годъ, перешелъ затѣмъ въ московское реальное училище. По окончаніи курса, онъ поступилъ въ институтъ инженеровъ путей сообщенія. Черезъ полтора года онъ оставилъ это учебное заведеніе и отправился въ Воронежскую губернію, волостнымъ писаремъ. Свою дѣятельность и свои наблюденія за три года въ этой должности Николай Михайловичъ и изображаетъ въ книгѣ, которая выходитъ теперь вторымъ изданіемъ. Она произвела сильное впечатлѣніе правдивостью и наблюдательностью

автора, его горячею любовью къ народу, темныхъ сторонъ въ жизни котораго Астыревъ никогда не скрываетъ. Народу онъ былъ *безъ лести преданъ*.

Возвратясь поневолѣ изъ Воронежской губерніи, Николай Михаиловичъ, по предложенію покойнаго Василія Ивановича Орлова, поступилъ въ статистическое бюро московскаго земства. Статистическіе труды Астырева дали ему почетную извѣстность. Въ 1887 году онъ былъ приглашенъ генералъ-губернаторомъ Восточной Сибири завѣдывать иркутскимъ статистическимъ бюро. Его работы въ этой мѣстности обратили на себя своими выдающимися достоинствами вниманіе спеціалистовъ.

Черезъ два года Николай Михайловичъ вернулся въ Москву. Кромѣ статистическихъ трудовъ, онъ написалъ много статей въ *Русской Мысли* и *Русскихъ Вѣдомостяхъ*, ѣздилъ для статистическихъ изслѣдованій въ Самарскую губернію, а въ концѣ 1891 года, въ голодную пору, посѣтилъ тѣ мѣста, гдѣ былъ волостнымъ писаремъ. Впечатлѣнія изъ этой поѣздки Астыревъ вынесъ тяжелыя...

Николай Михайловичъ выступалъ и какъ беллетристъ, и разсказы его были замѣчены читателями и критикой.

30 марта 1892 года Николай Михайловичъ былъ арестованъ. Выпущенный черезъ два года, онъ скончался въ Москвѣ 3 іюня того же 1894 года и похороненъ на Ваганьковскомъ кладбищѣ, рядомъ съ Левитовымъ. По смерти Астырева нашлось нѣсколько его рукописей (до сихъ поръ не изданныхъ).

Къ этому изданію приложенъ портретъ Николая Михайловича, снятый не задолго до его безвременной кончины (онъ умеръ тридцати семи лѣтъ отъ роду). Весь чистый доходъ съ книги назначается тремъ дѣтямъ покойнаго писателя.

В. Гольцевъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

I. Ѣду на служеніе народу 1
II. Предводитель дворянства Столбиковъ 4
III. Первое знакомство съ администраціей Демьяновской волости. 10
IV. Продолжаю осматриваться на новомъ мѣстѣ. 19
V. Не осмотрѣвшись, однако, впутываюсь въ кляузу и покидаю Демьяновское 26
VI. Кочетовская волость и ея старшина, Яковъ Ивановичъ. . . 45
VII. Сельскіе старосты, въ качествѣ членовъ вол. правленія . . 55
VIII. Попытка передѣла земли на „новыя души“ 63
IX. Одинъ изъ новѣйшихъ типовъ деревенскихъ дѣльцовъ . . . 76
X. Исправникъ, содѣйствующій коренному передѣлу земли . . . 88
XI. Умственныя силы деревни Парфены-міроѣды 115
XII. Что такое волостной писарь? 134
XIII. Сельскіе писаря (изъ „Дер. тип. и кар.“) 159
XIV. Выборы волостныхъ судей. 186
XV. Типичное засѣданіе волостного суда 198
XVI. О волостномъ судѣ вообще 215
XVII. Дѣла, разбираемыя волостнымъ судомъ 228
XVIII. Нѣкоторые мѣстные обычаи и ихъ значеніе для волостного суда 242
XIX. Конокрады и борьба съ ними 253
XX. Представленіе крестьянъ о земствѣ 272
XXI. Въ виду выбора въ земскіе гласные. 275
XXII. Выборы гласныхъ по нашему участку 284
XXIII. Я неоднократно провинялся въ глазахъ начальства и потому отцвѣлъ, не расцвѣвъ 298
XXIV. Какую память оставилъ я среди кочетовцевъ 308
XXV. Какую пользу я принесъ населенію за три года служенія народу?. 320

Въ волостныхъ писаряхъ.

ОЧЕРКИ.

I.

Ѣду на службу народу.

Въ маѣ мѣсяцѣ 1881 года я оставлялъ Петербургъ, направляясь въ одинъ изъ уѣздовъ Воронежской губерніи искать мѣста волостного писаря. Нѣкоторыя обстоятельства сложились относительно меня такимъ образомъ, что жизнь въ городѣ, въ „культурной“ средѣ, стала мнѣ просто ненавистна: перспектива продолженія и окончанія курса въ высшемъ (спеціальномъ) учебномъ заведеніи, куда я попалъ безъ всякаго „призванія“ къ будущей дѣятельности своей,—эта перспектива нисколько мнѣ не улыбалась; необезпеченный матеріально, я не могъ вполнѣ покинуть житейскаго омута, чтобы съ большей или меньшей для себя пользой и пріятностью пережидать непогоду, но долженъ былъ непрестанно работать изъ-за куска хлѣба. Конторскія занятія,—единственныя для меня доступныя,—были мнѣ въ конецъ противны, благодаря своей сухости и безжизненности; хотѣлось живого дѣла, хотѣлось общенія съ живыми людьми, хотѣлось доказать самому себѣ свою пригодность на служеніе истиннымъ общественнымъ нуждамъ, а не на одну только службу интересамъ различныхъ „компаній“ и „товариществъ“; наконецъ, думалось, что такое служеніе можетъ имѣть мѣсто единственно въ деревнѣ. Къ сожалѣнію, выборъ обусловленныхъ этимъ обстоятельствомъ поприщъ дѣятельности былъ не великъ: учительство и писарство; но въ то время, чтобы стать сель-

скимъ учителемъ, необходимо было лицу, хотя бы и съ высшимъ образованіемъ, сдать сперва спеціальный экзаменъ на учителя, и этого одного было уже для меня достаточно, чтобы отказаться отъ несовсѣмъ завидной перспективы всю жизнь возиться съ ребятишками, обучая ихъ такой грамотѣ, въ цѣлесообразность которой я и самъ плохо вѣрилъ. Взвѣсивъ всѣ эти обстоятельства, я рѣшился искать мѣсто волостного писаря, какъ представлявшее, по моему мнѣнію, большій просторъ для дѣятельности. Долгое время исканія мои оставались безуспѣшны; я обращался и къ вліятельнымъ землевладѣльцамъ, и къ чиновникамъ, и къ лицамъ, въ деревнѣ власть имѣющимъ,—но всѣ они или прямо отказывали въ своемъ содѣйствіи, находя желаніе мое въ данное время по меньшей мѣрѣ—страннымъ, или же ограничивались одними обѣщаніями. Наконецъ, одинъ изъ товарищей моихъ, тогда еще студентъ, землевладѣлецъ Воронежской губерніи, предложилъ мнѣ свою помощь, не ручаясь, однако, за успѣхъ. Я такъ обрадовался появившейся надеждѣ на какой бы то ни было исходъ изъ моего томительнаго положенія, что обѣими руками ухватился за его предложеніе,—и вотъ я на пути къ обѣтованному краю, гдѣ я долженъ былъ поселиться у этого товарища впредь до рѣшенія моей участи.

Въ—скомъ уѣздѣ, какъ и въ прочихъ уѣздахъ нашего отечества, самую видную роль играетъ уѣздный предводитель дворянства, который, какъ таковой, состоитъ членомъ или предсѣдателемъ множества учрежденій, въ числѣ коихъ чуть ли не первое мѣсто занимаетъ уѣздное по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе. Всѣ должностныя лица крестьянскаго самоуправленія, какъ выборныя, такъ и наемныя — старшины, старосты, писаря—всѣ они состоятъ подъ непосредственнымъ началомъ предводителя, какъ предсѣдателя присутствія, и въ его власти — ихъ карать и миловать, а, слѣдовательно, увольнять отъ должностей и назначать на оныя. О всѣхъ этихъ порядкахъ и о лицахъ, соблюдающихъ эти порядки, я буду впослѣдствіи говорить обстоятельно; теперь же я упомянулъ о власти предводителя лишь для того, чтобы не вполнѣ знакомымъ съ крестьянскимъ „самоуправленіемъ“ читателямъ стало понятно, почему мой товарищъ,—назовемъ его хоть

Ковалевымъ,—всю надежду на благопріятный исходъ нашего предпріятія возлагалъ на предводителя, котораго—также къ примѣру—назовемъ Столбиковымъ. Нужно сказать, что Столбиковъ, когда не состоялъ еще въ предводителяхъ, былъ или, по крайней мѣрѣ, слылъ за человѣка „радикальнаго“ образа мыслей, такъ что мѣстные консерваторы даже всполошились по случаю его избранія; имъ, однако, не долго пришлось безпокоиться, такъ какъ оказалось, что, по избраніи, у Столбикова осталось краснаго—только сафьяновые отвороты его лакированныхъ сапогъ. Но чтобы не отстать отъ вѣка, онъ и въ предводителяхъ не отказывался при случаѣ чуть-чуть полиберальничать, щегольнуть, напримѣръ, своими „симпатіями“ къ „безотвѣтному труженику-народу“, къ „трезвой“ части молодого поколѣнія, къ народнической литературѣ и т. п., благо все это не вредило его карьерѣ, и всѣ эти симпатіи ограничивались на дѣлѣ... изданными имъ картинками къ одному некрасовскому стихотворенію изъ народнаго быта. Но обо всемъ этомъ какъ-нибудь послѣ; теперь же я буду вести рѣчь по порядку.

Ковалеву удалось увидѣть предводителя на именинномъ обѣдѣ, данномъ однимъ изъ ихъ общихъ сосѣдей-землевладѣльцевъ. Разными дипломатическими ухищреніями пріятель мой достигъ того, что заинтересовалъ моей личностью и моимъ намѣреніемъ поступить въ писаря—„для изученія народнаго быта“—какъ все собравшееся общество, такъ и самого Столбикова; подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія и изъ желанія показать себя покровителемъ всякихъ благихъ начинаній, Столбиковъ обѣщалъ Ковалеву дать мнѣ мѣсто писаря, но не иначе, какъ по личномъ со мною знакомствѣ, для чего и просилъ Ковалева передать мнѣ, чтобы я явился къ нему въ непродолжительномъ времени. Возвратясь домой, пріятель мой сообщилъ мнѣ, что ему удалось сдѣлать по моему дѣлу.

— Ты постарайся попасть ему въ тонъ,—это главное.—Если не попадешь, пропало твое дѣло!.. Онъ сумѣетъ подъ какимъ-нибудь благовиднымъ предлогомъ отказаться отъ своего обѣщанія. Полиберальничай, но крайне умѣренно, восхищайся народными порядками, общиной, но осторожно. А главное,

напирай на литературу и на свои, хотя бы и небольшія, „литературныя“ знакомства.

Такъ обучалъ меня Ковалевъ, засыпая; я же долго ворочался съ боку на бокъ, обдумывая, что и какъ я стану говорить завтра моему будущему начальнику.

II.

Предводитель дворянства Столбиковъ.

Отъ имѣнія Ковалева до Борокъ было верстъ 15; я выѣхалъ часовъ въ 10 утра на бѣговыхъ дрожкахъ, по незнакомой мнѣ совсѣмъ дорогѣ; меня, однако, увѣрили, что заблудиться я не могу, такъ какъ дорога одна, и всякій встрѣчный укажетъ мнѣ Борки.

— А какъ подъѣдешь версты за двѣ къ нимъ, то и самъ не ошибешься. Столбиковъ, братъ, выстроилъ себѣ такую дивную штуку, въ такомъ невиданномъ стилѣ, что изъ всѣхъ россійскихъ построекъ это, вѣроятно, единственная въ своемъ родѣ. Впрочемъ, самъ увидишь,—говорилъ Ковалевъ.

Я ѣхалъ держась все на сѣверъ и, наконецъ, увидѣлъ большое село съ двумя, какъ мнѣ издали показалось, церквами. Одна, повидимому, каменная, бѣлѣлась посреди села; другая, темная и мрачная, напоминала скорѣе нѣмецкую кирку и стояла въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ села, саженяхъ въ двухъ стахъ. Мнѣ показалось страннымъ, что церковь стоитъ въ такомъ отдаленіи отъ села (въ Воронежской губ. почти нѣтъ столь обычныхъ на сѣверѣ погостовъ), и я принялся разглядывать постройки, группирующіяся около нея. То не могли быть, однако, дома причта: они были черезчуръ велики; а въ особенности меня смущалъ громадный квадратъ скотнаго двора, расположеннаго налѣво отъ церкви, и тѣнистый, старинный паркъ—направо отъ нея; сама же она стояла на юру, и около нея виднѣлись лишь какіе-то кустики. Но тутъ я замѣтилъ десятка два рабочихъ, ѣхавшихъ съ сохами по направленію къ постройкамъ около церкви; подъѣхавъ, они остановились и стали отпрягать коней... Я догадался, что это помѣщичья усадьба, а не церковь,—и кого же могла быть эта усадьба, если не Столбикова? Меня вѣдь предупреждалъ уже Кова-

левъ, что архитектура главнаго зданія нѣсколько странна, но я никакъ не ожидалъ, что она будетъ въ такомъ родѣ. Деревянный двухъэтажный домъ, одинъ конецъ котораго замыкается полукруглою башней въ три этажа съ большимъ шпилемъ на верху; окна въ родѣ готическихъ, съ откосами по бокамъ и снизу; вдоль гребня высокой и крутой кровли фестончатая рѣшетка; манерно выпяченный балконъ во второмъ этажѣ и стеклянный разноцвѣтный подъѣздъ внизу; отъ башни шло нѣчто въ родѣ оранжереи, покрытой некрупными стеклами въ рамахъ; кругомъ дома дорожки, усыпанныя бѣлымъ пескомъ, клумбы съ цвѣтами и чахлыя, плохо принявшіяся, молодыя деревца. Шпиль, крыша и странной формы окна дѣлали зданіе очень похожимъ на церковь, и, какъ передавали мнѣ, богомолки, мимо ходящія каждой весной въ Кіевъ, набожно останавливались и крестились на обѣ церкви въ с. Боркахъ. Въ паркѣ, о которомъ я уже упоминалъ, имѣется отличный двухъэтажный каменный домъ, весь окруженный живописными куртинами деревъ; въ немъ жили дѣдъ и отецъ Столбикова, но когда, за смертію ихъ, имѣніе перешло въ его руки, то онъ не захотѣлъ жить „въ трущобѣ“, и изъ хозяйственныхъ, какъ онъ объяснилъ, цѣлей поселился на юру, чтобы имѣть возможность безпрепятственно окидывать взоромъ свои три тысячи десятинъ земли, изъ которыхъ, впрочемъ, половина сдана была въ аренду. Башня служила остроумному хозяину обсерваторіей, и онъ съ подзорною трубой въ рукахъ высматривалъ, пашетъ ли какой-нибудь Кузька или куритъ трубку, лежа на брюхѣ въ тѣни телѣги, и если Кузька оказывалъ наклонность къ лежанію на брюхѣ въ неурочное время, то, по возвращеніи съ поля, къ ужасу своему узнавалъ, что уже оштрафованъ конторой имѣнія на полтинникъ. Все это я узналъ уже впослѣдствіи, но никогда не узналъ, во сколько лѣтъ Столбиковъ расчелъ вернуть штрафными полтинниками съ разныхъ Кузекъ тѣ тридцать тысячъ рублей, которые онъ убилъ на устройство своего фантастическаго жилья,—совершенно излишняго при наличности дѣдовскаго, расположеннаго въ прекрасномъ мѣстѣ?...

Я подъѣхалъ къ хлопотавшимъ около сохъ рабочимъ, по-

просилъ одного изъ нихъ привязать куда-нибудь лошадь, а самъ направился къ барскому дому и, послѣ нѣкотораго колебанія, рѣшилъ пойти черезъ разноцвѣтный подъѣздъ. Только что я взялся за стеклянную, изящную ручку, какъ гдѣ-то надъ моей головой поднялся рѣзкій звонъ; я посмотрѣлъ наверхъ, переставъ нажимать на ручку—и звонъ прекратился. „Несомнѣнные признаки цивилизаціи“, подумалъ я, и при новой трели электрическаго звонка вошелъ въ переднюю; но тутъ ожидалъ меня немалый сюрпризъ: вмѣсто лакея или горничной, я увидѣлъ датскаго дога огромной величины. Это чудовище степенно подошло ко мнѣ и своими страшными глазами уставилось на меня... Такъ простояли мы нѣсколько минутъ, и никто не являлся ко мнѣ на выручку; наконецъ, я сталъ взывать: „послушайте, нѣтъ ли тамъ кого-нибудь?“ На зовъ выпорхнула откуда-то дѣвочка лѣтъ девяти, вся въ кисеѣ и, увидавъ меня, спросила: „вамъ папу?“

— Да, — отвѣтилъ я; — но потрудитесь, милая барышня, отозвать сначала эту собачку, иначе я не въ состояніи буду идти къ вашему папѣ.

— Милордъ, ici,—позвала она моего пріятеля, и тотъ величественно удалился въ боковую дверь.

— Вы идите на верхъ по лѣстницѣ, папа тамъ,—говорила дѣвочка.—А горничной у насъ нѣтъ, вчера ушла, а новая еще не пріѣзжала.

Вся лѣстница, по которой я поднялся, была завѣшена различными гравюрами и олеографіями, крайне разнообразными и по содержанію, и по качеству: рядомъ съ старинной, хорошею вещью, висѣла чуть не лубочная картинка; верхняя площадка была также увѣшена картинами, но писанными масляными красками; такимъ образомъ лѣстница была превращена въ домашнюю картинную галлерею.

Первая комната, куда я вошелъ, была прелестно убрана: противъ дверей стоялъ бильярдъ подъ чехломъ; налѣво отъ него, у окна, фисгармонія съ кучей нотъ, покрытыхъ пылью; въ другомъ концѣ комнаты нѣсколько диванovъ, столовъ и креселъ, разбросанныхъ группами тамъ и сямъ, и, наконецъ, въ углу — громадный каминъ. По стѣнамъ висѣли картины, гравюры, оленьи рога, ружья, удочки; на столахъ разброса-

ны были альбомы и иллюстрированные журналы. Въ комнатѣ никого не было, но большая массивная дверь указывала, что рядомъ есть и еще помѣщеніе. Я сталъ кашлять; послышался голосъ, спрашивавшій: „кто тамъ?“—и когда я отвѣтилъ: „А—въ отъ Ковалева“,—ко мнѣ вышелъ мужчина лѣтъ тридцати пяти, невысокаго роста, съ золотыми очками на носу. Онъ былъ одѣтъ въ легкую тиковую поддевку, голубую шелковую рубаху, широкіе полосатые шаровары изъ какой-то восточной матеріи и въ высокіе лакированные сапоги съ сафьяновыми красными отворотами. Окинувъ меня взглядомъ, онъ подалъ мнѣ руку и жестомъ пригласилъ въ сосѣднюю комнату; эта оказалась такой же величины, какъ и первая, но гораздо свѣтлѣе; помѣщавшіеся же въ ней предметы дѣлали изъ нея какую-то кунсткамеру. По стѣнамъ шли шкафы съ книгами; на шкафахъ бюсты различныхъ знаменитостей; у окна—столъ съ химическими и физическими аппаратами: колбы, склянки съ веществами были перемѣшаны съ лейденскими банками, химическіе вѣсы стояли рядомъ съ электрическою машиной, и все это, казалось, успѣло уже заплѣсневѣть отъ мертвеннаго продолжительнаго покоя. Рядомъ другой столъ: на немъ географическія карты, чертежи, краски—и опять все въ полномъ хаосѣ. Еще столъ: на немъ дюжины полторы тарелокъ съ различными сѣменами — я не успѣлъ разглядѣть какими. Наконецъ, письменный столъ, весь заваленный газетами, журналами и разными изящными письменными принадлежностями; около него, на полу, куча книгъ; въ углу комнаты—чучела медвѣдя и двухъ волковъ; подъ потолкомъ парило чучело орла. На одномъ изъ диванов лежалъ какой-то большой альбомъ въ великолѣпномъ переплетѣ, а на немъ, пуская слюни, отдыхала старая легавая собака; еще въ одномъ углу, дальнемъ отъ входа, стояла какая-то штука съ колесами подъ чехломъ... Безпорядокъ въ комнатѣ царилъ ужасный: ни системы, ни вкуса. Видно было, что хозяинъ хватался за все рукой диллетанта и затѣмъ быстро бросалъ, а разъ бросивши, не скоро ужъ возвращался къ брошенному. Я съ любопытствомъ осматривался кругомъ, пока хозяинъ освобождалъ подъ меня стулъ изъ-подъ груды книгъ.

— Прошу садиться. Мнѣ Ковалевъ говорилъ о васъ. Вы хотите поступить въ волостные писаря?

— Да, желалъ бы.

— Что васъ побуждаетъ на этотъ эксцентричный шагъ?

Я постарался, какъ можно убѣдительнѣе, доказать, что теперь, въ виду назрѣвшихъ крестьянскихъ вопросовъ, требующихъ разрѣшенія, и правительству, и обществу необходимы точныя свѣдѣнія о крестьянскомъ бытѣ, а имѣть таковыя возможно лишь при наитѣснѣйшемъ общеніи съ крестьянскою средой; затѣмъ, я сказалъ про себя, что я лично чувствую потребность въ осмысленной работѣ на пользу своего ближняго, и т. д., и т. п. Все это, молъ, заставило меня оставить городъ и перейти въ деревню, но такъ какъ я человѣкъ безъ средствъ, то мнѣ необходимо какое-нибудь занятіе въ деревнѣ—преимущественно по письменной, мнѣ извѣстной, части. А такое мѣсто имѣется лишь одно: мѣсто волостного писаря.

— Это очень хорошо,—и ваше стремленіе служить на пользу младшаго брата и... и проч. Но знаете ли вы, что вамъ предстоитъ?

— Т.-е., въ какомъ смыслѣ?...

— Въ смыслѣ жизненной обстановки. Вы будете получать рублей 30 жалованья,—не больше; вы должны будете вести знакомство со всякою дрянью—со старшинами, писарями и кабатчиками; я, да и всѣ прочіе... начальники при встрѣчѣ съ вами руки вамъ не будемъ подавать, и вы должны стоять въ моемъ присутствіи... Правда, въ нашихъ засѣданіяхъ я велѣлъ ставить старшинамъ и писарямъ стулья—прежде они стояли—но когда васъ будутъ спрашивать, вы должны будете вставать... Словомъ, вы совершенно выйдете изъ... изъ интеллигентной сферы...

Я отвѣтилъ на это, что надѣюсь безъ особаго труда приноровиться къ новой обстановкѣ.

— Да, это, конечно,—говорилъ онъ въ раздумьѣ и потомъ внезапно оживился.—Но не пожелаете ли вы лучше занять мѣсто приказчика или конторщика въ чьей-нибудь экономіи? Я бы могъ похлопотать...

— Нѣтъ, благодарю васъ: сельское хозяйство мнѣ незна-

комо, и занятія въ конторѣ не представляютъ ничего привлекательнаго.

— Но вамъ незнакомо и писарство!.. Вы не знаете, какъ много въ волости самыхъ разнообразныхъ дѣлъ; это очень сложная и отвѣтственная работа.

— Надѣюсь справиться. А чтобы познакомиться съ дѣломъ, я покорнѣйше просилъ бы васъ назначить меня предварительно помощникомъ писаря въ какую-либо волость.

— Да, это будетъ необходимо,—отвѣтилъ онъ, закуривая сигару.—Скажите жъ мнѣ, пожалуйста,—спросилъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія,—что́ вы, однако, думаете: учить народъ или учиться у народа?

Мнѣ ужъ начало становиться неловко отъ его допроса, и потому я коротко отвѣтилъ:

— Изъ моихъ отвѣтовъ вы могли понять,—что ни того, ни другого; я желаю лишь наблюдать и изучать, но не учиться, и не учить.

Онъ смаковалъ сигару, поводя глазами по стѣнѣ; потомъ взялъ клочокъ бумаги и написалъ въ Демьяновское волостное правленіе записку — принять меня въ помощники писаря.

— Вотъ съ этой запиской поѣзжайте въ с. Демьяновское; это недалеко отсюда; васъ тамъ примутъ... Да постойте, я вамъ дамъ экземпляръ „Общаго Положенія“ съ примѣчаніями; вамъ его надо изучить.

Онъ сталъ рыться въ хаосѣ книгъ, лежавшихъ на столахъ, стульяхъ, въ шкафахъ и просто на полу,— но все безуспѣшно.

— Не трудитесь, пожалуйста, Павелъ Ивановичъ... Я гдѣнибудь достану,—замѣтилъ я.

— Нѣтъ, нѣтъ, постойте!.. Вѣдь вотъ тутъ она лежала, куда жъ она могла дѣться? Ну, видно до другого раза; я прикажу поискать. Прощайте!..

— Ну, что?—спросилъ меня Ковалевъ, когда я вернулся домой,—благополучно?

— Не знаю, право,—это покажетъ будущее. Во всякомъ случаѣ—завтра ѣду въ Демьяновское,

И я передалъ ему свой разговоръ со Столбиковымъ.

III.

Первое знакомство съ администрацiей Демьяновской волости.

Демьяновскiй волостной писарь, худой, высокiй человѣкъ лѣтъ 50, кривой на одинъ глазъ, гладко выбритый и остриженный, взялъ у меня запнску Столбикова и долго держалъ ее передъ своимъ единственнымъ окомъ, перечитывая нѣсколько разъ: онъ видимо соображалъ что-то. Я, между тѣмъ, осматривалъ канцелярiю волостного правленiя и находившихся въ ней лицъ, которыя, со своей стороны, тоже пристально разглядывали меня. Комната была о четырехъ окнахъ, высокая, но мрачная отъ большого количества стоявшихъ въ ней черныхъ шкаповъ. У оконъ расположены были три стола: одинъ большой, два поменьше; въ углу, у печки, большой сундукъ, обитый желѣзомъ. У большого стола въ креслѣ сидѣлъ мужикъ лѣтъ сорока, въ синей поддевкѣ, въ сапогахъ съ бураками и съ густо намазанными масломъ рыжими волосами; онъ лѣниво позѣвывалъ, крестя ротъ, и въ антрактахъ между двумя зѣвками барабанилъ толстыми, неуклюжими пальцами по столу. Я догадался, что это не кто иной, какъ демьяновскiй старшина. У одного изъ меньшихъ столовъ сидѣлъ старичокъ, росту небольшого, но, что называется, поперекъ себя шире, — такъ онъ былъ толстъ; волосъ на немъ было очень мало: ото лба до затылка красовалась большая плѣшь, а бороду и усы онъ брилъ, такъ что голова его, при толстыхъ отвислыхъ щекахъ, производила впечатлѣнiе гладко выточеннаго шара. Старый, черный, порванный и до глянцовитости засаленный сюртукъ и синяго цвѣта обтрепанныя брюки составляли его костюмъ. Старичокъ съ любопытствомъ и умильно поглядывалъ на меня, болтая коротенькими ножками, и поминутно нюхалъ табакъ изъ оловянной табакерки, приговаривая: „вотъ такъ ловко“, — и затѣмъ, не торопясь, утиралъ себѣ губы рванымъ, кофейнаго цвѣта платкомъ. Позади меня въ дверяхъ стоялъ, по виду, отставной солдатъ съ шиломъ въ одной и съ рванымъ сапогомъ въ другой рукѣ, и съ неменьшимъ, чѣмъ прочiе, любопытствомъ оглядывалъ

меня: видимо, всѣхъ смущали мое хорошее лѣтнее пальто и касторовая шляпа.

— Павелъ Ивановичъ приказываютъ принять ихъ къ намъ въ помощники,—обратился кривой писарь къ рыжему мужику. Тотъ усиленно забарабанилъ пальцами, потомъ наскоро зѣвнулъ и, наконецъ, промолвилъ:

— Ну, что-жъ, въ добрый часъ!..

— Вы прежде служили гдѣ-нибудь?—обратился ко мнѣ съ вопросомъ кривой.

— По писарской части — нигдѣ. Поэтому и поступаю къ вамъ въ помощники, чтобъ подучиться.

— Потомъ въ волостные писаря думаете поступить?

— Навѣрное не знаю, тамъ дѣло покажетъ...

Писарь нагнулся къ старшинѣ и пошепталъ ему что-то на ухо. Тотъ кивнулъ головой.

— У насъ жалованье второму помощнику положено небольшое, только десять рублей въ мѣсяцъ. Согласны будете?

— Мнѣ все равно,—отвѣтилъ я, по возможности равнодушно.

— Вы изъ чьихъ будете? Откедова? Изъ губерніи?..— спросилъ старшина.

— Это какъ „изъ губерніи“? Я не понимаю.

— Ну, изъ города, изъ Воронежа, что ли?

— Нѣтъ, я не здѣшній.

Всѣ замолчали; видно было, что мои краткіе отвѣты отбили у нихъ охоту производить дальнѣйшій допросъ.

— Когда же мнѣ начать службу?—спросилъ я.

— Когда хотите, хоть сейчасъ,—отвѣтилъ кривой, садясь за столъ и перебирая бумаги.

— Сейчасъ мнѣ нельзя; я пріѣду завтра съ вещами, которыя у меня оставлены въ имѣніи Ковалева. А скажите, пожалуйста, у кого бы мнѣ здѣсь можно остановиться?

— Казенныхъ квартиръ у насъ никакихъ не имѣется, кромѣ арестантской; но вы, вѣроятно, такой квартиры не пожелаете, ха-ха!..

Кривой постарался хохотомъ смягчить дерзость своего отвѣта, но я заранѣе рѣшился на такія выходки не обращать вниманія, и потому спокойно отвѣтилъ:

— Нѣтъ, арестантской мнѣ не нужно; а нѣтъ ли тутъ какого-нибудь постоялаго двора, гдѣ бы я могъ оставить вещи, покуда не найду квартиры?

— Да хотъ у меня на постояломъ,—лѣниво сказалъ старшина.

— Благодарю; до скораго свиданія,—сказалъ я и вышелъ на крыльцо, къ которому была привязана моя лошадъ. Я уже собирался садиться ни дрожки, какъ услыхалъ позади себя старческій сладенькій голосокъ.

— Не знаю, какъ васъ назвать, молодой господинъ...

Я обернулся. Это былъ кубическій старичокъ изъ канцеляріи.

— Меня зовутъ Н. М. Что прикажете?

— Видите ли, таперича мы съ вами въ одной берлогѣ, хе-хе... сидѣть будемъ: я здѣсь тоже помощникомъ вотъ уже пятнадцатый годъ, а передъ тѣмъ, въ 1845 году, поступилъ сюда волостнымъ писаремъ и служилъ девять лѣтъ...

— Извините, пожалуйста, мы какъ-нибудь на досугѣ поговоримъ,—перебилъ я его. — Успѣемъ еще, а теперь мнѣ ѣхать надо; видите,—лошадь не стоитъ.

— Правду, правду изволили сказать, — успѣемъ, хе-хе!.. А хотѣлъ я вамъ предложить, если угодно будетъ, остановиться покуда у меня,--что вамъ на постояломъ дворѣ тамъ дѣлать? Мужичье, скверность одна... А домокъ мой вотъ напротивъ.

Онъ указалъ на маленькій, выбѣленный, въ три оконца домикъ, стоявшій какъ разъ противъ волости. Я пожалъ старичку руку, поблагодаривъ за любезное приглашеніе, и тронулъ лошадь.

На другой день, уложивъ въ чемоданъ свои немногочисленные пожитки, я окончательно распростился съ „культурною“ обстановкой и пустился въ невѣдомые края.

Когда я вошелъ въ сѣнцы маленькаго домика моего будущаго товарища по службѣ, меня встрѣтила высокая, лѣтъ подъ пятьдесятъ, женщина. Она удивленно смотрѣла на меня, на бывшій у меня въ рукѣ чемоданъ и на пару лошадей, стоявшихъ у крыльца. Не дождавшись съ ея стороны вопроса, я самъ объяснилъ, что я новый „помощникъ“, что хозяинъ

этого дома предложилъ мнѣ остановиться у него, и кончилъ вопросомъ: дома ли теперь хозяинъ? Но не успѣла высокая женщина отвѣтить на мой вопросъ, какъ въ сѣнцы, пыхтя, отдуваясь и размахивая кофейнаго цвѣта платкомъ, вкатился самъ хозяинъ.

— Хе-хе,—изволили уже пріѣхать, почтеннѣйшій Н. М.?... Отлично, отлично-съ. Петровнушка, это вотъ молодой господинъ, хорошій господинъ; они къ намъ поступаютъ, я ихъ и прислалъ къ себѣ, покуда что... Ну, квартирку покуда себѣ пріищутъ...

— Да гдѣ они у насъ остановятся? Тѣсно у насъ, негдѣ,— отвѣчала сердито женщина.

— Ну, много ли имъ мѣста надо?.. Они и весь тутъ: какъ нибудь ужъ переночуемъ одну ночку, потѣснимся.

Старичекъ все это говорилъ мягкимъ, виноватымъ тономъ: видно было, что онъ въ своемъ домѣ плохой хозяинъ и теперь почти что раскаивается въ своемъ необдуманномъ проступкѣ—позвать меня къ себѣ безъ разрѣшенія своой—я не зналъ еще, что—родственницы, или жены.

Кое-какъ, однако, устроились, т. е. поставили въ уголъ чемоданъ, на кровать положили подушку и плэдъ, а на гвоздикъ повѣсили пальто. Сѣли; я закурилъ папироску, старичокъ ожесточенно нюхалъ табакъ и поглядывалъ въ окно, не зная, какъ начать разговоръ. Я вывелъ его изъ затрудненія, спросивъ нельзя ли самоварчикъ поставить? съ дороги, молъ, полезно чайку напиться.

— Какъ же, какъ же-съ.-. Въ минуточку будетъ готовъ. А я, старый, изъ ума выживать сталъ,—самъ-то не догадаюсь никакъ... Да это сейчасъ: у меня самоваръ, я вамъ доложу, въ пять минутъ закипаетъ... Вотъ такъ, вотъ, вотъ,— приговаривалъ онъ, наливая воду и кладя уголья.

— Палъ Палычъ, ужъ вы бы не совались, дайте я!..— говорила женщина, стоя въ дверяхъ.

— Ну ужъ, мàта,—нѣтъ, куда тебѣ: ни въ жисть онъ у тебя такъ скоро не закипитъ, какъ у меня.

Женщина вышла, съ сердцемъ стукнувъ дверью. Мнѣ представлялся очень удобный случай изъ разговора съ словоохотливымъ старичкомъ разузнать подноготную Демьяновской

волости; а это было необходимо, чтобы знать, съ кѣмъ будешь имѣть дѣло.

— Вы, Павелъ Павлычъ, передъ чаемъ водочки не выпьете ли со мной для знакомства?—спросилъ я, увѣренный, что за водочкой разговоръ пойдетъ оживленнѣе, чѣмъ за пустымъ чаемъ.

— Ахъ, батюшка вы мой, да спасибо вамъ!.. Это отчего же, можно. Только вотъ... да погодите, я это мигомъ сооружу.

Я далъ ему тридцать копеекъ. Онъ съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ вертѣлъ монеты въ рукахъ и видимо рѣшался на важный шагъ. Наконецъ, озабоченное чело его прояснилось, и онъ, пріотворивъ дверь, звонко крикнулъ.

— Петровнушка, а Петровнушка, выдь-ка сюда! Вотъ молодому господину хочется передъ чаемъ водочки откушать, такъ ты кликни Егоровыхъ Ванюшку—пусть сбѣгаетъ въ кабакъ, да живо: вотъ и деньги. А самъ я не пойду туда,—что тамъ хорошаго!..

Сунувъ деньги въ руку Петровнушкѣ, онъ сталъ хлопотливо заниматься около чайной посуды, какъ бы не замѣчая грозныхъ взоровъ, на него бросаемыхъ.

— Водки, опять водки!.. Затѣйщики! Знаемъ мы васъ: небось сами выпросили денегъ на водку,—говорила она, выходя изъ комнаты.

— Строгая она у меня, хе-хе...—оправдывался Палъ Палычъ.—Не любитъ, когда я съ хорошимп человѣкомъ рюмку, другую выпью; а по старости, знаете, иногда и случается....

Черезъ нѣсколько минутъ оборванный мальчуганъ подалъ въ окно неполную бутылку водки. Палъ Палычъ поднялъ ее на свѣтъ и скорбно покачалъ головой, приговаривая: „на двадцать копеекъ, не больше, чѣмъ на двадцать... Гривенникъ не додала, ох-ох-хо!“..

Усѣлись мы за чай; выпили по одной,—я безъ особеннаго удовольствія, Палъ Палычъ съ блаженной улыбкой на лицѣ. Я не торопилъ его разговоромъ, будучи увѣренъ, что онъ самъ что-нибудь начнетъ разсказывать.

— Чудно мнѣ, добрый мой баринокъ, что это вы вздумали къ намъ поступать... Сейчасъ вѣдь видать, что вы съ высокими людьми знакомы: у господина Ковалева проживать

изволили, отъ самого Павла Иваныча—именитая особа!—рекомендацію доставили. Вѣдь въ столичномъ городѣ проживали?

— Да надоѣло, Палъ Палычъ, въ столицахъ-то жить, захотѣлось и въ деревнѣ побывать, а рукомесла никакого не знаю, кромѣ какъ перомъ по бумагѣ водить; ну, и посовѣтовали мнѣ въ писаря пойти. Можетъ быть, и до волостного изъ помощниковъ дослужусь...

— Какъ не дослужиться, какъ не дослужиться,—вамъ это какъ рукой подать! А только у насъ вамъ трудно будетъ,—не въ такое мѣсто вы попали... У насъ Григорій Ѳедоровичъ, писарь,—охъ; и лютъ же, охъ, и золъ же! Я уже старикъ, мнѣ семьдесятъ третій годъ идетъ, много я на своемъ вѣку послужилъ, самъ въ волостныхъ двадцать шесть лѣтъ пробылъ, ну, а лютовства такого не видалъ. Ненавистникъ онъ, вотъ что!.. Другой человѣкъ ненавидитъ по дѣлу, а этотъ изъ одной ненависти... А что, по рюмочкѣ еще прикажете налить?

— Сдѣлайте долженіе,—а я и забылъ.

Выпили по другой.

— Теперь онъ большую противъ васъ злобу имѣть будетъ: все ему мниться будетъ, что вы на его мѣсто поступите. Дай-то Богъ!.. Тогда и мнѣ, старику, можетъ, полегче станетъ. И все изъ ненависти!.. Получалъ я въ прошломъ году 17 рублей жалованья, а онъ въ нынѣшнемъ году на сходѣ и сбавилъ: довольно, говоритъ, съ него и пятнадцати! А самому тридцати двухъ рублей мало: выпросилъ себѣ пять цѣлковыхъ прибавки,—это мои то кровные рубли къ нему и перешли! На пятнадцать-то какъ проживешь? Все дорого... Всѣ какъ есть, и пятидворные, и старостà, говорятъ: „Палъ Палычу за долгую службу семнадцать“,—а онъ имъ: „не ваше это дѣло,—пятнадцать“. И что я ему сдѣлалъ? Ничего; единственно, какъ я здѣсь третій десятокъ служу,—всѣ меня знаютъ, и уважаютъ многіе именитые люди,—вонъ, Степановскій приказчикъ всегда три копны старновки на топку присылаетъ... купецъ тутъ Махонинъ—пшенца мѣрочку отсыпаетъ къ масляной на блины,—ну, ему это и ненавистно... Такъ то-съ!... А что, достоуважаемый Н. М., по одной еще можно?

— Сдѣлайте одолженіе, кушайте; а я больше не буду.

— Не будете—и отлично. Потому, къ этому снадобью привыкать—одинъ только грѣхъ,—говорилъ онъ, наливая себѣ рюмку снадобья и не замѣчая, что позади его, въ дверяхъ, стоитъ Петровнушка.

— Такъ, такъ,—старый грѣховодникъ,—дорвался, и радъ! Ужо опять никуда годиться не будешь; чѣмъ бы въ волости сидѣть, онъ тутъ водочку попиваетъ! Вотъ Григорій Ѳедоровичъ опять разгнѣвается, откажетъ отъ мѣста, такъ чѣмъ тогда промышлять будешь?

— Ну, ну, Петровнушка, я только одну, и больше ни ни! Да присядь съ нами чайку выпить, они не побрезгаютъ. Это моя хозяйка, Н. М.; лучше матери родной за мной, старикомъ, наблюдаетъ. Я вѣдь двадцать пять лѣтъ уже вдовѣю, дѣтей у меня нѣтъ,—что бы я сталъ дѣлать? Умирать скорѣй, да и только!.. А вотъ съ ней двадцать лѣтъ маемся душа въ душу,—и горя, и радости напрiняли довольно. Ну, побранитъ когда, да за дѣло, за дѣло, а не то что этотъ ненавистникъ... А ты теперь Петровнушка, не горюнься, — у насъ защита будетъ, Н. М. меня въ обиду не дастъ, и мы кривого этого лиходѣя теперь бояться—шабашъ!.. А когда они писаремъ станутъ, тогда меня, старика, и вовсе не обидятъ: я ужъ сейчасъ вижу доброту ихъ душевную...

— Ну, а скажите, Павелъ Павлычъ, каковъ у васъ здѣсь старшина? Хорошій человѣкъ?

— Старшина? Это не настоящій старшина: кандидатомъ срокъ за стараго дохаживаетъ. Вотъ тотъ былъ форменный старшина: строгъ, потачки не любилъ давать, свою линію велъ твердо, такъ что даже кривой съ нимъ сладить не могъ—зато и сгубилъ. Приговоръ тутъ онъ на счетъ кабаковъ сочинилъ... А, впрочемъ, чего я разболтался? Поживете, сами все узнаете. Надо въ правленіе еще сбѣгать: Григорій Ѳедорычъ, должно, сердится... Вы не зайдете сейчасъ, а?

И онъ съ внезапно измѣнившеюся на дѣловой манеръ физіономіей сталъ искать свой платокъ и табакерку, и потомъ, размахивая этими аттрибутами, съ перевалкой побѣжалъ къ волости, не глядя, слѣдую я за нимъ, или нѣтъ.

Войдя въ переднюю при волости, я услышалъ недовольный голосъ писаря; онъ говорилъ Палъ Палычу: „вотъ пустилъ къ себѣ постояльца и будетъ теперь цѣлыми днями пропадать... Чтобъ у меня не было тамъ этихъ штукъ, — шуры-муры! Не очень-то его испугались: всякихъ видали, и не этакихъ!“...

При входѣ моемъ въ канцелярію онъ мелькомъ взглянулъ на меня и потомъ сталъ усиленно щелкать на счетамъ. Я подошелъ къ столу; онъ все какъ бы не замѣчалъ меня. „Здравствуйте, Григорій Ѳедоровичъ“, — говорю. Онъ быстро поднялъ голову и на лицѣ его, жолчномъ и зломъ, старалась показаться какая-то привѣтливая улыбка, но очень неудачно.

— А, это вы? Не знаю, какъ васъ звать... т. е. забылъ, извините. Аккуратно, аккуратно пріѣхали, это хорошо. Гдѣ изволили остановиться?

— Да вотъ у Павла Павлыча.

Старикашка заерзалъ на стулѣ и еще усерднѣе сталъ водить перомъ по бумагѣ; мнѣ стало жаль его, и, чтобы выручить его, я добавилъ:

— Впрочемъ, онъ мнѣ и не предлагаетъ оставаться: говоритъ, что тѣсно будетъ. Надо поискать себѣ неподалеку отсюда какое-нибудь помѣщеніе.

— Вы у Хатунцевыхъ спросите, можетъ быть и пустятъ,— посовѣтовалъ писарь. — Семья хорошая, а домъ—рукой погать, черезъ улицу перейти только. Сегодня ужъ заниматься не будемъ– устраивайтесь, а завтра пожалуйте.

Я послѣдовалъ его совѣту и пошелъ разыскивать Хатунцевыхъ. Пройдя мимо двухъ, трехъ неприглядныхъ избъ, я остановился передъ большой, новой, крытой подъ глину, рѣшивъ, что „хорошая“ семья должна жить и въ хорошемъ домѣ. Разсчетъ мой оказался на этотъ разъ вѣрнымъ. На дворѣ поилъ лошадей высокій, совершенно сѣдой старикъ.

— Дѣдушка, а дѣдушка,—вы не Хатунцевы ли будете?

Старикъ посмотрѣлъ на меня слезившимися отъ старости глазами и отвѣтилъ:

— Не слышу родной, оглохъ. Кричи дюжѣй.

Я повторилъ вопросъ надъ самымъ его ухомъ.

— Хатунцевы будемъ, Хатунцевы. Что надоть?

— Да вотъ, сказали мнѣ, что вы пустите къ себѣ на квартиру.

— На фатеру?.. Ужъ не знаю, родной; сходи вонъ въ ригу, съ Васяткой погутарь: онъ у меня хозяйствуетъ, сынъ-то... Въ ригѣ лошадямъ сѣчку рѣжетъ. Сходи, можа пуститъ.

Я пошелъ къ ригѣ, стоявшей на гумнѣ. „Васятка“, мужикъ лѣтъ пятидесяти, рѣзалъ на особомъ станкѣ солому въ снопахъ, которую подавалъ ему мальчонка лѣтъ девяти. При входѣ моемъ, „Васятка“ взглянулъ на меня искоса, и потомъ сталъ опять крошить солому.

— Здравствуйте, Богъ въ помощь!

— Благодаримъ, - отвѣтилъ онъ, не отрываясь отъ работы.

— Меня батюшка вашъ—вонъ, на дворѣ лошадей поитъ — прислалъ къ вамъ спросить на счетъ квартиры. Пустите меня къ себѣ на квартиру?

Онъ пересталъ работать и, внимательно осмотрѣвъ меня, спросилъ:

— А вы изъ какихъ будете?

— Въ волость, въ помощники къ писарю, опредѣлиться хочу.

— Такъ-съ. Въ писаря, значитъ?

— Да, да. Такъ какъ же на счетъ квартирки-то?

Онъ опять началъ крошить солому; искрошивъ снопъ, отвѣтилъ:

— Тѣсно у насъ, потому — семья; четырнадцать тоже душъ... Да ты одинъ, али съ женой?

— Одинъ какъ есть.

— Коли такъ, то и въ клѣтушкѣ лѣтомъ до осени поживешь, что тебѣ дѣлать-то? А у меня клѣтушка почитай залишняя есть, опорожню—и живи себѣ съ Богомъ. Сѣна тебѣ дамъ, полость можно послать; зима подойдетъ, тогда подыщешь себѣ фатеру настоящую.

— А что возьмешь съ меня, Василій... какъ по батюшкѣ звать?

— Иванычемъ звали... Да что съ тебя взять-то? Сколько тебѣ Григорій Федорычъ жалованья положилъ?

— Десять рублей.

— Ну, вотъ видишь! Что съ тебя взять? И не знаю, право. Кормиться съ нами будешь?

— Извѣстно съ вами,—гдѣ жъ больше?

— Ну, ну, — переходи, живи, — опосля сочтемся. Ты гдѣ теперь стоишь-то?

— У Павла Павлыча,—знаете?

— У Палъ Палыча? Какъ не знать, знаемъ...

Онъ ссыпалъ въ плетушку нарѣзанную солому, взвалилъ ее къ себѣ на плечи и пошелъ къ дому. Я ему крикнулъ въ слѣдъ:

— Такъ я, Василій Иванычъ, завтра перейду?..

— Ну, что жъ, съ Богомъ,—отвѣтилъ онъ на ходу.

IV.

Продолжаю осматриваться на новомъ мѣстѣ.

Переночевавъ кое-какъ у Палъ Палыча, я рано утромъ сталъ „переходить“ къ Хатунцевымъ. Мужиковъ никого дома не было, кромѣ старика, прилаживавшаго крюки къ косамъ; въ сѣнцахъ меня встрѣтила молодуха баба, съ грудным ребенкомъ на рукахъ, очень бойкая и говорливая.

— Куда мнѣ тутъ идти? — спросилъ я. — Хозяинъ вчера обѣщалъ клѣтушку отвести подъ квартиру...

— Такъ это вы писаремъ будете? Сказывалъ, сказывалъ вчерась бачка за ужиномъ; слыхали. Идите за мной, я укажу...

Она повела меня на дворъ. Съ правой стороны его тянулись навѣсы, подъ которыми стояли телѣги, сохи и проч.; въ глубинѣ устроены были загородки для лошадей, коровъ и свиней, а слѣва былъ рядъ клѣтокъ — иныя бревенчатыя, иныя плетневыя. Къ одной изъ нихъ и привела меня молодуха; отворивъ дверь, я оглядѣлъ внутренность моего жилья. Съ боку стояли козлы, на нихъ были положены доски, на доскахъ сѣно, покрытое полостью, т.-е. бѣлымъ войлокомъ въ $1^1/_2$ арш. ширины и $2^1/_2$ длины. По стѣнамъ, на вбитыхъ кольяхъ, висѣли рѣшета, недоуздки, грабли и всякій хозяйственный хламъ. Въ углу стояли пустыя кадушки.

— Тебѣ тутъ очень даже спокойно будетъ!.. Ни тебѣ мухъ, ни ребята сюда не зайдутъ: живи на здоровье.

— Спасибо, спасибо; только вотъ темно,—окошка нѣтъ.

Она засмѣялась.

— Да нешто въ пунькахъ или клѣтяхъ бываютъ оконца? Это вотъ въ клѣтяхъ, что при избахъ стоятъ, ну, тамъ дѣлаютъ. Да тебѣ на что и окно-то? Кабы семья,—а то выспался и пошелъ. Ты платье-то вонъ на колышекъ повѣсъ, дай-ко-сь мнѣ... Ишь, платье-то у тебя хо-орошее, барское. Ты самъ откуда будешь?

— Я, умница, дальній, нездѣшній.

— Дальній?.. Что-жъ, здѣсь сродственники есть, или нѣтъ? Ты гдѣ же жилъ-то до мѣста?

— У Ковалева, Сергѣя Николаевича.

— Сергѣя Николаевича!.. Какъ не знать, батюшка ты мой! Онъ, какъ ѣдетъ на машину, всегда у насъ лошадей беретъ, потому—своихъ жалѣетъ, — тутъ вѣдь пески пойдутъ. Такъ у него жили? Въ приказчикахъ, что-ли?

— Нѣтъ, не въ приказчикахъ, а такъ до мѣста.

— До мѣста; понимаемъ. Онъ баринъ хорошій; какъ не знать, знаемъ: бѣдному человѣку завсегда уваженіе сдѣлаетъ. Когда проѣзжаетъ, нашимъ ребяткамъ всегда двугривенничекъ на крендели даетъ и насъ, бабъ, иной разъ дарить, коль молочка спроситъ напиться.

Словоохотливая баба не переставала разсказывать и разспрашивать, покуда я окончательно не прибралъ своихъ вещей. Когда же я сталъ собираться уходить, то собесѣдница моя заволновалась.

— Ахъ батюшки, я-то съ тобой тутъ закалякалась, а варево еще и въ печь не становила. А я нонѣ вѣдь деньщица... Ты у насъ кормиться-то будешь?

— У васъ.

— Ну, ну,—такъ приходи ужотка-съ завтрвкать. Съ нами снѣдать будешь, аль одинъ?

— Когда съ вами, когда нѣтъ,—какъ дѣла̀ въ волости.

— Извѣстно, извѣстно,—тамъ дѣла̀...

Я ушелъ въ волость. Палъ Палычъ сидѣлъ уже на своемъ мѣстѣ и что-то строчилъ; писаря еще не было. Я подсѣлъ къ старику; онъ на мгновеніе оторвался отъ работы, какъ-то разсѣянно взглянулъ на меня, быстро проговорилъ: „а, а, Н. М., пришли?“ и опять углубился въ писаніе, бормоча: „а

посему... вышеизложенному... честь имѣю донести"... и передвигалъ со строчки на строчку бумаги, которую переписывалъ, футляръ отъ своихъ очковъ, чтобы не перескочить черезъ строку. Тутъ же на столѣ лежало еще нѣсколько бумагъ; верхняя была написана на бланкѣ земской управы. Я хотѣлъ ее взять, чтобы прочесть отъ нечего дѣлать, но Палъ Палычъ, замѣтивъ мое движеніе, быстро схватилъ бумаги и спряталъ въ столъ.

— Нельзя, перепутаете; не люблю я этого. Да и Григорій Ѳедоровичъ увидитъ—сердиться будетъ.

Я на него посмотрѣлъ съ удивленіемъ,—такъ этотъ сухой, дѣловой тонъ поразилъ меня. Позднѣе ужъ я понялъ, что Палъ Палычъ дома за стаканомъ чаю и Палъ Палычъ въ волости—два лица совершенно разныя. Сорока-лѣтняя служба въ волостяхъ сдѣлала изъ него пишущую машину, и только въ домашней обстановкѣ онъ становился похожимъ на самого себя; дома онъ рѣшался и покритиковать начальство, и обругать писаря, и пороптать на судьбу; въ волости же онъ былъ подчиненнымъ, маленькимъ человѣчкомъ—и только. Передъ всякимъ начальствомъ, начиная съ писаря, онъ благоговѣлъ и никогда ему не перечилъ, къ „бумагамъ" относился съ благоговѣніемъ, къ мужикамъ — по начальнически. Но стоило кому-нибудь изъ этихъ мужиковъ сказать: „Палъ Палычъ, брось сердиться, пойдемъ по стаканчику выпьемъ",— какъ на лицѣ Палъ Палыча показывалась широкая, радостная улыбка, и онъ говорилъ: „ахъ, другъ ты мой, спасибо, что старика вспомнилъ! Чтожъ, пойдемъ,—стаканчикъ отчего не выпить". Они шли, и дорогой Палъ Палычъ ругалъ и волость, и службу свою „анаѳемскую", и писаря. Но, возвратившись изъ заведенія, Палъ Палычъ мгновенно облекался въ суровую оболочку дѣльца и на своего же пріятеля обрушивался примѣрно такой тирадой: „дуракъ, такъ дуракъ и есть! Сказано, нельзя этого сдѣлать. Ступай къ становому— одна дорога, дубина ты этакая, пойми ты! До вечеру мнѣ съ тобой говорить, что ли?" и т. д.

Таковъ былъ Палъ Палычъ. Впослѣдствіи я привыкъ къ этимъ переходамъ отъ дружескаго тона къ дѣловому, и никогда не заговаривалъ съ нимъ въ волости; но въ данную ми-

нуту я никакъ не могъ понять, чѣмъ это я разобидѣлъ моего добродушнаго старикашку? Въ это время, въ канцелярію вошелъ „самъ писарь“. Я привсталъ немного и подалъ ему руку. Онъ сказалъ: „а, вы уже здѣсь?“ и, сунувъ мнѣ свои холодные пальцы, прошелъ къ своему мѣсту. Минутъ пять длилось молчаніе.

— Вотъ вамъ бумага, снимите вотъ съ этого предписанія копію, – сказалъ, наконецъ, писарь, протягивая ко мнѣ бумагу, но не глядя на меня.

Я взялъ бумагу – полъ-листа – и циркулярное предписаніе исправника о починкѣ гатей и мостовъ, и сталъ переписывать его съ дословною точностью. Окончивъ, я отступилъ на палецъ и сдѣлалъ подпись исправника, а затѣмъ понесъ свою работу показать писарю. Въ это время въ канцелярію вошелъ мужчина въ бѣломъ кителѣ; онъ держалъ въ одной рукѣ клеенчатое кепи, а въ другой—классическую нагайку. Я сейчасъ же догадался, что это мѣстное начальство,—урядникъ. Онъ развалисто подошелъ къ писарю и, пожавъ ему руку, небрежно протянулъ ее потомъ Палъ Палычу, который, привставъ, взялъ ее, потрясъ и спросилъ: „а, а, Харитонъ Никитычъ, здоровы ли себѣ?“—Но Харитонъ Никитычъ не разслыхалъ, должно быть, этого вопроса, потому что занятъ былъ разглядываніемъ моей особы; я вертѣлъ папиросу.

— А это кто такой-съ?– обратился „онъ“ къ писарю.

— Новый помощникъ мой! Развѣ не слыхали? Да-съ, видите, господинъ хоть куда, а къ намъ на десять рублей пошелъ. Должно быть, охота—пуще неволи!..

Какъ ни старался я сохранять хладнокровіе, но не сдержался.

— Что вамъ за дѣло, господинъ Ястребовъ, по охотѣ я или по неволѣ пошелъ къ вамъ? Если я пошелъ сюда, то единственно по указанію Павла Ивановича, а вовсе не изъ желанія познакомиться съ вами,— въ этомъ вы можете быть увѣрены.

— Ох-хо-хо, какъ строго!.. Испугались очень! — отвѣтилъ Ястребовъ, хотя и вполголоса.—Конечно, еслибъ не рекомендація Павла Ивановича, то никогда вамъ и не бывать тутъ: кто васъ знаетъ, кто вы такой?

— Для этого,— говорю,— существуетъ полиція, обязанная

удостовѣриться въ моей личности,—если удостовѣренія Павла Иваныча мало...

И я, вынувъ изъ бокового кармана бывшій всегда при мнѣ видъ мой, подалъ его урядннку; тотъ поклонился, улыбаясь, и подалъ мнѣ руку.

— Ахъ, зачѣмъ же-съ?.. Позвольте познакомиться,—мѣстный урядникъ-съ... Такъ въ наши края на жительство-съ?

— Да, на жительство.

— Вы ужъ позвольте бумагу вашу къ г. приставу свезть. Я сейчасъ къ нимъ ѣду,—у крыльца и лошадь стоитъ,—такъ кстати ужъ и свезу... Нельзя-съ, сами изволите знать—времена ныньче какія строгія пошли!..

— Сдѣлайте одолженіе, только не потеряйте.

— Ка-акъ это можно-съ! Вѣдь документъ!.. Мы сами—хоть люди и не очень образованные, а все-таки понимать можемъ-съ...

Я ему ничего не отвѣчалъ, а обратившись къ писарю, подалъ ему свою работу со словами: „я кончилъ“.

— Хорошо, подождите,—былъ отвѣтъ.

Онъ неторопливо сталъ дописывать страницу. Понявъ, что это съ его стороны „фортель“,—чтобы заставить меня стоять передъ нимъ въ ожиданіи его резолюціи, я отошелъ къ своему мѣсту и сѣлъ; онъ съ сердцемъ взялъ мое писаніе и сталъ читать. Дойдя до конца и посмотрѣвъ на подпись, онъ насмѣшливо скривилъ губы и ѣдко захохоталъ.

— Ха, ха! Разнымъ наукамъ обучаться изволили, а не знаете, какъ копію снять! Пожалуйте сюда, полюбуйтесь, Харитонъ Никитычъ: новый исправникъ у насъ появился, ха, ха!.. Подпись-то не въ строку сдѣлана!.. Развѣ такъ пишутъ?

Его нахальство вывело меня изъ терпѣнія. Я рѣзко ему замѣтилъ, что не терплю такого обращенія, что совѣтую ему попридержать свой языкъ и говорить лишь то, что требуется по службѣ. Этотъ отпоръ послужилъ мнѣ въ пользу: Ястребовъ уже не позволялъ себѣ впослѣдствіи такихъ „начальническихъ“ выходокъ и сдѣлался вообще сухо вѣжливъ.

Возвращаюсь, однако, къ первому моему знакомству съ урядникомъ. Въ тотъ же день, когда я сидѣлъ вмѣстѣ съ

семьей Хатунцевыхъ за обѣдомъ и разсказывалъ имъ кое-что о себѣ, въ избу вошелъ урядникъ.

— Хлѣбъ соль... А я опять къ вамъ съ докукой, почтеннѣйшій Н. М.

Мужики привстали изъ-за стола и начали кланяться.

— Харитонъ Никитычъ, милости просимъ, пожалуйте съ нами обѣдать!..

— Некогда, благодарю покорно. Къ вамъ дѣльце есть,— обратился онъ ко мнѣ.—Пожалуйте сюда на пару словъ.

Я вышелъ за нимъ въ сѣнцы.

— Господинъ становой приставъ приказали вамъ сейчасъ къ нимъ пожаловать. Очень нужно-съ.

— Хорошо, я пойду, какъ пообѣдаю. Но для чего было изъ-за стола меня звать!.. А гдѣ онъ живетъ,—приставъ?

— А вотъ, какъ перейдете мостикъ, на правой рукѣ и будетъ ихъ домъ; сразу узнаете. Такъ вы ужъ поскорѣе,— я буду въ надеждѣ, потому—строго приказали-съ.

— Хорошо, хорошо. Пообѣдаю и пойду.

Я опять сѣлъ за столъ; онъ еще помялся въ сѣнцахъ и, опять пріотворивъ дверь, повторилъ убѣдительнымъ шопотомъ: „такъ вы ужъ пожалуйста!“...

Встревоженные нежданнымъ визитомъ урядника, мужики молча хлебали квасъ и посматривали на меня; наконецъ, Василій вскользь замѣтилъ:

— Должно дѣла?..

— Да, становой что-то зоветъ къ себѣ.

— Такъ. Ухъ, и становой же!..

— А что?

— Строгъ. Харитонъ Никитычъ, или другой тамъ урядникъ, какой не угодитъ,—онъ прямо по щекамъ, а десятскихъ такъ плетью лущитъ... Нѣтъ, у этого не забалуешься! Который къ нему ежели десятскій назначенъ, такъ чуть не молебны служитъ, идя въ очередь.

— Чтожъ у него десятскіе дѣлаютъ?

— Разное; что прикажутъ, то и дѣлаютъ: по домашней части, или по хозяйству,—что потребуется. Посѣвами они занимаются тоже...

Хозяинъ замолчалъ, боясь сказать лишнее. Впослѣдствіи я

самъ былъ свидѣтелемъ такого эпизода. Сижу въ волости, тутъ же и старшина отъ скуки позѣвываетъ; входитъ волостной сторожъ и говоритъ:

— Матвѣй Иванычъ! Костюха отъ станового пришелъ,— говоритъ—прогнали, не годится, потому малъ...

— Чѣмъ тамъ малъ? Для-ча не годится? Какихъ ему еще десятниковъ надо?..

— Не могу знать. Только, говоритъ, у него молотьба нынче, такъ мужика ему заправскаго пришлите, а энтому всего 15 лѣтъ, онъ и цѣпа не подыметъ... А какое не подыметъ: онъ завсегда дома молотитъ!

Послали другого десятскаго, мужика; хоть и не въ очередь, а пошелъ, потому что шутки съ становымъ плохи.

Въ другихъ станахъ, гдѣ пристава сельскимъ хозяйствомъ не занимаются, они получаютъ отъ каждой волости, входящей въ составъ стана, 25—35 рублей въ годъ на наемъ постояннаго десятскаго; понятно, что всѣ обязанности такового—позвать кого-нибудь, отнести бумагу—исполняетъ мальчуганъ лѣтъ 14-ти, которому въ дѣйствительности платится становымъ рубля 2—3 въ мѣсяцъ, такъ что отъ суммы въ 100—125 руб., получаемой съ волостей, остается „въ экономіи“ недурненькій кушъ.

Послѣ обѣда я пошелъ представляться по начальству. Про домъ станового незачѣмъ было и спрашивать, такъ онъ выдѣлялся изъ общей массы крестьянскихъ избъ. На крыльцѣ съ навѣсомъ, въ родѣ террасы, обставленномъ цвѣтами, сидѣлъ пожилой мужчина въ бѣломъ кителѣ на распашку и курилъ большую самокрученную папиросу. У крыльца стоялъ съ шапкой въ рукахъ мужикъ и о чемъ-то просилъ, низко кланяясь. При моемъ приближеніи, мужчина въ кителѣ крикнулъ мужику: „отойди прочь, постой тамъ,—тогда позову“. Мужикъ продолжалъ стоять у крыльца, приговаривая: „ужъ вы, батюшка, ваше благородіе“... но, замѣтивъ энергичный жестъ руки его благородія, поспѣшно отретировался. Я поклонился; становой смотрѣлъ на меня, попыхивая папироской.

— Я новый помощникъ писаря; урядникъ сказалъ мнѣ, что я вамъ нуженъ.

— Да, я хотѣлъ спросить—кто вы такой?

— Странный вопросъ... Изъ моего вида вы могли въ подробности узнать, кто я такой.

Онъ помолчалъ, соображая что-то, потомъ усмѣхнулся.

— Да, паспортъ... Ныньче паспорта, гм... Какъ вы сюда попали?

— Очень просто: по назначенію или, правильнѣе сказать, по рекомендаціи уѣзднаго предводителя, Павла Ивановича Столбикова.

Сцена нѣсколько измѣняется. Меня приглашаютъ сѣсть, и, хотя настойчиво, но ужъ вѣжливо разспрашиваютъ,—кто я, чѣмъ занимался прежде, и проч. Я немногосложно отвѣчаю. Наконецъ, меня просятъ написать на бумажкѣ свое званіе, имя и фамилію, а документъ возвращаютъ обратно. Я съ улыбкой замѣчаю:

— Справки будутъ наводиться?.. Напрасный трудъ...

— Нѣтъ-съ, это такъ, одна формальность,—замѣчаетъ онъ, успокоительно улыбаясь.

Аудіенція кончается, и я ухожу, удостоенный на этотъ разъ пожатія начальнической руки.

V.

Не осмотрѣвшись, однако, впутываюсь въ кляузу и покидаю Демьяновское.

Такимъ-то образомъ завелъ я знакомство съ начальственными особами; теперь, по моему мнѣнію, оставалось заняться дѣломъ, т.-е. знакомиться съ сельскимъ людомъ, наблюдать и изучать его жизнь и быть ему полезнымъ, по мѣрѣ силъ своихъ, словомъ и дѣломъ. Но, странная вещь, хотя я и жилъ въ клѣтушкѣ у заправскаго мужика, обѣдалъ и ужиналъ вмѣстѣ съ его семьей, за что платилъ ему три рубля въ мѣсяцъ, хотя я служилъ въ мужицкомъ присутствіи, занимаясь исключительно мужицкими дѣлами,—но самъ мужикъ былъ ко мнѣ не ближе, чѣмъ былъ въ Петербургѣ, и волна народной жизни не касалась меня въ своемъ бѣгѣ. Мужикъ кормилъ меня, но постоянно давалъ чувствовать, что общеніе наше съ нимъ случайно и безрезультатно: я былъ для него

чиновникомъ чужого вѣдомства, до него никакого касанія не имѣющаго. На мои вопросы онъ отвѣчалъ лѣниво, неохотно, считая ихъ къ своему дѣлу не идущими, и поддерживалъ со мной разговоръ все больше на благородныя, по его мнѣнію, темы: разсказывалъ о сосѣднемъ приказчикѣ, о бывшемъ старшинѣ, о свадьбѣ, недавно состоявшейся у мѣстнаго попа, о писаряхъ и проч.; онъ дѣлалъ это совершенно естественно, изъ любезности, желая мнѣ доставить удовольствіе и рѣшительно не допуская мысли, чтобы я, писарь, горожанинъ, вообще—не мужикъ—могъ безкорыстно и безхитростно интересоваться мужицкими дѣлами; и это обстоятельство, что онъ—мужикъ, а я—не мужикъ, давало себя постоянно чувствовать и воздвигало между нами непроницаемую стѣну, раздѣлявшую весь міръ, все человѣчество, всѣ интересы, всѣ вопросы и злобы дня на двѣ группы,—мужичью и не мужичью. Такое міровоззрѣніе заслуживаетъ да и заслужило уже, до извѣстной степени, подробнаго изученія, но и я надѣюсь вернуться когда-нибудь къ этой оригинальной страницѣ изъ исторіи стремленія интеллигенціи къ общенію съ народомъ; теперь же упомяну только, что я чувствовалъ себя очень скверно нѣкоторое время, покуда не постарался утѣшить себя мыслью, что въ положеніи младшаго помощника писаря нельзя свободно дѣйствовать, и что я необходимо обреченъ на глупую канцелярскую работу безъ всякаго живого дѣла, впредь до полученія мѣста волостного писаря; тогда, думалось мнѣ, дѣло будетъ другого рода: тогда у меня развяжутся руки, вырастутъ крылья, и мнѣ представится полный просторъ для моей честной и плодотворной дѣятельности... Наивныя мечты!

Такъ или иначе, а послѣдняя мысль утѣшила меня и вдохнула мнѣ бодрость переносить мое глупое положеніе. А глупаго въ моемъ положеніи было предостаточно: я прибылъ дѣлать живое дѣло, а мнѣ давалось переписывать донесеніе о пропавшей у крестьянина Митина кобылѣ, поручалось нарѣзать конвертовъ, задѣлать почту, подшить бумаги къ дѣламъ, составить описи къ нимъ,—словомъ, на меня возложена была самая неинтересная канцелярская черная работа, которой, кстати сказать, была цѣлая бездна. Связи и смысла въ мо-

ихъ работахъ не было никакихъ, и почему одно дѣлается такъ, а другое—иначе, я совершенно понять не могъ; механизмъ крестьянскаго самоуправленія оставался для меня такъ же скрытымъ, какъ и въ то время, когда я былъ въ Петербургѣ, а денежныхъ приходо-расходныхъ книгъ Ястребовъ мнѣ и въ глаза не показывалъ. Я очень хорошо понималъ, что все это онъ дѣлаетъ мнѣ на зло, что нарочно меня держитъ на черной работѣ, въ надеждѣ, что я не вытерплю и удалюсь подобру-поздорову; но я рѣшился все это претерпѣть и добиться таки своего, т.-е. познакомиться съ дѣлопроизводствомъ въ правленіи; поэтому, во время отлучекъ самого Ястребова, я бралъ изъ шкафа дѣла и разсматривалъ бумаги, слѣдя, какое исполненіе производилось по тѣмъ или другимъ требованіямъ или предписаніямъ различныхъ вѣдомствъ и лицъ. И какая же масса разношерстнѣйшихъ вѣдомствъ и пачальствующихъ лицъ обращается въ волостное правленіе съ требованіемъ немедленнѣйшаго исполненія своихъ приказаній! Уѣздное по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе, уѣздная и губернская земскія управы, воинское присутствіе, училищный совѣтъ, дворянская опека, полицейское управленіе, казенная палата, губернское правленіе, палата государственныхъ имуществъ, казначейство, мировой съѣздъ и мировые судьи, исправникъ, непремѣнный членъ, становой, судебный слѣдователь, судебный приставъ, губернскій статистическій комитетъ, агентъ земскаго страхованія, и проч. и проч.--все это и всѣ эти пишутъ: „немедленно доставить“, „безотлагательно распорядиться“, „съ нарочнымъ донесть“, „лично явиться“, разыскать, составить, оцѣнить, выслать, описать, изслѣдовать, „имѣть наблюденіе“, и т. д., до безконечности... У меня, въ началѣ, въ глазахъ зарябило, и я отчаявался когда-либо понять всю эту премудрость; съ укоромъ глядѣлъ я на 90 и 91 ст. Общаго Положенія, въ которомъ говорится о четырехъ книгахъ, имѣющихъ быть въ волостномъ правленіи, и сравнивалъ эту ничтожную цифру съ тѣми 38 книгами, которыя велись въ нашемъ правленіи, и въ числѣ коихъ однихъ денежныхъ было шесть!.. Меня, однако, утѣшалъ Палъ Палычъ, говорившій, что „не такъ страшенъ чортъ, какъ его малюютъ“, и что единственныя вещи, кото-

рыя надо хорошо знать—это веденіе денежныхъ книгъ, земское страхованіе отъ огня и составленіе призывныхъ списковъ на военную службу. Но я продолжалъ унывать, какъ вдругъ мой патронъ Ястребовъ самъ, противъ своей воли, улучшилъ мое положеніе.

Однажды, вернувшись скорѣе, чѣмъ предполагалось, съ одной изъ своихъ поѣздокъ по волости, онъ засталъ меня на мѣстѣ преступленія, т.-е. разбирающимъ бумаги, подлежавшія исполненію. Съ сердцемъ взялъ онъ ихъ у меня и, бормоча какія-то ругательства, заперъ въ шкапъ, а потомъ напустился на бѣднаго Палъ Палыча, грозя, что онъ прогонитъ его, если онъ дозволитъ мнѣ еще разъ рыться въ бумагахъ. „Тутъ можетъ пропасть что-нибудь, а я отвѣчай за всякаго“... Я рѣшилъ написать Столбикову, что не имѣю никакой возможности научиться чему-нибудь у Ястребова, что онъ мнѣ ничего не показываетъ, заставляя только дѣлать конверты. Послѣдствіемъ моего письма было приказаніе Ястребову — познакомить меня со всѣми дѣлами и съ веденіемъ денежныхъ книгъ; послѣ этого распоряженія, Ястребовъ сильно упалъ духомъ, пересталъ ломаться надо мной и хотя ничего не разъяснялъ, но позволялъ, сколько-угодно, рыться въ книгахъ и дѣлахъ.

— Нажаловались на меня,— говорилъ онъ,— что я заставляю васъ одни конверты дѣлать...

— И конверты умѣть дѣлать не мѣшаетъ, — отвѣчалъ я ему въ тонъ; — но странно было бы, еслибъ я забрался къ вамъ за тысячу верстъ съ одною цѣлью — научиться дѣлать конверты!..

Такъ шли мои канцелярскія занятія; ну, а знакомство съ народомъ, изслѣдованіе его быта, и проч.? Это, какъ я уже говорилъ, вполнѣ отсутствовало. Я, дѣйствительно, сблизился съ моими хозяевами настолько, что они перестали стѣсняться въ моемъ присутствіи, но въ послѣднее время моего пребыванія въ Демьяновскомъ я ихъ вовсе мало и видѣлъ, потому что наступила уборка хлѣба, и они по цѣлымъ недѣлямъ, отъ воскресенья до воскресенья, проживали на полѣ, а если и пріѣзжали домой, то только чтобы поужинать, лечь спать и на завтра встать часа въ два ночи и опять ѣхать на

поле; съ другими же крестьянами я вовсе не могъ сходиться, потому что для этого не представлялось никакихъ удобныхъ случаевъ. Въ волость всякій приходилъ за своимъ дѣломъ, крестился на образа, кланялся всѣмъ присутствовавшимъ и начиналъ говорить объ интересующемъ его предметѣ: чаще всего это была жалоба на кого-нибудь. Въ такомъ случаѣ слѣдовало подробное изложеніе обиды съ безчисленными отступленіями, прерываемыми нетерпѣливыми окриками писаря: „короче, говори толкомъ,—въ чемъ же дѣло?“ Изъ словъ жалобщика всегда оказывалось, что обидчикъ его кругомъ виноватъ, что онъ воръ, мошенникъ и разбойникъ. Конечно, легко было замѣтить, что нѣкоторыя обвиненія черезчуръ преувеличены и даже противорѣчатъ одно другому, такъ что весь разсказъ иногда казался сомнительнымъ, и приходилось съ горечью сознаваться, что эти „разсказы изъ народнаго быта“ правильнаго понятія о самомъ бытѣ не дадутъ. Еще приходили брать паспорта, получать и взносить деньги, свидѣтельствовать расписки и проч.; словомъ, въ волости мы, служащіе, были заняты совершенно сухо оффиціальнымъ дѣломъ, дававшимъ очень мало пищи для наблюденій. Когда же случалось, очень впрочемъ рѣдко, разговориться съ кѣмъ-нибудь, то лишь рѣчь заходила о народномъ бытѣ, разсказчикъ начиналъ обыкновенно говорить такъ: „извѣстно,—какъ лучше! Еще бы, какъ можно!.. А и такъ сказать, гдѣ-жъ намъ: мы народъ темный, а вы ученые... По маленьку, слава Богу“,—и проч. въ такомъ же отрывочно-непонятномъ родѣ. Сначала я думалъ, что именно моя личность и именно мое неумѣніе разговоры разговаривать производятъ такое отталкивающее впечатлѣніе на мужиковъ; но впослѣдствіи я убѣдился, что сюртучникъ и лапотникъ—два взаимноотталкивающіеся элемента, и никакихъ общихъ интересовъ, по мнѣнію лапотника, въ данное время не имѣютъ; если же сюртучникъ представляетъ изъ себя хотя бы самое микроскопическое начальство, въ родѣ волостного писаря или письмоводителя станового, то всякій трезвый крестьянинъ старается по возможности укрыть все свое нутро, свои помыслы, желанія и надежды отъ взоровъ этого представителя ненавистнаго крапивнаго племени, не умѣя въ представленіи своемъ отдѣлять

личность отъ занимаемой ею должности, и думая обо мнѣ, наприм., не какъ о человѣкѣ, Н—ѣ М—чѣ, его кумѣ и пр., а непремѣнно какъ о писарѣ; пьяный же мужикъ нерѣдко ругается и придирается, вымещая на попавшемся ему поперекъ дороги сюртучникѣ старинныя обиды, когда-нибудь нанесенныя ему другими сюртучниками и „стрюцкими“. Эта любопытная особенность народной жизни, это многовѣковое убѣжденіе народное, что сословіе стрюцкихъ—особь статья, а „хрестьянскій народъ“— тоже особь статья,—этотъ камень преткновенія для интеллигенціи въ ея стремленіи къ сближенію съ лапотнымъ міромъ будетъ еще долго служить темой для изслѣдованія и изученія, и я ограничиваюсь здѣсь только бѣглымъ указаніемъ на существующую испоконъ вѣка странную, на первый взглядъ, но совершенно понятную, съ народной точки зрѣнія, вѣковую сословную рознь.

Итакъ, приходилось довольствоваться тѣмъ матеріаломъ для наблюденія, какой представляли изъ себя волостные заправители и близко стоявшій къ нимъ людъ. Писарь Ястребовъ былъ пришлый, хотя уже обжившійся въ Демьяновскомъ человѣкъ; происходилъ онъ изъ кантонистовъ и въ молодости былъ спеціально подготовляемъ къ писарской карьерѣ; затѣмъ служилъ двѣнадцать лѣтъ военнымъ писаремъ въ полковой канцеляріи и, наконецъ, получивъ, по случаю бѣльма на глазу, чистую отставку, при помощи какого-то покровительствовавшаго ему начальства водворился въ Демьяновскомъ, гдѣ, къ началу моего разсказа, благополучно доживалъ девятый годъ. Характеристиченъ анекдотъ, который мнѣ о немъ разсказывали.

Когда онъ служилъ старшимъ писаремъ въ полковой канцеляріи, то на его, конечно, обязанности лежало писаніе отпусковъ, отставокъ и проч. Ни одинъ увольняемый не могъ миновать острыхъ когтей Ястребова, всегда умѣвшаго подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ—въ случаѣ непокорности солдатика — затянуть выдачу билета на недѣлю и больше; понятно, что всякій, желая поскорѣе вырваться изъ душныхъ казармъ на милую родину, отдавалъ послѣднее, лишь бы развязаться со „старшимъ“.—„Прихожу это я,—повѣствуетъ одинъ солдатикъ, — въ канцелярію за билетомъ. Не готовъ,

говоритъ, приходи завтра. Прихожу назавтра—не подписанъ, говоритъ. Что ты будешь тутъ дѣлать?.. Ажъ затосковалъ я; ну, товарищъ мой одинъ,—дай Богъ ему добраго здоровья,—и научилъ: „ты, говоритъ, поклонись старшому писарю, да и отблагодари его, а то недѣлю цѣлую промаешься“. А чѣмъ я его буду благодарить, когда у меня два двугривенныхъ всего и капиталу?.. Ну, всежъ-таки я не сробѣлъ, подхожу къ нему и говорю: такъ и такъ, Григорій Ѳедорычъ, ужъ вы меня не задержите!.. А онъ-то и спрашиваетъ: что дашь? Ничего у меня нѣтъ, говорю, вотъ два двугривенныхъ на дорогу есть, да и всѣ тутъ. Покачалъ это онъ головой, посмотрѣлъ мнѣ на ноги,—и говоритъ: иди за мной. Пошелъ я. Приводитъ онъ меня къ себѣ на фатеру и говоритъ: скидай сапоги. Взяло меня тутъ сумлѣніе. — Господи ты Боже мой, чтожъ это будетъ?—Одначе снялъ.—Выбирай, говоритъ, изъ этихъ, какіе тебѣ по ногѣ... И показываетъ мнѣ — вдоль стѣнки паръ двадцать сапоговъ стоятъ, и все худые, должно на рынкѣ, самые, что ни на есть дешевые выбиралъ. — Батюшка, говорю, да мнѣ триста верстъ идти, не выдержатъ эти-то! — Какъ хочешь, говоритъ, я не принуждаю. А самъ смѣется... Подумалъ я, подумалъ, была не была, отдалъ ему свои сапоги — четыре съ полтиной по тогдашнимъ цѣнамъ стоили,— новые какъ есть, и взялъ себѣ пару изъ его магазея: красная цѣна сапогамъ три четвертака!.. Ну, врать не хочу, благородно опосля этого онъ обошелся, въ тотъ же день и билетъ выдалъ, значитъ—ступай на всѣ четыре стороны“...

Хищническіе инстинкты Ястребова, конечно, не замерли въ Демьяновкѣ, а только видоизмѣнились. Ни одно хлѣбное дѣло не проходило черезъ его руки безнаказанно: кабатчики и не являлись за засвидѣтельствованіемъ общественнаго приговора безъ большей или меньшей, смотря по доходности кабака, мзды для Григорія Ѳедоровича; торговцы, при предъявленіи документовъ въ началѣ новаго года, также не забывали отблагодарить „нужнаго человѣка“; всякіе приговоры, взысканія по исполнительнымъ листамъ, мало-мальски цѣнные иски въ волостномъ судѣ—все это оплачивалось извѣстнымъ $^{0}/_{0}$ въ пользу Ястребова,—и благосостояніе его замѣтно

росло. При тридцати-восьми рублевомъ жалованьи онъ ухитрялся хорошо одѣвать свое семейство изъ шести душъ, воспитывать старшаго сына въ прогимназіи и жить, вообще, въ достаткѣ. Я его засталъ строющимъ себѣ домъ о четырехъ комнатахъ, среди села Демьяновскаго, на общественной усадьбѣ, отведенной ему обществомъ въ награду за полезную службу—въ вѣчное пользованіе; нынѣ онъ преблагополучно уже жительствуетъ въ своемъ новомъ домѣ. Но, какъ ясное солнце закрывается иногда тучами, такъ и въ безмятежномъ житьѣ Ястребова былъ ненастный періодъ: предшественникъ настоящаго старшины оказался человѣкомъ алчнымъ, властолюбивымъ и самостоятельнымъ. Съ самаго же начала его служенія, у него пошли „контры“ съ писаремъ: онъ пожелалъ перехватить тѣ куши, которые, по привычкѣ, плыли въ руки къ Ястребову. Дѣло въ томъ, что прежніе старшины, смирные и безграмотные, были совершенно въ рукахъ у писаря и довольствовались тѣми лишь крупицами, каторыя онъ находилъ нужнымъ отпускать имъ; этотъ же старшина, Живоглотовъ, понадѣясь на свою грамоту и не умѣя соразмѣрять своего аппетита съ умѣніемъ жить, сталъ вырывать у Ястребова куски прямо изъ-подъ носу; тотъ тщетно старался его урезонить, бранился, ссорился, но все напрасно: наконецъ, послѣ года мученій, онъ рѣшился поддѣть самого старшину на удочку, что не было трудно, — въ виду разыгравшагося у Живоглотова аппетита. Благодаря стараніямъ Ястребова, выплыло наружу дѣло о подложно составленномъ приговорѣ касательно сдачи кабаковъ въ селѣ Демьяновскомъ племяннику старшины; при другихъ обстоятельствахъ, дѣло могло бы остаться шитымъ-крытымъ, — пришлось бы только раскошелиться, ведеръ десять поднести обществу, да раздать главнѣйшимъ міроѣдамъ по синенькой. Но вступился Ястребовъ, донесъ куда слѣдуетъ, заварилась каша, и Живоглотовъ угодилъ на полтора года въ арестантскія роты. Ястребовъ торжествовалъ, будучи увѣренъ, что участь Живоглотова послужитъ урокомъ для будущихъ старшинъ, однако ошибся нѣсколько въ расчетѣ.

Дѣльцовъ новѣйшей формаціи можно сравнить съ насту-

пающими полчищами не окрылившейся саранчи: раскладываютъ огни, копаютъ канавы, чтобы задержать ея ходъ—все напрасно: передовые гибнутъ ужасною смертью, но многочисленные трупы ихъ тушатъ огонь и засыпаютъ канавы, и вторые ряды, не ужасаясь сценами едва ли даже замѣченной ими агоніи, бодро шествуютъ по ихъ тѣламъ туда, куда влечетъ ихъ инстинктъ. Ссылка Митрофаніи, Овсянникова, Юханцева—не испугала Рыкова, Мельницкаго и Свиридова; участь Живоглотова не устрашила преемника его, Матвѣя Иваныча, который хотя и не обладалъ безмѣрною алчностью Живоглотова, но тоже не любилъ упускать своего и поэтому тоже сталъ въ несовсѣмъ пріязненныя къ Ястребову отношенія. Я скоро замѣтилъ ихъ антагонизмъ, тѣмъ болѣе, что старшина какъ будто заискивалъ немножко у меня, какъ у своего естественнаго союзника, и даже успѣлъ меня затянуть, совершенно для меня незамѣтно, въ интригу противъ писаря; интересы ихъ сталкивались, конечно, и ранѣе, но слѣдующій случай окончательно обострилъ ихъ взаимныя отношенія.

Въ одинъ прекрасный августовскій вечеръ обыкновенно безлюдная площадка передъ волостнымъ правленіемъ кишѣла народомъ: это собирался обычный въ это время года волостной сходъ для производства полугодового учета денежныхъ суммъ, обращавшихся въ кассѣ правленія (для несовсѣмъ знакомыхъ съ порядками крестьянскаго самоуправленія поясню, что волостной сходъ составляется изъ всѣхъ сельскихъ старостъ по волости и сборщиковъ податей и изъ выборныхъ крестьянъ, по одному отъ каждыхъ десяти дворовъ). Это былъ первый сходъ, на которомъ я присутствовалъ, и меня сильно интересовало имѣющее на немъ происходить. Группы выборныхъ, по три и по пяти человѣкъ, расположились въ тѣни растущихъ возлѣ зданія правленія акацій и лѣниво перекидывались отрывочными словами; у пожарнаго сарая стояли телѣги и лошади пріѣхавшихъ изъ дальнихъ деревень; хозяева задавали лошадямъ корму, не разсчитывая, очевидно, скоро возвратиться во-свояси; день былъ праздничный, нерабочій, и никто, по крайней мѣрѣ, громко не ропталъ на невольный прогулъ. Лѣниво отдыхали

измученные на лѣтней работѣ члены мужицкихъ тѣлъ, съ удовольствіемъ лежали владѣльцы ихъ на спинѣ и поглядывали на чистое, голубое небо, сулившее славную уборку проса... Картина была бы идиллическою, если бы не группа въ нѣсколько человѣкъ, очевидно побывавшихъ уже въ бѣлой харчевнѣ, и теперь задорно о чемъ-то переругивавшихся между собою. Старосты, съ значками на груди, толпились въ канцеляріи и нетерпѣливо переминались съ ноги на ногу. Ястребовъ уже нѣсколько разъ спрашивалъ: „ну, всѣ“—на что слышались отвѣты: „Подтыкинскаго старосты еще нѣтъ... Пѣтуховскій не пріѣзжалъ, кажись“... „Что врешь-то, Пѣтуховскій здѣсь!“ „И то? Ку-быть *) нѣтъ“... „Анъ здѣсь, въ трахтирѣ!“ Противникъ умолкалъ, не находя ничего страннымъ въ томъ обстоятельствѣ, что Пѣтуховскій староста одновременно можетъ присутствовать и здѣсь, и въ трактирѣ. Наконецъ, старшина, нѣсколько разъ уже вспотѣвшій въ душной комнатѣ, измученный долгимъ ожиданіемъ Подтыкинскаго старосты, возгласилъ: „ну, выходите, да собирайтесь живѣе!“ и всѣ стали выходить наружу. Послѣднимъ вышелъ Ястребовъ съ кучею книгъ подъ мышкою: это были денежныя книги, которыя слѣдовало провѣрить. На крыльцѣ поставлены были столъ и два стула—для писаря и старшины. Ястребовъ сталъ громко выкликать имена и фамиліи выборныхъ, отмѣчая по списку отсутствующихъ; по окончаніи переклички, сосчитавъ количество явившихся, онъ объявилъ, что сходъ полонъ,—иначе сказать, что на немъ присутствуетъ болѣе половины всѣхъ лицъ, имѣющихъ право голоса на волостномъ сходѣ.

— Теперь, господа старички,—продолжалъ онъ,—намъ надо провѣрить, т.-е. учесть суммы за полгода, съ 1 января по 1 іюля. Такъ слушайте же!

— Эй вы! Слушайте всѣ!—эхомъ повторилъ за нимъ старшина.

Ястребовъ сталъ читать заранѣе приготовленный приговоръ, въ которомъ, послѣ обычнаго вступленія, говорилось:... „производили учетъ денежныхъ суммъ, обращавшихся въ нашемъ

---

*) „Ку-быть“—испорченное „какъ будто“.

волостномъ правленіи, при семъ оказалось: къ 1-му января 1881-го года на лицо состояло волостныхъ суммъ 643 р. 23½ к., съ 1-го января по 1-ое іюля поступило на приходъ 1024 р. 89 к.; за это время израсходовано 1430 р. 65 к., такъ что къ 1-му іюля и т. д.;“ въ томъ же родѣ — относительно переходящихъ суммъ, мірского капитала, штрафныхъ суммъ и проч. Въ концѣ приговора значилось: „нашли произведенный расходъ правильнымъ, а потому постановили: утвердить его, въ чемъ и подписуемся“... По прочтеніи этого документа, Ястребовъ громко спросилъ: „согласны? такъ, что ли?“ И старшина поддержалъ „согласны?“ — Десятка два голосовъ крикнуло: „согласны!“

— Може *), кто хочетъ книги, али суммы повѣрить?—спросилъ опять старшина, и на этотъ разъ Ястребовъ его поддержалъ:

— Подходите, господа, кто желаетъ!

— Ну, гдѣ тамъ!.. Стоитъ возжаться... Са-агласны!..

— Такъ подымайте руки, — крикнулъ старшина, и сотня рукъ, какъ бы принося какую-то клятву, поднялась къ голубому, безоблачному небу.

Такъ происходилъ учетъ, и, какъ послѣ я на личномъ опытѣ узналъ, онъ почти всегда и всюду такъ происходитъ; да это и понятно; гдѣ же выискаться изъ числа совершенно безграмотныхъ крестьянъ охотнику повѣрить шесть денежныхъ книгъ съ тысячными приходами и расходами? Это совершенно невозможно, и это отлично извѣстно какъ самому сходу, такъ и волостнымъ, предлагающимъ сходу—„для формы“—учесть ихъ. Дѣйствительные же учеты хотя и бываютъ, но, въ большинствѣ случаевъ, лишь при смѣнѣ одного старшины другимъ: тогда затрогиваются интересы вновь поступающаго старшины, и онъ, а не сходъ, съ помощью писаря, а иногда и посторонняго счетчика, которому довѣряетъ, старается точно опредѣлить ту сумму, которую ему слѣдуетъ получить съ рукъ-на-руки; вотъ при этихъ-то не фиктивныхъ учетахъ и раскрываются растраты, влекущія за собою скамью подсудимыхъ и арестантскія роты. Обыкновенные же полу-

---

*) „Може“ - испорченное „можетъ быть“.

годовые учеты—одна формальность, и никогда далѣе чтенія заранѣе написаннаго приговора и „дачи на него рукъ“ нейдутъ. Конечно, явленіе это довольно печально, такъ какъ указываетъ на отсутствіе сознанія общественной солидарности и на господство начала—„моя хата съ краю“ и „лишь бы мое при мнѣ“; но, чтобы не слишкомъ сурово относиться къ демьяновцамъ, я просилъ бы читателя сгруппировать на мгновеніе въ своей памяти все то, что было имъ читано или слышано объ „учетахъ“ въ нашихъ земствахъ, думахъ, акціонерныхъ компаніяхъ и благотворительныхъ учрежденіяхъ... Читатель непремѣнно долженъ припомнить и согласиться, что часто и очень часто учеты производятся въ указанныхъ учрежденіяхъ такъ же, какъ и на крестьянскихъ сходахъ: демьяновцы, не желая (и, замѣтьте,—почти не умѣя) контролировать своего начальства,—поднимаютъ руки, изъявляя этимъ согласіе на все, написанное въ приговорѣ; а мы—пайщики, гласные или члены-благотворители—тоже не находимъ возможнымъ нанести стоящему во главѣ дѣла Петру Иванычу или Ивану Петровичу личное оскорбленіе—провѣркой его счетовъ и отчетовъ: подписано—и съ плечъ долой!.. „Пожалуйте хлѣба-соли откушать!..“ А демьяновцамъ говорятъ: „ставлю ведро!..“ Вотъ и вся существенная разница между нашими и ихъ сходками...

Послѣ учета произошелъ нѣкоторый перерывъ: стали шутки шутить и о своихъ дѣлахъ толковать; Ястребовъ любезничалъ съ десяткомъ выборныхъ, столпившихся около его стола.

— Вотъ сколько ихъ, книгъ,—все денежныя.

— Поди жъ ты! Извѣстно, а мы что знаемъ?..

— Да, большія тысячи берегу; потому что старшина вѣдь мною только и держится. Хоть сумма и у него въ рукахъ, а онъ ее и счесть порядкомъ не можетъ.

— Куда ужъ!.. Извѣстно, тутъ вѣдь тоже надо съ умомъ, а такъ пойди—сунься-ка!..

— Пріѣзжалъ намедни самъ губернаторъ, спрашиваетъ: „книги!“ Я ему и выволокъ вотъ эту кучу, говорю „денежныя“, потомъ еще и еще кучу,—онъ смотритъ, а я все таскаю...

— Хо-хо-хо-хо!.. Такъ-то!.. И смотритъ, говоришь?.. Должно, думалъ, то-ись про себя... а у насъ вѣдь не какъ нибудь: въ аккуратѣ значитъ... Ну, ловко!

— То-то, въ аккуратѣ! Я стараюсь, ну и вамъ хорошо.

— Это конечно... Что и говорить!

— Я всегда ваше добро соблюдаю. Вотъ, теперь скоро зима подойдетъ, опять училище топить надо будетъ,—а сколько вы соломы въ него пожжете? И напрасно совсѣмъ: въ немъ двѣ комнаты совсѣмъ лишнія, и печка въ нихъ особая,—ее тоже зиму-то протопить чего нибудь стоитъ? А вотъ пустили бы меня въ эти комнаты жить, пока еще домишко мой строится,—я бы и печь эту топилъ: и вамъ бы барышъ, и меня бы уважили!..

— Это что! Это пустое!.. Намъ что,—убытка нѣтъ. Извѣстно, коли лишнія, отчего же не жить?.. Только ты намъ, Григоръ Федорычъ, поднеси могарычикъ, хоть полведра...

— Много, старички, не изъ чего: топка тамъ большая будетъ, убытокъ одинъ. Четверочку могу...

— Ну, что изъ нея дѣлать,—бороды не обмочишь!.. Ты ужъ не жмись, поднеси старикамъ! Уважь, и мы тебя не забудемъ...

— Ну чтожъ, такъ—и такъ. Только какъ общество?..

Одинъ изъ выборныхъ, уже на веселѣ, шепнулъ что-то на ухо Ястребову, а потомъ что есть силы заоралъ:

— Старички, господа пятидворные! Послухайте сюда!

Шумный говоръ нѣсколько затихъ. Старшина, все время тоже бесѣдовавшій съ другой группой, съ неудовольствіемъ спросилъ кричавшаго:

— Ты чего глотку дерешь, идолъ? Чего надыть?..

— Я сейчасъ, Матвѣй Иванычъ. Я одно словечко... Такъ вотъ, старички, что я думаю: училища наша намъ одинъ убытокъ,—соломы кажинную зиму травимъ копенъ триста; шутъ ее знаетъ. куда идетъ такая прорва!.. А все потому, что хороминъ въ ней много залишнихъ; а на кой ихъ лядъ зря топить? Учительша, извѣстно, рада, что ей простору много,—ну, а намъ это не антиресъ! Теперь Григорій Федорычъ, писарь, отъ себя желаетъ всю зиму двѣ хоромины отапливать,—ну чтобы ему и жить тамъ,—такъ какъ, ста-

рички, согласны будете? Полведра жертвуетъ!..—особенно громко выкрикнулъ въ заключеніе ораторъ.

— Жалаимъ, жалаимъ!..—крикнуло съ полсотни человѣкъ и громче прочихъ тѣ избранные, которые передъ этимъ торговались съ Ястребовымъ.

Но тутъ внезапно вмѣшался въ дѣло старшина; онъ мгновенно стряхнулъ съ себя свою апатію и азартно сталъ выкрикивать, жестикулируя руками:

— Старики! это не въ порядкѣ, такъ нельзя!.. Какъ же теперь общественское зданіе, учоба тамъ, начальство разное наѣзжаетъ, и, къ примѣру, писарь поросятъ заведетъ, либо куръ?.. Не хорошо будетъ. Учительшѣ опять стѣсненіе—хоромину у ней отнять надо... Это не дѣло, я такъ и печать прикладывать не буду! А въ мысляхъ у меня—надо сдѣлать вотъ какъ: у насъ теперь два магазея: новый ежели пустить подъ хлѣбъ, а старый перечинить и училище изъ него сдѣлать,—онъ какъ разъ выйдетъ въ четыре покоя; а энто училище продать съ аукціона, да на деньги, что выручимъ, и починить магазею. Такъ ли я говорю?..

— Такъ; это что-жъ!.. И такъ можно,—поддержало его съ десятокъ голосовъ.

— Не надо, не надо,—кричали въ другой сторонѣ.—Опять деньги гноить на чинку!.. Знаемъ ужъ, наслышались объ этихъ штукахъ довольно!..

— Дубина ты неотесаная! Ты пойми, чинить эвто училище тоже вѣдь надо? А гдѣ денегъ возьмемъ?..

— А ну те и съ училищемъ! Такъ вовсе его къ ляду!..

— Дубина, такъ дубина и есть!..

— Самъ съѣшь!..

— Брось его, что съ нимъ толковать...

— Старики!—Григоръ Федорыча пустить?

— Пустить!.. Продать!.. Ну ихъ въ болото, пусть по старому остается!.. Пустить!.. Не надо!.. Прода-ать!..

Писарь отошелъ въ это время въ сторону съ недавнимъ ораторомъ; они меня не замѣчали и жарко шептались:

— Ты не сумлѣвайся, Федорычъ,—али впервое?.. Ставь, говорю, полведра и вся недолга...

— Поставить не долго, да что выйдетъ-то?

— То и выйдетъ, что всѣ къ ней потянутся, а ты всѣхъ и пиши къ приговору.

— Ну, ладно; а вамъ потомъ, кто понужнѣй, особливый могарычъ.

— На этомъ спасибо...

Шепчущіеся уходятъ. Черезъ минуту я начинаю замѣчать, что крики постепенно стихаютъ, но не потому, что мужичьи глотки охрипли, а потому, что толпа стала быстро рѣдѣть, устремляясь по направленію къ „заведенію“, гдѣ поставлена была выговоренная водка. Старшина гнѣвно махнулъ рукой и пошелъ въ волость; сходъ, такимъ образомъ, кончился.

Подвохъ въ этомъ дѣлѣ со стороны писаря былъ совершенно ясенъ: онъ пріобрѣталъ за полведра (ц. 2 р. 60 к.) удобную квартиру съ отопленіемъ,—потому что и маленькому даже понятно было, что писарь будетъ пользоваться безцеремонно училищнымъ топливомъ, и самое большее, что истратитъ копны двѣ *своей* соломы—для отвода глазъ. Такое хищеніе общественнаго скуднаго пирога производилось на моихъ глазахъ еще впервое, и я съ живѣйшей энергіей, достойной лучшей участи, принялся дѣйствовать противъ писаря, естественнымъ образомъ найдя себѣ въ старшинѣ горячаго союзника. Не зная оборотной стороны медали, я думалъ, что старшина такъ же, какъ и я, безкорыстно хочетъ рѣшить училищный вопросъ выгоднѣйшимъ для общества способомъ. Правда, я съ нимъ пытался спорить и доказывать, что невѣроятно, чтобы приспособленіе хлѣбнаго амбара подъ училище стало дешевле хотя бы и обстоятельнаго ремонта крытаго желѣзомъ училищнаго зданія, но, слыша энергичныя возраженія старшины и не имѣя ни малѣйшаго понятія о стоимости ремонта, я долженъ былъ въ концѣ концовъ уступить.

Между тѣмъ Ястребовъ не дремалъ и уже написалъ приговоръ волостного схода относительно разрѣшенія ему занять двѣ училищныхъ комнаты, и двое изъ шестерыхъ грамотныхъ, бывшихъ на сходѣ, уже приложили руки къ этому приговору. Старшина узнавъ объ этомъ, раскипятился и потребовалъ, чтобы приговоръ былъ уничтоженъ; онъ обѣщалъ во всякомъ случаѣ къ нему своей печати не прикла-

дывать, что дѣлало de facto приговоръ недѣйствительнымъ. У него съ Ястребовымъ произошла по этому поводу крупная ссора.

— Еще погоди,—дай срокъ, увидимъ, чья возьметъ!—кричалъ старшина.

— Ладно, не такихъ объѣзживали!

— Не объѣздишь... Подавишься!

— Не подавлюсь,—подтрунивалъ Ястребовъ.

Вскорѣ послѣ этого, какъ-то въ отсутствіи писаря, старшина спросилъ у Палъ Палыча, гдѣ лежитъ приговоръ объ училищѣ?

Палъ Палычъ усердно щелкалъ на счетахъ.

— Эй, Палычъ, оглохъ что ли? Дай приговоръ, говорю тебѣ.

— Эхъ, Матвѣй Иванычъ, собьете, некогда. Спросите вонъ у Н. М.

— Да я не знаю, гдѣ онъ,—замѣтилъ я.

— У Григорія Ѳедорыча въ столѣ,—быстро отвѣтилъ Палъ Палычъ и продолжалъ, какъ ни въ чемъ не бывало, стучать на счетахъ.

Я нашелъ между прочими бумагами приговоръ и, показывая его старшинѣ, сказалъ:

— На что онъ вамъ?

— А вотъ на что!.. и приговоръ, выхваченный у меня изъ рукъ, оказался во мгновеніе ока изорваннымъ въ клочки.

— Пусть теперь собираетъ руки, пусть теперь въ училище переходитъ: я его оттуда метлой!.. говорилъ старшина.

Палъ Палычъ какъ бы и не слыхалъ шума отъ разрываемой бумаги и продолжалъ невиннѣйшимъ образомъ подводить итоги.

— Ахъ, зачѣмъ вы это!.. вырвалось у меня.— Вы и такъ могли бы сдѣлать его недѣйствительнымъ: стоило бы только не прикладывать печати, созвать новый сходъ...

— Ну, эта музыка-то долга! Вотъ такъ-то лучше... Хо-хо!..

— Да вѣдь онъ можетъ новый написать?

— Нѣ-ѣтъ, не посмѣетъ! А то опять тоже... Жалься на меня, сколько влѣзетъ, а я не попущу!..

Старшина ушелъ; ушелъ и я чай пить, а Палъ Палычъ, къ удивленію моему, отъ чая отказался и продолжалъ не-

истово щелкать костяшками счетовъ. Я пилъ второй стаканъ, когда волостная пара подкатила Григорія Ѳедорыча къ волости; вскорѣ затѣмъ оттуда вышелъ Палъ Палычъ и присоединился къ моему самовару.

— Что это васъ нынѣ не дозовешься чай пить, Палъ Палычъ? Что вы тамъ экстренное считали?

— Ммъ... вѣдомость о хлѣбныхъ магазинахъ.

— Да вѣдь это къ 1-му числу, а нынче только 24-ое?..

— Такъ Григорій Ѳедорычъ приказали.

Къ окну подходитъ десятскій и говоритъ:

— Н. М.! въ волость идите, писарь требуетъ.

— Меня?..

— Васъ. Пожалуйте скорѣе.

— Ладно, вотъ допью стаканъ. Что это онъ меня зоветъ, Палъ Палычъ? Ни разу еще не бывало...

— Не знаю-съ, не знаю-съ, ангелочекъ мой!.. Да воскреснетъ Богъ, и расточатся... — мурлыкалъ Палъ Палычъ, равнодушно барабаня по столу своими короткими пальцами.

Только-что я перешагнулъ порогъ канцеляріи, какъ Ястребовъ, задыхаясь отъ злости, говорилъ:

— Отлично-съ, почтеннѣйшій, отлично-съ! Вѣрно въ Петербургѣ научились казенныя бумаги рвать?.. Шуры-муры съ старшиною разводить?..

— Я и въ мысляхъ не имѣлъ рвать вашего приговора, а только досталъ его изъ стола по требованію старшины.

— Только достали, ха-ха!.. Не имѣли никакого права-съ доставать! Вы младшій, еще не утвержденный помощникъ, и не смѣете въ моихъ бумагахъ рыться! Вы такъ всѣ бумаги у меня съ старшиной порвете, а я отвѣчай за васъ!..

— Однако, Григорій Ѳедорычъ...

— Что тамъ—Григорій Ѳедорычъ! Знать я ничего не хочу-съ. Завтра же все Павлу Иванычу будетъ извѣстно,—пусть полюбуется...

— На кого изъ насъ любоваться-то будетъ,—сказалъ я и вышелъ изъ канцеляріи, чтобы не слушать расходившагося ненавистника.

Палъ Палыча уже не было дома: онъ куда-то успѣлъ уйти.

Несомнѣнно было, что онъ счелъ своимъ долгомъ, въ видахъ самосохраненія, сообщить Ястребову, кто далъ старшинѣ приговоръ; понялъ я теперь, почему онъ такъ усердно щелкалъ на счетахъ, покуда я доставалъ приговоръ, а старшина рвалъ его... Поздно вечеромъ, когда я, уже отужинавъ, ложился спать, въ клѣтушку ко мнѣ ввалилась грузная фигура Палъ Палыча; онъ скорѣе упалъ, чѣмъ сѣлъ на кучу сложенныхъ въ углу хомутовъ. Глаза его были мутны, лицо въ поту: онъ былъ жестоко пьянъ.

— Проклятый, проклятый, ястребъ кривой!.. Держитъ меня въ когтяхъ, не вырвешься. И что ему отъ меня надо? Нѣтъ, погоди, и на нашей улицѣ будетъ праздникъ... Я вѣдь свинья, ангелъ мой; ты не сердись на старика, на пьянаго дурака... Вѣдь боюсь я его,—безъ куска хлѣба оставитъ, на улицу выгонитъ! Боюсь, охъ боюсь, потому и свинья!..

Я старался заснуть, но не могъ, и потому поневолѣ слушалъ жалобы бѣднаго старика.

— Теперь Палъ Палычъ изъ чести вонъ, теперь онъ никому не нуженъ... А, бывало, возьмешь волостного голову за бороду, мотаешь, мотаешь его, пока рука устанетъ, ну бросишь... Ястребовъ теперь помыкаетъ тобой, какъ старой шваброй. Терпи, дуракъ, за то, что глупъ былъ! Сколько денегъ въ рукахъ бывало, ничего не сберегъ, все прахомъ пошло!.. Ну, и терпи. А тоже вѣдь отъ короны служилъ, отъ ко-ороны,—въ четырнадцатомъ классѣ считался... Да, Ястребовъ, шалишь... Такъ-то!..

Бормотанія становились все тише и тише, и наконецъ гость мой незванный громогласно захрапѣлъ. Утромъ, когда я проснулся, его уже не было: ушелъ, должно быть, чуть свѣтъ въ кабакъ,—на него нашелъ запой, повторявшійся у него раза четыре въ году...

Быстро стали чередоваться „событія“ въ нашемъ демьяновскомъ міру. На другой день послѣ объясненія моего съ писаремъ, онъ привелъ свою угрозу въ исполненіе—отправился жаловаться къ Столбикову; я былъ совершенно увѣренъ, что Столбиковъ не обратитъ никакого вниманія на доносъ Ястребова,—но ошибся: Ястребовъ, вернувшись, сообщилъ мнѣ съ ехидной улыбкой, что „Павелъ Ивановичъ тре-

буетъ васъ къ себѣ для объясненія". Я не ожидалъ такого пассажа, но дѣлать было нечего, и я отправился на допросъ; обидно было, что доносу Ястребова придано значеніе.

Славянофильствующій начальникъ мой принялъ меня на этотъ разъ гораздо холоднѣе, чѣмъ въ предыдущій, и хотя предложилъ мнѣ сѣсть, но самымъ начальнически-небрежнымъ тономъ. Я передалъ ему исторію объ училищѣ, пассажъ съ приговоромъ, и неожиданно получилъ замѣчаніе:

— Видите ли, А—въ, я предупреждалъ васъ, что вы входите въ новый міръ, гдѣ существуютъ свои обычаи и нравы...

— Да помилуйте, Павелъ Ивановичъ, какіе это обычаи! Это просто явное хищеніе...

— Мм... Хищенія я тутъ не вижу; Ястребовъ у меня на отличномъ счету, и то, что онъ дѣлаетъ, пустяки въ сравненіи съ тѣмъ, что дѣлается въ другихъ мѣстахъ... Вы же сразу стали въ такія рѣзкія съ нимъ отношенія, что ужиться вамъ будетъ уже трудно.

— Не трудно, а невозможно, и я покорнѣйше прошу васъ, Павелъ Ивановичъ, перевести меня куда-нибудь въ другую волость.

— Хорошо, я подумаю.

Если я ошибся въ расчетахъ относительно доноса Ястребова, то и онъ ошибся относительно результатовъ моего объясненія со Столбиковымъ. Впослѣдствіи, посвященный въ тайны нашего уѣзда, я узналъ, что Ястребовъ первый фаворитъ Столбикова, и что не было еще примѣра, чтобы какая-нибудь кляуза, пущенная Ястребовымъ, осталась безъ всякихъ послѣдствій. На этотъ же разъ все дѣло кончилось тѣмъ, что я черезъ недѣлю получилъ увѣдомленіе отъ Столбикова объ открывшейся въ кочетовской волости вакансіи на мѣсто волостного писаря, и что я могу ѣхать туда принимать должность. Но Ястребовъ все-таки торжествовалъ: я, какъ неудобный сожитель, былъ отъ него убранъ. Въ виду моего сомнительнаго, впрочемъ, пораженія, онъ сильно помягчѣлъ передъ моимъ отъѣздомъ, тѣмъ болѣе, что я становился теперь ему товарищемъ: онъ мнѣ обязательно давалъ указанія, какъ принимать должность, расхваливалъ мѣсто въ Кочетовѣ и въ заключеніе ехидно добавилъ:

— И знаете, что я вамъ скажу, Н. М.: не суйтесь никогда въ воду, не спросясь броду, особенно въ незнакомыхъ мѣстахъ. Вы у насъ человѣкъ новый, нашихъ порядковъ и дѣловъ не знаете, и хотите съ налету разсудить,—кто правъ, кто виноватъ. Вотъ вамъ не по-сердцу пришлось, что я хотѣлъ двумя училищными комнатами воспользоваться, и на этомъ основаніи вы стали тянуть руку старшины. А этого, небось, не знали, что онъ шелъ противъ меня только потому, что самъ мѣтилъ не на двѣ комнаты, а на все училище?..

— Это какимъ родомъ?..

— Очень просто-съ. Училище стоитъ на базарѣ, на самомъ бойкомъ мѣстѣ; вотъ ему и хотѣлось передѣлать старый амбаръ подъ новое училище, старое же училищное зданіе, вмѣстѣ съ мѣстомъ купить съ торговъ,—а онъ, покуда старшиной, купилъ бы его за-дарма,—да и перевесть туда харчевню, которую содржитъ на имя свояченицы... Поняли-съ?

Да, я понялъ и устыдился своей „непрактичности“...

VI.

Кочетовская волость и ея старшина Яковъ Ивановичъ.

Съ очень понятнымъ чувствомъ тревоги подъѣзжалъ я къ селу Кочетову. Вотъ мѣсто, гдѣ я долженъ былъ стать лицомъ къ лицу съ „народомъ“, вотъ арена, на которой я впервые могу употребить свои силы и знанія на помощь трудящимся и обремененнымъ, вотъ уже близится разгадка мучившихъ меня сомнѣній и недоумѣній... Теперь все зависитъ отъ меня и только отъ меня; сумѣю я воспользоваться обстоятельствами, сумѣю я понять и быть понятымъ,—и мое внутреннее „я“ освѣтится ровнымъ, спокойно-сознательнымъ свѣтомъ; не сумѣю—и опять хаосъ представленій, смѣшеніе понятій ..

Село Кочетово раскинулось двумя длинными рядами дворовъ версты на три; подъ селомъ протекаетъ небольшая, лѣтомъ почти пересыхающая рѣчка; въ низинахъ, близъ рѣчки, растетъ мѣстами тощая ольха, а кругомъ, въ другія три стороны, тянутся, покуда глазъ хватитъ, поля, поля и по-

ля... Не на чемъ остановиться глазу поотдохнуть; нѣтъ уютныхъ прелестныхъ лѣсныхъ ландшафтовъ, такъ изобильно разбросанныхъ въ сѣверныхъ губерніяхъ Россіи; природы здѣсь какъ будто нѣтъ,—есть только матеріалъ для земледѣльческаго труда—черноземъ. Мнѣ, коренному жителю сѣвера, привыкшему къ нашимъ невырубленнымъ еще въ конецъ лѣсамъ, освѣщеннымъ кое-гдѣ ясно смѣющимися полянами, прорѣзанными прихотливыми изгибами неумолчно журчащаго ручейка,—мнѣ очень скучны казались и мѣстность, и люди, и даже само солнце того края, куда забросилъ меня порывъ своенравной судьбы. Уже три года живу я здѣсь среди голыхъ полей, но не могу забыть поэтическихъ картинъ моей родины; знакомство же съ людьми, живущими на этихъ безбрежныхъ, тучныхъ и безъ удобренія, поляхъ, еще болѣе укрѣпило во мнѣ антипатію къ этимъ равнодушнымъ, тупо-самодовольнымъ, жирнымъ полямъ. Люди здѣсь гораздо жестче и безсердечнѣе, чѣмъ у насъ на сѣверѣ, казалось мнѣ; въ нихъ нѣтъ поэтической жилки; мать-природа не научила ихъ пониманію прекраснаго и изящнаго; не слышно здѣсь пѣсенъ, кромѣ безсмысленнаго визжанія дѣвокъ и бабъ, одѣтыхъ безвкуснопестро, съ громадными золочеными треугольными головными уборами; нѣтъ здѣсь ни сказокъ, ни былинъ нашего сѣвера; нѣтъ игръ и забавъ нашей удалой молодежи... Жеваніе сѣмячекъ подсолнуха, да кулачные бои—единственное развлеченіе въ праздничные дни; самая обыкновенная изъ забавъ—горѣлки, не говоря уже о хороводахъ—здѣсь неизвѣстны. Соберутся дѣвки у кабака въ кучу и начнутъ визжать что-то непонятное, съ припѣвомъ: „ай-ле-ли, ле-ли“,—а парни либо сидятъ въ кабакѣ и учатся у старшихъ глотать водку, либо забавляются угощеніемъ другъ друга пинками и подзатыльниками... Старшіе, т.-е. домохозяева-мужики, народъ сухой, узко-положительный; за все это время мнѣ не случалось ни разу натолкнуться на человѣка, живущаго не исключительно мыслью о рублѣ, а интересующагося чѣмъ-либо умственнымъ. Сѣверный мужикъ имѣетъ свое міросозерцаніе, свое толкованіе, подчасъ поэтическое, для разнообразнѣйшихъ явленій жизни: его занимаютъ и тайны природы, и чудеса мірозданія, и во-

просы вѣры; встрѣчаются поэтическія натуры, обезсмертившія себя въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ нашей литературы; есть аскеты, фанатики, люди мысли, люди убѣжденій—есть народная интеллигенція... Въ Кочетовѣ и на тридцать верстъ кругомъ, т.-е. насколько я знаю эту мѣстность,—нѣтъ ея: все здѣсь живетъ рублемъ и изъ-за рубля. А, между тѣмъ, народъ здѣсь вдвое и втрое богаче тверитянина или новгородца; казалось бы, что ему представляется больше досуга для работы мысли, потому что онъ не такъ забитъ нуждой, какъ сѣверянинъ, и можно было бы ожидать, что онъ разовьетъ въ себѣ интеллектъ настолько, насколько никогда не развить его новгородцу съ вѣчно болѣзненно-раздутымъ брюхомъ отъ мякины пополамъ съ осиновою корой... Но это ошибка: воронежецъ гораздо ограниченнѣе потомковъ тѣхъ неспокойныхъ людей, которые ватагами ходили извѣдывать новые края, потѣшить раззудѣвшуюся молодецкую руку,— а дома у себя изгоняли нелюбого князя, приглашая другого, и долѣе другихъ племенныхъ группъ отстаивали отъ алчности и властолюбія татарскихъ данниковъ свое могучее, вольное вѣче!.. Скучный край, скучные люди! Будто большая фабрика для добыванія хлѣба раскинулась на сотни верстъ, и снуютъ по этой фабрикѣ суетящіеся люди, всѣ помыслы которыхъ устремлены на добычу возможно большаго количества хлѣба... Мнѣ, можетъ быть, еще придется касаться печальнаго факта почти полнаго отсутствія внутренней, душевной жизни въ населеніи этой мѣстности, и я не стану здѣсь подробно разсказывать, какъ и почему я во все время пребыванія моего въ Кочетовѣ не могъ сродниться съ окружающимъ, и какъ я оставался чужимъ, временнымъ гостемъ между чуждыми мнѣ, несимпатичными людьми, въ чуждой несимпатичной обстановкѣ.

Кочетовская аристократія приняла меня, хотя нѣсколько недовѣрчиво, но несравненно любезнѣе, чѣмъ демьяновская. Оно и понятно, потому что разница между волостнымъ писаремъ, человѣкомъ всегда сравнительно достаточнымъ, и помощникомъ его, едва зарабатывающимъ себѣ на хлѣбъ, огромная; кромѣ того, должность писаря такова, что и немужики имѣютъ до него часто дѣло: торговцы и кабатчики—

дѣла съ торговыми документами, попы—страхованіе домовъ своихъ, получку писемъ и газетъ; частные землевладѣльцы, кромѣ этого,—еще заключеніе условій съ рабочими, взысканія за потравы, и проч. Понятно, что пріѣздъ мой всѣхъ заинтересовалъ; стоустая молва, далеко забѣжавъ впередъ, уже разгласила, что новый писарь — столичный житель, бывалый человѣкъ, знакомый со всѣми мѣстными тузами, словомъ, писарь, какихъ еще не видали. Предшественникъ мой не пользовался ни авторитетомъ, ни властью: онъ очень недолго прослужилъ на этомъ мѣстѣ, что-то около полугода, имѣлъ громадное пристрастіе къ пиву, почему и благодушествовалъ постоянно съ разными просителями и жалобщиками въ „Центральной бѣлой харчевнѣ“, помѣщавшейся какъ разъ противъ волости. Только что выслушаетъ онъ одного жалобщика и выпьетъ при этомъ, конечно, на его счетъ—смотря по важности жалобы — бутылку или двѣ пива, только что придетъ въ канцелярію, чтобы, для очистки совѣсти, поводить перомъ по бумагѣ, какъ вдругъ какой-нибудь мѣстный тузикъ зоветъ его: „на два слова—дѣльце есть“. Непремѣнными аттрибутами „дѣльца“—новыя двѣ бутылки пива,—и прощай всѣ дѣла! Однажды, передъ волостнымъ сходомъ, бесѣдуя въ „Центральной“ то съ однимъ, то съ другимъ, онъ такъ набесѣдовался, что растянулся, и никакія совокупныя усилія старшины и сторожа не могли его привести въ чувство... Сходъ собрался, а дѣло не дѣлается; какъ тутъ быть? Порѣшили, что помощникъ его будетъ читать бумаги; но вдругъ другая бѣда: любитель пива задѣвалъ куда-то ключи отъ шкафа; пришлось ломать замокъ. Между тѣмъ собравшимся надоѣло ждать, и они стали допытываться о причинахъ задержки; узнавъ таковыя и воочію убѣдившись, что „первый министръ“ лежитъ мертвымъ тѣломъ въ аптекѣ на кровати,—сходъ воспользовался этимъ случаемъ: скинулъ изъ писарского жалованья 10 рублей, а помощнику набавилъ два рубля, за что получилъ отъ него полведра водки; такимъ образомъ, писарское жалованье, въ моментъ моего поступленія, равнялось 25 рублямъ въ мѣсяцъ. Наконецъ, одинъ „злосчастный случай“,—какъ выражался мой предмѣстникъ,—окончательно доканалъ его: 10-го числа каждаго

мѣсяца всѣ старшины и писаря этого уѣзда собираются въ крестьянское присутствіе для полученія приказаній, выговоровъ, и проч. Поѣхали 9-го сентября и кочетовскіе заправилы; однако, къ засѣданію присутствія явился одинъ старшина, а писаря, какъ на грѣхъ, и потребовали. „Гдѣ писарь?“—Не могу знать-съ; пріѣхалъ со мной, да и сгибъ куда-то,—отвѣчалъ старшина. Писаремъ были уже давно недовольны, этотъ же случай переполнилъ чашу: его во мгновеніе ока отрѣшили. А съ милымъ человѣкомъ случилась непріятная оказія, помѣшавшая ему явиться въ присутствіе: возвращаясь поздно вечеромъ отъ пріятеля, обильно угощавшаго его пивомъ, онъ прилегъ въ одномъ изъ городскихъ скверовъ отдохнуть и проснулся безъ пальто, шапки и сюртука, вслѣдствіе чего попалъ въ часть...

Конечно, ко мнѣ, хотя и невольному, но все же осязательному участнику въ разрушеніи его карьеры, онъ не могъ не относиться безъ нѣкотораго раздраженія; но я скоро смягчилъ его полдюжиной пива и за это имѣлъ удовольствіе быстро и безпрепятственно принять всѣ дѣла. Думалъ я было провѣрять ихъ по описи, но порѣшилъ принять ихъ такъ, какъ они есть: все равно, — упущеній, если таковыя имѣются, сразу не замѣтишь, по неопытности, а если ихъ нѣтъ, то тѣмъ лучше для меня; такимъ образомъ, вся передача дѣлъ заключалась, собственно говоря, въ передачѣ мнѣ связки ключей отъ шкаповъ, гдѣ хранились текущія и архивныя дѣла.

Старшины не было въ Кочетовѣ, когда я пріѣхалъ: онъ отправился производить раскладку податей, какъ мнѣ сказали; впрочемъ, я изъ этого немного понялъ, такъ какъ ни о какихъ „раскладкахъ“ отъ Ястребова не слыхалъ. Первый день я провелъ въ поискахъ квартиры; во второй день сталъ знакомиться съ бумагами, требующими исполненія: оказалась ихъ масса; мѣсяца по два и по три лежали нѣкоторыя неисполненными. Вечеромъ, часовъ въ семь, слышу—подъѣзжаютъ къ крыльцу съ колокольчиками. Старшина, думаю. Дѣйствительно, входитъ мужчина въ полушубкѣ, лѣтъ 35, рыжій и юркій, съ начальническими замашками (кричитъ: „сторожъ, достань тамъ изъ тарантаса мой халатъ“).

— Здравствуйте,—говорю.—Новый писарь.

— Слыхалъ, слыхалъ. Что-жъ, въ добрый часъ!

Помолчали; онъ пытливо смотритъ на меня, я шуршу бумагами. Молчаніе становится тягостнымъ.

— Куда ѣздили?—спрашиваю, чтобы не безмолвствовать.

— Раскладку ѣздили-съ дѣлать съ Ѳедотычемъ—сельскій писарь у насъ такъ прозывается. Запустилъ нашъ соколъ ясный: у добрыхъ людей весною все кончается, а мы только осенью, Господи благослови, зачинаемъ.

— Да, это нехорошо.

— Нехорошо, что и говорить. А вы раскладку умѣете дѣлать?

— Какъ вамъ сказать,--конечно, сумѣю, хоть и не приходилось еще дѣлать; надо присмотрѣться; но теперь вотъ бумаги все исполняю запущенныя, такъ вы ужъ съ Ѳедотычемъ продолжайте ѣздить, а я ему за труды заплачу.

Посмотрѣлъ онъ на меня и говоритъ:

— А чай пили уже... не знаю, какъ васъ назвать?..

— Зовутъ такъ-то. А васъ?

— Яковъ Иванычемъ.

— Такъ нѣтъ, Яковъ Иванычъ,—не пилъ еще.

— Что-жъ, пойдемте?

— Пожалуй, пойдемте для перваго знакомства.

Долженъ сказать нѣсколько словъ о любопытной, въ своемъ родѣ, личности Якова Ивановича. Онъ далеко не походилъ на господствующій типъ старшинъ-міроѣдовъ, добивающихся этой должности лишь для лучшаго обдѣлыванія своихъ торгово-промышленныхъ предпріятій: онъ былъ совершенная противоположность и Живоглотову, и Матвѣю Иванычу. Причина такого уклоненія отъ общаго типа корени-лась отчасти въ его личномъ характерѣ, преимущественно же въ его семейномъ положеніи: въ то время какъ большинство старшинъ—вмѣстѣ съ тѣмъ старшіе въ своей семьѣ, домохозяева и, слѣдовательно, безконтрольно завѣдывающіе всѣмъ своимъ хозяйствомъ, Яковъ Иванычъ былъ вторымъ сыномъ у старика-отца, чистокровнаго земледѣльца, державшаго еще въ своихъ рукахъ бразды домашняго правленія. Отсюда вытекало то обстоятельство, что Яковъ Иванычъ

былъ человѣкъ какъ бы подначальный, и голосъ его въ семейскихъ дѣлахъ не имѣлъ должнаго значенія, такъ какъ первенство въ семьѣ принадлежало отцу и, отчасти, старшему брату; такимъ образомъ, кулаческіе инстинкты, если бы они и были въ Яковѣ Иванычѣ, не могли бы развиться и быть примѣнены къ дѣлу безъ согласія этихъ двухъ старшихъ членовъ семьи.

Въ самомъ дѣлѣ, представимъ себѣ, что старшинѣ, благодаря его вліянію на какое-нибудь сельское общество, представляется возможность почти задаромъ снять участокъ общественной земли; будь онъ домохозяиномъ, не будь онъ подъ начàломъ, онъ навѣрное не устоялъ бы отъ искушенія и воспользовался бы представлявшимся случаемъ ухватить жирный кусокъ пирога; но, какъ младшій членъ семьи,—онъ можетъ снять эту землю лишь съ согласія старшихъ въ семьѣ, которые, очень можетъ быть, отъ этого лакомаго куска и откажутся, потому что имъ, не начальникамъ, а заурядным мірянамъ, черезчуръ ужъ задорно было бы, передъ обществомъ, пахать и бороновать на его глазахъ украденный у него участокъ земли. Торговаго или какого-нибудь промышленнаго дѣла Яковъ Иванычъ также не можетъ вести безъ согласія своихъ старшихъ на ихъ капиталы, а своихъ у него нѣтъ по той причинѣ, что изъ 240 рублеваго годового жалованья, получаемаго имъ въ должности старшины,—онъ обязанъ вносить „въ семью“ 200 руб.; принципъ родового начала такъ еще могучъ, что Яковъ Иванычъ не смѣетъ и протестовать противъ такого деспотизма родителя, а остающихся 40 рублей, даже плюсъ, примѣрно, 60 руб. получаемыхъ въ годъ „безгрѣшныхъ благодарностей“, черезчуръ мало для начатія собственнаго дѣла, и едва-едва хватаетъ ему на поддевки, сапоги, гостинцы женѣ и тому подобныя мелочи. Я безошибочно могу сказать, что за пять лѣтъ своего старшинства (я засталъ его служащимъ второе трехлѣтіе) онъ скопилъ себѣ не болѣе 150 рублей, которые, благодаря его добродушію, рѣдко лежали у него въ карманѣ, а чаще всего ходили малыми партіями по рукамъ его хорошихъ пріятелей,—богатыхъ, умственныхъ мужиковъ, сельскихъ торговцевъ и проч., которымъ требовалось иногда до

зарѣзу 25—50 р., чтобы временно обернуться, сдѣлать какой-нибудь оборотъ; процентовъ за эти пріятельскія ссуды Яковъ Иванычъ не бралъ, а довольствовался угощеніями въ „Центральной харчевнѣ“. Характеръ у него былъ веселый, общительный; говорить онъ любилъ до страсти, и, за неимѣніемъ лучшей компаніи, готовъ было по часу разговаривать съ какой-нибудь бабой или мужикомъ, пришедшими въ волость жалобиться о своихъ кровныхъ обидахъ. Говоритъ онъ, говоритъ съ этой бабой, разспроситъ и о родныхъ ея, и о сосѣдяхъ, подробно обсудитъ ея обиду и вдругъ, въ то самое время, когда баба, подкупленная ласковымъ обращеніемъ, уже начинаетъ вѣрить, что все немедленно будетъ сдѣлано, какъ по щучьему велѣнію, т. е. обидчикъ ея будетъ посаженъ въ холодную, а осьминникъ земли отобранъ у него и возвращенъ ей, —въ это самое время вдругъ входитъ въ волость какой-нибудь богачъ-мужикъ или сосѣдній приказчикъ.

— Якову Иванычу добраго здоровьица! Какъ живете-можете?

— Благодаримъ, благодаримъ, Афанасій Козьмичъ,—какъ вы себѣ поживаете? Что давненько не видать?..

— Слава Богу... (понижая голосъ) тутъ дѣльце есть одно,—пойдемъ чайку попить?.

— Что-жъ, пойдемъ.

Беретъ шапку и направляется къ двери; баба за нимъ.

— Батюшка, Яковъ Иванычъ!.. Что-жъ о моемъ дѣлѣ-то ннчего не приказалъ? Что-жъ ты суда-то мнѣ никакого не далъ?..

— Ахъ, ты разумница, разумница! Какой же я судъ тебѣ могу дать? Я не судья, а старшина. Ступай вонъ къ писарю, проси записать жалобу на Егорку; онъ те законы покажетъ и въ воскресенье на судъ его вызоветъ,—ну, тамъ и разберутъ ваши дѣла. А то нешто я судья,—ну, сама ты посуди?..

Афанасій Козьмичъ теряетъ терпѣніе и вопрошаетъ:

— Яковъ Иванычъ, скоро ли ты?

— Сейчасъ, сейчасъ!.. Такъ ты ступай, запиши у писаря жалобу; поняла?

— Да какъ же, батюшка, Яковъ Иванычъ...

Но Яковъ Иванычь уже шествуетъ съ Козьмичемъ въ „Централку“, горячо о чемъ-то разсуждая и размахивая руками.

Нужно правду сказать, что Яковъ Иванычъ очень часто посѣщалъ „Центральную харчевню“, и навѣрно добрую четверть своего старшинства проводилъ въ ея гостепріимныхъ стѣнахъ; но и этого нельзя ставить ему въ серьезный укоръ. Дома онъ не любилъ бывать, потому что его не считали тамъ за старшину: „ты у меня потолкуй еще“,—кричалъ на него отецъ,—„я те виски такъ оттреплю, даромъ что ты старшина,—до новыхъ вѣниковъ не забудешь“... И только что онъ пріѣдетъ домой, его-то на мельницу пошлютъ, то цѣпъ въ руки сунутъ, то топоръ (до старшинства онъ былъ плотникомъ и даже хаживалъ въ артеляхъ): поэтому домой въ свое село, отстоявшее верстъ на пять отъ волости, онъ ѣзжалъ или только на праздники, чтобы хорошенько пообѣдать, или ночевать къ женѣ, и въ послѣднемъ случаѣ приказывалъ прислать за собой лошадей пораньше на другое утро и возвращался опять въ Кочетово. Но въ волости, если тамъ не случалось собесѣдниковъ, ему рѣшительно нечего было дѣлать: онъ былъ безграмотенъ, и вся волостная канцелярщина проходила мимо него, не задѣвая; печать, замѣнявшая его подпись, всегда хранилась въ шкапу у писаря, и почти всѣ бумаги получались, исполнялись и отправлялись безъ его вѣдома. Бывало, въ почтовый развѣ день спроситъ: „ну что, не пришелъ штрахъ отъ исправника за подати?“... И когда „штраха“ не оказывалось, то онъ или заваливался спать на диванъ, или „балакалъ“ *) съ жалобщиками, а, за неимѣніемъ таковыхъ, и съ десятскими, или же, соскучившись этимъ безцѣльнымъ балаканьемъ, шелъ коротать время въ „Централку“. Иной разъ чуть не нарочно придумаешь какое-нибудь дѣло, чтобы онъ только не болтался и не мозолилъ глазъ.

— Яковъ Иванычъ, въ Подбережномъ Архипъ Ѳедулычъ просилъ застраховать новую ригу, такъ ты бы съѣздилъ.— Или: Яковъ Иванычъ, что это у насъ въ Ольховкѣ подати совсѣмъ стали,—ты бы понавѣдался?...

И Яковъ Иванычъ радъ-радешенекъ предлогу взять лошадей и поѣхать къ Ѳедулычу, у котораго рига могла бы быть

*) „Балакать“—синонимъ болтать, балагурить.

застрахована и сельскимъ старостой, или въ Ольховку, гдѣ его пріѣздъ не страшенъ, потому что вся забота о податяхъ кончится двухчасовымъ „балаканьемъ“ съ старостою у какого-нибудь кума за самоваромъ и полуштофомъ водки. Впрочемъ, когда отъ исправника приходила угроза наложить штрафъ за медленное поступленіе податей, то Яковъ Иванычъ въ теченіе нѣсколькихъ дней выказывалъ кипучую дѣятельность: леталъ изъ села въ село, ругался со старостами, сажалъ двухъ-трехъ недоимщиковъ, для острастки, въ холодную, уставалъ къ вечеру, какъ гончая собака, и, наконецъ, опять мало-по-малу успокоивался—до новаго циркуляра исправника.

Одно было нехорошо въ Яковѣ Иванычѣ: очень онъ ужъ робѣлъ передъ каждымъ „начальствомъ“, будь это хоть акцизный надзиратель или судебный приставъ. Когда, бывало, кто-нибудь изъ похожихъ на начальство останавливался въ волости для чаепитія во время смѣны лошадей, то Яковъ Иванычъ чуть не самъ ставилъ самоваръ и бѣгалъ со стаканами и блюдцами. Я старался, по возможности, убѣдить его въ неприличности его поведенія, упрашивалъ его держаться съ большимъ достоинствомъ, но онъ односложно отвѣчалъ:

— Вѣдь стрескаетъ!..

— Да зачѣмъ же онъ тебя стрескаетъ, если не ты будешь стаканы подавать? Вѣдь на это сторожъ есть?... А если и вздумаетъ стрескать, то ты, во-первыхъ, этимъ подслуживаньемъ его не умаслишь, а во-вторыхъ, онъ даже смѣлѣе будетъ трескать, потому что увидитъ, какая ты баба... Другого еще побоится,—пожалуй, отпоръ получитъ, а съ тобой ужъ церемониться не будетъ...

— Такъ-то оно такъ, а все-таки—членъ!..

Однако, благодаря моимъ насмѣшкамъ и убѣжденьямъ, Яковъ Иванычъ началъ по немногу переставать лично подавать стаканы, и только покрикивалъ на сторожа: „эй, Петровичъ, живѣй тамъ поворачивайся!“... И то ужъ прогрессъ!

Такъ вотъ каковъ былъ, въ общемъ, мой ближайшій начальникъ, Яковъ Иванычъ.

VII.

Сельскіе старосты, въ качествѣ членовъ волостного правленія.

Въ нашей волости, какъ и въ большинствѣ другихъ, издавна существуетъ правило для сельскихъ старостъ собираться каждое воскресенье для составленія такъ-называемаго въ „Общ. Положеніи“ волостного правленія. Но уже самимъ „Положеніемъ“ обязанности этого правленія ограничены однѣми пустыми формальностями: каждое 1-ое число приложить печати къ денежнымъ книгамъ въ доказательство произведеннаго будто бы учета, который, за неграмотностью членовъ правленія, никогда не производится; назначить день для продажи съ торговъ имущества какого-либо неплательщика; дать старшинѣ довѣренность на полученіе съ почты денежнаго пакета—и только. Но единовременный созывъ старостъ тѣмъ удобенъ, что при этомъ гораздо легче исполнять присылаемые въ волость разнаго рода порученія и запросы отъ начальствующихъ мѣстъ и лицъ. Старостамъ въ этотъ день читаются начальническія предписанія, относящіяся до всѣхъ или до одного изъ нихъ, выдаются повѣстки отъ мирового судьи и на волостной судъ, дѣлаются распоряженія о высылкѣ въ волость лицъ, до которыхъ есть дѣло, назначаются дни для созыва сельскихъ сходовъ, если есть надобность въ нихъ, и проч., и проч. Въ это же время и старосты спрашиваютъ указаній по разнымъ возникшимъ въ ихъ обществахъ недоразумѣніямъ и вопросамъ: какъ поступить съ такимъ-то недоимщикомъ, что дѣлать по случаю несогласія, возникшаго при дѣлежѣ имущества между двумя братьями, надо ли выбрать опекуна къ оставшимся послѣ смерти мужика сиротамъ, и можно ли посадить въ холодную подравшихся на сходкѣ двухъ сватовъ?.. Вопросовъ масса, и самыхъ разнообразныхъ. Встарину, громадное большинство ихъ безапелляціонно рѣшалось міромъ, и дѣла, въ родѣ дракъ, раздѣловъ и опеки никогда не доходили даже до волости, не говоря уже—до высшихъ административныхъ мѣстъ и лицъ; но теперь, въ періодъ индивидуализаціи личности, когда власть и авторитетъ „стариковъ“ и міра почти совсѣмъ пали,

когда послѣдній пьяница-прощалыга узналъ отъ „вѣрнаго человѣка“, что „по закону“ можна идти и противъ міра, и что міръ часто остается „по закону“ виноватымъ, что на „стариковъ“ есть управа въ волости, а на волость можно найти расправу въ городѣ,—теперь почти всѣ, даже ничтожныя мірскія дѣла доходятъ до волости, а порядочный процентъ изъ нихъ передается выше въ городъ. Въ виду этого, въ виду опасенія, какъ бы „въ отвѣтъ не попасть“, старосты добровольно отказываются отъ имѣющейся у нихъ даже „по закону“ власти и о всякомъ дѣлѣ совѣтуются съ волостью, чтобы этимъ санкціонировать свои распоряженія; волость же, т. е. старшина и писарь, тоже изъ опасенія взысканій со стороны „города“, стараются о возможно меньшемъ личномъ участіи своемъ въ разнаго рода дѣлахъ, и потому—взгляните, какъ завалены прошеніями и жалобами канцеляріи крестьянскаго присутствія, непремѣннаго члена, исправника и мировыхъ судей!.. Посмотрите, какая масса дѣлъ разбирается въ волостныхъ судахъ,—дѣлъ самыхъ ничтожныхъ и кляузныхъ!.. Старшина и писарь—лица подначальныя и отвѣтственныя, а волостные судьи—безотвѣтственны, и какъ они посудятъ, такъ тому и быть; поэтому, осторожные волостные самостоятельно никакихъ жалобъ не разбираютъ, а, умывая руки, направляютъ ихъ въ волостной судъ; выгода отъ соблюденія такого нейтралитета хорошо понята и сельскими старостами, и потому волостные суды буквально завалены жалобами объ оскорбленіи „на словахъ“ или „дѣйствіемъ“, о „самоуправномъ отнятіи конопляного недоуздка“, о „переломѣ ноги забѣжавшему на огородъ къ сосѣду поросенку“, о „придушеніи семилѣтнимъ ребенкомъ двухъ сосѣдскихъ писклятъ“ *) и проч. въ томъ же родѣ. Все стало, такимъ образомъ, дѣлаться „по закону“, и первымъ послѣдствіемъ новаго порядка вещей явилось огромное развитіе кляузничества и ябеды... Разумѣется, это до нѣкоторой степени печально, но, взглянувъ на это же обстоятельство съ другой точки зрѣнія, можно даже порадоваться, что личность начинаетъ, наконецъ, сознавать свои человѣческія и гражданскія

---

*) „Писклята“—мѣстное названіе цыплятъ.

права и стремится оградить ихъ, хотя нелѣпымъ и несимпатичнымъ—на первое время—образомъ.

Итакъ, въ первое воскресенье послѣ моего прибытія въ Кочетово, собрались, по обыкновенію, старосты. Для „формы“ надо было сдѣлать постановленіе отъ волостного правленія о принятіи меня на должность волостного писаря; я было хотѣлъ при сей удобной оказіи просить о прибавкѣ мнѣ жалованья до прежняго размѣра, но, по здравомъ размышленіи, рѣшилъ подождать нѣкоторое время, чтобы тѣмъ вѣрнѣе можно было разсчитывать на успѣхъ. Любопытную коллекцію крестьянскихъ физіономій представляли изъ себя собравшіеся старосты: тутъ были самыя разнохарактерныя личности, но опытный глазъ сейчасъ могъ бы отличить представителя богатаго и сильнаго общества отъ захудалаго, бывшаго помѣщичьяго. Вотъ наприм., опершись обѣими руками о столъ, разговариваетъ вполголоса съ моимъ помощникомъ мужикъ въ новомъ полушубѣ и крѣпкихъ, густо смазанныхъ дегтемъ сапогахъ, съ хитрыми, бѣгающми во всѣ стороны глазами; онъ искоса посматриваетъ въ мою сторону и видимо разспрашиваетъ обо мнѣ: это староста села Добраго, самаго богатаго и зажиточнаго села Кочетовской волости. Вотъ сидитъ на денежномъ сундукѣ съ ничего не выражающей, кромѣ скуки, физіономіей, другой хорошо одѣтый староста: это начальникъ села Кочетова, присмотрѣвшійся уже къ волости и ничего въ ней страшнаго или интереснаго не находящій; онъ ждетъ,—не дождется, какъ бы улизнуть скорѣй въ „Центральную“. А вотъ у дверей стоитъ въ рваномъ полушубкѣ и лаптяхъ мужикъ съ рѣдкою, бѣлобрысою бородкой: это, безъ сомнѣнія, глава общества съ полутора-десятиннымъ на ревизскую душу надѣломъ... Всѣхъ сельскихъ обществъ въ Кочетовской волости восемнадцать, старостъ же собралось только двѣнадцать человѣкъ; очевидно, за дурной погодой и скверной дорогой, дальніе не пріѣдутъ. Старшина, оглянувъ собраніе, начинаетъ такую рѣчь:

— Старостà! Какъ теперь прежній нашъ писарь неугоденъ сталъ и его смѣнили, а намъ новаго прислали, вотъ Н. М., такъ вы какъ—согласны?..

— Что-жъ, пускай послужитъ.

— Глядите вы, Яковъ Иванычъ,—вамъ виднѣе!..

— Извѣстно, коли ежели прислали, надо быть, господинъ хорошій...

— Я, окромя хорошаго, отъ него еще ничего не видалъ,— вступается старшина.—Не знаю, что далѣе будетъ...

— Ну, и въ добрый часъ,—слышатся общія пожеланія.

— Такъ надо будетъ, господа, сдѣлать постановленіе, что вы утверждаете меня въ должности съ прежнимъ двадцати-пяти рублевымъ жалованьемъ... Такъ?—спрашиваю я.

— Такъ, такъ!..

— Прикладывайте же печати, а кто грамотный—расписывайтесь,— сказалъ я, прочтя текстъ постановленія.

— Никого нѣтъ грамотныхъ,—замѣчаетъ мой помощникъ и начинаетъ отбирать печати.

Ко мнѣ подходитъ и таинственно нагибается одинъ изъ старостъ:

— А что,—не знаю какъ назвать—на четверочку съ вашей милости намъ не будетъ?

— Т.-е. какъ это четверочка?

— Хе-хе,—извѣстно, водочки старостамъ для ради перваго знакомства... Ужъ это какъ водится, спрыснуть, значитъ. Потому честь честью, мы ужъ для васъ, а вы для насъ...

— За что же я водку буду вамъ подносить? Не понимаю.

— А какъ же, все-таки, значитъ, начальникомъ нашимъ васъ поставили. Ужъ вы не пожалѣйте рубля тридцати копеекъ.

Старшина перегибается ко мнѣ черезъ столъ и тоже шепчетъ:

— Ужъ вы сдѣлайте имъ уваженіе, Н. М., киньте имъ рублевку! Все-жъ они старались...

— Да кому и надъ чѣмъ они старались?..

— Какъ хотите; а то дайте,—оно съиспоконъ-вѣку ведется.

Я притворяюсь углубившимся въ чтеніе бумагъ, а между тѣмъ обсуждаю вопросъ: дать или не дать? Съ одной стороны—дать, передъ собой какъ-будто совѣстно, а съ другой—

не дать,—сочтутъ за жадность, и только... Рѣшилъ дать, но по окончаніи всѣхъ дѣлъ.

Когда розданы были повѣстки и письма, сдѣланы нѣкоторыя необходимыя распоряженія, и старосты уже стали собираться уходить, я подозвалъ къ себѣ просившаго четверочку.

— На-те, получайте,—говорю я, давая ему рубь,—пейте на здоровье, хоть и не за что. Только ужъ такъ даю, чтобъ жаднымъ не назвали.

Онъ взялъ бумажку и съ сожалѣніемъ разглядывалъ ее.

— Что еще?—спрашиваю.

— Маловато бы: четверочка вѣдь рупь-тридцать.

Я съ понятной досадой вынулъ изъ своего тощаго кошелька еще тридцать копеекъ и, сунувъ ему въ руку, сказалъ: на-те, отвяжитесь, пожалуйста.

Однако, онъ не скоро отвязался, разсыпаясь въ благодарностяхъ и пожеланіяхъ—сто лѣтъ мнѣ прослужить у нихъ въ волости и проч. Нѣсколько минутъ спустя я имѣлъ удовольствіе видѣть, какъ сельское начальство гурьбой отправилось въ „Центральную харчевню“ пропивать мои „рупь тридцать“.

Не знаю, какъ было прежде, но теперь рѣдкій изъ старостъ умѣетъ держать себя съ достоинствомъ: они или безличны, или черезчуръ нахальны. Вообще преобладаютъ два типа: если выбираютъ тихаго, смирнаго мужика, ничего не знавшаго, кромѣ своей сохи, то выборъ его на должность нисколько его не измѣняетъ,—онъ остается вполнѣ мужикомъ, и на званіе свое смотритъ какъ на обузу, наложенную на него за какую-то провинность. На сходкахъ онъ не играетъ никакой роли, „преніями“ не руководитъ, и заинтересованъ въ томъ или другомъ рѣшеніи дѣла ни болѣе и ни менѣе, чѣмъ и всѣ прочіе его однообщественники; въ волости онъ чувствуетъ себя какъ на скамьѣ подсудимыхъ, старается по возможности менѣе попадаться на глаза старшинѣ и писарю, а если имъ и встрѣчается до него надобность и они начнутъ ему что-нибудь приказывать или о чемъ-нибудь спрашивать, то онъ отвѣчаетъ невпопадъ, усердно поддакиваетъ, киваетъ головой, стараясь выразить на своемъ лицѣ пониманіе, и въ концѣ концовъ все-таки ничего не пойметъ, все

перевретъ, повѣстки перепутаетъ, вышлетъ въ волость Ивана Дмитріева вмѣсто Дмитрія Иванова, и всѣ три года своей службы положительно страдаетъ. Такіе старосты — плохіе слуги обществу, и мірскими дѣлами во время ихъ служенія заправляютъ глоты и міроѣды; общественныхъ суммъ они на себя никогда сознательно не растрачиваютъ, но въ концѣ концовъ, при учетѣ ихъ, они всегда оказываются виновными въ растратѣ 20, 50 рублей, или даже нѣсколькихъ сотенъ,— смотря по величинѣ общества. Растраты эти дѣло рукъ тѣхъ же міроѣдовъ; дѣлается же это, примѣрно, такъ. При сдачѣ общественнаго лужка условятся на восьми рубляхъ „въ міръ“ и на ведрѣ водки; водку тутъ же разопьютъ, деньги получаетъ староста на руки, и три четверти сходки расходится по домамъ. Остаются одни заправилы и глоты.

— Кондратичъ! Эй, староста!—кричатъ:—ставь на общественный счетъ еще четверть.

А Кондратичъ, предчувствуя такое требованіе, собрался ужъ домой улизнуть незамѣченнымъ, да не успѣлъ; онъ начинаетъ отговариваться, но къ нему пристаютъ, ругаютъ, обѣщаются доѣхать чѣмъ нибудь и въ концѣ концовъ уломаютъ-таки поставить еще четверть. За три года такихъ четвертей и осьмухъ набирается достаточное количество, а глоты ревутъ на сходкѣ, при учетѣ:

— Когда „Матренкинъ логъ“ сдавали—ведро вѣдь выговорено было,—такъ, старики? А у него, анафемы, показано ведро съ четвертью!.. Опять быка мірского нанимали—ведро выпили, а онъ семь рублевъ пропитыхъ поставилъ!..

— Побойся Бога, Миронъ Евдакимычъ,—да ты самъ опосля съ Егоркой Дубовымъ, да съ Митькой Косолаповымъ меня „за пельки“ *) бралъ и четверть еще стребовалъ! Вспомни-ка-сь!..

Моментально подымается общій гамъ.

— Какъ такъ? Общество ведро пьетъ, а вы потомъ еще четверть?.. Нѣтъ, шалишь,—это вы дюже умны будете!.. Такъ-то-съ!.. Мы ведро, а они само собой еще четверть..

— Да вѣдь это Миронъ...

---

*) „За пельки“—за петельки, т.-е. взять за грудь зипуна или полушубка.

— Какой тамъ къ чорту Миронъ! Не у Мирона деньги, а у тебя, ворона щипаная! Четверть?.. Этакихъ-то четвертей вы съ Мирономъ за три года потрескали може во-сколько, а намъ за васъ отдувайся...

И въ концѣ концовъ, „чтобы смирнаго малаго не обижать“,—покровительственно предложатъ тѣ же Мироны и Егорки—съ отходящаго изъ старостъ Кондратича постановятъ выпить ведро или два, смотря по размѣру начета, остальное простятъ, и, насмѣявшись, обозвавъ его вороной и рохлей, отпустятъ опять къ столь милымъ ему сохѣ и боронѣ; а онъ, идя за старымъ саврасымъ мериномъ по бороздѣ, долго съ горечью вспоминаетъ, какъ съ него ни за что, ни про что, за праведную его трехлѣтнюю службу, сорвали два ведра...

Но есть старосты и другого типа: эти и въ кабакѣ, и въ церкви, и, тѣмъ болѣе, на сходкѣ помнятъ, что они не простые мужики, а начальственныя лица. У нихъ и замашки и аппетиты начальственные; они покрикиваютъ на десятскаго: „эй, ты, чучело,—поворачивайся!“ Они съ угрозой спрашиваютъ провинившагося передъ ними: „ты знаешь, кто я такой есть? Не видишь мидали?“ Такой староста смотритъ на общественныя суммы, какъ на свои; поглупѣе который—въ концѣ концовъ попадается, поумнѣе — выходитъ сухъ изъ воды. Мнѣ разсказывали про одинъ любопытный экземпляръ этого типа. Онъ давно уже желалъ быть старостой, но, за молодостью, его долго не выбирали; когда же его, наконецъ, выбрали, онъ немедленно отправился въ городъ къ непремѣнному члену. Этотъ господинъ еще часто будетъ намъ встрѣчаться, и здѣсь я кратко скажу, что онъ былъ капитанъ въ отставкѣ, чистокровный бурбонъ, глупъ, золъ, драчливъ и высокомѣренъ. Къ такому-то господину является Ѳедотъ и отвѣшиваетъ ему низкій поклонъ. Происходитъ разговоръ.

— Ты что?

— Да вотъ, ваше выскродіе, меня въ старостa выбрало общество.

— Ну, такъ чтожъ?

— Явите божескую милость, ослобоните!

— По какой причинѣ? Семья большая или боленъ?

— Никакъ нѣтъ, это все слава Богу, да только...

— Что „только“?.. Разѣвай ротъ, говори толкомъ!

— Драчливъ я, ваше выскродіе. У меня не такъ, какъ у прочихъ будетъ: строгъ я, и какъ ежели что, сейчасъ у меня, значитъ, рука зудитъ. И въ семьѣ меня боятся, а въ обществѣ и вовсе страху нагоню...

— Хо-хо-хо!.. Такъ драчливъ, говоришь, — рука зудитъ, ха-ха!.. Страху задашь? Это, братъ, хорошо, такъ и слѣдуетъ. Я и самъ воли не люблю давать, не гляжу, что теперь все благородныя манеры пошли. А кулакъ и у меня не плохъ, слыхалъ?..

— Какъ не слыхать-съ, слыхалъ, хе, хе... Такъ ужъ ослобоните, ваше выскродіе! Боюсь,—жалобы пойдутъ, погубятъ ни за что: вы же меня штраховать будете... А у меня такой ужъ карахтеръ,—не стерплю. Ослобоните!

— Ха, ха, ха! Ну, братецъ, ловко! Ну, удружилъ!... Ослобонить!.. Да мнѣ такихъ и нужно, чтобъ подтягивали, а то воли много дали, дворянами всѣхъ сдѣлали... А о жалобахъ ты не думай: ни одной не приму, и разбирать не стану. Ступай себѣ, служи, и не бойся, хо-хо!..

И началъ Ѳедотъ служить: десятскіе его больше боятся, чѣмъ станового; мужики, когда ихъ позовутъ на сборню, бросаютъ ложки, если обѣдали, и бѣгутъ къ начальнику, передъ которымъ во все время разговора стоятъ безъ шапки; недоимщики и прочіе виноватые выходятъ изъ сборни съ встрепанными волосами и распухшими щеками; бабы—и тѣ знали кулакъ Ѳедота и неоднократно сиживали въ амбарахъ, замѣнявшихъ на эти случаи классическую „холодную“. Исполнителенъ былъ Ѳедотъ до совершенства: все, что въ волости прикажутъ, — у него на другой день уже исполнено въ точности: мосты и гати — въ отличномъ состояніи; въ рѣкѣ конопля не мокнетъ; пожарный инструментъ—въ исправности; даже ночные караульщики всю ночь стучатъ въ колотушки. Ѳедоту оказывали почетъ не меньшій, чѣмъ старшинѣ: если онъ войдетъ „съ хорошимъ человѣкомъ“ въ дальнюю комнату харчевни чаю напиться,—все мужичье оттуда мигомъ ретируется, чтобы не мѣшать разговору пріятелей; становой—и тотъ относился къ Ѳедоту съ невольнымъ уваженіемъ: языкъ какъ-то не поворачивается упомянуть родительницу

этого степеннаго, солидно держащаго себя, красиваго мужика. И растратъ у Ѳедота къ концу трехлѣтія его службы не оказалось: онъ копѣйки мірской не пропилъ, а Мироны и Егорки за всѣ три года шкаликомъ на общественный счетъ не попользовались; сколько назначитъ Ѳедотъ выпить—ведро или полведра,—столько и поставитъ, а больше ни капельки, хоть все общество взбунтуйся. Правда, что при немъ кабакъ, который прежде ходилъ за 400 рублей, сталъ сдаваться только за 250 рублей, — никто изъ кабатчиковъ не давалъ больше, намекая, что много ужъ очень стало „темныхъ“ расходовъ; да участки земель и сѣнокосовъ, которые сдавались за 10—15 рублей, стали ходить по 8—12 рублей... Всѣ понимали, въ чемъ тутъ причина, но никто не перечилъ, да и перечить нельзя было: къ чему жъ тутъ придраться, если меньше даютъ, чѣмъ прежде? — Цѣна, значитъ, упала, — и только. Тѣ же деньги, которыя Ѳедотъ на міру принималъ къ себѣ на руки, т.-е. оффиціальный доходъ за мірскія угодья и оброчныя статьи, — были правильно израсходованы до копѣечки, такъ что и Миронамъ не подо-что было подкопаться. Вотъ каковъ былъ, по разсказамъ Ѳедотъ; я уже не засталъ его въ должности старосты—его не выбрали на второе трехлѣтіе,—и опять гати стали размываться, мосты проваливаться, а вода въ рѣкѣ вонять коноплей... Зато доходъ съ кабака сразу поднялся до прежняго размѣра—400 рублей...

Между типами Ѳедота и безотвѣтнаго пахаря-старосты, Кондратича, существуютъ, конечно, переходныя ступени, т.-е. личности старостъ, болѣе или менѣе приближающіяся къ тому или другому типу. Но, какъ общее правило, чѣмъ лучше староста для волости, для начальства, — тѣмъ хуже для общества; исключеніе составляютъ развѣ совершенные олухи, но жадные до денегъ: эти и общество обкрадутъ, и какъ должностыя лица—невозможны.

VIII.

Попытка передѣла земли на „новыя души“.

Постараюсь теперь обстоятельно разсказать о томъ, какъ въ Кочетовѣ добились передѣла земли на наличныя души

мужского пола, или, говоря книжнымъ языкомъ — коренного передѣла. Исторія эта будетъ долга, какъ долга она была и въ дѣйствительности: окончательное рѣшеніе вопроса послѣдовало лишь черезъ полтора года послѣ первой постановки его; но подробно изложить весь этотъ процессъ заставляетъ меня то обстоятельство, что здѣсь ярко обрисуются и отношенія партіи кулаковъ-міроѣдовъ къ общей массѣ сѣраго крестьянства и отношеніе начальствующихъ лицъ къ возбужденному вопросу, и личное мое участіе, какъ волостного писаря въ этомъ дѣлѣ.

Сообщу, для ясности, нѣсколько данныхъ о Кочетовскомъ обществѣ. Въ немъ около 1,300 ревизскихъ душъ, съ надѣломъ въ 8 тысячъ десятинъ земли, изъ которой болѣе 6 тысячъ—пахотной, а остальная—подъ усадьбой, лѣсомъ и прочими угодьями; такимъ образомъ, общество это, по всѣмъ внѣшнимъ признакамъ, богатое, многоземельное: на ревизскую душу приходится до $4^1/_2$ десятинъ пахаты, т.-е. по $1^1/_2$ десятины въ каждомъ полѣ. Послѣдній передѣлъ происходилъ, какъ и у всѣхъ государственныхъ крестьянъ этой мѣстности, — въ 1858 г., т.-е. при X-й ревизіи; съ тѣхъ поръ не было не только коренного передѣла, но не въ обычаѣ была и такъ-называемая скидка и накидка тяголъ, потому что земля здѣсь хороша, арендная ея стоимость уже съ конца 60-хъ годовъ превышала лежащіе на ней платежи, и надѣлъ съ барышомъ окупаясь, никому не былъ въ тягость; пашущій свой надѣлъ крестьянинъ дорожилъ имъ, потому что его надѣльная земля обходилась ему дешевле, чѣмъ арендуемая на сторонѣ; не-пашущій, бездомовый или безлошадный, сдавалъ ее охотнику, который вносилъ всѣ лежащіе на ней платежи и давалъ ему еще нѣсколько рублей „верховъ“, т.-е. уплачивалъ разницу между арендной ея стоимостью и количествомъ взнесенныхъ за нее платежей. Такимъ образомъ, вымершія души ни крестьянину, ни сиротамъ, ни вдовамъ не были въ тягость: всѣ они пользовались, или дешевой землей или „верхами“.

Не такъ стояло дѣло въ моментъ X-й ревизіи для крестьянъ, по той или другой причинѣ отставшихъ отъ земледѣлія, наприм., промѣнявшихъ его на какое-нибудь ремесло или

промыселъ, или же опустившихся до безлошадности и батрачества: этимъ приходилось бы сдавать свой надѣлъ съ доплатой отъ себя, потому что, — по тогдашней чрезвычайно низкой (75 коп.—1 руб. за десятину) арендной стоимости земли въ этой мѣстности,—платежи за душу превосходили арендную стоимость надѣла; такіе бобыли, какъ милости, просили общество „ослобонить ихъ отъ земли“, т.-е. взять землю на міръ, а ихъ пустить на всѣ четыре стороны. Общество, взявъ съ нихъ отступное (мнѣ не удалось выяснить—сколько), составило въ 1858 году приговоръ, по которому просители, всего до 70 ревизскихъ душъ, отпускались на прожитіе въ пригороднія слободы, а надѣлы ихъ поступали въ общество навсегда.

Въ то время земля была дешева, ея было вволю на сторонѣ, и въ обществѣ ею не очень дорожили: многіе клины и отрѣзы, затруднявшіе разверстку, остались въ міру, т.-е. неподѣленными на души; самыя же мелкія полоски, въ четвертокъ и осминникъ *), тутъ же пропивались „на вѣчно“, т.-е. до новаго передѣла, который, какъ оказалось, заставилъ себя ждать двадцать пять лѣтъ. Я лично знаю нѣкоторыхъ владѣльцевъ такихъ участковъ, „на вѣчно“ купленныхъ еще отцами и дѣдами нынѣшнихъ хозяевъ: такъ, нѣкто Иванъ Дронинъ владѣлъ въ теченіе 25 лѣтъ полъ-десятиной земли, доставшейся его отцу за четверть ведра водки, поднесенной мірскимъ мѣрщикамъ; Степанъ Бородкинъ владѣлъ въ двухъ мѣстахъ отрѣзами, всего около $^3/_4$ десятины, за поднесенное во-время полведра, и т. п. Такой „гулящей“ земли набиралось около 50 десят., да мірской, сотенной, не подѣленной на души, было болѣе 300 десятинъ; эта послѣдняя состояла частью изъ надѣловъ вышеупомянутыхъ добровольныхъ „бобылей“, т. е. крестьянъ, отказавшихся отъ пользованія своими надѣлами, частью изъ отрѣзовъ, спеціально оставленныхъ сотнями **) для сдачи въ аренду на мірскія нужды.

---

*) Четвертокъ—$^1/_4$ десятины, осминникъ—$^1|_2$ десятины казенной въ 2,400 кв. саж.

**) Мелкое дѣленіе большого сельскаго общества; въ Кочетовѣ восемь сотенъ. Каждая изъ нихъ составляетъ какъ бы отдѣльную поземельную общину, производитъ свои мірскіе сборы и расходы и т. п. „Сотня“, въ свою очередь, распадается на „десятки“.

Все это громадное количество земли эксплуотировалось обществомъ самымъ безобразнымъ образомъ: оно сдавалось въ аренду разнымъ міроѣдамъ почти за полцѣны, половина, если не больше, этой полцѣны тутъ же пропивалась, и только жалкіе остатки шли на удовлетвореніе мірскихъ нуждъ: на уплату десятскимъ и разнаго рода караульщикамъ жалованья, на починку мостовъ, пожарнаго инструмента и проч. Понятно, что міроѣды, ежегодно снимавшіе эти земли и бравшіе на нихъ чуть ли не рубль на рубль барыша, должны были явиться самыми ожесточенными противниками передѣла, такъ какъ, при нынѣшнихъ цѣнахъ на землю, клины эти и отрѣзы неминуемо пошли бы въ разверстку, ускользнувъ изъ рукъ прежнихъ постоянныхъ съемщиковъ. Противниками передѣла должны были явиться и тѣ домохозяева, у которыхъ предвидѣлась „убыль въ душахъ“, т. е. потеря одного или нѣсколькихъ надѣловъ ихъ умершихъ родственниковъ, которыми они думали пользоваться безпрепятственно до новой „ревизіи“. Иные изъ домохозяевъ этой категоріи могли существовать почти одними верхами: получая, напр., за каждую изъ пяти владѣемыхъ имъ душъ по 15 руб. „верховъ“, одинъ изъ нихъ имѣлъ такимъ образомъ 75 руб. чистаго дохода отъ своего надѣла, безъ всякой затраты капитала или мускульнаго труда. Рядомъ съ такими многоземельными домохозяевами, владѣвшими надѣлами умершихъ братьевъ и дѣтей были такіе, которые владѣли, по числу ревизскихъ душъ, только однимъ или двумя надѣлами, а въ семьѣ имѣли наличныхъ пять и болѣе душъ мужского пола: словомъ, равномѣрность въ распредѣленіи земли за двадцатипятилѣтній періодъ времени сильно нарушилась, и во многихъ крестьянскихъ головахъ уже бродила мысль о коренномъ передѣлѣ; толчокъ для осуществленія этой мысли пришлось дать мнѣ.

Прошло мѣсяца полтора, какъ я занялъ мѣсто писаря въ Кочетовѣ. Однажды утромъ, когда еще изъ постороннихъ никого въ правленіи не было, входитъ ко мнѣ въ канцелярію кочетовскій староста, Дормидонъ Аѳанасьевичъ. Два слова о немъ: мужикъ онъ былъ хитрый, лицемѣрный, добившійся должности старосты при помощи подкупа и подпаиванья, и норо-

вившій за три года своего царствованія вернуть съ лихвой затраченный имъ на выборахъ капиталъ; при всемъ этомъ онъ былъ ограниченнаго ума и лѣнивъ въ исполненіи своихъ служебныхъ обязанностей. Со временемъ я его въ совершенствѣ распозналъ и имѣлъ съ нимъ жестокія стычки, но въ началѣ своей службы я не зналъ сельскаго люда и, подъ вліяніемъ воспитанныхъ городомъ традицій о мужикѣ въ частности и о народѣ вообще, — видѣлъ въ каждомъ, носящемъ полушубокъ, предметъ для умиленія... Только долговременная практика и развившаяся опытность научили меня быть недовѣрчивымъ и искать у всѣхъ просителей, жалобщиковъ и совѣтчиковъ изнанку ихъ просьбъ, жалобъ и пріятельскихъ совѣтовъ. Такъ было и въ данномъ случаѣ: по всей видимости, Аѳанасьичъ явился ко мнѣ по мірскому дѣлу изъ желанія порадѣть міру, между тѣмъ какъ онъ дѣйствовалъ изъ совершенно личныхъ расчетовъ, совпадавшихъ, къ счастію, съ желаніемъ значительной части міра.

— Съ добрымъ утромъ, Н. М.; какъ здоровьице?

— Благодарю. Что скажете?

— Признаться, дѣльце тутъ есть одно; погутарить *) хотѣлось бы.

— Такъ что жъ, говорите.

— Дѣло-то вотъ какое, Н. М.,—большое... Наслышамшись мы, что въ прочихъ мѣстахъ кой-гдѣ землю дѣлять на новыя души; а у насъ въ обществѣ равненье тоже давно потеряно: у кого пять должно быть душъ, у него одна, а то есть такіе, что одинъ, какъ перстъ, а владѣетъ четырьмя душьми. Ну, и мірской земли зря много пропадаетъ... Такъ что вы намъ скажете, какъ по законамъ-то? Признаться, мы тутъ кой съ кѣмъ подговорились, да пришли на счетъ этого посовѣтоваться...

— А скажу я вамъ, что задумали вы дѣло хорошее... Да вы не одни вѣдь пришли,—такъ зовите и остальныхъ, я поразскажу, что вамъ знать хочется.

Аеанасьичъ пріотворилъ дверь въ „сельскую“, — такъ называлась комната въ правленіи, служившая сборней,—и, махнувъ рукой, громкимъ шопотомъ сказалъ:

---

*) „Погутарить“—поговорить.

— Идите, что-жъ вы?..

Трое мужиковъ, очевидно, ждавшихъ этого оклика, вошли въ канцелярію и, истово покрестившись на иконы, поочередно пожали мнѣ руку.

— Ну, что скажете, почтенные?—началъ я разговоръ.

— Къ вашей милости. Аѳанасьичъ говорилъ вамъ, что насчетъ земли задумали?

— Что жъ, дѣло хорошее.

— Это точно. Да сумлѣніе насъ беретъ.

— Какое сумлѣніе?

— Говорятъ тутъ кой-какіе изъ нашихъ мужиковъ, да и солдатъ одинъ дюже твердо стоитъ на томъ, что безпремѣнно царскій указъ должонъ быть, царь письмо должонъ прислать,—тогда и дѣлить можно. А теперь, будто и не моги,—въ Сибирь будто за самовольство сошлютъ... Такъ вотъ мы и сумлѣваемся.

Я не могъ не разсмѣяться этому „сумлѣнію“. Очень ужъ выходило смѣшно.

— Охъ вы, чудаки, чудаки!.. Какихъ это царскихъ писемъ вы ждать будете? Бываютъ, дѣйствительно, указы передъ ревизіей, — такъ вы не ревизію вѣдь производить будете, а передѣлъ своей, надѣльной земли; а въ своемъ добрѣ всякъ воленъ, и, по закону, можете хоть каждый годъ дѣлить, — никто вамъ препятствовать не смѣетъ, лишь бы приговоръ былъ законный. — И я, доставъ „Общее Положеніе“, прочиталъ статью, въ которой упоминается, между прочими правами схода, и право производить передѣлы земли. Крестьяне слушали меня съ напряженнымъ вниманіемъ: видно, слова мои были для нихъ совершенною новостью. Когда я, прочитавъ статью и разъяснивъ имъ, что на постановку приговора требуется согласіе двухъ третей всѣхъ домохозяевъ, спросилъ: поняли? то они съ просвѣтлѣвшими лицами разомъ отвѣтили:

— Какже, поняли, поняли!.. Покорнѣйше благодаримъ, что потрудились. Такъ, значитъ, никакой опаски нѣтъ, и въ отвѣтѣ за это не будемъ?

— Не будете, говорю я вамъ. Да вотъ что: вы, староста, объ этомъ сходъ хотите собирать?

— Да, надо будетъ,—все еще нерѣшительно отвѣчалъ онъ.

— Такъ чтобы показать, что тутъ никакой опаски нѣтъ, я самъ начну говорить объ этомъ дѣлѣ на сходѣ: вѣдь не буду же я на свою голову бѣду накликать, еслибъ закона не было говорить про это!

— Вотъ покорнѣйше благодаримъ, вотъ уважите! Ужъ потрудитесь, этакъ повѣрнѣе будетъ, они скорѣе поймутъ; да и солдату этому укажите, какой такой законъ есть!

Все, что я выше говорилъ о мірскихъ клиньяхъ, о значеніи, которое они имѣютъ для мѣстныхъ богачей міроѣдовъ,—все это я узналъ уже впослѣдствіи, а въ моментъ начатія кампаніи я ничего въ мірскихъ дѣлахъ еще не смыслилъ и никакихъ закулисныхъ пружинъ не подозрѣвалъ, принимая все за чистую монету. Настойчиво разспрашивать первыхъ попавшихся подъ руку крестьянъ я стѣснялся, чувствуя постоянное тяготѣніе клички „писарь“, — должности, столь подозрительной для крестьянской массы; знакомствъ же я не успѣлъ еще завесть, и говорить „по душѣ“ было не съ кѣмъ,—да я, въ своемъ незнаніи деревни, и не подозрѣвалъ, что было такъ много, о чемъ говорить.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого разговора, когда староста уже оповѣстилъ черезъ десятскихъ по селу, что въ ближайшее воскресенье будетъ сходка „насчетъ земли“, — подходитъ ко мнѣ старикъ-крестьянинъ, истый патріархъ съ виду, съ правильными, строгими чертами лица и по поясъ длинной, совершенно сѣдой бородой,—просто—бери кисть и рисуй: лучшаго натурщика для типа крестьянскаго патріарха-общинника не найти.

— Что скажете?

— Да вотъ, поговорить съ вашей милостью надо бы.

— Говорите, пожалуйста. (Въ такой формѣ начинаются въ волости девять разговоровъ изъ десяти).

— Наслышамшись мы, будто общество хотятъ кой-кто смутить,—землю чтобъ дѣлить на новыя души.

— Да. Только какая же здѣсь смута?

— Не всяко лыко въ строку; просимъ извинить, коли обмолвились. Смуты тутъ, извѣстно, нѣтъ, а все-жъ... Значитъ, правда, что дѣлить-то хотятъ?

— Кой-кто поговариваетъ.

— Такъ-съ. А хотѣлъ я вашу милость побезпокоить: въ правахъ они сейчасъ будутъ?

— Это если подѣлятъ-то? Въ правахъ, закономъ дозволено. А до васъ это развѣ касается?

— Да изволите видѣть: землю тутъ мірскую сымаемъ, за годъ деньги впередъ отданы; такъ если по веснѣ дѣлить будутъ—разорятъ... Ужъ надо правду говорить!

— Зачѣмъ разорятъ? Они деньги вернутъ.

— Изъ какихъ это вшей, прости Господи, вернутъ они?— разгорячился патріархъ.—Почитай половину пропили, а половину такъ, кой-куда, поразсовали; и выйдетъ — ни земли, ни денегъ. Ужъ вы—забылъ какъ звать васъ—не оставьте, дайте помощь!—внезапно перемѣнилъ онъ рѣчь.

— Т. е. какъ и въ чемъ помощь?

— Ужъ будто не знаете? У васъ это дѣло всегда въ рукахъ... Извѣстно, чтобъ хоша до будущаго года погодили съ дѣлежомъ; какъ землю отдержимъ, ну—тогда съ Богомъ! А мы ужъ васъ ублаготворимъ, въ обидѣ не будете, не сумлѣвайтесь...

— Да чего же вы отъ меня хотите? Что̀ я могу сдѣлать?— спрашивалъ я, все еще недоумѣвая, о чемъ проситъ патріархъ.

— Приговора не пишите, вотъ что. Растолкуйте имъ, что сейчасъ дѣлить нельзя, законы, чтоли, покажите... А вы не сумлѣвайтесь: ни старшина, ни староста въ это дѣло соваться не будутъ.

— Нѣтъ, ужъ это извините: никакихъ подлостей я дѣлать не буду и небывалыхъ законовъ показывать не стану. Прощайте, не мѣшайте мнѣ,—я занятъ.

Патріархъ нéхотя поднялся со стула и въ нерѣшительности простоялъ съ минуту, думая, не „фортель“ ли это только съ моей стороны, чтобы набить цѣну за прочтеніе небывалаго закона. Но видя, что я пишу, не обращая на него вниманія, онъ еще разъ окликнулъ меня, уже тономъ ниже:

— Такъ какъ же быть-то? Не уважите?

— Я вамъ сказалъ, что нѣтъ, и довольно съ васъ,—рѣзко отвѣтилъ я.

— Такъ прощенья просимъ-съ,—сказалъ онъ, уходя. — Только напрасно это вы круто дюже!..

Я съ облегченіемъ вздохнулъ, когда сѣдая, какъ лунь, борода скрылась за дверью... Это было еще первое предложеніе крупной взятки, и мнѣ, совершенно неопытному въ житейскихъ дѣлахъ идеалисту, большого труда стоило хладнокровно держать себя и не поступить съ патріархомъ по его заслугамъ. Мелкія „благодарности“, впрочемъ, предлагались мнѣ уже неоднократно: то паспортъ, подписавши, отдаешь, а тебѣ въ руку гривенникъ суютъ; то удостовѣреніе напишешь, а тебѣ на столъ пятачекъ кладутъ, и проч.; но въ такихъ случаяхъ достаточно бывало строго сказать: „возьми назадъ, не надо“,—какъ сконфуженный доброхотъ спѣшилъ, бормоча что-то въ видѣ извиненія, обратно спрятать свое приношеніе въ карманъ закорузлаго полушубка; торгъ же о прочтеніи несуществующаго закона предлагался мнѣ еще въ первый разъ, и не могу сказать, чтобы я спокойно чувствовалъ себя въ этотъ день въ званіи волостного писаря...

Глухого слуха, что на сходкѣ будетъ толкъ „насчетъ земли“, было достаточно, чтобы въ воскресенье народъ толпами повалилъ къ волости: изъ 510 домохозяевъ, составляющихъ Кочетовское общество, явилось на сходъ 420 человѣкъ,—количество необычайное, почти небывалое. Толпа глухо волновалась и, разбившись на кучки, обсуждала вопросъ дня; это была первая большая сходка, на которой мнѣ приходилось играть роль, — и я былъ нѣсколько взволнованъ... Сельскій писарь кончилъ перекличку; старшина влѣзъ на перила крыльца „Правленія“ и сталъ предлагать сходу на разрѣшеніе мелкіе вопросы, подлежавшіе обсужденію: выдать ли одному крестьянину увольнительный приговоръ для путешествія къ святымъ мѣстамъ; кого выбрать въ опекуны къ сиротамъ умершаго однообщественника, и еще что-то въ этомъ родѣ. Всѣ эти вопросы рѣшены были почти моментально простымъ поднятіемъ рукъ: видимо, всѣ какъ бы торопились перейти къ сути; и вотъ воцарилось мертвое молчаніе. Старшина сдѣлалъ витіеватое вступленіе, примѣрно въ той формѣ:

— Таперича, почтенные господа старички, прошу послу-

шать нашего новаго господина волостного писаря. Онъ хочетъ вамъ разъяснить оченно антересное для васъ дѣло, отъ котораго у многихъ въ глазахъ зарябитъ...

Послышалось два-три одобрительныхъ смѣшка, мгновенно, однако, затерявшихся среди общаго торжественнаго молчанія. Старшина слѣзъ съ перилъ; очередь говорить была за мной. Я всталъ на порогъ крыльца и былъ, такимъ образомъ, на голову выше стоявшей на землѣ публики. Приподнявъ шапку, на что половина народа отвѣтила мнѣ такимъ же привѣтствіемъ,—я поклонился и началъ свою рѣчь такъ:

— Господа! Для перваго нашего съ вами знакомства я хотѣлъ бы поговорить объ одномъ дѣлѣ, которое, какъ я слыхалъ, задумано нѣкоторыми изъ васъ уже давненько...— Рѣчи моей, какъ совершенно неинтересной для читателей, я приводить не буду; упомяну только, что я старался по возможности ярко обрисовать то неравномѣрное пользованіе землей, которое происходило отъ долговременнаго измѣненія состава семей; потомъ я объяснилъ, что передѣлы дозволены закономъ, и что въ другихъ мѣстахъ, съ иными жизненными условіями,—они практикуются очень часто, иногда ежегодно; въ заключеніе я сказалъ, что для составленія приговора о передѣлѣ необходимо согласіе $^2/_3$ общаго количества домохозяевъ въ селѣ. Сказавъ все это, я отошелъ къ сторонкѣ; толпа колыхнулась, но опять замерла: никакого взрыва не произошло,—никто не рѣшался первымъ прервать молчанія. Не выдержалъ только староста Аѳанасьичъ, и, влѣзши на мѣсто старшины, на перила, завопилъ:

— Такъ что-жъ, старички, дѣлить согласны? Желаете?

Изъ толпы раздался голосъ, какъ я впослѣдствіи узналъ, кривого Парфена, отчаяннаго обиралы и міроѣда.

— Какой тамъ чортъ желаетъ!.. Это, може, писарю нужно, да ты смутьянишь... Лестно, небось, на шесть душъ получить!..

Эти слова кривого Парфена были искрой, упавшей на давно заложенную пороховую мину: моментально поднялся ревъ и гамъ невообразимый. Груди четырехсотъ человѣкъ, здоровыхъ, на деревенскомъ воздухѣ взросшихъ, приводили воздухъ въ сотрясеніе; отдѣльныхъ звуковъ не было слышно,—стоялъ сплошной гвалтъ. Непривычный къ такого рода вѣчу,

я въ испугѣ прокричалъ на ухо стоявшему рядомъ со мною старшинѣ:

— Что это они? Бить хотятъ того, кто кричалъ?

— Ничего,—отвѣтилъ онъ,—это они всегда такъ. Вотъ поугомонятся, тогда и разберутся, кто куда тянетъ.

Дѣйствительно, минуту спустя, гулъ стало понемногу затихать, и изъ общаго хора начали выдѣляться наиболѣе энергическія восклицанія: „Дѣлить!.. Не надо! Грабить вздумали!.. У васъ научились!.. Въ кабакахъ наснимали!.. Молодъ дюже... Дѣлить, дѣлить!.. Не надо!“ и т. д.

— Пойдемъ отсюда, Н. М.,—сказалъ мнѣ старшина,—ихъ вѣдь не переслушаешь: покуда глотокъ не обдерутъ себѣ, никакого толку не будетъ.

У меня, съ непривычки, уже стоялъ звонъ въ ушахъ, и я съ удовольствіемъ воспользовался предложеніемъ старшины и ушелъ съ нимъ въ волость; но и тутъ стоялъ гвалтъ, хотя и не такой могучій какъ съ наружи.

Въ канцеляріи собралось до десятка мужиковъ „поумственнѣе“, принадлежащихъ, однако, къ разнымъ партіямъ; были тутъ двое, трое богачей міроѣдовъ и въ томъ числѣ знакомый уже мнѣ патріархъ; было человѣка три мужиковъ, въ споръ не вступавшихъ и только съ любопытствомъ слушавшихъ резоны противниковъ, и было, наконецъ, нѣсколько человѣкъ—сторонниковъ дѣлежа. Слушавшіе безмолвно мужики принадлежали къ индифферентной партіи, которой отъ дѣлежа не было ни тепло ни холодно, такъ какъ у нихъ, благодаря неизмѣнившемуся составу ихъ семей, не произошло бы ни убавки, ни прибавки въ душевыхъ надѣлахъ; только самый размѣръ надѣла могъ уменьшиться, вслѣдствіе прибавки числа душъ (естественный приростъ населенія), но и это уменьшеніе не могло быть велико, потому что въ общую разверстку должны были войти тѣ четыреста десятинъ, которыя теперь состояли въ арендѣ.

— Вотъ, еслибъ царскій указъ, — говорилъ патріархъ, — тогда, извѣстно, исполнять надо.

— Будетъ тебѣ, Ѳедоръ Степанычъ, туману на насъ наводить,—азартно выкрикивалъ худощавый, въ старомъ полушубкѣ мужикъ. Я узналъ его впослѣдствіи поближе: это былъ

довольно разумный, работящій, но какой-то безталанный человѣкъ; въ теченіе пяти лѣтъ онъ два раза на-чисто погорѣлъ, а за годъ до описываемаго времени у него увели разомъ обѣихъ бывшихъ у него лошадей; кромѣ того, у него была большая семья съ пятью душами мужского пола, а землей онъ владѣлъ только на двѣ ревизскихъ души. Прибавка къ надѣлу была для него единственнымъ лучомъ надежды выбиться изъ того тяжкаго положенія, въ которое вогнали постигшія его несчастья.

— Туману ты не наводи, — продолжалъ онъ, — мы вѣдь тоже кое-что смѣкаемъ! Полянскіе нешто получили указъ, а вся волость землю передѣлила?.. Панскіе тоже писемъ не дождались, а по веснѣ дѣлежку задумали... Опять писарь законы читаетъ, что во всякое время безъ указовъ дѣлить можно...

— Это что говорить! Знамо, на свою голову врать не будетъ,—одобрительно поддакнули сторонники худощаваго мужика.

— Теперь скажемъ о землѣ, — продолжалъ онъ, наступая на патріарха и приходя въ азартъ. — Бу-удетъ вамъ общество-то ломать: вѣдь у васъ цѣлая прорва земли мірской за пазухой сидитъ вотъ уже двадцать годовъ,—а намъ по нуждѣ по нашей земли нѣтути? Нешто это порядки, нешто это по-божьи? Да что толковать: Бога-то у васъ давно нѣтути!..

— Богъ-то, молодецъ, у всѣхъ есть,—поглаживая бороду, отвѣчалъ патріархъ. — Ты разсуди — вѣдь всяка тварь подъ Богомъ ходитъ, — такъ какъ же безъ Бога-то? А вотъ ограбить насъ—это вы, точно, что желаете...

— Грабить?.. Кого грабить? Это васъ-то? — кричали противники.

— А то что-жъ, извѣстно грабить! — въ свою очередь воодушевляясь, наступалъ патріархъ.— Аренду отнять хотите, деньги взяли, а земли не будетъ? Это-то по-божьи, а? Побожьи, спрашиваю?...

— А зачѣмъ вы по кабакамъ землю-то снимаете? Напоите народъ, да задаромъ и возьмете?.. Сами грабили, такъ скусно было, а теперь—такъ назадъ, на Бога спираться?..

Конца разговора, еслибы таковой и могъ быть, мнѣ не

пришлось, однако, дослушать, потому что крики на дворѣ сильно ослабли, и являлась возможность придти къ какому-нибудь соглашенію. Старшина опять влѣзъ на перила и старался унять самыхъ рьяныхъ противниковъ, все еще перебранивавшихся; наконецъ, водворилась относительная тишина.

— Ну, что-жъ, господа старички, — началъ старшина, — какъ у васъ рѣчь о новыхъ душахъ зашла, и переговорили вы теперь, такъ чѣмъ дѣло кончать задумали?

Нѣсколько голосовъ крикнуло: „дѣлить!“ Имъ отвѣчали: „не надо!“—но поднимавшаяся опять-было буря затихла при возгласѣ старшины:

— Помолчите, эй вы, оглашенные! Ругаться, да орать будете, — толку мало выйдетъ. А кто желаетъ дѣлить — пусть руку поднимetъ, вотъ и видно будетъ. Ну, поднимайте, кто ежели желаетъ!

Къ неописанному удивленію моему поднялось не болѣе полусотни рукъ, остальныя оставались опущенными. Старшина тоже обозлился.

— Что-жъ вы, оглашенные, кричать—всѣ кричите, а рукъ не поднимаете? Поднимайте, говорю вамъ, кто желаетъ.

Та же исторія: на этотъ разъ поднялось, кажется, еще менѣе рукъ, чѣмъ въ первый.

Старшина въ сердцахъ соскочилъ съ перилъ и хотѣлъ идти въ волость, но я удержалъ его и сказалъ, чтобы онъ такимъ же путемъ опросилъ нежелающихъ дѣлить. Тутъ произошло нѣчто, могущее поставить втупикъ посторонняго, незнакомаго съ деревней, наблюдателя: и нежелающихъ оказалось десятка три, четыре не болѣе. Такимъ образомъ, болѣе 300 человѣкъ „воздержались отъ подачи голоса“.

— Что-жъ мнѣ съ вами, до полночи, что ли, стоять? — вопилъ старшина. — Коли ни такъ, ни этакъ рѣшать не желаете, то ступайте по домамъ... Что-жъ безъ толку стоять?

— Скажите-ка, Яковъ Ивановичъ,—спросилъ я старшину, когда мы вошли съ нимъ въ волость,— отчего они ни такъ, ни этакъ рукъ не поднимаютъ?

— Не обдумали всего, — должно быть есть какая-нибудь загвоздка. Га́ять — всѣ га́ютъ, потому знаютъ, что изъ ихъ

гàянья ничего не выйдетъ; а какъ подошло время дѣло кончать, ну, и сомнительно для большинства стало,—боятся дѣло второпяхъ кончить. Вотъ они ни въ ту, ни въ другую сторону и нейдутъ.

— Что-жъ, какъ же теперь съ этимъ дѣломъ быть?

— А пройдутъ недѣльки двѣ, раскинутъ умомъ, столкуются, тогда и рѣшеніе выйдетъ.

Я выглянулъ на улицу: передъ крыльцомъ оставалась кучка человѣкъ въ двадцать,—остальные уже разошлись по домамъ. Я вышелъ къ этой кучкѣ и, оставаясь въ тѣни незамѣченнымъ, разслушалъ, о чемъ они толкуютъ, какая именно загвоздка смутила большинство: ходило мнѣніе, что если будетъ передѣлъ земли до объявки ревизіи, то при ревизіи прирѣзки земли на „новыя души“ ужъ не будетъ; поэтому многіе сторонники передѣла боялись высказаться рѣшительнымъ образомъ, чтобы не лишить себя въ будущемъ желанной даже для этого многоземельнаго, сравнительно, общества прирѣзки...

IX.

Одинъ изъ новѣйшихъ типовъ деревенскихъ дѣльцовъ.

Прежде чѣмъ продолжать разсказъ о передѣлѣ земли, позвольте познакомить васъ съ Иваномъ Моисеевичемъ Герикомъ, крестьяниномъ села Кочетова, отецъ котораго, выкрестъ изъ евреевъ, лѣтъ двадцать съ лишнимъ тому назадъ приписался къ кочетовскому крестьянскому обществу. Личность эта настолько любопытна какъ по своимъ индивидуальнымъ качествамъ, такъ и по той роли, которую она играетъ въ Кочетовѣ, что мнѣ частенько придется говорить о ней, поэтому я, не откладывая, хочу здѣсь же, хотя и бѣгло, очертить ее.

Отецъ Герика, солдатъ, завѣдывалъ когда-то этапнымъ пунктомъ въ с. Кочетовѣ; на этой должности онъ съумѣлъ нажить кой-какія деньжонки и, благодаря этому обстоятельству, имѣлъ возможность сдѣлать нѣкоторое приношеніе кочетовскому обществу, за что и принятъ былъ „на землю“ въ число крестьянъ. Деньжонки у Моисея Герика, однако, не удержались, и когда подвыросли двое его сыновей, Иванъ

и Ѳедоръ, то имъ пришлось жить тяжелымъ трудомъ. Ѳедоръ больше оставался дома, пахалъ землю и завѣдывалъ скуднымъ хозяйствомъ, а Иванъ долженъ былъ посторонними заработками доставлять какую-нибудь поддержку обнищавшей семьѣ; съ 15-тилѣтняго возраста сталъ онъ заниматься самыми разнообразными работами: гонялъ гурты, ходилъ въ извозъ, копалъ землю и, наконецъ, опредѣлился на винокуренный заводъ рабочимъ. Теперь, ставъ почти первымъ человѣкомъ въ Кочетовѣ, онъ не загордился, и даже любилъ порою вспоминать о пройденныхъ имъ мытарствахъ. Помню, сидѣли какъ-то мы въ волости и посматривали въ окно, лѣниво перекидываясь незначущими фразами. Зима была въ этотъ годъ снѣжная, и весною, когда происходило дѣйствіе, образовались громадныя зажоры по всѣмъ дорогамъ; такая-то глубокая зажора была какъ разъ противъ волости. Видимъ мы, ѣдетъ мужикъ съ возомъ соломы: лошаденка тощая, сбруя мочальная, лаптишки у мужика старые, полушубокъ весь въ дырахъ,— словомъ, отчаянная бѣдность такъ и бросается въ глаза; и попалъ несчастный возъ этотъ въ самую зажору: лошадь выбилась изъ силъ, вытаскивая его, споткнулась и упала. Горемычный мужикъ, по колѣна въ водѣ, надрывался, помогая своей кормилицѣ встать, но безуспѣшно. Моисеичъ, бывшій съ нами, участливо глядѣлъ на эту сцену и, вздохнувъ, сказалъ: „вотъ точь въ точь, бывало, и я такъ-то надрывался. Везу возъ и самъ не разберу, кто дюжѣй везетъ: я ли, лошадь ли?.. Надо ослобонить его, вспомнить старину“. Онъ скинулъ съ себя подевку и, выйдя на улицу, по колѣно въ водѣ побрелъ къ возу; поднять лошадь, налегнуть на возъ—было для него минутнымъ дѣломъ, такъ какъ силы онъ былъ замѣчательной,—и несчастныя созданія, мужикъ и его кляча, стали кое-какъ продолжать свой горькій путь. Когда Моисеичъ вернулся, я совѣтовалъ ему пообсушиться, говоря, что онъ можетъ простудиться; но онъ только разсмѣялся: „не такіе видывалъ я виды... По поясъ въ водѣ и по часу приходилось возиться, да потомъ верстъ десять по морозу идти—заскорузишь даже весь,—и то ничего, Богъ миловалъ!“

На винномъ заводѣ скоро замѣтили Моисеича; онъ посте-

пенно повысился съ пяти на десяти-рублевое жалованье; мало-по-малу ему, какъ сметливому, исполнительному и вѣрному служащему, стали давать значительныя порученія и, наконецъ, владѣлецъ завода сдѣлалъ его сидѣльцемъ на отчетѣ въ одномъ изъ своихъ кабаковъ. Четыре года орудовалъ Моисеичъ въ кабакѣ: грабить народъ—не грабилъ, а только „по совѣсти“ подливалъ воду въ бочку въ небольшой убытокъ своему патрону; дѣлалъ же онъ это такъ совѣстливо, что водка его все-таки считалась лучшей въ околоткѣ, и торговля у него шла шибко въ ущербъ конкурентамъ. За эти четыре года онъ нѣсколько поправился и заручился репутаціей дѣльнаго и умственнаго человѣка. Случилось, что кочетовскіе кабаки снялъ одинъ мѣщанинъ, незнакомый съ мѣстными условіями и жителями; онъ просилъ управляющаго винокуреннымъ заводомъ указать ему надежнаго человѣка, которому онъ могъ бы довѣрить веденіе дѣла въ Кочетовѣ; ему указали на Моисеича,—и вотъ Моисеичъ уже компаньонъ въ торговомъ предпріятіи. Съ тѣхъ поръ Моисеичъ сталъ выходить въ люди, построилъ себѣ каменную связь изъ двухъ избъ, сталъ заниматься поставками картофеля, который отправлялъ вагонами въ Ростовъ; мелкимъ кулачествомъ онъ не занимался, но плывшаго въ руки, конечно, не упускалъ: такъ, наприм., онъ былъ однимъ изъ значительныхъ арендаторовъ мірской земли, которую засѣвалъ картофелемъ. При случаѣ, когда интересы его не затрогивались,—онъ горой стоялъ за обиженнаго, за правду; для всего же общества, для міра,—онъ былъ преданнымъ и вѣрнымъ слугою: его выбрали повѣреннымъ по общественнымъ дѣламъ, и онъ оказался какъ разъ къ мѣсту: выхлопоталъ въ земствѣ въ пользу общества не выплаченныя за шесть лѣтъ деньги за починку гатей—всего 600 руб., оттягивалъ два года нарѣзку бобылямъ земли и, наконецъ, выигралъ возбужденную имъ противъ нихъ тяжбу въ сенатѣ. Въ послѣднее время онъ попалъ въ гласные, и въ первую же сессію удивилъ всѣхъ „господъ“ своими здравыми сужденіями и смѣлыми спорами даже съ предсѣдателемъ собранія: онъ горой стоялъ за мужицкіе интересы и имѣлъ за собой 21 голосъ гласныхъ-мужиковъ.

Таковъ былъ Моисеичъ по внѣшности; внутреннее же содержаніе этого замѣчательнаго человѣка я не могъ себѣ вполнѣ уяснить: несомнѣнно, что онъ былъ уменъ, и поэтому въ немъ часто замѣчалось презрѣніе къ людской пошлости и глупости. Но и самъ онъ, не получившій никакого образованія, едва умѣвшій подписывать свою фамилію и отродясь не читавшій ни одной книги, не имѣлъ, кажется, никакихъ твердыхъ нравственныхъ правилъ: иногда онъ являлся образчикомъ честности и безкорыстія, иногда просто мошенничалъ; часто прощалъ сдѣланное ему зло или обиду, а случалось,—бывалъ мстителенъ и низко злопамятенъ. Онъ отлично понималъ людей и ладилъ съ людьми самаго тяжелаго характера. Виннозаводчикъ Борщевъ, внукъ дворового человѣка, сумѣвшаго воспользоваться милостями барыни, былъ, какъ и всѣ богачи-выскочки, заносчивъ и грубъ до крайности; достаточно было отъ него зависѣть хотя бы самымъ косвеннымъ образомъ, положимъ, относительно покупки или продажи чего-нибудь, чтобы онъ забывалъ всякую вѣжливость и начиналъ ругаться по-кабацки; служащіе стояли предъ нимъ по три и болѣе часа, ожидая отъ него приказаній, а онъ валялся все это время на диванѣ и болталъ всякій вздоръ то съ тѣмъ, то съ другимъ; рабочихъ онъ билъ прямо палкой по головѣ; крестьянъ, пріѣзжавшихъ продавать рожь или картофель, бранилъ всячески,—за что, неизвѣстно. И съ такимъ-то ошалѣлымъ милліонщиковъ Моисеичъ умѣлъ отлично ладить, сохраняя свое достоинство. Вотъ нѣсколько случаевъ, которые пришли мнѣ на память.

Вздумалъ Борщевъ для распространенія водки своего издѣлія понаснять кабаковъ побольше, захвативъ, на сколько окажется возможнымъ, всѣ значительныя села въ округѣ. Снимать кабаки онъ довѣрилъ тремъ лицамъ, въ числѣ которыхъ былъ и Герикъ. Эти лица въ два мѣсяца сняли до 80-ти кабаковъ въ нѣсколькихъ смежныхъ уѣздахъ; Моисеичъ отличился, быстро и хорошо устраивая самыя невозможныя сдѣлки. Но Борщевъ все брюжжалъ: „всѣ меня обкрадываютъ,—жаловался онъ Моисеичу; небось, и ты только думаешь, какъ бы меня надуть“.

— Да около кого же намъ, маленькимъ людямъ, и поджить-

ся-то, какъ не около васъ? Вѣдь и вы поджываетесь около тѣхъ, кто покрупнѣе, и ничего, не жалуетесь!

— Это какъ такъ?..

— А когда вбухиваете въ заторъ лишнихъ пятьдесятъ пудовъ муки,—нешто не поджываетесь? Такъ что-жъ намъ глаза-то колоть?..

— Да вѣдь я, каналья ты этакій, не граблю никого...

— Да и я не граблю: вотъ привезъ вамъ 900 рублей,—остались отъ снятія кабака въ Нагорномъ. Что мнѣ стоило ихъ въ расходъ поставить? Ничего; у васъ я не служу, документовъ на меня нѣтъ, ну и гладки взятки. А грабить тоже не хочу—нате, получайте...

Сталъ Борщевъ подыскивать контролеровъ — учитывать сидѣльцевъ въ кабакахъ. Разговаривалъ онъ съ однимъ изъ такихъ господъ въ то время, какъ въ комнату вошелъ Моисеичъ.

— Вотъ смотри, чучело, какого я золотого человѣка нашелъ!.. похвастался Борщевъ.—Ну-ка, разскажи, какъ ты будешь сидѣльцевъ учитывать?

— Какъ пріѣду въ село, оставлю лошадь у крайняго двора, а самъ пѣшкомъ въ заведеніе; приду, да прямо къ денежному ящику—цопъ! Показывай, много ли выручки?...

— Хо-хо-хо!.. заливался Борщевъ.—Молодчина!..

— А какъ сидѣлецъ, не говоря дурного слова, да прямо вамъ въ ухо?—замѣтилъ Моисеичъ.

— Это за что?—удивился „контролеръ“.

— А за то,—не лѣзьте къ денежному ящику. Развѣ васъ сидѣлецъ знаетъ, кто вы такой есть? Вы должны тихимъ манеромъ войти, Богу на образа помолиться, сидѣльцу открытый листъ изъ конторы подать, да и учесть, а потомъ деньги потребовать; онъ вамъ и самъ ихъ отдастъ, изъ денежнаго ли ящика, изъ женинаго ли сундука—до этого вамъ дѣла нѣтъ: гдѣ хочетъ, тамъ и бережетъ, лишь бы цѣлы были.

— Да, братецъ,—сказалъ Борщевъ „контролеру“,—ступайка съ Богомъ: не годишься ты...

— Почему это у меня все колеса воруютъ, на худыя обмѣниваютъ?—удивлялся Борщевъ.—Недавно еще шестьдесятъ новыхъ становъ купилъ, а говорятъ—половина уже развалилась?

— Да развѣ у васъ по-людски дѣлается?—отвѣчалъ Моисеичъ.—Есть у васъ плотникъ при телѣгахъ; обязанность его—смотрѣть за ними, чтобъ цѣлы были. Отпуститъ онъ, скажемъ, Тимохѣ телѣгу съ новыми колесами, онъ правъ, покуда Тимоха не вернется; а вернулся, онъ обязанъ телѣгу принять отъ него, колеса осмотрѣть, все ли ладно. А у васъ нешто такъ?..

— А то какъ же?!.

— Да вотъ у васъ какъ. Отпустилъ плотникъ пятьдесятъ телѣгъ, сидитъ—трубочку покуриваетъ, ждетъ, когда вернутся. А вы тутъ и идете. „Ты что, такой-сякой, безъ дѣла сидишь? Вотъ я тебя, мошенникъ!“—„Да я телѣги!“...—„Знаю я телѣги!.. И безъ тебя поставятъ. Ступай въ подвалъ!“ Плотникъ пойдетъ, а Тимоха ужъ давно этого случая ждалъ: вмѣсто новыхъ колесъ одѣнетъ старыя, телѣгу—подъ сарай, а новыя—къ себѣ на дворъ; да такъ въ день-то телѣгъ пять и обрядятъ... Вотъ вы выгадали на плотникѣ двугривенный, а на каждой телѣгѣ потеряли по два рубля...

— Ну, ладно, ступай!—только и сказалъ Борщевъ, между тѣмъ какъ всякаго другого на мѣстѣ Моисеича онъ изругалъ бы самыми площадными словами.

Моисеичъ очень тяготился нѣкоторыми вещами, чего въ трезвомъ состояніи никогда не выдавалъ; но мнѣ пришлось раза два видѣть его очень выпившимъ и въ нервно-разстроенномъ состояніи. Со слезами, правда—пьяными, на глазахъ жаловался онъ, что онъ неучъ, невѣжда; что онъ хотѣлъ бы жить по-людски, жить „по чистой совѣсти“, что у него нѣтъ поддержки (подразумѣвая подъ этимъ, вѣроятно, нравственныя правила); онъ плакался, что его компаньонъ по кабакамъ держитъ его въ рукахъ, не отпуская отъ себя благодаря двухтысячному векселю, который онъ имѣлъ глупость выдать въ видѣ обезпеченія, и который ему теперь не отдаютъ, хотя онъ, Моисеичъ, уже давно желаетъ покинуть кабацкое дѣло. Онъ повидимому неподдѣльно возмущался слабостью народа къ вину, нарушеніемъ общинныхъ традицій, развитіемъ кляузничества и сутяжничества, и прочими обрисовывающимися темными сторонами народной жизни... Еще нѣсколько чертъ: онъ былъ весельчакъ, юмористъ и остроумный раз-

сказчикъ, любилъ бывать въ обществѣ деревенской аристократіи, не жалѣлъ денегъ на угощеніе „хорошихъ людей“, былъ падокъ до женскаго пола и не прочь былъ въ компаніи прокутить цѣлую ночь, никогда, впрочемъ, не вредя этимъ своему дѣлу, потому что послѣ безсонной, пьяной ночи могъ цѣлый день заниматься чѣмъ ему надо было, безъ всякихъ признаковъ усталости...

Такъ вотъ однажды вечеромъ, нѣсколько дней спустя вышеописаннаго схода, приходитъ этотъ Иванъ Моисеевичъ прямо ко мнѣ на домъ. Я пилъ чай.

— Какими это судьбами, Иванъ Моисеичъ?—говорю я, такъ какъ уже успѣлъ съ нимъ познакомиться.

— Съ добрымъ вечеромъ, Н. М.; вотъ, пришелъ къ вамъ чайку напиться,—какъ будто сердце чуяло, что у васъ самоваръ на столѣ.

— Милости просимъ, подсаживайтесь.

Выпили стакана по два, поговорили кой-о-чемъ. Я все жду, что-то будетъ? потому что не чай же пить, въ самомъ дѣлѣ, пришелъ Моисеичъ; и онъ видно понялъ, что я жду отъ него объясненія: отставилъ допитый стаканъ.

— За чай-сахаръ покорнѣйше благодаримъ, Н. М.—Признаться, пришелъ-то я къ вамъ собственно не чай пить,—вѣдь это ужъ дюже чудно было бы называться на чай, ни разу самъ не угостивши... Пришелъ же я къ вамъ насчетъ людской глупости поговорить, а вы меня, мужика, не перебивайте, дайте все высказать по порядку. Это опять все насчетъ дѣлежа земли. Небось слыхали, что дѣло это кой-кому изъ насъ не по скусу, потому что мірскихъ клиньевъ, да душъ, наснимали мы порядкомъ; признаться, и моихъ деньжонокъ тамъ сотни три сидитъ... Вотъ между нами, какъ межъ тараканами передъ пожаромъ, и пошла возня: эти-то здѣсь суетятся, а я—признаваться ужъ, такъ во всемъ—въ городъ успѣлъ смахать, чтобъ объ этомъ дѣлѣ разузнать. Ну и узналъ: дѣло правильное, дѣлить можно во всякое время, только дѣлежку эту плевокъ стоитъ затянуть, хоть бы и приговоръ поставленъ былъ правильно. Только подать жалобу въ присутствіе,—пока разслѣдуютъ, не меньше трехъ мѣсяцевъ пройдетъ; не выйдетъ по нашему—взять копію, да въ губернское...

Этакъ ужъ вѣрно на годъ затянется, а намъ только это и нужно... чтобы годъ землю отдержать. Понятно-съ?... Ну, а здѣшніе-то умники къ вамъ, да къ старостѣ на поклонъ задумали, думаютъ одними поклонами прожить на свѣтѣ: собрали съ восемнадцати дворовъ арендателей по десяткѣ и мнѣ принесли, велѣли свою десятку добавить, чтобы вамъ полтораста дать, да старостѣ сорокъ,—лишь бы приговоръ этотъ затянуть. Вотъ и деньги: ей-Богу, не лгу, посмотрите сами.

Онъ вынулъ изъ бумажника объемистую пачку мелкихъ кредитныхъ билетовъ, повертѣлъ ее въ рукахъ и опять спряталъ. Я молчалъ, ожидая, что будетъ дальше.

— Такъ вотъ дѣло-то какое,—продолжалъ Моисеичъ послѣ нѣкоторой паузы.—Къ незнакомому человѣку не пойдешь съ чѣмъ-нибудь опаснымъ, а тутъ бѣды никакой, по-моему, нѣтъ: дураки сами деньги суютъ, только бери, а ихъ жалѣть, по моему, нечего,—у нихъ денегъ этихъ много, не горбомъ достаютъ... Старостѣ я ничего не дамъ,—его и впутывать въ это дѣло не для чего; а вамъ я сотеньку предлагаю, другую же у себя оставлю, за комиссію, значитъ. Ей-Богу, тутъ ничего дурного нѣтъ: я не прошу васъ, какъ тѣ олухи, читать какіе-то законы и указы; говорю вамъ только: что вы ни дѣлайте, а ваша не возьметъ,—такъ съ какой же стати отъ добра отказываться? А коли на честность дѣло пошло, такъ вы дѣлайте, какъ допрежь загадывали: собирайте сходку, говорите тамъ, что хотите, и ведите дѣло по своей линіи,—а я поведу по своей. Черезъ годъ же,—я перекрещусь, коли хотите,—тоже вѣдь крещеный, хотя и „изъ насихъ“,—черезъ годъ это дѣло оборудуемъ въ разъ: я самъ за это дѣло возьмусь,—только дайте срокъ аренду додержать. Нешто я не вижу, что обществу большое утѣсненіе, а многосемейнымъ и прямо петля? Нешто у меня глазъ нѣтъ?... Вижу,—и дѣлить мы будемъ, вѣрно, вамъ говорю,—только на будущій годъ. Ну, какъ?... А если не согласны, я всѣ у себя оставлю, скажу, что вамъ отдалъ, а дѣло все-таки по моему выйдетъ...

Что могъ я, неискушенный и неопытный въ житейскихъ дѣлахъ, подѣлать съ такимъ могучимъ противникомъ, напередъ отрѣзавшимъ мнѣ всѣ выходы изъ моего сквернаго по-

ложенія? Прежде чѣмъ я узналъ что-либо о деньгахъ, все село уже знало, что деньги эти собираются для меня; не прими я ихъ,—никто бы не повѣрилъ этому, а повѣрили бы Моисеичу, что онъ отдалъ мнѣ мою долю. Кромѣ того, мнѣ начинало выясняться одно обстоятельство, на которое я въ началѣ не обратилъ никакого вниманія: это фактъ аренды и затраты большихъ денегъ какъ со стороны нѣсколькихъ кулаковъ, такъ и со стороны многихъ исправныхъ домохозяевъ-хлѣбопашцевъ, не упускающихъ, по силѣ вещей, случая снять за дешево мірскую землю. И по закону, и, отчасти, по совѣсти, арендаторы эти были вполнѣ вправѣ требовать отсрочки передѣла до окончанія срока ихъ аренды, или возвращенія имъ денегъ или же исключенія арендуемыхъ ими участковъ изъ оборота передѣла,—но, въ послѣднемъ случаѣ, и значеніе самого передѣла на половину умалилось бы. Между чѣмъ было выбирать: произвести ли весной пародію на передѣлъ земли, оставляя участки арендаторовъ нетронутыми, или же, отложивъ дѣло на годъ, произвести тогда безпрепятственно передѣлъ всей мірской земли? Я началъ склоняться къ отсрочкѣ передѣла, но меня ужасала мысль, что̀ подумаетъ общество, узнавъ происшедшую перемѣну въ моихъ намѣреніяхъ, и не будетъ ли оно въ правѣ поставить эту перемѣну въ непосредственную связь съ фактомъ сбора для меня денегъ? Теперь я вижу, что единственный выходъ изъ глупаго положенія, въ которое поставилъ меня Макіавель въ смазныхъ сапогахъ, это было бы взять у него всю предназначенную мнѣ сумму денегъ, т.-е. сто рублей, и представить ее на благоусмотрѣніе сельскаго общества, разсказавъ ему, въ чемъ дѣло. Но на такой смѣлый шагъ у меня не хватило опытности, и я рѣшился на компромиссъ, оказавшійся, впослѣдствіи, довольно неудачнымъ. Я отказался взять отъ Моисеича всѣ деньги, объясняя, что возьму ихъ, когда дѣло кончится, потому что я не люблю брать впередъ; но, въ видѣ задатка, попросилъ у него двадцать-пять рублей, которые онъ мнѣ, съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ на лицѣ, тотчасъ и отдалъ.

Слѣдующая сходка была малочисленнѣе первой: не собралось и четырехсотъ человѣкъ; но собравшіеся, видимо, со-

ставили уже себѣ извѣстное мнѣніе о предстоявшемъ ихъ рѣшенію вопросѣ. Хотя шумъ и крики не умолкали во все время сходки, но это уже не былъ стихійный гулъ, какъ въ первый разъ, а осмысленный споръ и перебранка между двумя сформировавшимися партіями... По предложенію старшины, сходъ раздѣлился на двѣ стороны: направо стали желающіе произвести передѣлъ въ слѣдующую же весну, налѣво—вовсе нежелающіе его, или желающіе отсрочки его на годъ; въ этой группѣ стояли всѣ арендаторы, въ томъ числѣ и Моисеичъ. Направо оказалось 291 человѣкъ, налѣво около 80. Выше гдѣ-то я упомянулъ, что въ Кочетовѣ считалось 510 домохозяевъ; поэтому, согласно 54 ст. Общ. Положенія, передѣлъ земли могъ состояться только въ томъ случаѣ, если за него выскажется не менѣе 340 голосовъ, т. е. $^2/_3$ общаго количества; такимъ образомъ, 49 голосовъ до законнаго количества не хватало. Я понималъ, что при данныхъ обстоятельствахъ приговоръ будетъ недѣйствителенъ, но, въ видахъ личнаго интереса, рѣшилъ написать его. Я влѣзъ на перила и сказалъ сходу:

— Господа! За раздѣлъ получилось 291 голосъ; этого количества, по закону, недостаточно. Законъ требуетъ, чтобы двѣ трети голосовъ было бы за передѣлъ, тогда только его можно произвести. Васъ теперь не хватаетъ 50 человѣкъ желающихъ (слышатся разные возгласы: „хо-хо,—что взяли? Съѣли?“... И съ другой стороны: „ну, такъ,—теперь ужъ не хватаетъ! То все ладно было, а какъ что̀, такъ и не хватаетъ!“).—Вы думаете, господа желающіе дѣлить,—продолжалъ я,—что тутъ стакнулись съ арендаторами продать васъ, сдѣлать мошенничество? Вы, можетъ быть, уже слыхали, что и деньги для меня сбирали (рѣзкій возгласъ: „а то не слыхали?...“), и что я взялъ ихъ, поэтому ихъ руку и тяну? Честью васъ завѣряю, что денегъ ихъ я для себя не бралъ, и руки ихъ не тяну. Слушайте же: чтобы васъ увѣрить, что тутъ никакого мошенничества нѣтъ, я напишу вамъ приговоръ съ 290 голосами; изберите кого-нибудь, пускай въ городъ пойдутъ и представятъ этотъ приговоръ въ присутствіе: вамъ скажутъ тамъ, что приговоръ не годится (возгласъ: „извѣстно, вѣдь самъ писать будешь?..“). Да поймите же, что

не самый приговоръ будетъ плохъ, а плохо будетъ то, что васъ подпишется 290 человѣкъ, а надо 340! (возгласъ: „а ты добавь еще...“). Ну, ужъ отъ этого увольте: я добавлять никого не стану, — это вѣдь подлогомъ называется, а за подлогъ въ острогѣ сидятъ... А насчетъ денегъ,— это точно,— приносили мнѣ кучу цѣлую, сто рублей; да не взялъ я ихъ себѣ, потому что отродясь никогда не мошенничалъ, а пришло мнѣ на мысль, что не мѣшаетъ вамъ еще разъ отъ богачей-арендателей за мірскую землю угощеніе принять, благо у нихъ денегъ много, и они съ ними дурòмъ навязываются... Такъ вотъ я и взялъ изъ этихъ денегъ только четвертную, будто въ задатокъ, чтобы глаза имъ отвесть, да и кланяюсь вамъ теперь этими 25 рублями, — выпейте на нихъ за здоровье вашихъ благодѣтелей, да посогрѣйтесь, а то на морозѣ вѣдь перемерзли, пожалуй...

Толпа безмолвствовала: сказанное мною было такъ ново, такъ непонятно для нея. И точно, мужикъ привыкъ видѣть, что всѣ всегда стараются съ него что-нибудь содрать: попъ, писарь, старшина, староста, урядникъ и проч. и проч.; а тутъ вдругъ выискивается человѣкъ, принадлежащій къ сословію дерущихъ, и вдругъ ни съ того, ни съ сего, ничего не прося, вынимаетъ двадцать пять цѣлковыхъ и даетъ: на, пей. Многіе приняли это за шутку, но когда я подозвалъ знакомаго мнѣ мужика, содержащаго ямщицкихъ лошадей, и почти насильно всунулъ ему въ руку пачку кредитокъ, то вокругъ меня раздались самыя различныя восклицанія.

— Вотъ такъ штука, братцы,— видали?.. Мы думали — съ насъ еще будутъ тягать, а тутъ намъ даютъ!.. Хо-о-охъ, ловко!.. Эй, братцы, брать ли?!.. Глядите, какъ вы!.. Чего глядѣть, бери коли даютъ, потомъ разглядимъ! и т. п.

Мужикъ, которому я сунулъ деньги, въ недоумѣніи сжималъ ихъ въ рукѣ.

— Н. М., помилуйте, да что же мнѣ съ ними дѣлать?

— Раздѣлите по сотнямъ, пусть дѣлаютъ, что хотятъ.

Я постарался скорѣй ускользнуть домой, надѣясь, что въ темнотѣ меня не узнаютъ. Но не тутъ-то было: черезъ пять минутъ по моемъ приходѣ, въ комнату мою вваливаются человѣкъ восемь мужиковъ.

— Ну, что вамъ еще?

— Боязно примать, Н. М.! Нѣтъ ли тутъ подвоха какого? Ты ужъ намъ по совѣсти скажи, какъ это дѣло будетъ?..

— Да какой же тутъ подвохъ можетъ быть?

— А вдругъ мы за эти самыя деньги отвѣчать будемъ?

— Поймите же,—это мои деньги, мнѣ ихъ дали, но себѣ я не взялъ; а арендаторовъ захотѣлъ все-таки хоть на малость наказать, чтобъ они зря съ такими штуками ко мнѣ не совались; ну, и взялъ у нихъ только двадцать пять рублей, собственно для васъ, на пропой, значитъ... Поняли?

— Теперь поняли, покорнѣйше благодаримъ, какъ не понять; а намъ было сумнительно,—заговорилъ одинъ, но другой его перебилъ:

— Ну, чего таперь сумнительно! Видишь, господинъ писарь уваженіе намъ дѣлаютъ, отъ своего куска и намъ ломоть даютъ... Покорнѣйше благодаримъ на этомъ! Пойдемъ, ребята, за ихнее здоровье выпьемъ!

И всѣ стремительно двинулись къ выходу. Я только спустя нѣкоторое время узналъ, что значило — „отъ своего куска и намъ ломоть даетъ“. Дѣло въ томъ, что люди, всѣмъ складомъ своей жизни убѣжденные, что въ каждомъ экспериментѣ, надъ ними совершаемомъ, въ каждой попыткѣ принять участіе въ ихъ личныхъ или общественныхъ дѣлахъ, кроется какой-нибудь подвохъ, какое-нибудь посягательство на ихъ тощій карманъ, — люди эти никакъ не могутъ повѣрить заявленіямъ, что „писарь“ не взялъ ста рублей и такъ, отъ добраго сердца, даетъ имъ на водку 25 рублей. Это все логично и объяснимо, но на практикѣ было для меня очень огорчительно, когда мнѣ передали, что поступокъ мой получилъ такое толкованіе: взялъ-молъ двѣсти (варіантъ—сто) рублей, но посовѣстился (варіантъ — отъ добраго сердца) и и отъ своего куска кинулъ, чтобы заткнуть глотки, ломоть въ 25 рублей. И въ концѣ-концовъ я выигралъ только то, что многіе признали за мной „совѣсть“, а нѣкоторые „добрую душу“, и лишь иные поумнѣе, въ родѣ старшины и Моисеича, признали, что я незаурядный писарь, и что со мной надо держать ухо востро... Иванъ Моисеичъ, такъ тотъ потомъ никогда не заговаривалъ со мной объ этомъ казусѣ,

стыдясь, вѣроятно, выпавшей на его долю роли, и около года меня дичился, но наконецъ, мы почувствовали надобность другъ въ другѣ и вели сообща много дѣлъ, не поминая прошлаго.

Кстати, въ пропитіи тѣхъ двадцати пяти рублей приняли участіе не только желавшіе передѣла, которымъ собственно я и предназначалъ презентъ, но и стоявшіе противъ передѣла. И никто ихъ не попрекнулъ, при поднесеніи стакана съ водкой, признавая совершенно въ порядкѣ вещей, что всякій беретъ свою долю изъ свалившагося съ неба куска...

Приговоръ былъ мною написанъ и представленъ черезъ нѣсколько дней старостой и тремя выборными въ присутствіе по крестьянскимъ дѣламъ; имъ сказали тамъ то же, что и я говорилъ, т.-е. что недостаточно голосовъ и что приговоръ, поэтому, недѣйствителенъ. Тѣмъ дѣло это на время и кончилось.

X.

Исправникъ, содѣйствующій коренному передѣлу земли.

Какъ-то весною слѣдующаго года пріѣхалъ къ намъ въ Кочетово тотъ непремѣнный членъ, о которомъ я уже говорилъ вскользь. Кочетовское общество не пожелало принять обратно въ свою среду конокрада, сидѣвшаго въ арестантскихъ ротахъ и подлежавшаго, вслѣдствіе этого отказа общества, ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе; непремѣнному члену и надо было провѣрить приговоръ о непринятіи обществомъ въ свою среду арестанта.

Пріѣхалъ къ намъ Щукинъ вечеромъ, когда мы, писаря, занимались. У меня на столѣ стояли двѣ свѣчи, а на томъ, за которымъ работали мои два помощника — три. Проходя черезъ нашу комнату, Щукинъ остановился у ихъ стола и уставился на свѣчи; помощники, конечно, привстали.

— Это что?—спрашиваетъ Щукинъ.

Помощники молчатъ, не понимая вопроса.

— Отчего у васъ три свѣчи?—поясняетъ капитанъ.

Помощники молча переглядываются. Наконецъ одинъ изъ нихъ, побойчѣе, да къ тому же ужъ получившій назначеніе въ урядники въ другой уѣздъ и занимавшійся у меня по-

слѣдніе дни, собрался съ духомъ подшутить надъ начальствомъ.

— Это во имя св. Троицы, ваше высокоблагородіе.

Его в-діе подумало и изрекло:

— Это хорошо; но лучше, если двѣ или четыре, а три свѣчи—дурная примѣта. Потуши одну!

Чуть-чуть не прыснувъ со смѣху, помощникъ мой исполнилъ приказъ.

На другой день, когда сходка уже собиралась, къ Щукину, пившему чай, подошло двое кочетовскихъ мужиковъ и, объяснивъ ему, что общество уже полгода не можетъ придти ни къ какому соглашенію относительно передѣла земли, просили его „разбить“ сходъ и повѣрить голоса,—„чтобы на чемъ ни на есть, а рѣшить дѣло“.

Щукинъ бросилъ на нихъ грозный взглядъ:

— А кто вамъ позволилъ дѣлить землю? Разрѣшеніе имѣете, а?

Мужики въ недоумѣніи молчали. Видя ихъ затруднительное положеніе, я, стоя въ дверяхъ комнаты, объяснилъ, что по „Общему Положенію“ разрѣшенія отъ начальства на передѣлъ земли крестьянамъ не требуется, а нужно лишь согласіе извѣстнаго количества домохозяевъ. Противъ моего ожиданія, Щукинъ промолчалъ и только угрюмо посматривалъ на меня; потомъ вдругъ накинулся на мужиковъ:

— Пьянствовать захотѣли, а?.. Мало трескаете, больше понадобилось? „Землицы нѣтути“, а водка есть, а подати стоятъ?.. Канальи!..

— Помилуйте, в. в-діе,—пьянство уменьшится, потому земли ровнѣе будетъ: теперь у кого лишняя — сдаетъ, у кого не хватаетъ—принаймаетъ, ну, извѣстно, магарычика и выпьютъ; а подѣлимъ — сдачи и съемки меньше будетъ. Насчетъ же податей будьте покойны: у насъ уже годовъ двадцать ни одной копеечки въ недоимкѣ не было,— такъ еще отцами нашими заправлено.

Щукинъ сопѣлъ и сердито вращалъ глазами; наконецъ буркнулъ: „пошли вонъ!“ Мужики мигомъ исчезли.

Повѣрка приговора о конокрадѣ была быстро покончена. Щукинъ спросилъ сходъ: не принимаете такого-то? Десят-

ка три мужиковъ, ближе стоявшихъ и разслышавшихъ вопросъ, отвѣтили: „не примаемъ!“ Тѣмъ дѣло и кончилось. Потомъ Щукинъ произнесъ рѣчь примѣрно такого содержанія:

— Тутъ мнѣ заявили, что вы землю дѣлить хотите? Все общество этого желаетъ, или только горланы смуту заводятъ?.. А?

Общество, конечно, отмалчивается.

— Старшина! Ты долженъ знать, какъ тутъ дѣло? Желаетъ общество, или не желаетъ раздѣла?

— Одни, в. в-діе, желаютъ, другіе нѣтъ. Желающихъ однако, большинство.

— Такъ чего жъ ко мнѣ лѣзутъ, отчего приговора нѣтъ?

— Голосовъ быдто не хватаетъ, в. в-діе.

— Ну, а не хватаетъ—я то что жъ подѣлаю? А?.. Я тутъ ни при чемъ... Эй, какой тамъ чортъ въ шапкѣ стоитъ? Забываться стали, канальи?.. Бариномъ захотѣлось быть? Старшина, разыскать его и посадить въ арестантскую на сутки, мерзавца!.. Ну, такъ дѣлайте, какъ хотите; дѣлите. или не дѣлите,—мнѣ наплевать, не мое дѣло... Слышали?..

Строгое начальство уѣхало; сходъ разошелся въ какой-то апатіи, даже не побранившись по поводу передѣла. Провинившагося мужика не разыскивали и въ арестанскую не сажали: Яковъ Иванычъ, хотя и подавалъ стаканы начальству, но за спиной его чувствовалъ себя самостоятельнымъ и позволялъ себѣ критически относиться къ наиболѣе нелѣпымъ распоряженіямъ „членовъ“.

— Какой это членъ?—говорилъ онъ. — Ни слова сказать толкомъ не умѣетъ, только и слышно: я, да я!.. Мужику надо дать понятіе, что и какъ... Вотъ у насъ членомъ дожъ этого г. Русаковъ былъ: не скажу, чтобы и онъ во всѣхъ статьяхъ хорошъ былъ, но, по крайности, онъ мужика не гнушался и умѣлъ такое слово сказать, что его всякій понималъ. Хоть бы объ этихъ конокрадахъ: выйдетъ на крыльцо,—„здравствуйте, старички“,—скажетъ. И потомъ начнетъ: „таперь, старички, задумали вы изъ среди себя человѣка исторгнуть, какъ есть взять и въ Сибирь его вогнать... Вы подумайте, старички, дѣло это не легкое, какъ есть человѣка

отъ родного своего мѣста оторвать и ввергнуть за большія тысячи верстъ"... Ну, скажетъ это—„подумайте", да и уйдетъ въ волость, а черезъ десять тамъ, али пятнадцать минутъ опять выйдетъ и спроситъ: „надумались?" и всѣхъ къ сторонкѣ къ одной сгонитъ, да и скажетъ: „переходите на другую сторонку, кто согнать его желаетъ!" Такъ вотъ какъ образованные господа съ мужикомъ обращеніе имѣютъ; а это что,— срамъ одинъ!..

Прошелъ годъ. Вмѣсто стараго исправника появился въ нашемъ уѣздѣ новый, человѣкъ еще молодой. Онъ сразу проявилъ себя: нѣсколько урядниковъ, считавшихъ единственною своею обязанностью обревизовывать питейныя заведенія въ своихъ участкахъ, лишилось возможности продолжать свою плодотворную дѣятельность; одинъ становой былъ переведенъ въ другой уѣздъ, а еще одинъ причисленъ къ губернскому правленію, за штатъ; старшины и староста стали платить штрафы за дурное содержаніе мостовъ и пожарныхъ инструментовъ; хлѣбные магазины стали повѣряться не на бумагѣ, а на мѣстѣ, въ натурѣ; въ полицейскомъ управленіи закипѣла дѣятельность, и даже постоянно дремавшее присутствіе по крестьянскимъ дѣламъ оживилось, благодаря многочисленнымъ заявленіямъ исправника о цѣломъ рядѣ неисправностей, найденныхъ имъ въ уѣздѣ. Къ Бѣльскому,— такъ его фамилія,—былъ для всѣхъ самый свободный доступъ: дома ли, въ присутствіи, въ управленіи, на перекладныхъ въ дорогѣ,—онъ всѣхъ выслушивалъ, кто къ нему ни обращался, дѣлалъ, что могъ, и если не было повода и возможности принять прямого участія въ дѣлѣ, то помогалъ, по крайней мѣрѣ, совѣтомъ... Не задаваясь широкими задачами, оставаясь тѣмъ, что есть, онъ съ полною добросовѣстностью, безъ пустозвонства и шума, исполнялъ свои—и служебныя, и человѣческія обязанности.—Помню, я, имѣя до него какое то дѣло, вошелъ въ комнату, гдѣ онъ разговаривалъ съ какою-то бабой; изъ словъ ея я понялъ, что она вдова и что мужъ оставилъ ей домъ; дѣтей у ней не было; правъ на наслѣдство законнымъ путемъ она не предъявила, не подозрѣвая совсѣмъ существованія пятнадцати томовъ законовъ и думая дожить вѣкъ свой подъ сѣнью дѣдовскихъ обычаевъ. Такимъ легковѣріемъ ея во-

спользовался племянникъ по покойному мужу, какой-то городской прохвостъ, и заявилъ права на наслѣдство. Когда судебный приставъ описывалъ домъ, то племянникъ объяснилъ бабѣ, что это ее вводятъ во владѣніе, а приставу—что эта женщина живетъ у него на квартирѣ. Вызовъ наслѣдниковъ по газетамъ, которыхъ никто не читаетъ, состоялся, сроки всѣ прошли, и дѣлецъ новѣйшей формаціи выгналъ тетку изъ дому при помощи полицейской власти, выкинувшей сундуки бѣдной женщины на улицу. Вотъ она и мыкается по добрымъ людямъ,—не научатъ ли ее, что дѣлать ей горькой... Исправникъ молча ее слушалъ, постукивая ногой о полъ.

— Батюшка мой, желанный, на тебя одна надежда! Сказывалъ мнѣ человѣкъ одинъ, коли ужъ ты не поможешь,—такъ некого больше искать... Не оставь меня, сироту, родимый!— и баба, зарыдавъ, упала на колѣни.

— Встаньте, встаньте, сказалъ исправникъ надтреснутымъ голосомъ.—Я по совѣсти долженъ сказать, что ничего тутъ поправить не могу, потому что все дѣло, кажется сдѣлано по закону (онъ усмѣхнулся)... Но я вотъ что попытаю; на будущей недѣлѣ пріѣду къ вамъ въ село и поговорю съ вашимъ племянникомъ. Усовѣстить-то его врядъ ли удастся, а можетъ быть, случится... Такъ идите съ Богомъ и ждите меня; все что смогу сдѣлать,—сдѣлаю. Идите, пожалуйста, а то у меня дѣла много.

Я потомъ стороной услышалъ, что племянникъ отъ дома не отказался, но обязался уплачивать теткѣ ежемѣсячно по три рубля. Немного сдѣлало заступничество исправника, да и это случилось только благодаря какимъ-то воскресшимъ счетамъ племянника съ полиціей...

Одна изъ пригородныхъ слободъ, Воробьевка, почти не занимается хлѣбопашествомъ, такъ какъ всѣ жители ея промышляютъ въ городѣ каменщиками, штукатурами, малярами и проч. Большая часть надѣльной земли, что-то около двухъ тысячъ десятинъ, была сдана лѣтъ восемь тому назадъ одному изъ воробьевскихъ міроѣдовъ по четыре рубля за десятину на двѣнадцать лѣтъ, при чемъ на обязанности съемщика лежали какъ ремонтъ сельскаго запаснаго магазина, такъ и пополненіе хлѣбныхъ запасовъ въ законномъ количе-

ствѣ; кромѣ того они долженъ былъ на свой счетъ содержать трехъ полицейскихъ десятскихъ; за всѣмъ этимъ, ловкій мiроѣдъ получалъ ежегодно отъ арендуемой имъ земли чуть ли не рубль на рубль барыша, такъ какъ сдавалъ подъ озимое по 16—18 руб , а подъ яровое по 14—15 рублей за десятину. Но этимъ онъ не довольствовался и выгадывалъ еще на томъ, что имѣлъ въ „общественномъ“ магазинѣ только микроскопическую долю законнаго количества хлѣба да и то затхлаго, никуда негоднаго; въ десятскіе же онъ набиралъ увѣчныхъ глухихъ стариковъ, которымъ и платилъ рубля полтора въ мѣсяцъ жалованья... Бѣльскій узналъ, что арендаторъ этотъ, далеко до окончанія аренднаго срока, хочетъ заблаговременно вновь снять на нѣсколько лѣтъ мiрскую землю и хищничать, такимъ образомъ, попрежнему; вотъ какъ онъ разсказывалъ про свою попытку разстроить планы арендатора.

— „Пріѣзжаю я въ Воробьевку въ тотъ самый день, когда сходъ долженъ былъ собираться: народу ужъ было порядочно. Беру съ собой старосту и приглашаю всѣхъ, кто желаетъ, идти за мной; пошло человѣкъ болѣе полусотни. Ведите меня, говорю, къ вашему хлѣбному магазину. Привели. Крыльцо развалилось, навѣсъ надъ нимъ вотъ-вотъ упадетъ.-- Кто у васъ долженъ чинить магазинъ? спрашиваю.

— „Арендатель Грачевъ,--отвѣчаютъ.

— „Смотритель магазина тутъ? спрашиваю.

— „Смотритель померши съ полгода, а новаго еще не выбирали, — отвѣчаетъ староста. – Ежели угодно-съ, ключъ отъ гамазеи у меня.

— „Отворяй.

„Отперъ; вошелъ я. Полъ прогниваетъ; закрома пусты, только въ одномъ, какъ бы для виду, лежитъ четвертей, примѣрно, тридцать какой-то трухи. „Это что такое?“ говорю. Рожь“,— докладываетъ староста. „Ну-ка, возьми горсть!“ Взялъ онъ и въ смущеніи пересыпаетъ ее съ ладони на ладонь.—„Много ли ревизскихъ душъ въ вашей Воробьевкѣ?“

— „Подъ тысячу будетъ...

— „Ну, ладно,—говорю,—а много ли тутъ этой трухи? Вѣдь и тридцати четвертей не наберется? Гдѣ же „подъ тысячу“ четвертей хорошаго хлѣба и пятьсотъ чистаго овса?.. Отчего

ты, староста, не собираешь хлѣбъ? Вѣдь ты виноватъ будешь,—я тебя подъ арестъ возьму.

— „Я не виноватъ, отвѣчаетъ онъ, это арендателя дѣло полностью содержать магазины; у насъ и контрахтъ на это есть.

— „А для чего у тебя сходка собирается?— спрашиваю я, будто ничего не знаю.

„Онъ замялся, но при повтореніи вопроса объяснилъ, что все тотъ же „арендатель“ хочетъ новый „контрахтъ“ на 12 лѣтъ дѣлать, хотя и старому еще два года до срока остается; на новый срокъ онъ прибавляетъ рубль на десятину. Я вернулся въ волость и думалъ объясниться съ самимъ арендаторомъ; но онъ не являлся, узнавъ, вѣроятно, о моей ревизіи магазина. Мнѣ нельзя было долго оставаться, такъ какъ у меня были неотложныя дѣла въ городѣ, и я рѣшилъ потолковать съ обществомъ, чтобы раскрыть ему глаза на денной грабежъ, практикуемый Грачевымъ. Касаться размѣра арендной платы, т. е. нарушать „свободу договора“, я не имѣлъ права, и поэтому ограничился указаніемъ въ предѣлахъ своей компетенціи на неисполненіе Грачевымъ контракта, т. е. на разрушающійся, пустой хлѣбный магазинъ. Я совѣтовалъ сходу передъ заключеніемъ новаго контракта обязать Грачева исполнить всѣ пункты стараго. Меня слушали со вниманіемъ, соглашались со всѣми моими доводами, поддакивали и, наконецъ, объявили, что Грачеву землю на новый срокъ совсѣмъ не сдадутъ. Я предложилъ старостѣ составить объ этомъ рѣшеніи общества приговоръ и уѣхалъ,— въ полной надеждѣ, что все сдѣлается къ лучшему... Черезъ два мѣсяца нечаянно узнаю, что Грачевъ вновь снялъ всю землю на девять лѣтъ, прибавивъ лишь по четвертаку къ пяти рублямъ за десятину, т. е. къ цѣнѣ которую, онъ давалъ прежде, и выставивъ нѣсколько лишнихъ ведеръ водки для схода, да приличное угощеніе въ трактирѣ—для избранныхъ... Такъ труды мои и пропали почти даромъ. Но я все-таки помаленьку допекаю этого господина: всѣхъ десятскихъ-инвалидовъ его я забраковалъ, велѣвъ нанять новыхъ, помоложе: магазинъ заставилъ починить, а о недостачѣ хлѣба сообщилъ въ земскую управу... Да врядъ ли что изъ этого выйдетъ“...

Отдержавъ годъ арендуемую землю, наши кочетовскіе міроѣды не стали снимать ея на новый срокъ, боясь передѣла. Съ своей стороны, Иванъ Моисеичъ сдержалъ данное мнѣ слово: онъ сталъ ревностно пропагандировать необходимость передѣла и изъ противника сталъ моимъ сторонникомъ.

— Теперь все на чеку; никто супротивничать не станетъ, побоятся,—какъ бы не вышло чего худого. А все-таки лучше было бы, еслибъ кто изъ начальства пріѣхалъ на сходъ: тогда дѣло рѣшилось бы въ разъ, безъ всякихъ споровъ,— говорилъ мнѣ Иванъ Моисеичъ.

Пообсудивъ съ нимъ этотъ вопросъ, я рѣшился обратиться за содѣйствіемъ къ исправнику, который, какъ я надѣялся, съ полной охотой возьмется за такое дѣло, а, взявшись, сумѣетъ выполнить его. Внутренно скорбя о печальной необходимости обращаться къ полиціи за содѣйствіемъ возстановленію подавленныхъ общинныхъ традицій, я изложилъ исправнику обстоятельства этого дѣла, и онъ съ перваго же слова согласился пріѣхать въ Кочетово къ назначенному дню и, при аттрибутахъ своей власти (въ качествѣ члена уѣзднаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія), разсѣять заблужденіе относительно „царскихъ писемъ“.

Онъ пріѣхалъ довольно рано, когда не весь еще народъ былъ въ сборѣ. Сидя въ „присутственной“ комнатѣ волостного правленія, онъ пилъ чай и разспрашивалъ о волостныхъ порядкахъ, о жизненныхъ условіяхъ въ деревнѣ, о моей прежней жизни, о причинахъ, заставившихъ меня промѣнять комфортабельную городскую жизнь на презрѣнную должность писаря. Въ его разспросахъ не было никакой задней мысли, и я ему совершенно свободно разсказывалъ, что и какъ я дѣлаю и думаю дѣлать. Онъ со вниманіемъ слушалъ.

— Да,—сказалъ онъ,—вы попали на хорошее дѣло. Я самъ родился въ деревнѣ и въ деревнѣ выросъ; я обученъ на мѣдныя деньги, но съ чистымъ сердцемъ могу сказать, что никогда отъ деревни не отшатывался, и что интересы деревни мнѣ такъ же близки и понятны теперь, какъ и въ молодые годы. Я служу, какъ видите, въ исправникахъ, но все, что могу сдѣлать полезнаго, или какъ человѣкъ, или какъ исправникъ, дѣлаю по мѣрѣ своего умѣнія.

— Степанъ Васильевичъ,—замѣтилъ я,—ловлю васъ на словѣ Я держу въ засадѣ нѣсколько человѣкъ, которые желали бы съ вами поговорить о своихъ дѣлахъ и нуждахъ...

— Пожалуйста, сдѣлайте одолженіе, впускайте ихъ! Я все радъ сдѣлать, что могу.—И онъ наскоро сталъ доѣдать кусокъ булки, запивая ее чаемъ.

Первымъ вошелъ угольскій староста, которому я нарочно далъ знать, чтобы онъ пріѣхалъ къ этому дню въ волость. Нѣсколько словъ о немъ. Ему всего 30 лѣтъ; онъ женатъ, дѣтей не имѣетъ и, такимъ образомъ, вся семья его состоитъ изъ него и жены, бабы смиренной и работящей. Хозяйство у него небольшое, лошади нѣтъ, изба крошечная, но, благодаря тому, что онъ довольно искусный столяръ и что кормить ему приходится только жену, онъ живетъ вполнѣ безбѣдно, допуская даже такую роскошь въ крестьянскомъ быту для этой мѣстности,—какъ ежедневное чаепитіе. Обезпеченный своимъ мастерствомъ въ матеріальномъ отношеніи, и обладая отъ природы недюжиннымъ умомъ и стойкимъ характеромъ, онъ держалъ себя въ обществѣ самостоятельно, не подлизываясь и не угождая богатымъ кулакамъ-міроѣдамъ,—которыхъ въ Угольскомъ, какъ и въ каждомъ большомъ селѣ, былъ непочатой уголъ,—и часто даже прямо вредилъ ихъ интересамъ. Это ихъ обозлило, и они подбили общество выбрать его въ старосты, противно деревенскимъ обычаямъ—въ старосты одиночекъ не становить; сдѣлано же это было въ надеждѣ, что онъ испугается тяжелой должности и связанной съ нею отвѣтственности, побоится перспективы забросить свой домъ, перестать столярничать и, такимъ образомъ, обнищать; думали, что онъ смирится и запроситъ пощады, а можетъ быть, предполагалось подвести его подъ какую-нибудь уголовщину, чтобы окончательно угомонить... Но ожиданія міроѣдовъ не сбылись. Селивановъ отъ должности не отказался, пощады не запросилъ, обязанности старосты исправлялъ отлично, самостоятельно расправлялся съ виноватыми, поколачивалъ ихъ – „для острастки“ —своимъ бадигомъ, работалъ на верстакѣ по вечерамъ при огнѣ и продолжалъ попивать чаи съ своей супругой; мірскія же дѣла всѣ сразу забралъ въ свои руки, и міроѣды попали, такимъ обра-

зомъ, изъ огня да въ полымя... Впрочемъ, пусть онъ самъ разсказываетъ объ одномъ изъ своихъ столкновеній съ деревенскими хищниками.

— Какое у васъ дѣло?—спросилъ его исправникъ.

— Да вотъ, ваше б-діе, съ богачами нашими немножко не поладилъ, да и сумлѣніе беретъ, не дюже ли круто завернулъ?— нисколько не робѣя передъ начальствомъ, отвѣчалъ Селивановъ.—Они мнѣ все Сибирью грозятся, а Н. М. и послали меня къ вашей милости...

— Разсказывайте, разсказывайте, въ чемъ у васъ было дѣло?

— Изволите видѣть,—олехъ у насъ есть почитай-что завѣтный, тридцатилѣтній, крупный, на избы годится. Дали мы приговоръ срубить изъ него четыре десятины,—для себя, значитъ. Ладно; а думаютъ у насъ землю подѣлить осенью, если кочетовскіе подѣлятъ. Такъ одинъ изъ богачевъ и сталъ вдругъ на сходѣ говорить: на какія, молъ, души лѣсъ-отъ дѣлить будемъ,—на старыя, аль на новыя? Сказалъ онъ это слово и бунтъ у насъ поднялся страшный... Иные, кто понимаетъ, что это пустой разговоръ, молчатъ, а бѣднота и надрывается: кто свое, а кто свое тянетъ. Ну, я ихъ маленько сообразилъ; говорю, что не дозволю на новыя души дѣлить, потому и землю еще не подѣлили, и приговора еще нѣтъ на это дѣло; да и то сказать: не гоже лѣсъ, тридцать лѣтъ нами и отцами нашими береженый, за который уйма денегъ въ казну переплачена,—вчера народившимся соплякамъ въ надѣлъ давать. Самъ это я говорю, а самъ про себя мекаю: къ чему это Гаврило Иванычъ эту смуту затѣялъ,—вѣдь не спуста же, а къ чему нибудь да гнетъ?.. Только выходитъ тутъ нашъ же общественникъ, — кабакомъ занимается,—Никита Петровичъ, и говоритъ этто обществу: „старички! такъ и такъ,—для чего смуту имѣть и другъ на друга обижаться? Не лучше ли богоугодное дѣло сдѣлать и лѣсокъ этотъ самый на церковь пожертвовать? Церковь, молъ, у насъ безъ ограды стоитъ, мы ограду и соорудимъ во славу Божію“... Ну-съ, таперь-то ужъ я понялъ, что и какъ,—потому Гаврило Иванычъ съ Никитой Петровичемъ всегда одно дѣло орудуютъ сообща; наши же мужики и рты поразинули:

и лѣсу-то жалко и, къ примѣру сказать, церковь Божія... А Никита Петровичъ сейчасъ ведро водки отъ себя, отъ усердія, значитъ: кушайте, молъ, старички, на здоровье, да ограду и спрыснемте. Пить-то, почитай, всѣ пили,—у насъ хоть отъ самого чорта—и то не побрезгуютъ, лишь бы поднесъ,—а вижу, что многіе и въ мысляхъ не имѣютъ лѣсъ отдавать. Я и говорю: старички! А если мы такое дѣло задумали, вѣдь намъ старателя надо, чтобы онъ могъ все это произвесть,—и лѣсъ продать, и ограду соорудить? „Извѣстно, надо!“ кричитъ Гаврило Иванычъ.—Такъ кого же выбрать?—спрашиваю; давайте Игната выберемъ? — „Куда ему, онъ ужъ старъ дюже“,—говоритъ опять Гаврило Иванычъ.—„Ну, Дениса“!... кричатъ изъ толпы. „У Дениса семья большая, отяготительно ему будетъ“,—бракуетъ опять Гаврило Иванычъ.—Что-жъ,—говорю,—старички, видно у насъ въ обществѣ лучше Гаврилы Иваныча и Никиты Петровича народу нѣтъ, такъ давайте ихъ и выберемъ!... А они это сейчасъ и размякли: „мы, говорятъ, не прочь на храмъ Божій порадѣть, и еще обществу отъ себя ведро жертвуемъ“.—Ладно, говорю, это ваше дѣло, а вотъ я только объявлю, кто-жъ у насъ лѣсъ купитъ? „У насъ уже покупщикъ есть, — говорятъ новые старатели: батюшко отецъ Никита согласіе свое даетъ“... А батюшка-то нашъ лѣсомъ занимается и большую торговлю ведетъ. Этакъ я несогласенъ,—говорю я,—поторопились вы маленько покупщика-то искать; а по моему надо торги назначить, окрестныхъ покупщиковъ оповѣстить, и кто дороже дастъ, тому и продать; а продавши, деньги въ банкъ положить. „Уменъ ты,—говоритъ Никита Петровичъ;—а какъ же строить-то будемъ, коли деньги въ банкѣ лежать будутъ?“—Да вотъ какъ: нужно вамъ, скажемъ, сто рублей,—мнѣ скажите, я вамъ достовѣреніе дамъ,—вы деньги изъ банка получите, что нужно купите, да счетъ мнѣ и представите!... „Какъ, ты насъ на распискахъ держать хочешь? Довѣрія намъ нѣтъ?“ кричатъ они.—А вы что жъ меня за мальчика, говорю, считаете? И лѣсъ взять хотите, и деньги у себя держать?... Умны вы дюже, посмотрю!.. Нѣтъ вамъ никакого лѣса, нѣтъ и приговора! Кто свою долю хочетъ жертвовать, жертвуй—хоть лѣсъ, хоть корову, хоть жену съ

дѣтьми, а я заказываю общественной ни вѣтки не давать,— жалуйся на меня, кто хочетъ!... На томъ я и ушелъ. Они тамъ, батюшки мои, чуть съ рычагами за мной не погнались: какъ же, два ведра поднесли и задарма!...

— Такъ вы объ этомъ-то дѣлѣ сомнѣваетесь?—спросилъ, улыбаясь, исправникъ.

— Нѣтъ-съ еще, не объ этомъ. Вотъ дня черезъ два я оповѣстилъ лѣсъ рубить. Вышло насъ на работу человѣкъ восемьдесятъ. Вдругъ, слышимъ, у насъ въ селѣ набатъ... Что такое?... Побросали мы топоры,—думаемъ, ужъ не пожаръ ли?.. Дыму, однако, не видать. А тутъ прибѣгаетъ церковный сторожъ и говоритъ, что батюшка о. Никита требуетъ меня въ караулку; я ему на это говорю, что теперь я дѣломъ занятъ и что въ караулку мнѣ нечего ходить, а что есть у насъ сельская сборня, туда батюшка можетъ вечеромъ придти, коли у него дѣло до меня есть. Гляжу, черезъ полчаса и самъ батюшка въ лѣсъ пожаловали... „Ты что это, антихристъ,—говоритъ,—дѣлаешь?“ Батюшка,—говорю,—я не антихристъ, а староста, и прошу васъ не оскорблять меня, потому я этого не попущу; а дѣлаю я—сами изволите видѣть что: лѣсъ общественный дѣлимъ и рубимъ. „Да какъ же ты смѣешь? вѣдь онъ на церковь пожертвованъ?“ Нѣтъ, говорю, никто его не жертвовалъ, а вотъ какъ срубимъ, да подѣлимъ по душамъ, тогда всякъ свою часть воленъ хоть куда хошь дѣвать. А зачѣмъ изволили вы въ набатъ бить, народъ пужать?... „Анаѳема,—говоритъ,—ты церковь грабишь“... Ну, я тутъ топоръ бросилъ, да медаль на себя и одѣлъ.—Повторите, говорю, батюшка, что сказали?... Онъ замолчалъ, только погрозился: „помни же“, говоритъ,—и ушелъ. А потомъ слышу, похваляется, что непремѣнно въ Сибирь меня загонитъ... Извѣстно, онъ человѣкъ ученый, всѣ законы знаетъ, а я что знаю? И взяло меня сумлѣніе, ваше б-діе,—не буду я за это въ отвѣтѣ?...

— Вы мнѣ все разсказали, какъ было?

— Все, какъ было.

— По сущей совѣсти, ничего не утали?

— Вотъ же ей-Богу, все какъ есть!...

— Такъ васъ не въ Сибирь, а благодарить васъ за полез-

ную вашу дѣятельность надо; вы поступили и по совѣсти, и по закону. А батюшка самъ неправъ: въ набатъ не слѣдовало бить; да для чего же онъ билъ?...

— Кто его знаетъ! Видно, „своихъ“ сзывать, на помощь, значитъ,—лѣсъ намъ не давать рубить. Да они никто не пошли, потому мало ихъ,—человѣкъ пятнадцать,—а насъ безъ малаго сотня.

— Какъ звать вашего батюшку? Котораго числа и въ какомъ часу били въ набатъ?.. сталъ задавать исправникъ вопросы.—Хорошо, идите. Я поручу приставу произвести объ этомъ дознаніе, и если заявленіе ваше подтвердится, то я буду просить преосвященнаго разъяснить вашему черезчуръ рьяному къ церковнымъ интересамъ батюшкѣ, въ какихъ именно случаяхъ полагается бить въ набатъ.

Послѣ старосты вошли два мужика: одинъ—высокій, худощавый, угрюмый старикъ; другой—молодой еще, юркій, съ плутовскимъ лицомъ. Это были „ходоки“, повѣренные одного бывшаго господскаго сельскаго общества; они уже неоднократно донимали меня, заставляя рыться въ архивѣ, давать имъ разныя „скопіи“, справки, писать приговоры и проч., и вотъ по какому поводу. Семь человѣкъ изъ ихъ господскихъ дворовыхъ людей пошли еще до X ревизіи на военную службу, при чемъ „послуги“ были обществу зачтены; когда же отставные солдатики вернулись со службы послѣ 1861 г., то надѣла у нихъ въ родномъ селѣ не оказалось, дворни уже не было, и имъ приходилось измышлять себѣ сердства къ существованію; за нихъ заступился тогдашній посредникъ и, въ силу своей диктаторской власти, приказалъ обществу нарѣзать имъ земли. Общество пожалось и выдѣлило солдатамъ по полоскѣ. Прошло около двадцати лѣтъ; земля вздорожала въ десять разъ, и крестьяне стали съ алчностью смотрѣть на душевые надѣлы солдатъ изъ дворовыхъ людей, т. е. изъ лицъ, не имѣющихъ права на полученіе отъ общества надѣла. Теперь общество это отъ кого-то прослышало, что солдаты ихъ неправильно владѣютъ землею, потому-де на нихъ отъ господъ земли не нарѣзано; глаза у мужиковъ и разгорѣлись: пять душевыхъ надѣловъ (двое солдатъ къ этому времени ужъ умерли и надѣлы ихъ

вернулись въ общество)—это, по крайней мѣрѣ, сто двадцать пять рублей въ годъ одной аренды!... Кусокъ черезчуръ лакомый, чтобы не попытаться его ухватить. Немедленно выбрали двухъ повѣренныхъ: старшаго, Дубинина, испытаннаго кряжа, вынесшаго отъ бывшихъ господъ не одну тысячу лозановъ, и младшаго, Капустина, не битаго, но умственнаго пролазу. Сначала общество хотѣло просто отобрать у солдатъ ихъ надѣлы и потомъ уже, по ихъ выраженію, судиться съ ними; но я ихъ убѣдилъ, что они за своевольство въ отвѣтѣ будутъ, и что имъ слѣдуетъ сначала допытаться, въ правѣ ли онѣ это сдѣлать, у уѣзднаго присутствія; въ увѣренности же, что лучше исправника никто не столкуется съ ними, я и направилъ ихъ къ нему.

Съ этими ходоками исправникъ долго протолковалъ: сначала выслушалъ ихъ, потомъ сталъ усовѣщевать. Онъ указывалъ имъ, что отъ крестьянъ отошло къ солдатамъ не болѣе чѣмъ по сажени земли съ души, что это такая малость, о которой и говорить не стоитъ, что солдаты эти—старики и скоро перемрутъ, и тогда надѣлы ихъ безъ всякихъ хлопотъ вернутся въ общество; что обижать служившихъ за нихъ людей, все несчастіе которыхъ состоитъ въ томъ, что они принадлежали по волѣ барина къ дворнѣ,—грѣхъ, и что, обидя стариковъ, они будутъ виноваты и передъ закономъ, и передъ своей совѣстью... До сихъ поръ съ исправникомъ говорилъ только младшій ходокъ, Капустинъ; старшій же угрюмо молчалъ, но тутъ заговорилъ.

— Душевно изволите говорить, ваше б-діе, хорошо васъ и послухать; да что съ обществомъ подѣлаешь, коли оно, какъ одинъ человѣкъ, порѣшило?.. Опять, ваше б-діе, солдаты эти не нищіе: только двое у насъ въ селѣ живутъ и землю пашутъ, да табакомъ занимаются; а прочіе—кто гдѣ... Одинъ въ кабакѣ сидитъ, прочіе на чугункѣ въ сторожахъ, али въ лѣсу въ караульщикахъ,—доподлинно не знаю; они и землюто нашу кровную въ глаза не видятъ, а намъ же ее сдаютъ ежегодно, да верхи берутъ. Ну, и стало намъ обидно за свою же землю имъ деньги платить, а они возьми, да чужому дядѣ изъ другого села и сдай; это ужъ вовсе не въ порядкѣ...

Прошло нѣсколько минутъ въ тяжеломъ молчаніи; ходоки глубоко вздыхали.

— Ну, старики, я не вѣрю и не хочу вѣрить, чтобы правда на небо ушла; я убѣжденъ, что въ міру есть еще совѣсть. Если ужъ все общество ваше находитъ, что солдаты эти неправильно пользуются землей, то дѣлать нечего—хлопочите, чтобы законнымъ порядкомъ признали эту неправильность. А мое вамъ послѣднее слово,—напрасно вы изъ такой малости людей собираетесь обижать: съ міру по ниткѣ, голому рубаха; вы же только водки больше попьете... Ступайте!

Стали являться новые просители: одинъ жаловался, что его неправильно въ сотскіе выбрали, другой просилъ оставить у него на порукахъ приставшую къ нему лошадь, какая-то старуха пришла жаловаться на своего зятя, что онъ ей хлѣба не даетъ, со свѣту сживаетъ... Со всѣми исправникъ радушно говорилъ, всѣхъ удовлетворилъ, на сколько могъ. Я слушалъ его и думалъ: сколько горя на Руси, сколько мелкихъ бѣдъ и недоразумѣній было бы устранено, если бы имѣлось побольше такихъ честныхъ, преданныхъ своему дѣлу служакъ, каковъ исправникъ Бѣльскій...

Какъ я ужъ упоминалъ, со вступленіемъ его на должность измѣнился къ лучшему составъ становыхъ приставовъ и, насколько вообще возможно, составъ урядниковъ. До Бѣльскаго послѣдовательно, одинъ за другимъ, завѣдывали станомъ, въ составъ котораго входила наша волость, двое становыхъ, оба—преинтересныя, въ своемъ родѣ, личности. Первый, Коневъ, имѣлъ страсть разъѣзжать по питейнымъ заведеніямъ и „бѣлымъ харчевнямъ“; пріѣдетъ, напр., и начинаетъ придираться съ какими-нибудь пустяками къ хозяину. Происходитъ сцена въ родѣ слѣдующей:

— Отчего у тебя, другъ мой, паутина на полкѣ?.. Развѣ ты не знаешь, что въ законѣ сказано?.. „Содержатель заведенія имѣетъ наблюденіе, дабы посуда была чиста“... Такъ-то, братецъ. А какъ же она можетъ быть чиста, когда вокругъ пыль, паутина, грязь,—ужасъ, ужасъ!.. Нѣтъ, другъ мой, сердись не сердись, а актецъ я на тебя напишу: нельзя,—не я, а законъ того требуетъ?.. Понимаешь? Законъ!

Содержатель ни мало не смущался, однако, перспективой

составленія „актеца“, ибо по опыту зналъ, къ чему это ведетъ. Онъ шопотомъ приказывалъ женѣ или служащему приготовить закусочку и поставить самоваръ, а затѣмъ звалъ начальство за перегородку: „вамъ тамъ удобнѣе писать будетъ, ваше б-діе, пожалуйте“. Слѣдовала вышивка, затѣмъ назначалась цѣна несоставленному „актецу“: иногда, при большомъ финансовомъ разстройствѣ въ дѣлахъ станового, брался четвертной билетъ, иногда же дѣло ограничивалось пятишницей и даже трешницей. Собираясь уѣзжать, Коневъ цѣловался съ радушнымъ хозяиномъ и приговаривалъ: „да смотри, чтобъ намъ друзьями оставаться, чтобъ обиды на меня никакой,—ни-ни!..“

Такъ держалъ Коневъ бразды правленія лѣтъ пять, но наконецъ сорвалось,—и какъ еще сорвалось! Пріѣхалъ онъ въ одно село для сбора податей, заставилъ гнать народъ въ сборню и при себѣ приказалъ сборщику принимать деньги. Принимали и набрали цѣлую пачку; Коневъ протянулъ къ ней свою руку со словами: „дай ка, я пересчитаю; ты вѣдь, мужиковина, и считать не умѣешь!“ Сталъ считать,—и вдругъ пятишницы не оказывается. „Ты, видно, обчелся,—говоритъ онъ сборщику,—тутъ не 187, а только 182 рубля“. Сборщикъ сталъ шарить по лавкѣ и подъ столомъ, разыскивая исчезнувшую ассигнацію, какъ вдругъ одинъ изъ стоявшихъ у стола мужиковъ протягиваетъ—о, дерзость!—свою грязную лапу къ форменному обшлагу станового и говоритъ сборщику: „да ты, дядя Митряй, вотъ гдѣ поищи пятишницъ-то, а то что зря подъ столомъ смотрѣть“.. Всеобщій хохотъ!.. Сборщикъ торжественно вытаскиваетъ изъ обшлага пятишницу, одинъ уголъ которой предательски торчалъ наружу. Коневъ, въ смущеніи отъ неудавшагося фокуса, старается оправдаться, говоря, что онъ захотѣлъ испытать сборщика, что нарочно спряталъ „на время“ бумажку; но ему не вѣрятъ: подымается хохотъ, насмѣшки градомъ сыплются на сконфуженнаго начальника, слышатся даже возгласы: „куроцапъ, разбойникъ?“ Ему ничего не оставалось, какъ, сѣвши въ сани, удариться въ бѣгство... Дѣло дошло до начальства, и неловкій фокусникъ, во избѣжаніе скандала, былъ уволенъ въ отставку.

Его мѣсто занялъ нѣкто Псаревскій. Этотъ къ кабатчикамъ не ѣздилъ, пятишницъ не таскалъ, водки не пилъ, но былъ жестокъ на руку и на слова. Ругался онъ художественно, а встрепки, волосянки тожъ, задавалъ настолько мастерски, что знатоки въ этомъ дѣлѣ, всю жизнь получавшіе начальническіе зуботычины и побои съ окровавленіемъ и безъ онаго, только руками разводили: „ну, и мастакъ же драться, ловокъ, шутъ-те возьми! Дня два въ головѣ звонъ стоялъ,—такъ по щекамъ отдулъ лихо и по всѣмъ угламъ избы за виски таскалъ, а ни одного синяка нѣтъ тебѣ на всемъ тѣлѣ,—никто и не повѣритъ, что битъ былъ!“ Этотъ Псаревскій былъ большой любитель до „скоромнаго“ и не упускалъ ни одного случая позубоскалить съ пришедшей къ нему по дѣлу бабой или дѣвкой. Циникъ онъ былъ ужасный, и одинъ изъ его поступковъ и былъ причиной его перевода въ другой уѣздъ. Вотъ какъ было дѣло.

Во время лѣтнихъ работъ, когда всѣ мужики были на полѣ, въ одну изъ небольшихъ деревушекъ верстъ за двадцать отъ Кочетова, въ богатый домъ зашли три цыганки съ предложеніемъ бабамъ поворожить. Предложеніе, конечно, принято,—потому что нѣтъ, кажется, на свѣтѣ болѣе любопытнаго и падкаго на всякія шарлатанства существа, какъ деревенская баба,—и покуда двѣ старыя цыганки ворожили, третья, молодая дѣвушка, вышла будто на дворъ, да изъ незапертой клѣтки и утащила сундучокъ съ деньгами — около тысячи рублей. По всей вѣроятности, существованіе этого сундучка. было заранѣе извѣстно ворамъ, потому что на задворкахъ стояли повозки съ ожидавшими ихъ прочими цыганами; молодая цыганка передала сундучокъ одному изъ сообщниковъ, а сама успѣла вернуться въ избу, гдѣ товарки ея продолжали разсказывать разныя небылицы глупымъ бабамъ. Наконецъ, попрощались, получили за ворожбу пятокъ яицъ и ушли, какъ будто къ сосѣдямъ, а на самомъ дѣлѣ бросились къ ожидавшимъ повозкамъ и—маршъ проселками на Кочетово. На этотъ разъ, однако, разсчетъ цыганъ не удался: они надѣялись, что сундучка хватятся только развѣ мужики по возвращеніи съ поля; вышло же иначе: одна изъ бабъ пошла въ клѣть за какимъ-то дѣломъ, тотчасъ послѣ ухода цыганокъ,

и нечаянно замѣтила отсутствіе сундучка. Съ воемъ и плачемъ кинулась она въ избу, а потомъ всѣ вмѣстѣ въ поле, гдѣ работали мужики; на счастье поле было недалеко. Мужики, узнавъ, въ чемъ дѣло, вскочили на коней и пустились разными дорогами въ погоню. Подъ Кочетовымъ одному изъ нихъ удалось почти что нагнать уѣзжавшія отъ него вскачь повозки, но лошадь его стала уставать; тогда онъ принялся кричать „караулъ“. Народъ, бывшій на полѣ, сообразилъ, въ чемъ дѣло: образовалась новая погоня, и цыгане были пойманы въ верстѣ отъ Кочетова. Произошелъ ужасный самосудъ: цыганъ били и кулаками, и палками, и кнутомъ; обѣ повозки были перерыты, но дорогого сундучка въ нихъ не нашлось. Опять били, опять искали, и такъ до трехъ разъ; цыгане стоически переносили мученія, наконецъ, ихъ повезли въ волость. Народу собралось человѣкъ пятьсотъ; можно было ежеминутно ожидать, что толпа доконаетъ своихъ исконныхъ враговъ-конокрадовъ, разорвавъ ихъ въ клочки... Пошли допросы обыски; цыганъ, въ числѣ девяти человѣкъ, заперли—для ихъ же безопасности—въ арестантскую; за становымъ послали нарочнаго. Пріѣхавъ, становой вновь перерылъ всѣ вещи, но сундучка, или сколько-нибудь значительной суммы денегъ, не нашелъ. Вотъ тутъ Псаревскій и отличился: молоденькую, хорошенькую цыганку, главную виновницу кражи, онъ приказалъ подробнѣйшимъ образомъ обыскать, а для лучшаго успѣха—раздѣть ее до-нага, что и было исполнено десятскими тутъ же на глазахъ у собравшейся въ сборнѣ толпы не менѣе ста человѣкъ. Во время „обыска“, Псаревскій плотоядно облизывался, да и толпа чувствовала себя неспокойно,—животные инстинкты разыгрывались, несмотря на жалобные стоны и слезы цыганочки... (Считаю необходимымъ объяснить, что я пишу со словъ очевидцевъ; самого же меня при всей этой исторіи не было: я былъ въ отъѣздѣ „по дѣламъ службы“). Денегъ, конечно, при ней найдено не было, да и врядъ ли ихъ искалъ Псаревскій: вѣрнѣе всего, онъ не захотѣлъ упустить удобнаго случая доставить себѣ безнаказанно рѣдкое удовольствіе... Что же касается пропавшихъ денегъ, то дѣло было такъ: цыгане по дорогѣ взломали сундукъ и бросили его въ логъ, а, при видѣ погони,

одинъ изъ нихъ ускакалъ верхомъ на пристяжной другой дорогой, увезя съ собой деньги, такъ что погоня гналась по ложному слѣду. Ускакавшій цыганъ такъ и остался неразысканнымъ и ужъ, конечно, не выданнымъ своими сообщниками, упорно отрицавшими даже самый фактъ таинственнаго исчезновенія одного члена изъ ихъ табора и одной пристяжной лошади... Дѣло же о черезчуръ строгомъ и публичномъ обыскѣ молодой цыганки получило нѣкоторую огласку, и Псаревскій проживаетъ теперь въ другомъ уѣздѣ, завѣдуя, въ наказаніе (гм, гм!..), огромнымъ, разбросаннымъ на полсотни верстъ станомъ.

А то, по сосѣдству, былъ и такой становой, котораго раза два поджигали, и которому пришлось какъ-то прыгать изъ окошка волостнаго правленія вмѣстѣ съ пріятелемъ своимъ, писаремъ, утекая отъ бушевавшихъ крестьянъ; „бунтъ“ же этотъ произошелъ по тому обстоятельству, что становой вмѣстѣ съ писаремъ сняли у пяти-шести міроѣдовъ мірской лужокъ подъ сѣнокосъ, рублей за пятнадцать (точныхъ цифръ не помню), въ то время, какъ онъ стоилъ втрое дороже; собравшаяся сходка объ этомъ узнала, вознегодовала и пошла шумѣть, требуя къ себѣ на отвѣтъ черезчуръ невыгодныхъ съемщиковъ; а тѣ предпочли улепетнуть черезъ окно... Этотъ становой также переведенъ въ другой уѣздъ, правда, съ повышеніемъ... за долголѣтнюю полезную службу.

Теперь у насъ становымъ добродушнѣйшій старичокъ, никому зла не дѣлающій... виноватъ, — страшный злодѣй для своихъ собесѣдниковъ. Дѣло въ томъ, что старичокъ считаетъ себя компетентнымъ лицомъ рѣшительно по всѣмъ отраслямъ знанія и вопросамъ жизни. Онъ одинаково легко и усыпительно разсуждаетъ о политикѣ Гладстона и о приготовленіи малороссійскихъ варениковъ, о финансовомъ кризисѣ въ Россіи и о воздушныхъ шарахъ, о соціалистахъ и... и о чемъ угодно. Ни разу не случалось за двухлѣтнее наше знакомство, чтобы старичокъ сказалъ „не знаю“, или замолчалъ бы по собственному побужденію, когда въ одной комнатѣ съ нимъ былъ хоть кто-нибудь, достойный состоять его собесѣдникомъ. Когда онъ пріѣзжалъ къ намъ въ волость и, расположившись на отдыхъ, приглашалъ меня принять участіе въ

чаепитіи, я усердно курилъ папиросы, думалъ свои думы, и изрѣдка—такъ минутъ черезъ пять—говорилъ „да“ или „вотъ какъ!“, не заботясь, впопадъ ли говорю, и не зная, къ чему относится мое восклицаніе: къ разсужденіямъ ли о воздушныхъ шарахъ, или къ критикѣ нѣмецкихъ мѣропріятій противъ соціалистовъ; а добродушный хозяинъ безконечно разглагольствуетъ, очень довольный моимъ молчаливымъ вниманіемъ. Поэтому мы съ нимъ были большіе друзья, и лично для меня другого станового не надо было.

Однако, пора возвратиться къ давно прерванному разсказу. За полуторагодовой промежутокъ времени, прошедшій со времени первыхъ сходокъ по поводу передѣла земли и до описываемаго момента, мнѣніе мірянъ объ этомъ предметѣ нѣсколько поизмѣнилось. Многіе, остававшіеся нейтральными относительно рѣшенія этого вопроса, подчинились духу времени и хоть слабо, но стали признавать, что „дѣлать нечего, — видно, супротивъ міра не пойдешь, хоша и убыточно маленько будетъ“. Это тѣ домохозяева, у которыхъ количество наличныхъ душъ мужского пола совпадаетъ съ количествомъ ревизскихъ, и число надѣловъ не должно было поэтому подвергнуться измѣненію, но самая величина надѣловъ необходимо должна была нѣсколько уменьшиться сравнительно съ размѣромъ прежнихъ надѣловъ на ревизскія души, потому что, по ревизіи, пахотная земля, принадлежащая обществу, была подѣлена на 1300 душъ, а наличныхъ душъ мужского пола, на которыхъ приходилось нарѣзать ее теперь, оказывалось никакъ не менѣе 1800. Но домохозяева эти помнили, что часть земли, неподѣленную на души, бывшую до сихъ поръ въ общемъ владѣніи сотенъ и сдававшуюся изъ года въ годъ на покрытіе общественныхъ нуждъ и на пропой,—предполагалось нынѣ тоже разверстать на души, такъ что уменьшеніе новаго душевого надѣла должно было произойти не въ пропорціи $\frac{1}{1300} : \frac{1}{1800}$, а нѣсколько меньшей. Съ другой стороны, самые ярые противники передѣла, арендаторы общественныхъ участковъ, отдержавъ свою аренду, отказались отъ новой съемки, и имъ, такимъ образомъ, уже не грозила опасность потерять свою оплаченную впередъ аренду. Сло-

вомъ, предсказаніе Ивана Моисеича, что препятствій къ раздѣлу больше не будетъ, оправдалось: если и было человѣкъ сорокъ домохозяевъ, которымъ, вслѣдствіе значительнаго сокращенія числа ихъ надѣльныхъ душъ, передѣлъ былъ сильно невыгоденъ, то они, по малочисленности своей, открыто противорѣчить составившемуся подавляющему большинству не осмѣливались, и многіе изъ нихъ даже не пришли на сходку, созванную по случаю пріѣзда исправника.

Онъ сталъ говорить со сходомъ не съ крыльца, какъ это обыкновенно практиковалось, а войдя въ самую толпу и составивъ изъ нея широкій, такъ называемый казацкій кругъ. Пригласивъ сходъ надѣть шапки, что было послѣ нѣкотораго колебанія исполнено, Бѣльскій въ ясныхъ, „хорошихъ“ словахъ разъяснилъ необходимость отъ времени до времени дѣлить землю — во избѣжаніе крайней неравномѣрности въ распредѣленіи ея; между прочимъ онъ указалъ на то обстоятельство, что есть уже молодые солдаты, вернувшіеся съ царской службы домой, но не имѣющіе дома ни борозды земли, какъ рожденные послѣ X-й ревизіи... Толпа слушала съ глубокимъ вниманіемъ; рѣчь исправника была для нея какъ бы выводомъ изъ всѣхъ ея мыслей, споровъ и брани по поводу передѣла; кой-гдѣ слышались вздохи и сочувственныя восклицанія; когда же Бѣльскій, кончивъ говорить, предложилъ всѣмъ желающимъ передѣла земли стать по лѣвую отъ него руку, а не желающимъ—по правую, то ни одного желающаго стоять по правой сторонѣ не оказалось: приговоръ былъ постановленъ единогласно 387 домохозяевами.

У всѣхъ какъ бы тяжелая обуза спала съ плечъ; раздались восклицанія: „Слава Богу, наконецъ-то покончили! Пора ужъ!.. Ну, Господи благослови, въ часъ добрый!.. Покорнѣйше благодаримъ, ваше б-діе, что потрудились изъ-за насъ...“ и проч. Бѣльскій ушелъ въ волость, а сходъ занялся выработкой деталей будущаго дѣлежа. Было, между прочимъ, опредѣлено произвести передѣлъ срокомъ на шесть лѣтъ; 1-го сентября этого года опредѣлить количество душъ мужского пола, кои окажутся на-лицо, и нарѣзать имъ равные душевые надѣлы, причемъ два поля передѣлить осенью того же года, въ сентябрѣ или октябрѣ, а третье, которое будетъ

засѣяно озимымъ, подѣлить на будущій годъ, тоже осенью, по снятіи урожая; количество „сотенъ“ оставить то же, т.-е. восемь, а „десятковъ“ сдѣлать — сколько выйдетъ; вдовамъ, имѣющимъ однѣхъ дочерей или хотя бы и бездѣтнымъ, но живущимъ самостоятельно, дать по половинѣ душевого надѣла, безъ платежа податей и отбыванія повинностей, и пр. Я не буду вдаваться въ подробности производства передѣла, такъ какъ здѣсь меня не интересуетъ этотъ техническій вопросъ; но нахожу необходимымъ упомянуть о нѣкоторыхъ частныхъ обстоятельствахъ, его сопровождавшихъ.

Бобылямъ, о которыхъ я упоминалъ выше, надѣлы были нарѣзаны наравнѣ съ прочими, т.-е. черезполосно, и оставлены въ мірскомъ владѣніи сотенъ до тѣхъ поръ, пока споръ о землѣ не будетъ разрѣшенъ сенатомъ, куда кочетовское общество подало кассаціонную жалобу на рѣшеніе губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, рѣшившаго, что бобыли, сами отказавшіеся отъ земли, имѣютъ полное право въ каждую данную минуту требовать ее себѣ обратно; на случай же, если и сенатъ рѣшитъ это дѣло въ пользу бобылей*), и была устроена черезполосица ихъ надѣловъ, съ тою цѣлью, чтобы они не могли свой участокъ сдать цѣликомъ въ постороннія руки, а принуждены бы были или сами обрабатывать землю, или сдавать ее подесятинно своимъ же общественникамъ. Далѣе, не всѣ вдовы получили даровые полунадѣлы: четверымъ изъ нихъ (двумъ „черничкамъ“, затѣмъ одной, имѣющей богатаго зятя и одной имѣющей 300 р. денегъ, положенныхъ въ банкъ покойнымъ свекромъ на имя ея двухъ дочерей-дѣвочекъ) общество отказало въ этихъ полунадѣлахъ, въ виду ихъ относительной обезпеченности въ матеріальномъ отношеніи; прочимъ же восьми вдовамъ, не имѣвшимъ никакихъ средствъ къ жизни, даровые полунадѣлы были даны. Всѣ безземельные крестьяне,—т.-е. лица, припи-

*) Лѣтомъ 1884 г. меня увѣдомили, что сенатъ кассировалъ рѣшеніе губернскаго присутствія, поручивъ ему разсмотрѣть это дѣло вновь; а по новомъ разсмотрѣніи (какъ я узналъ впослѣдствіи) дѣло было рѣшено въ пользу кочетовскаго общества съ тѣмъ, чтобы бобыли, которые фактически возвратились бы къ земледѣлію, т.-е. переѣхали бы въ с. Кочетово и завели бы свое хозяйство,—были надѣлены землею наравнѣ съ прочими крестьянами.

савшіяся къ обществу послѣ ревизіи и владѣвшія земельными надѣлами только на бумагѣ, большею частью по собственному желанію, благодаря малодоходности земли и связаннымъ съ нею повинностямъ,—нынѣ себѣ надѣлъ потребовали, такъ какъ „верхи“—рублей 10 съ души — получаются теперь безъ всякаго труда; этимъ господамъ, аристократіи изъ бывшихъ дворовыхъ людей, — всего на одиннадцать душъ,—земля была нарѣзана, но при всеобщемъ неудовольствіи, такъ какъ при припискѣ своей они словесно обѣщали никогда земельнаго надѣла себѣ не брать и приписывались къ обществу, какъ бы для одного счета.

Самый дѣлежъ тянулся недѣли три; но это неудивительно, если принять во вниманіе, что пахотной земли у Кочетовскаго общества имѣется болѣе 6,000 десятинъ. Каждое утро толпы пѣшихъ и конныхъ крестьянъ, человѣкъ въ 20—30, представители своихъ десятковъ,—отправлялись на поле, вооруженные заступами и саженью въ видѣ раскрытаго циркуля; всѣ имѣли съ собой запасы хлѣба на день. Пахотныя поля кочетовскія изстари разбиты на столбы, которые при передѣлахъ не измѣнялись, а о владѣніи тѣмъ или другимъ столбомъ бросался между сотнями жеребій. Столбы, однако, были такъ неравны между собой, что разница между душевыми надѣлами въ той или другой сотнѣ доходила до $^1/_{20}$ десятины и болѣе; дѣло въ томъ, что всѣ столбы предполагались шириной въ 80 саженъ, такъ что при 30 саж., отложенныхъ по длинѣ, и должна бы была получиться казенная десятина въ 2,400 кв. саж.; но столбы имѣли форму неправильную; въ одной сотнѣ на всемъ протяженіи его оказывалось всего 76 саж. въ ширину; въ другой, въ началѣ столба—82 саж., а въ концѣ—79 саж. и т. п.; но на эти небольшія неточности вниманія не обращалось, и площадь шириною въ 30 саж., отложенныхъ по ребру столба, какова бы ни была его длина, считалась за десятину. Крестьяне, конечно, замѣчали неточность своего измѣренія, но перемѣрку самихъ столбовъ съ нарушеніемъ столбовыхъ межъ произвести не рѣшались, вслѣдствіе громадности работы; перемѣрка же каждой десятины, при огромномъ количествѣ ихъ, была бы затруднительна. Измѣренія производились молчаливо и сосре-

доточенно, и только по поводу какого-либо спорнаго обстоятельства подымался шумъ и крикъ; трудно было понять постороннему наблюдателю что-нибудь въ этой массѣ отдѣльныхъ, безсвязныхъ восклицаній, выкрикиваній и ругательствъ, и новичокъ могъ бы подумать, что поднялась такая неурядица, которая и въ годъ не распутается. Однако, голоса спорящихъ мало-по-малу стихали, наконецъ, замолкали вовсе, и мѣрщикъ опять продолжалъ свою работу, выкликая: разъ, два, три и т. д. до тридцати, а счетчикъ съ биркой и ножемъ въ рукахъ заканчивалъ: „первая“ или „вторая“, — подразумѣвая: десятина. Всѣ сомнѣнія разрѣшались тутъ же, на мѣстѣ, и ни одной жалобы на неправильность дѣлежа не было предъявлено волостному суду: точно и довольно быстро вычислялась площадь очень сложныхъ фигуръ, въ родѣ неправильнаго многоугольника съ нѣсколькими округленными (ломъ или рѣчкой) сторонами. Сажень въ видѣ циркуля, развернутаго подъ прямымъ угломъ, служила и для измѣренія, и за астролябію для возставленія и опусканія перпендикуляра; все дѣлалось такъ просто и отчетливо (хотя геометрически—далеко не всегда точно), что рѣшительно всѣмъ участникамъ въ дѣлежѣ было понятно, что дѣлаетъ или хочетъ дѣлать мѣрщикъ, измѣряя эту сторону клина, или разбивая острый уголъ треугольника—клина тожъ—пополамъ; если же въ комъ-нибудь рождалось сомнѣніе, то тутъ-то поднимался крикъ и шумъ и продолжался до тѣхъ поръ, пока оставался хоть одинъ сомнѣвающійся. На полѣ оставались до поздняго вечера, особенно когда приступили къ дѣлежу дальнихъ столбовъ, отстоящихъ отъ села верстахъ въ 12—15; поздними вечерами приходилось мнѣ видѣть изъ окна, какъ кавалькада сѣрыхъ тружениковъ подъѣзжала съ поля прямо къ кабаку и распивала четверть или двѣ—въ счетъ арендной платы за какой-нибудь маленькій клинъ, который не стоило дѣлить на души, и который сдавался, поэтому, въ аренду въ однѣ руки; охотники снимать такіе клинушки находились всегда тутъ же, между мѣрщиками. При сдачѣ за водку десятина шла не дороже 7—10 руб., между тѣмъ какъ нормальная ея стоимость была не менѣе 10—15 руб; впрочемъ, цифры эти выведены мною по расчету, потому что десятины въ отрѣзѣ

никогда не остаются, а бываютъ только клочки, въ четверть десятины и менѣе. Эта разница въ цѣнѣ не можетъ, однако, служить значительнымъ упрекомъ мѣрщикамъ въ пропиваніи мірского добра: прежде чѣмъ осуждать, нужно войти въ положеніе людей, цѣлые дни проводящихъ въ полѣ на мірской службѣ въ то время, какъ прочіе однообщественники ихъ живутъ дома и работаютъ на себя; вознагражденія за эту исполняемую мірскую работу мѣрщики не получаютъ, и она имъ въ прямой убытокъ, такъ какъ домъ и хозяйство ихъ лишаются на все это время работника. Понятно, что мѣрщики считаютъ себя вправѣ послѣ долгаго рабочаго дня выпить шкаликъ-другой на мірской счетъ. Изъ разспросовъ моихъ по поводу этого обстоятельства оказалось, что всего пропито было разныхъ клинушковъ, величиной отъ $^1/_{10}$ до $^1/_4$ десят., на сумму около 120 рублей, что составляетъ расходъ по измѣренію земли на одного домохозяина около двадцати копѣекъ. Этотъ расходъ, конечно, долженъ считаться очень скромнымъ, въ виду того, что двадцать копѣекъ, разложенныя на шесть лѣтъ, опредѣлятъ ежегодный расходъ на предметъ правильнаго распредѣленія земли всего около трехъ-четырехъ коп. на домохозяина,—величина окончательно ничтожная; въ силу этого ли, или просто въ силу обычая, мнѣ никогда, даже въ частномъ разговорѣ, не приходилось слышать выраженія неудовольствія по поводу пропитаго мѣрщиками клинушка. Кромѣ того, не надо упускать изъ виду, что составъ мѣрщиковъ непостояненъ, а совершенно случаенъ, и что каждый изъ сидѣвшихъ нынче дома можетъ завтра отправиться на поле мѣрить и затѣмъ вечеромъ принять участіе въ общей выпивкѣ. Бобыльскіе надѣлы и нѣкоторые другіе, болѣе кртпные участки, по тѣмъ или другимъ причинамъ не попавшіе въ разверстку, становились общественной собственностью всей сотни, которая впослѣдствіи и распоряжалась ими по своему усмотрѣнію, безъ всякаго контроля со стороны всего сельскаго общества или старосты. Такимъ образомъ, сотня есть не что иное, какъ мелкая, но самостоятельная поземельная община; то же самое до нѣкоторой степени относится даже къ десяткамъ, т.-е. по-любу соединившимся домохозяевамъ, у которыхъ въ общей сложности десять надѣльныхъ

душъ; эти десятки также владѣютъ иногда микроскопическими клинушками, не подѣленными между членами десятка на души, и эти клинушки составляютъ уже собственность только этого десятка. Такимъ образомъ, крестьянинъ можетъ быть: первое — неограниченнымъ (въ извѣстномъ отношеніи) собственникомъ своего надѣла, и второе—участникомъ а) въ мірскихъ земляхъ своего десятка, б) своей сотни и в) своего сельскаго общества. Эти-то мірскіе, не подѣленные на души клинушки обыкновенно сдаются „десятками“ или „сотнями“,—смотря по тому, въ чьемъ владѣніи состоятъ,—въ аренду, и при этихъ сдачахъ происходитъ злоупотребленій гораздо больше, чѣмъ, напримѣръ, при раздѣлѣ земли. Дѣло въ томъ, что въ процедурѣ сдачи въ аренду мірскихъ клиньевъ и десятинъ участвуютъ только немногіе наиболѣе состоятельные или многосемейные домохозяева, у которыхъ есть кому остаться дома, нарѣзать сѣчки, напоить скотину,—и которымъ ничего не стоитъ потолочься часъ-другой около кабака, въ виду даровой выпивки въ томъ же кабакѣ; большинство или, во всякомъ случаѣ, порядочная часть такихъ сдатчиковъ — всегда міроѣды, между собой не конкурирующіе. Дѣло происходитъ обыкновенно такъ.

Иванъ, мужикъ изъ среднесостоятельныхъ, не упускающій случая схватить „счастье“, если оно дается въ руки, облюбовалъ себѣ сотенно-мірскую десятину. Первымъ долгомъ онъ направляется къ Парфену, самому завзятому горлодралу, кулаку и выжигѣ на первый взглядъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ самому нужному человѣку въ сотнѣ, — если къ нему присмотрѣться поближе, — знающему всѣ мірскіе распорядки и нужды, всѣ мірскіе клоки, будь онъ не болѣе $^1/_{15}$ десятины, характеры и наклонности всѣхъ своихъ односотенныхъ домохозяевъ, ихъ семьи, ихъ коровъ и лошадей, количество свезеннаго ими съ поля хлѣба, количество проданнаго въ городѣ овса, количество заготовленной ими къ празднику водки, — словомъ, рѣшительно весь домашній ихъ обиходъ... Вотъ къ такому-то всевѣдущему Парфену и приходитъ Иванъ.

— Добро ли поживаешь себѣ, Парфенъ Семенычъ?—начинаетъ Иванъ.

— Богъ грѣхамъ терпитъ!.. Помаленьку! Садись, Иванъ Иванычъ, гостемъ будешь.

— И то сяду. Чтой-ты никакъ строиться задумалъ, кирпичу навезъ?

— Какая моя стройка,—такъ, случай подошелъ. За землю, значитъ, кирпичемъ одинъ человѣкъ заплатилъ. Я себѣ думаю,—взять хоть кирпичемъ, на что-нибудь да пригодится; больше съ него вѣдь нечѣмъ взять, а про деньги и не поминай... Ты ужъ не купить ли хочешь?

— Нѣтъ, на что мнѣ!.. А я къ тебѣ по дѣлу, Парфенъ Семенычъ. Въ „Поповомъ Отрогѣ“ десятину мірскую снять бы хотѣлъ. Колесовъ Митюха ужъ отдержалъ,—нонѣ ее сѣять надо рожью. Она хоша мнѣ и не дюже нужна, а такъ, къ мѣсту пришлась: у меня тамъ еще пахота есть...

Иванъ отворачивается, какъ будто разглядывая лежащіе на полатяхъ полушубки.

— Знаемъ эту десятину, какъ не знать... Только, какая-жъ у тебя тамъ еще пахота? Не слыхалъ я, чтобъ ты у кого снялъ.

Иванъ жмется; онъ хотѣлъ бы соврать, но чувствовалъ себя въ положеніи ученика передъ строгимъ и всезнающимъ экзаменаторомъ; соврать же ему показалось необходимымъ, чтобы не обнаружить сразу нужду въ землѣ.

— Да признаться, снять еще не снялъ, а почти поладилъ; набивается тутъ одинъ человѣкъ.

— Кто такой?

— А этотъ... какъ его?.. Да Ѳедька Волохинъ... Намеднись приходилъ...

— Такъ; ну, это онъ вретъ. У Ѳедьки еще до масляной вся земля раздата, только одинъ осьминникъ на кашу себѣ оставилъ.

— Ска-ажи на милость! Ахъ, онъ, мошенникъ!—негодуетъ Иванъ, сворачивая со своей больной головы на здоровую Ѳедькину, потому что Ѳедька въ мошенничествѣ невиноватъ и къ Ивану съ землей не набивался.

— Такъ какъ же десятину-то?—приступаетъ опять къ дѣлу Иванъ.—Ты ужъ подсоби, Семенычъ, я те вотъ могорычекъ принесъ,—говоритъ онъ, вытаскивая изъ-за пазухи кошель, а изъ кошеля засаленную рублевую бумажку.

Парфенъ хладнокровно наблюдалъ за дѣйствіями Ивана; „чижикъ“ лежитъ на столѣ передъ Парфеномъ, но онъ его не трогаетъ до окончательнаго рѣшенія дѣла.

— А много-ль давать хочешь?--спрашиваетъ онъ Ивана.

— Это за десятину-то? Да что положишь,—тебѣ виднѣе... Самъ знаешь, земля тамъ не больно, чтобъ хороша; опять—ложбина есть...

— Какая тамъ ложбина,—вниманья не стоитъ! А земля—зачѣмъ хаять—хорошая, отличная земля... Ставь полведра, да деньгами семь рублей.

— Семь рублей! — дѣланно ужасается Иванъ.—А я такъ думалъ, пятишницы за-глаза?

— Пя-ятишницы!.. Уменъ ты дюже, я погляжу!.. Пятишницы... Пойди-ка, поищи за пятишницу,—и ледащаго осьминника нонѣ не найдешь, а ты—десятину!..

— Ну чтожъ,—сдается Иванъ, самъ сознавая несообразность своей цѣны,—семь, такъ семь. Когда же сходу собирать будешь?

— Это соберемъ, не твоя забота. Ты только не прозѣвай, приходи, а то кто-нибудь еще ввяжется.

— Ладно, не впервое; неужто-жъ маленькій?.. Счастливо себѣ оставаться.

— Благодаримъ! Съ Богомъ,—заключаетъ Парфенъ, беря со стола ассигнацію, такъ какъ торгъ пришелъ къ благопріятному концу. Эта бумажка—подарокъ или, если хотите, взятка лично Парфену за его труды.

Въ чемъ же состоятъ его труды?

XI.

Умственныя силы деревни: Парфены-міроѣды.

Я хочу въ отдѣльной главѣ познакомить читателя съ Парфеновой дѣятельностью и съ Парфеновыми трудами. Они такъ многосторонни, такъ необходимы обществу, эти труды, что Парфены никакъ не могутъ считаться наноснымъ или случайнымъ явленіемъ въ деревнѣ: они—экономическая категорія, они—продуктъ, неизбѣжно вырабатываемый каждой достаточно большой по численности общиной, въ которой

дифференціація и индивидуализмъ находятъ достаточно почвы для своего развитія. Парфенъ—сила умственная; совсѣмъ не требуется, чтобы онъ былъ богатъ, или чтобы онъ сильно и быстро богатѣлъ, сидя на мірской шеѣ, но необходимо нужно, чтобы ему представлялась возможность „кормиться“ около міра, имѣть нѣкоторыя матеріальныя выгоды отъ занятій мірскими дѣлами,—иначе Парфену не будетъ никакого интереса, никакого расчета тратить свое рабочее время на сходкахъ, дѣлежахъ, наемкахъ и проч. Повторяю, Парфенъ такъ необходимъ нынѣшнему крестьянскомъ міру, что, при случайномъ отсутствіи его, сходки нерѣдко расходятся ни съ чѣмъ, ибо толпѣ недостаетъ коновода, заправилы и знатока мірскихъ дѣлъ и нуждъ, и умри сегодня Парфенъ, міръ необходимо долженъ завтра же выдѣлить изъ свой среды другого Парфена... Нѣсколько фактовъ изъ дѣятельности Парфена наилучшимъ образомъ объяснятъ его значеніе для міра, его силу, пользу и вредъ, приносимые имъ обществу, и проч.

Возьмемъ хоть случай съ Иваномъ. Прежде всего, какъ я сказалъ уже, Парфену нужно помнить, что мірская десятина въ „Поповомъ Отрогѣ“ (а такихъ не одинъ десятокъ) отошла уже отъ Колесова и никому еще вновь не сдана, чего навѣрное $^4/_5$ прочихъ односотенныхъ его совсѣмъ не помнятъ, а записей, разумѣется, никакихъ не ведется, зачѣмъ ему нужно знать мѣстоположеніе и качество этой десятины: послѣднее само собою понятно, для чего, — первое же на тотъ случай, если бы десятину снялъ кто-нибудь заочно, не видавъ ея; тогда тотъ же Парфенъ—больше некому—долженъ указать съемщику, гдѣ его десятина находится. Потомъ, послѣ посѣщенія Ивана, Парфену необходимо затратить нѣкоторое время на созывъ схода; онъ долженъ знать, въ какое время большинству изъ нужныхъ ему людей посвободнѣе, и когда они безъ всякаго ущерба для своего хозяйства могутъ придти на сходку. Парфенъ не начальство, не старшина и даже не староста; онъ не можетъ сзывать схода, когда ему вздумается, не имѣетъ „законнаго“ права отрывать людей отъ работы по пустякамъ и долженъ сообразить, въ какой день и въ какое время дня народъ будетъ имѣть свободный часъ-другой. Сообразивъ все это, Парфенъ

долженъ сходить къ десятскому, который, кстати упомянуть, бываетъ у него всегда въ послушаніи—мы увидимъ ниже почему—и приказать ему созвать нужныхъ ему людей: Савелья Панкрашина, Сидора Колесова, Михайлу Серегина и другихъ. Званныхъ бываетъ не болѣе 12—15 изъ общаго числа 60—75 домохозяевъ, входящихъ въ составъ сотни; прочіе не приглашаются, какъ люди, значенія не имѣющіе; званые же—Савелій, Сидоръ и проч.—принадлежатъ къ самымъ сильнымъ, вліяніе имѣющимъ, дворамъ. Но на совѣщаніе являются обыкновенно человѣкъ 5—10 лишнихъ, незваныхъ посѣтителей, такъ или иначе узнавшихъ, что будетъ сдаваться мірская земля и что, слѣдовательно, предстоитъ выпивка на мірской счетъ. Если вѣсть о семъ пріятномъ для мужицкихъ сердецъ событіи разнесется быстро, то бѣгутъ на сходку всѣ мужики, которые въ данную минуту дома и не имѣютъ спѣшной работы; если ихъ набѣгаетъ много, человѣкъ 40—50 (иногда по-двое и по-трое съ одного двора), то Иваново дѣло не выгораетъ: онъ бываетъ принужденъ накинуть еще полведра водки, да рубль-другой деньгами, такъ что десятина вгоняется въ ея нормальную цѣну 14—15 рублей. Въ такихъ случаяхъ, Иванъ иногда отказывается отъ аренды, расчитывая гдѣ-нибудь снять подешевле, и сотня или понижаетъ свои требованія (относительно денегъ, но никогда—водки), или сдаетъ землю другому охотнику, если таковой выискивается. Парфенъ въ этомъ случаѣ, однако, почти никогда не измѣняетъ Ивану, а держится нейтралитета, если новый претендентъ мужикъ вліятельный, и возвращаетъ Ивану взятый у него рубль, или же, если новый арендаторъ не страшенъ, т. е. принадлежитъ къ простымъ лапотникамъ, то наскакиваетъ на него, оретъ, шумитъ, припоминаетъ какія-то потравы, какія-то неотъѣзженныя подводы, приплетаетъ сюда сноху, подравшуюся съ сосѣдкой, словомъ,—старается сбить смирнаго противника съ позиціи, что ему иногда и удается. Такъ или иначе, Парфенъ въ убыткѣ не будетъ: съ Ивана ли, съ новаго арендатора Петра—свое онъ получитъ, не считая законной доли въ мірской выпивкѣ; только съ Петра, котораго онъ честилъ на сходкѣ, онъ получитъ нѣсколько менѣе противъ того, что давалъ Иванъ,—совершенно же отка-

зать Парфену въ магарычѣ никакой Петръ не рѣшится, потому что Парфенъ—человѣкъ нужный и не сегодня-завтра пригодится тому же Петру, ругательски ругаясь изъ-за него съ какимъ-нибудь Панкрашкой. Выставленную съемщикомъ водку пьютъ огульно,—всѣ, кто пришелъ, конечно, изъ этой сотни,—безъ различія того, сколько душевыхъ надѣловъ у пришедшаго, и даже двое и трое съ одного двора, такъ что выпивки въ этомъ отношеніи чисто братскія, дружескія, безъ всякой экономической подкладки. Непьющіе же водки (ихъ вообще 5—10%, но на такихъ сходкахъ ихъ бываетъ и того меньше) или уходятъ по домамъ, если количество водки, падающее на ихъ долю, невелико и о ней хлопотать не стоитъ или же отливаютъ свою часть, если она больше шкалика, въ нарочно принесенныя посудины и несутъ ее домой, гдѣ и берегутъ до случая, т.-е. до праздника, когда придется угощать гостей, или же до какого-нибудь дѣлового посѣщенія „нужнаго“ человѣка,—хоть бы это случилось и въ будни.

Если „простонародіе“ про сходку не прослышало, и на ней присутствуетъ только аристократія мужицкая, созванная Парфеномъ, то дѣло Ивана идетъ какъ по маслу. Начинается съ того, что Парфенъ объявляетъ: нужны, молъ, деньги— жалованье уплатить десятскому, сторожу, бочку пожарную починить, и т. п.

— Думайте, старички, откуда денегъ добыть?..

— Господа старички,— вступается Иванъ, — мнѣ бы вотъ десятинку отдали, что въ „Поповомъ Отрогѣ“; я бы уважилъ, полведерочки поставилъ, и деньги сейчасъ —вотъ онѣ, безъ хлопотъ получайте, значитъ.

— О?.. Вотъ и чудесно! — кричитъ Парфенъ. — А я ужъ давешь, какъ сюда еще шелъ, думаю съ кого бы это намъ по стаканчику выпить,—а выпить смерть хочется... Много ль деньгами даешь?

— Деньгами? Да что деньгами... Земля тамъ не то, чтобъ очень хороша, опять ложбина... Пятишницу дамъ.

— Маловато! А, впрочемъ, какъ старички, не мое дѣло. Михайло Панкратычъ, Василій Антонычъ, сватъ Митрій!... Да что-жъ вы молчите? До ночи намъ тутъ стоять, что ли?..

— Да!.. Какъ сказать,—пятишницы маловато бы!..

— И я говорю вѣдь, что мало! — поддерживаеть Парфенъ.

— Двѣнадцать рублевъ, во сколько! — кричитъ одинъ изъ незваныхъ.—Да полведра чтобы окромя!..

— Ну, что зря болтать, — дѣловымъ тономъ обрываетъ Парфенъ незванаго совѣтчика.—А по моему, старички, положить девять рублевъ; ни ему не обидно, ни намъ... Опять тамъ ложбина.

— Какая тамъ ложбина, откуда ей взяться?—сомнѣвается кто-то.

— Ка-ка-я ложбина!.. передразниваетъ Парфенъ.—Извѣстно, какая—обыкновенная!—Да ты разинь глаза-то, поди сперва посмотри, коли память на старости лѣтъ плоха стала, а потомъ ужъ толкуй!...

Есть, есть ложбина, старички,—распинается Иванъ.

Двѣнадцать рублевъ! — твердитъ незваный.

— Эхъ ты, пустомеля,—твоя видно, недѣля! — огрызается Парфенъ, и въ такихъ препирательствахъ проходитъ полчаса; всѣмъ становится невтерпежъ; хочется до смерти водочки испить, и дѣло кончается, какъ и можно было ожидать, тѣмъ, что Иванъ накидываетъ два рубля къ пяти, а только изъ приличія томившіе себя передъ выпивкой „старики“ скидываютъ два рубля изъ девяти (собственно говоря, это дѣлаетъ Парфенъ при молчаливомъ согласіи прочихъ); такимъ образомъ, десятина идетъ за семь рублей и полведра, т.-е. за цѣну, еще нѣсколько дней до этого назначенную Парфеномъ. Полведра немедленно распивается присутствующими; стоимость его — 2 р. 50 к.—поступаетъ, слѣдовательно, не въ пользу всей сотни, а только пятой или четвертой части ея, которая захватываетъ доли прочихъ, не пришедшихъ на сходку,— имъ даже не объявленную. Вотъ такіе-то, ставшіе обиходными, случаи, во-первыхъ дѣйствуютъ крайне развращающе на деревенскіе нравы и во вторыхъ,—явно убыточны для мірского хозяйства, такъ какъ, вмѣсто пятнадцати рублей чистыми деньгами за десятину, сотня получаетъ на удовлетвореніе своихъ общественныхъ нуждъ только семь рублей, а остальные застреваютъ въ карманахъ Ивана и Парфена и въ глоткахъ тѣхъ „стариковъ“, которые распивали „мірское“ вино. И противъ такого нагла-

го хозяйничанья мірскимъ имуществомъ мнѣ никогда не приходилось слышать протеста, кромѣ вышеразсказаннаго случая съ становымъ: мужики находятъ такія „сдачи“ въ порядкѣ вещей и сами сознаютъ, что если бы на сходкѣ, вмѣсто 12 человѣкъ, присутствовало пятьдесятъ, то „только водки побольше полопали бы, и отъ семи рублей наврядъ ли и трепница бы уцѣлѣла“... Случай же со становымъ я объясняю уже бывшей до этого ненавистью къ нему, такъ что этотъ случай былъ только поводомъ къ ея проявленію: сходъ обидѣлся не на то, что лужокъ пошелъ дешево, а что онъ пошелъ ненавистному становому.

Исторія съ семью рублями, однако, этимъ не кончается: Парфенъ ихъ еще разъ фильтруетъ и выжимаетъ себѣ нѣкоторый барышокъ... Когда Иванъ предъявляетъ свои бумажки старикамъ, Парфенъ выхватываетъ ихъ у него изъ рукъ и провозглашаетъ: „глядите почтенные,—я деньги получилъ сполна и съ десятникомъ ужо расчитаюсь!..“

— Ладно, — говорятъ занятые черпаніемъ водки „почтенные“—расчитывайся.—Большинство, а пожалуй, и всѣ они не помнятъ и не знаютъ, сколько забралъ десятскій Архипъ и сколько ему слѣдуетъ дополучить. Архипу выдаютъ деньги по мелочамъ, сколько случится: нынче — рубль, завтра — три, черезъ мѣсяцъ—пять; нынче были на сходкѣ Михайло и Василій, завтра не будетъ Михайлы, а чрезъ мѣсяцъ не случится Василія; запиской никакихъ не ведется, и если бы не Парфенъ, который очязательно на всѣхъ сходкахъ бываетъ, то учесть Архипа стоило бы не малаго труда. Поэтому расплаты съ десятскимъ Архипомъ, сторожемъ Ѳомой, плотникомъ Никитой, чинившимъ бочку, поручаются всегда Парфену, который становится, такимъ образомъ, фактическимъ хозяиномъ этого люда, и при расплатѣ съ ними всегда съумѣетъ вознаградить себя за свой добровольный трудъ.

Десятскій Архипъ видѣлъ, что деньги отъ Ивана взялъ Парфенъ; онъ знаетъ, когда надо ковать желѣзо, и тутъ же на сходкѣ, подходитъ къ Парфену.

— Нельзя ли, Парфенъ Семенычъ, деньжонки получить? Сдѣлай такую милость!

— Обожди; намъ съ тобой еще счесться надо. Ужо, теперь некогда.

— Да что считаться-то? Забралъ я самую малость: рупь, да три, да пять,—вотъ и вся недолга... Выручи, сдѣлай божеску милость,—пшенца купить надо.

— Завтра успѣешь купить,—авось, не пропадетъ пшенцо-то! Теперь не до тебя, отстань: вишь вино пить собираемся. Приходи завтра.

Архипъ знаетъ достаточно это „завтра“: онъ уже не первый годъ служитъ въ десятскихъ; поэтому онъ усиленно пристаетъ къ Парфену—отдать ему деньги, обѣщая за это могарычъ. Если Парфенъ дюже разгулялся, а мірская водка вышла вся, то онъ даетъ рубля три Архипу и получаетъ за это въ видѣ благодарности шкаликъ или косушку водки; если же Парфенъ затвердилъ свое „завтра“, то дѣло Архипа усложняется. На утро раннимъ-раненько приходитъ онъ къ Парфену, но, къ неудовольствію своему, застаетъ уже конкурентовъ—Ѳому и Никиту: они тоже прослышали, что есть мірскія деньги, и пришли за своей получкой. Архипъ изъявляетъ претензію получить всю сумму; Ѳома и Никита ожесточенно набрасываются на него и другъ на друга; они высчитываютъ свои заслуги, а Парфенъ держитъ себя бариномъ, иронизируя слегка на счетъ голодныхъ претендентовъ. Наконецъ, наскучивъ слушать ихъ просьбы и брань, онъ рѣшаетъ сложный вопросъ такимъ образомъ: Архипу онъ даетъ 2 р. 80 к., Ѳомѣ (этотъ посмирнѣе)—2 р. 75 к., а Никитѣ рубль, остальные же 45 к. поступаютъ ему за комиссію; затѣмъ всѣ четверо отправляются въ „заведеніе“, при чемъ каждый изъ получившихъ жалованье выставляетъ не менѣе, чѣмъ по полуштофу; Парфенъ пьетъ съ каждымъ, поздравляя съ „получкой“. Кстати замѣчу, что Парфены, живущіе всегда на міру, переходящіе отъ одного магарыча къ другому, до того впиваются въ водку, что могутъ потреблять ее въ громадномъ количествѣ: съ разстановкой и маленькими перерывами они выпиваютъ въ день до четверти ведра, если только представляется случай пить на даровщину.

Теперь понятно, почему Архипъ, мужикъ бѣдный, слабосильный, къ полевымъ работамъ не гожій, слѣпо исполняетъ

приказъ Парфена—звать на сходку только лицъ, угодныхъ ему: въ Кочетовѣ десятскіе служатъ на жалованьи, и боясь лишиться куска хлѣба, Архипъ не смѣетъ перечить всесильному Парфену. Зависимость всякаго рода наемныхъ должностныхъ лицъ—отъ десятскаго и до волостного писаря включительно—прекрасно обрисуется изъ слѣдующаго разсказа одного изъ Парфеновъ, который однажды разоткровенничался со мной подъ пьяную руку и сообщилъ кое-что изъ своей многосторонней дѣятельности. Я постараюсь разсказъ его привести дословно.

„Какъ-то собрались мы десятскаго нанимать; мнѣ было хотѣлось стараго оставить, Архипа, потому—малый онъ проворный, покладистый, послушливый, да и просилъ онъ меня, признаться, подсобить ему. Ну, на сходкѣ Архипъ и говоритъ: „желаю, молъ, служить за старую цѣну и ставлю полведра“; а шло ему въ годъ сорокъ рублевъ деньгами и по пяти фунтовъ печенаго хлѣба съ души. Откуда тутъ не возьмись Лукьянъ,—такъ, ледащій мужиченка: „я, говоритъ, согласенъ на тридцать пять рублей и ставлю ведро“. Ну, старики, извѣстно, и стали тянуть за Лукьяна... Архипъ ко мнѣ: „что дѣлать? Научи, а то Лукьянъ цѣну сбиваетъ“. Я ему и говорю: отзови его къ сторонкѣ и покажи ему свою пятерню, да пальцы дюжѣе растопырь. „Это что же,—спрашиваетъ Архипъ-то,—пятишницу, значитъ, ему обѣщать отступного?“ —Ну, я ему велѣлъ дѣлать, какъ сказалъ, и обѣщался потомъ научить, какъ отъ Лукьяна отвязаться. Онъ такъ и сдѣлалъ: отозвалъ Лукьяна къ сторонкѣ и говоритъ ему: „ты, Лукьянъ, отстань, я те-во“... и показалъ это свою пятерню. Лукьянъ-то и размякъ, подумалъ, что онъ ему пятишницу сулитъ отступного, да и объявилъ старикамъ, что такъ и такъ, раздумалъ наниматься. Ну, Архипа и наняли за прежнюю цѣну. На утро раннимъ-раненько прибѣгаетъ ко мнѣ Архипъ и спрашиваетъ: „что-жъ мнѣ дѣлать? Вѣдь Лукьянъ, должно, сейчасъ за деньгами придетъ?“ А ты спроси его, говорю: какія тебѣ деньги? и коли онъ тебѣ скажетъ—отступныя молъ, которыя ты вчера обѣщалъ, пятерню показывалъ,—то мы ему такую рѣчь держи: это ты, братъ, ошибку понесъ! не пятишницу я тебѣ сулилъ, показывая пятерню, а

сулилъ тебѣ этой самой пятерней хорошую встряску задать, коли будешь не въ свое дѣло соваться, да цѣну сбивать... Что-жъ вы думаете? Архипка такъ и сдѣлалъ: мужикъ-то онъ посильнѣе Лукьяна будетъ,—тотъ и испугался, выругался только, плюнулъ и пошелъ, не солоно хлебавши... Что смѣху-то потомъ было, какъ про эту Архипову штуку узнали!..

„Съ писарями, да со старшинами я все больше въ ладу живалъ, потому—я въ ихъ дѣла не суюсь, а они въ наши не лѣзутъ, ну, другъ дружкѣ, значитъ, не мѣшаемъ. Только однова пришлось мнѣ съ писаремъ, съ волостнымъ, потягаться,—и вотъ по какому случаю. Чѣмъ-то я не угоденъ ему оказался; сталъ онъ меня тѣснить и передъ самымъ новымъ годомъ, когда у насъ выборныхъ на волостной сходъ назначали,—онъ и забуянилъ: взялъ меня—да изъ списка и вычеркнулъ; „не годится, говоритъ, Парфенъ въ пятидворные, потому что завсегда пьянъ; я его помаралъ, выбирайте другого“... Ахъ, въ ротъ-те малина! Ты такъ-то, думаю,—ладно-жъ! Стали другого выбирать, а я и говорю обществу: „старички! чѣмъ намъ по-пусту выбирать, отпишемъ лучше по начальству, что выбирать не согласны, а пусть господинъ писарь сами назначаютъ, кто имъ угоденъ выборнымъ быть, и кто нѣтъ“... Тутъ старики и смекнули, къ чему я дѣло клоню, и какъ закричатъ всѣ разомъ: „какъ! мы выбирать, а онъ оставлять! Мы по домамъ разойдемся и никого выбирать не будемъ, если Парфена отставятъ! Пущай вышнему начальству доносятъ, что и какъ!..“ Ну, старшина первый тутъ смуты этой испугался и сталъ упрашивать писаря не марать меня изъ списка. Оставили. Только я эту штуку не забылъ ему. Недѣли двѣ спустя созвали волостной сходъ смѣту производить, кому какое жалованье назначить и почемъ съ душъ собирать. Тутъ я кой-кому изъ своихъ рубля три собственныхъ пропоилъ,—все училъ, что на сходѣ говорить. Ну, положили старшинѣ жалованье—честь честью, по старому: двадцать рублевъ въ мѣсяцъ; теперь писарю? „Писарю сбавить“,—закричали мои. „Это почему?“—спрашиваетъ старшина. „А потому, что дорого,—отвѣчаютъ,—много тридцати пяти рублей“. Тутъ я и говорю: „намеднись я въ

городѣ на базарѣ былъ,—такъ человѣка съ три ко мнѣ навязывалось, тамъ ихъ много безъ штановъ-то бѣгаетъ: по пятнадцати рублевъ согласны служить. Я вамъ обязуюсь въ два дня предоставить хучь троихъ,—выбирайте любого“ . . . Шумъ тутъ поднялся—и Боже ты мой! „Много,—кричатъ,—сбавить! Четвертной!.. Пятнадцать!“ А писарь кричитъ свое: „меньше чѣмъ за тридцать за пять не буду“... Ну, наконецъ, порѣшили: взяли съ него два ведра и жалованье оставили прежнее—тридцать пять; мнѣ онъ пятишницу далъ,—и я не въ убыткѣ остался... Потомъ мы ничего себѣ жили, мирно,—меня онъ не затрогивалъ больше; да не долго ему по-служить-то пришлось: съ полугода, или и того менѣе. Начальство смѣнило, потому зашибаться сталъ здорово,—по недѣлѣ безъ просыпу пивалъ, а въ нашей должности это не рука, потому дѣла стоятъ; ну, и смѣнили.

„Любопытно вамъ узнать про наши мірскіе распорядки. Извѣстно, чудного въ нихъ бываетъ много, потому что міръ ослабъ, некому хозяйствомъ мірскимъ заниматься, а всякъ свое только дѣло правитъ, свое только и видитъ, а съ міра, что съ паршивой овцы, хоть шерсти клокъ и то радъ сорвать... Кому какая охота съ мірскими нуждишками возжаться, коли у него дома своя кровная нужда осталась, свое дѣло стоитъ, копейку выработать надо, дѣться окромя этого некуда? Ну, извѣстно, придетъ такой-то на сходку,—ему бы только стакана два мірского вина выпить,—своего онъ мѣсяца по два и въ глаза не видитъ, а тутъ случай упускать жалко: ну, сойдетъ съ него, скажемъ, за какое-нубудь дѣло двумя копейкими больше, да онъ зато вина выпьетъ на гривеникъ, да и отъ мірского дѣла ослобонится,—сарай чинить, или гать подправлять. А ослабъ міръ вотъ почему. Встарину бывали семьи большія: по трое, по четверо женатыхъ сыновей или братовъ было; ну, старшему-то и вольготно: сыновья, али меньшіе браты на работѣ, а старички соберутся и какъ слѣдуетъ быть, не торопясь и не кривя душой—потому что изъ чего-жъ имъ кривить?—всѣ мірскія дѣла порѣшатъ. А теперь поразділились всѣ: рѣдко-рѣдко, гдѣ два работника въ семьѣ, а коли три, такъ это ужъ на диво,—все больше одиночками стали жить. Вотъ такимъ-то одино-

кимъ, или самъ-другъ, въ мірскія дѣла и нѣтъ никакого разсчета соваться: онъ на мірскомъ дѣлѣ копейку себѣ выгадаетъ, а дома на рубль упуститъ, такъ какъ же тутъ отъ міра не отслониться? Ну, и занимаются мірскими дѣлами либо старики отъ большихъ семей, либо побогаче кто, рукомесло который имѣетъ какое, землю ли снимаетъ, картофелемъ ли занимается, али подряды какіе беретъ: эти, извѣстно,—мірскіе люди и всегда на міру живутъ...

„Да вотъ,—разскажу вамъ,—дѣло-то это ужъ прошлое, а може и занятно вамъ покажется. Вышелъ какъ-то отъ начальства приказъ, чтобы бочки, на случай пожара которыя, подъ навѣсами стояли, а не такъ, какъ прежде—на вольномъ вѣтру. Намъ хоша и чудно показалось, на что ее подъ навѣсъ ставить, коли ей и такъ ничего не подѣлается, лишь бы всегда водой налита была, да и не хотѣлось бы для одной-то бочки навѣсъ дѣлать, — у насъ, окромя тѣхъ, что при волости, въ каждой сотнѣ еще по бочкѣ,—а нельзя, потому—приказъ строгій, чтобы безпремѣнно, значитъ. Вотъ и собралось насъ человѣкъ пятнадцать отъ сотни. Какъ ни какъ, а строить надо. Думали было съ душъ собрать соломки, да жердей, да хворосту, и поставить міромъ сарайчикъ, да раздумали: кому охота въ кляузы входить,—солому собирать, жерди учитать?.. Пропади оно пропадомъ, говорятъ, лучше наймемъ кого! А пора-то рабочая, не скоро и охотника сыщешь; я и говорю: отдайте мнѣ, старички, я вамъ сарайчикъ поставлю въ лучшемъ видѣ.—„А что возьмешь?“—Да что, говорю, чтобъ не обидно было—по гривенничку съ души... Душъ-то у насъ въ сотнѣ 160; это, значитъ, шестнадцать рублей выходитъ. Подумали: „ладно,—говорятъ,—бери; а много ли могорыча дашь?“ — Полуведра, говорю, ставлю. Согласились. Сейчасъ это я живымъ манеромъ Архипку-десятскаго въ кабакъ за полуведеркой; выпили; захмелѣли маленько. „Дорого,—кричатъ,—дали мы: давай другого охотника искать!“ А я ужъ знаю, къ чему это рѣчь они ведутъ: еще попиться хочется. „Что вы, что вы, почтенные,—говорю,—какое дорого! вовсе дарма взялся—уваженіе вамъ сдѣлать хотѣлъ, а если ужъ на то пошло,—ставлю еще четверть!“—Ну, угостились мы въ лучшемъ видѣ, потому—по

полштофа на брата пришлось; а пьемъ мы, извѣстно, дуромъ: на тощакъ да безъ всякой закуски—живо раскиснетъ человѣкъ... Вотъ,—господа, да попы пьютъ,—они больше нашего полопаютъ, а все ничего,—потому, выпьетъ онъ вотъ эстакую рюмочку и сейчасъ въ ротъ закуску—селедочку тамъ, или еще что; а малость погодя—опять рюмочку, да опять съ закусочкой. Вотъ оно ему и въ пользу идетъ: рюмокъ двадцать въ себя вгонитъ, или поболѣе—и ничего... Самъ видалъ—въ училищѣ послѣ экзамена господа пили, а то и на ярмаркѣ случалось... А натощакъ, да безъ закуски, - и съ десяти на карачкахъ поползешь, это вѣрно!.. Ну, ладно; ублаготворились мои други милые: кто тутъ же уснулъ, кто домой поволокся, а за кѣмъ и бабы пришли; — потому ихней сестрѣ ужъ доподлинно извѣстно, что коли сходка, такъ мужьевъ идти выручать надо.—Началъ я ставить на другой день сарайчикъ,—смѣхъ одинъ и говорить-то!.. Къ плетню, что въ проулкѣ, приставилъ я наискосокъ два колышка, да отступя на сажень, еще два кола въ землю стоймя вбилъ; сверху перекладины подѣлалъ, хворосту охапку раскидалъ, соломы съ полъ-воза натрусилъ — готовъ мой сарай. Сталъ онъ мнѣ, если и работу считать—безъ малаго день я съ нимъ провозился,—рубля въ полтора, или отъ силы ужъ въ два рубля... Подъ вечеръ бочку подъ него подкатилъ и любуюсь: хорошо дюже вышло!.. Ѣдутъ тутъ съ поля двое нашихъ.—„Ты что, Семенычъ, строишь?“ спрашиваютъ. „Нешто, — говорю — не видите? Сарай вамъ пожарный дѣлаю“.—Поглядѣли они, поглядѣли, схватилися за бока и покатились со смѣху... „Ахъ, волкъ те ѣшь!“ кричатъ. „Ну, уморушка! Да какой же это сарай? его ногой пхнуть, онъ и развалится!“ А на что, говорю, пхать: нешто онъ на то поставленъ? Онъ для начальства поставленъ, а не для васъ... „Хо-хо-хо!—гогочутъ: ну, ловко; ну, братъ, молодецъ!“

„Недолгое житье моему сараю было, — недѣли три, не болѣе. Налетѣла какъ-то буря огромная, крышь много разворотила, крылья у мельницъ, что похуже, поломала, — ну, моему сараю гдѣ ужъ устоять? Такъ и рухнулъ; да случись еще грѣхъ къ тому — днище у бочки перекладиной выломало;—вотъ те и спрятали бочку!.. Днище вставить отдали два

рубля—осьмуху съ плотника выпили, да я для кабатчика нашего, для Ивана Ермилыча, матеріалъ отъ сарая купилъ ему на топку — еще осьмуху поставилъ, а онъ мнѣ деньги отдалъ, да косушку могорыча поднесъ. Съ тѣхъ поръ наша бочка опять у Степана Колесова крыльца стоитъ: и на виду она у всѣхъ, да и днище цѣлѣе будетъ, чѣмъ подъ сараемъ; начальство-жъ болѣе не принуждало строить сараевъ, а иныя сотни и вовсе ничего не строили: начальство — приказъ, а они—„сдѣлаемъ сейчасъ“, да по сію пору и собираются дѣлать...

„Иной разъ приходится и для общества постараться... Жилъ у насъ въ селѣ позапрошлымъ годомъ жидяга одинъ, изъ солдатъ, сапожникъ,—да больше бабьими черевиками занимался, и надувалъ, признаться, здорово: извѣстно—жидяга; и моей старухѣ онъ подсунулъ такіе черевики, что полгода не проносились. Ладно; была у сапожника у этого корова, и надумался онъ мірскихъ покосцевъ снять,— сѣна заготовить на зиму; думалъ дешевле обойдется. Повелъ я его показывать поляны, что въ ольховыхъ кустахъ; вотъ, — говорю, — поляна, а вотъ другая, а вотъ еще,—и показалъ ему такимъ манеромъ всѣ восемь. „А эта, — спрашиваетъ онъ и указываетъ на поляну, которую ужъ осмотрѣли, — тоже моя будетъ?“—Извѣстно, коли снимешь, то будетъ твоя. „А эта?“—И эта твоя!.. И насчиталъ онъ вмѣсто восьми полянъ тринадцать, все по тѣмъ же ходилъ; я вижу, что дуракъ набитый—не можетъ осмотрѣнную уже поляну признать и на себя надѣется, жидяга: ни разу не спросилъ—смотрѣли, молъ, эту поляну, али нѣтъ? и напрямки не договорился, сколько, молъ, всѣхъ полянъ? Видно, думалъ дурака поднадуть, да не на таковскаго напалъ; а мнѣ чего учить? Не маленькій, у самого глаза есть, — да и черевики бабьи припомнились... Надавалъ онъ въ общество десять рублей деньгами, да ведро водки; а какъ вышелъ на покосъ, хвать-похвать, — пяти полянъ и нѣтъ. „Куда-жъ мои поляны дѣвались?“ кричитъ. Ему говорятъ, что всѣ, молъ, тутъ. Ажъ осатанѣлъ онъ, какъ увидалъ, что промахнулся: ругается, плюется... Дешевое-то сѣнцо на дорогое вышло: накосилъ онъ отъ силы, на десять рублевъ, да уборка, да возка... Засмѣяли его совсѣмъ, про-

ходу не давали,—все о сѣнѣ спрашивали; и жить у насъ не сталъ, по зимнему первопутью собрался и въ другую волость уѣхалъ“...

И еще много слышалъ я о дѣятельности разныхъ Парфеновъ; при случаѣ буду приводить примѣры. Здѣсь же хочу упомянуть, что Парфены въ нѣкоторыхъ обстоятельствахъ просто незамѣнимы для общества,—именно, когда приходится хлопотать у начальства о какомъ-нибудь мірскомъ дѣлѣ,—и чѣмъ выше инстанція, въ которой приходится хлопотать, тѣмъ больше шансовъ на то, что мірскимъ „повѣреннымъ“, какъ ихъ здѣсь называютъ, будетъ избранъ кто-либо изъ Парфеновъ. Они и „умственнѣе“ прочихъ мужиковъ, и лучше всякіе „ходы“ знаютъ, и съ „волостными“ въ пріятеляхъ состоятъ, подчасъ даже становому извѣстны, не разъ „въ губерніи“ бывали, и въ земствѣ, и въ крестьянскомъ присутствіи, словомъ—имъ и книги въ руки. Кромѣ того, они и навязчивѣе, нахальнѣе и смѣлѣе рядовыхъ мужиковъ, не видавшихъ видовъ; они почтя перестали робѣть передъ начальствомъ, съ становымъ скалятъ зубы и споры ведутъ, а передъ болѣе высокими „членами“ *) хотя и стоятъ безъ шапокъ, но не жмурятся и безъ стѣсненія спрашиваютъ „скопію“ съ рѣшенія, или что-нибудь въ этомъ родѣ. Прогрессъ въ смыслѣ сознанія собственнаго достоинства—несомнѣнный, и впечатлѣніе производитъ преотрадное; для контраста стоитъ только взглянуть на мужиченку, вынесшаго на своихъ плечахъ крѣпостное иго и нынѣ обдѣленнаго землей: онъ сельскаго писаря считаетъ за начальство, а при старшинѣ ни за что не рѣшится сѣсть или одѣть шапку...

На расходы по мірскимъ дѣламъ Парфенъ затрачиваетъ или свои деньги — если искъ вѣрный и представляется возможность вычесть впослѣдствіи расходы изъ выигрыша,—или, что гораздо чаще, мірскія суммы. Въ послѣднемъ случаѣ, когда деньги нужны, Парфенъ созываетъ сходъ и проситъ стариковъ достать ему денегъ на расходы: „всѣ вышли, нужно еще; раздобывайтесь, а то придется дѣло бросать!“

---

*) Общее названіе для всякаго рода начальства, кромѣ урядника и станового; терминъ „чиновникъ“ менѣе употребителенъ.

— Да куда жъ ты цѣлую уйму дѣвалъ? Вѣдь на заговѣнье мы те сорокъ рублевъ отвалили?..

— Со-орокъ рублевъ!.. Ишь, какую невидаль сказалъ,—сорокъ рублевъ! Поди-ка ты сдѣлай что на сорокъ рублевъ, а я посмотрю, какъ ты дѣлать будешь!.. Молчалъ бы ужъ, чѣмъ зря болтать.

— Нѣтъ, стой! Зачѣмъ зря болтать, никто не болтаетъ... А ты учтись, куда что дѣвалъ?

— И учтусь!.. А ты думалъ — не учтусь? Себѣ, что ль, я ихъ попряталъ? Еще своихъ полтора рубля зашло, какъ анадысь въ губернію ѣздилъ. Клади сейчасъ: первое, ѣздилъ за скопіей—два съ полтиной прохарчилъ...

— Много дюже, жирно будетъ!

— Мно-ого... Лѣшій ты, вотъ что! За одну машину рубль двадцать заплатилъ, да тамъ полтора сутокъ прожилъ, опять писарьку, чтобъ скорѣе отпустилъ, полтину отдалъ... Ты самъ-то попытай перво-на-перво съѣздить, да охлопочи, а потомъ ори, что много!..

— Ну, ладно, — два съ полтиной, такъ два съ полтиной! Живетъ! Клади дальше!

— Въ волости надо было старыя дѣла, архиву, подымать, справку искать отъ полаты; опять—туды-сюды, со старшиной чайку попилъ, писаря поблагодарилъ,—три рубля вышло.

— Ишь ты!.. И какъ ихъ не прорветъ!

— Въ губернію ѣздилъ къ аблакату,—за прошеніе отдалъ пятишницу, да за марки...

Въ концѣ-концовъ всегда оказывается, что Парфенъ деньги израсходовалъ правильно и даже своихъ полтора рубля затратилъ. Учесть его нѣтъ никакой возможности, такъ какъ данныхъ для учета, кромѣ собственныхъ его показаній, нѣтъ никакихъ, а показанія его, заранѣе заготовленныя и затверженныя, всегда сходятся, и сбить его нѣтъ никакой возможности, хоть десять разъ учитай съ начала до конца. Само собой разумѣется, что изъ сорока рублей—десять, не менѣе, прилипаетъ къ рукамъ Парфена, но дѣйствуетъ онъ очень осторожно, опасаясь, чтобы міръ, осердившись, не выбралъ въ повѣренные другого Парфена и не отобралъ бы у него, такимъ образомъ, доходной статьи. Если искъ денежный, то

Парфену, сверхъ покрытія его затратъ, накидываютъ иногда нѣсколько рублей; а то, случается, и этого не бываетъ: „буде, и такъ поживился не мало, пора и честь знать“,— говорятъ въ такомъ случаѣ неблагодарные кліенты. Если же дѣло не денежное, а о землѣ, напримѣръ, то Парфену ужъ ни въ коемъ случаѣ денежной награды не ждать, — не съ душъ же собирать! Много-много, если клинъ мірской землицы или покосецъ какой-нибудь дадутъ безденежно, но и то попросятъ могорычика... Парфены это знаютъ и поэтому не дремлютъ, покуда есть возможность распоряжаться мірскими деньгами: чѣмъ дѣло успѣшнѣе идетъ, чѣмъ больше шансовъ на выигрышь, тѣмъ прогрѣссивнѣе возрастаютъ расходы, потому что Парфенъ въ успѣхѣ увѣренъ, а въ случаѣ успѣха—общество не такъ придирчидо будетъ учитывать его... Оченъ рѣдко приходилось мнѣ наблюдать, чтобы „въ повѣренныхъ“ ходили простые лапотники; эти правда, дѣйствуютъ по-божески, но все таки и себя не забываютъ: или мірскихъ подводъ требуютъ, или же ѣздятъ на своей лошади и кладутъ цѣну за проѣздку процентовъ на двадцать выше настоящей, или идутъ пѣшкомъ въ городъ, а за подводу все-таки берутъ—это ужъ хозяйственный расчетъ повѣреннаго, и міръ никогда такому заработку его не препятствуетъ; за харчи въ городѣ тоже вычитаютъ, хотя хлѣбъ, а подчасъ и баранину, берутъ изъ дому. Но за то съ этими повѣренными вести дѣло просто мука: ничего-то они не понимаютъ, ничему въ толкъ не возьмутъ и все твердятъ свое, предполагая со всѣхъ сторонъ обманъ и подвохъ, и поэтому недовѣрчивы ужасно. Является, напримѣръ, въ канцелярію волостную мужикъ съ мѣшкомъ и посохомъ въ рукахъ.

— Къ вашей милости съ просьбицей; ужъ потрудитесь!..

— Что такое?

— Намеднись обществу объявляли, что насчетъ луговъ отказъ намъ вышелъ. Пожалуйте скопію.

— Да вы кто такой?

— Знамо кто, повѣренный отъ обчества... Руки на меня задали.

Гдѣ же руки-то?

— А вотъ...

Изъ котомки достается грязная бумажка, на которой какимъ-нибудь самоучкой огрызкомъ карандаша нацарапано: Хвидоть Костявъ, Пітра ѣнинъ, и т. д. въ томъ же родѣ — одни имена и фамиліи, а внизу накопченная печать старосты; это называется у крестьянъ, не знающихъ формальностей,— а такихъ и по сію пору не менѣе 99%,— задать руки, или то же, что дать общественный приговоръ.

— Не годятся ваши „руки“ — нигдѣ ихъ въ расчетъ не примутъ. Надо новый, настоящій приговоръ написать. Нынче что, пятница? такъ ужо, на будущей недѣлѣ, какъ посвободнѣе будетъ, мы съ старшиною пріѣдемъ, сходъ соберемъ, общество опросимъ, согласны ли, и тогда я вамъ напишу приговоръ. Понимаете?

— Какъ не понять, понимаемъ... Только вы ужъ сдѣлайте божескую милость, не задерживайте, напишите приговоръ-то, коли онъ нуженъ, сейчасъ; а то я вовсе было собрался въ губернію идтить,—надо-жъ правду сыскать!..

— Да какъ же я могу написать, когда не знаю, вѣрно-ли, что общество хочетъ дальше вести дѣло, вѣрно ли, что васъ а не кого-либо другого выбрали въ повѣренные? Ну, если я, напишу, а общество-то откажется,—вѣдь это подлогъ будетъ, а за подлогъ большое наказаніе полагается по закону...

— Вотъ-вотъ!—радуется повѣренный знакомому и излюбленному словечку, не обративъ на всѣ прочія мои „словечки“ никакого вниманія,—по закону и напишите: вамъ лучше знать, какъ написать,—вы народъ ученый. А я вашу милость ужъ поблагодарю чѣмъ ни на есть... пшенца, али еще чѣмъ...

— Провались ты къ черту съ твоимъ пшеномъ!.. Сказано—ждите, дня черезъ три пріѣду, а теперь не могу—некогда

— Нѣтъ, намъ ждать невмоготу... Ужъ вы отдайте мнѣ общественныя руки-то, я и съ ними до правды дойду; какой тамъ еще приговоръ понадобился — неизвѣстно... И печать старостина приложѳна... Скопію то мнѣ дадите?

— И копіи никакой не могу дать: бумага была изъ присутствія—оно и дастъ тебѣ копію, когда настоящій приговоръ будешь имѣть. А такъ, съ этими „руками“ хоть ни ѣзди, — не дадутъ.

Мужикъ мнется и что то соображаетъ.

— Такъ мнѣ ничего отъ васъ и не будетъ? ни приговора, ни скопіи?

— Покуда ничего; сказано—на той недѣлѣ пріѣду.

— Такъ-съ; предупрежóно, значить... Не стало нигдѣ правды, нѣтути закона... Понимаемъ-съ, какъ не понять!.. А мы все-таки до вышняго начальства дойдемъ, все какъ на духу—разскажемъ, чтобы по закону, значитъ...

Мужикъ—упорный и недовѣрчивый, хоть колъ на головѣ теши—ѣдетъ въ губернію, живетъ тамъ сутокъ трое, обойдетъ всѣ „палаты“ и „присутствія“ и, конечно, вездѣ получаетъ съ первыхъ же словъ отказъ; вездѣ говорятъ: „приговоръ надо“, и когда онъ подаетъ свои „руки“, то ихъ даже не берутъ, а требуютъ настоящаго приговора. Наконецъ, обезкураженный, онъ возвращается назадъ и опять заходитъ въ волость.

— Ужъ видно вы лучше знаете, какъ по закону. Когда-жъ къ намъ обѣщаетесь пожаловать?

А потомъ, въ разговорахъ съ столь же много смыслящими въ „законахъ“ односельчанами, сокрушается: „нигдѣ суду не дали, вездѣ отказъ; видно, у нихъ повсюду рука, и въ губерніи вездѣ предупрежоно.. Нѣтути нигдѣ правды, всѣ на ихъ сторону тянутъ: знамо, люди богатые, не то, что мы!.. Я было—пшено, а онъ ка-акъ закричитъ! Извѣстно, на что ему пшено?“...

Парфены, въ качествѣ мірскихъ повѣренныхъ, гораздо пріятнѣе для начальства и полезнѣе въ нѣкоторомъ отношеніи, для общества. Парфенъ умѣетъ говорить довольно толково и связно, можетъ въ немногихъ словахъ объяснить, въ чемъ дѣло, слушаетъ со вниманіемъ, соображаетъ,—словомъ, во сто разъ развитѣе простого лапотника—просителя. Если Парфеново дѣло не выгораетъ и ему „выходитъ отказъ“, то онъ старается вникнуть, какъ и почему отказано, смекаетъ и совѣтуется съ „хорошими людьми“, нельзя ли дѣло поправить; обществу же своему подробно разъясняетъ мотивы отказа, не прибѣгая къ туманной формулѣ, вродѣ „не стало правды на свѣтѣ“... „Сроки пропустили“, „планта нѣтъ“, — говоритъ Парфенъ и самъ понимаетъ, и прочимъ старается разъяснить, что „безъ планта, какъ безъ рукъ, ничего не по-

дѣлаешь“... Умственный кругозоръ деревенскаго міра расширяется отъ Парфеновъ въ несравненно значительнѣйшей степени, чѣмъ отъ убогихъ школъ, гдѣ выучиваются читать и писать, но гдѣ не учатъ понимать условія жизни...

Но что меня всегда удивляло, это крайне добродушное отношеніе міра къ своимъ паразитамъ. Явной злобы или вражды къ Парфенамъ мнѣ никогда не приходилось подмѣчать; бывали случаи, когда Парфены принуждены были уступать передъ дружнымъ натискомъ міра, но лишь только спорный вопросъ сходитъ со сцены, какъ Парфены опять вступаютъ въ свою роль диктаторовъ, ничуть не смущаясь временнымъ пораженіемъ, а стригомыя овцы, частью одобрительно, частью съ завистью смотрятъ на Парфеновы эксперименты съ мірскимъ имуществомъ. „Ну, ловко,—ну и собака же!.. Скажи, братецъ ты мой, то ись какъ пить далъ, вотъ какъ обчистилъ!“... И въ тонѣ говорившаго большею частью слышалось лишь сожалѣніе, что „обчистилъ“ Парфенъ, а не онъ; злобы же на Парфена за „обчистку“ не чувствовалось...

Я неоднократно принужденъ буду касаться той или другой сферы дѣятельности кулаковъ-міроѣдовъ; изъ фактовъ, которые я представлю, читатель самъ себѣ можетъ составить понятіе объ этомъ жгучемъ вопросѣ нынѣшней народной жизни; мое же мнѣніе таково, что деревенскіе Парфены-міроѣды—явленіе, логически проистекающее изъ даннаго экономическаго и общественнаго деревенскаго строя, и существованіе ихъ такъ же строго необходимо, какъ необходимо появленіе лишаевъ и мховъ на гніющемъ стволѣ дерева... И никакіе палліативы не остановятъ роста этихъ лишаевъ: деревня будетъ всѣ далѣе и далѣе дифференцироваться, и въ одну сторону будутъ стекаться представители умственности, которые всо безграничнѣе будутъ господствовать надъ отлагающимися по другую сторону рабами физическаго труда, глубже и глубже уходящими въ мелкія, развращающія заботы о кускѣ насущнаго хлѣба. Это, по моему, логически неизбѣжный конецъ исторіи нашей крестьянской общины въ существующей ея формѣ; избѣжать этого печальнаго конца можно, только перейдя отъ общиннаго владѣнія объектомъ труда—землею къ общественной формѣ самого труда.

XII.

Что такое волостной писарь?

Да, въ самомъ дѣлѣ: что такое волостной писарь?.. Въ глазахъ начальства всякаго сорта — это парія, это рабъ, безъ мысли и воли, безпрекословно обязанный выполнять всякія требованія, быть на всѣ руки и, по начальническому приказу, не останавливаться даже передъ не совсѣмъ благовидными вещами; въ глазахъ мужиковъ—это тонкая бестія, законникъ, крючкотворъ, которымъ, въ случаѣ своей нужды, можно и попользоваться, но вообще же лучше быть отъ него подальше, какъ отъ души продажной, за рубль-цѣлковый на все готовой. Такъ вотъ этотъ-то человѣкъ, съ очень подозрительною нравственностью и безъ всякаго образовательнаго ценза, ведетъ денежныя и прочія книги волости, которыхъ болѣе 30 штукъ, пишетъ разные приговоры, выдаетъ паспорта, составляетъ всякаго рода акты, состоитъ секретаремъ (и, скажу въ скобкахъ, главнымъ заправилой) въ волостномъ судѣ, производитъ статистическія описанія и изслѣдованія, принимаетъ двѣ-три тысячи дворовъ на страхъ на сумму 200—300 т. руб., составляетъ ежегодно призывные списки по отбыванію воинской повинности 100—150 чел., производитъ повѣрку торговыхъ документовъ и преслѣдуетъ разныя нарушенія закона въ области торговли и промышленности, опекаетъ сиротъ, слѣдитъ за дѣломъ обученія въ земскихъ школахъ (sic), за оспопрививаніемъ въ земской аптечкѣ, слѣдитъ за санитарнымъ состояніемъ 10-ти тысячнаго населенія, дѣлаетъ распоряженія въ области гигіены, завѣдываетъ военно-конскимъ участкомъ, прекращаетъ падежи скота, составляетъ списки лицамъ, могущимъ быть присяжными засѣдателями, производитъ описи, аукціоны и судебныя взысканія, преслѣдуетъ нарушителей строительнаго устава, получаетъ въ годъ до тысячи входящихъ и выпускаетъ до двухъ тысячъ исходящихъ бумагъ,—и проч., и проч. Какъ видите, дѣятельность этого паріи самая многосторонняя, захватывающая нѣсколько областей знанія и науки. Понятно, что de jure на писарѣ лежитъ только канцелярская обязан-

ность, т. е. писать бумаги и вести книги; но такъ какъ, съ одной стороны, масса существующаго надъ нимъ начальства старается по возможности свалить всякое „дѣло“ на эту всевыносящую выю, требуя лишь немедленнаго увѣдомленія о точномъ исполненіи предписанія, а съ другой—главный хозяинъ волости, старшина, на которомъ и лежитъ, въ сущности, обязанность всѣхъ этихъ изслѣдованій, завѣдываній, наблюденій и проч., умѣетъ только пить могарычи съ пріятелями и сажать недоимщиковъ и прочихъ проштрафившихся въ „холодную“,—то писарь и является единственною пружиной, приводящей въ дѣйствіе весь многосложный механизмъ волостного благоустройства! Въ большинствѣ случаевъ старшина бываетъ виноватымъ и терпитъ взысканія только за плохой сборъ податей, что и составляетъ его главную обязанность; все же остальное дѣлаетъ писарь, и начальственныя особы, хорошо знающія механизмъ волостного правленія,—со всякаго рода приказаніями, личными разъясненіями и проч. обращаются всегда къ писарю, а тотъ ужъ отъ себя дѣлаетъ распоряженія старшинѣ. „Поѣзжай туда-то, узнай о томъ-то, вызови ко мнѣ того-то“,—говоритъ писарь, и старшина безпрекословно исполняетъ его приказанія, зная, что устами его глаголетъ высшее начальство. Большая часть старшинъ и писарей живутъ довольно ладно другъ съ другомъ, потому что интересы у нихъ совершенно общіе: ублажать начальство, по возможности выполняя, хотя бы для виду, на бумагѣ, его предначертанія и тѣмъ обезпечивать свое существованіе... Если же поселится рознь между этими главами волости, то обѣ онѣ проигрываютъ: писарю нѣтъ ничего легче, какъ подвести старшину, прочесть ему мудреное предписаніе, порядкомъ не растолковавъ, въ чемъ дѣло, или даже вовсе не читать и ждать противозаконныхъ дѣйствій безграмотнаго мужика, а потомъ раскрыть его ошибки передъ начальствомъ, обвинить его въ небрежности, нерадѣніи и проч. Старшина же можетъ или непосредственно пожаловаться на лукавое мудрствованіе писаря, если у него—старшины есть между начальствомъ „рука“, или же дѣйствовать закулисными интригами черезъ волостной сходъ, жалуясь ему на писаря, предлагая сбавить жалованье, и т. д.. Тогда происходитъ въ во-

лости полнѣйшій кавардакъ, самымъ грустнымъ образомъ отзывающійся, конечно, на ни въ чемъ неповинномъ крестьянствѣ. Приходитъ, напр., мужикъ по какому-нибудь дѣлу въ волость и обращается къ старшинѣ: этотъ и радъ бы, можетъ быть, ему помочь, но не знаетъ, какъ, или знаетъ, но боится попасть какимъ-нибудь образомъ впросакъ, чувствуя за собой зоркій глазъ недруга-писаря. „Не знаю,—говоритъ онъ изъ осторожности,—ступай къ писарю". Мужикъ идетъ къ писарю и слышитъ отвѣтъ: „не моя это забота, мое дѣло—перо. Ступай къ старшинѣ". Ну, и приходится хоть волкомъ выть изъ-за полученія какого-нибудь приговора о раздѣлѣ или удостовѣренія о личности. Но такія натянутыя отношенія между старшиной и писаремъ бываютъ, какъ я сказалъ, очень рѣдки, потому что долго продлиться не могутъ: одна изъ сторонъ непремѣнно проштрафится, спасуетъ и принуждена будетъ уступить другой, старшина—выйдя въ отставку, а писарь—перейдя въ другую волость,—смотря по тому, чья сторона возьметъ верхъ.

Волостной писарь—это связующее звено крестьянства со всѣми и со всѣмъ, что похоже на начальство; все, что имѣетъ что-нибудь приказать, предписать, объяснить, объявить, всѣ, кто нуждается въ какой-нибудь справкѣ или цифрѣ,—всѣ эти и все это обращается въ волость, т. е. къ волостному писарю, какъ единственному источнику, могущему доставить все необходимое. Земская управа спрашиваетъ, сколько уродилось хлѣба, сколько его будетъ поѣдено и сколько останется; казенная палата—каковъ оборотъ на ярмаркѣ; крестьянское присутствіе—каковы мотивы, вызывающіе переселеніе; исправникъ—каковы причины обѣднѣнія населенія, сопряженаго съ возрастаніемъ недоимокъ; губернскій статистическій комитетъ—нѣтъ ли въ предѣлахъ волости какихъ-либо антиковъ, кургановъ и т. п.; кто-нибудь изъ нихъ, или всѣ вмѣстѣ—каковы могутъ быть заработки населенія въ виду постигшаго край неурожая, и проч., и проч... Въ волостномъ правленіи ведутся дѣла изъ областей вѣдѣнія шести министерствъ,—внутреннихъ дѣлъ, финансовъ, военнаго, юстиціи, народнаго просвѣщенія, государственныхъ имуществъ; и только благодаря отдаленности иностранныхъ державъ и

окіяновъ-морей отъ волостныхъ правленій центральной Россіи (объ окраинахъ судить не смѣю), ихъ не касаются министерства иностранныхъ дѣлъ и морское... И всѣ эти сорокъ шесть—я на досугѣ какъ-то сосчиталъ—начальственныхъ мѣстъ и лицъ требуютъ вѣрныхъ, точныхъ и, главное, немедленныхъ исполненій и донесеній о предметахъ самыхъ разнообразныхъ; понятно, что одному человѣку, къ тому же никогда не слыхавшему о статистикѣ, экономикѣ, археологіи, гигіенѣ и проч., не разорваться, и поэтому къ дѣлу онъ относится самымъ формальнымъ образомъ. Если приходитъ предписаніе, на которое отвѣта не требуется, то оно спокойно подшивается „къ дѣлу“; если предписаніе требуетъ отвѣта объ исполненіи, то до подшитія его къ дѣлу берется бланокъ и пишется донесеніе: „во исполненіе предписанія в. в-дія ,имѣю честь донести“ и проч.,—словомъ, что все исполнено; если наконецъ требуется обстоятельное донесеніе съ цифрами и проч., то половина ихъ нахватывается изъ прошлогоднихъ дѣлъ, а половина присочиняется сообразно обстоятельствамъ. Требуются, напр., свѣдѣнія объ урожаѣ; писарь, какъ мѣстный житель, видѣлъ при разъѣздахъ и слышалъ изъ разговоровъ въ „Центральной Харчевнѣ“, что „рожь нонѣ ни лучше, ни хуже прошлогодней, овсы погорѣли, а проса слава Богу“. Недолго думая, онъ беретъ донесеніе объ урожаѣ прошлаго года и смотритъ, какъ велики тамъ цифры: ржи значилось собранной 29,351 четверть,—онъ напишетъ 29,845 четв., овса было 41,200 ч., появится 27,630 ч., проса было 3,823 ч., въ новомъ донесеніи окажется 4,655 ч. и т. п. Затѣмъ будетъ также „примѣрно“ исчислено, сколько требуется на прокормленіе людей ржи, картофеля и пшена, а для скота и лошадей—овса и сѣна, а вычтя вторыя количества изъ первыхъ, не трудно уже получить математически точныя „данныя объ излишкахъ хлѣбныхъ запасовъ по такой-то волости, такого-то уѣзда, воронежской губерніи“... Идите, пожалуй, по дворамъ, повѣряйте сами, коли не вѣрите!.. Долженъ, однако, оговориться: конечно, цифрѣ 29,351 ч. нельзя довѣрять; гораздо болѣе вѣроятности имѣли бы цифры съ четырьмя нулями; но писаря „не смѣютъ“ ставить такихъ огульныхъ величинъ, потому что—какая же это выйдетъ статистика, нау-

ка, какъ извѣстно, требующая особой точности? Но какъ ни смѣшно писарское остроуміе, а совершенно безполезнымъ его считать нельзя; надо только крайне осторожно относиться къ цифрамъ и брать не столько абсолютныя, какъ относительныя ихъ величины, которыя въ большинствѣ случаевъ достаточно вѣрны. Дѣло въ томъ, что, благодаря многолѣтнимъ комбинаціямъ, основныя цифры, изъ которыхъ черпаютъ писаря свои отчеты, сложились довольно счастливымъ образомъ и очень недалеки отъ истины; умышленно же искажать правду писарямъ, въ большинствѣ случаевъ, нѣтъ никакого расчета; и стараются они обыкновенно производить измѣненія въ прошлогоднихъ данныхъ ужъ не вовсе съ бухты-барахты, а болѣе или менѣе согласно съ дѣйствительностью. Былъ, напримѣръ, урожай ржи въ прошломъ году самъ-8, какъ значится въ вѣдомости волостного правленія; въ дѣйствительности-то, Богъ его знаетъ, можетъ быть, онъ былъ самъ-7, а, можетъ быть, самъ-9, но дѣло въ томъ, что центральному учрежденію, собирающему справки, уже извѣстно до нѣкоторой степени, каково при данномъ урожаѣ было экономическое благосостояніе населенія. Вдругъ писарь, потолковавъ съ Козьмой и узнавъ, что у него копна даетъ нонѣ только $2^1/_2$ мѣры, когда въ прошломъ году давала 5 мѣръ, и съ Трофимомъ, у котораго рожь вышла еще хуже, давъ только 2 мѣры съ копны,—вдругъ писарь уменьшаетъ цифру урожая до самъ-$3^1/_2$. Кто его знаетъ, какъ оно выйдетъ въ общей сложности; можетъ быть, самъ-$3^1/_2$, можетъ быть самъ-$2^1/_2$, а можетъ быть, самъ-4, но дѣло въ томъ, что урожай нынѣшняго года несомнѣнно ниже прошлогодняго, и можно даже съ увѣренностью сказать, что онъ около двухъ разъ менѣе прошлогодняго. Соображаясь съ другими данными, которыя у собирателя свѣдѣній имѣются, конечно, подъ руками, можно-таки, по моему, придти къ какому-либо заключенію, очень недалекому отъ истины, о затрудненіяхъ, которыя придется переносить населенію при нынѣшнемъ неурожаѣ. Этотъ примѣръ былъ апріорный; позволю себѣ разсказать о бывшемъ въ дѣйствительности фактѣ, приведшемъ меня въ немалое смущеніе. Когда я поступилъ въ 1881 г. на должность писаря, то со времени военно-конской переписи, про-

изведенной наканунѣ турецкой войны, прошло уже около пяти лѣтъ; за это время въ кочетовской волости былъ небольшой падежъ лошадей. Въ 1870 году, если не ошибаюсь (пишу на память, такъ какъ въ настоящее время я уже далекъ отъ Кочетова), была по требованію губернской земской управы произведена перепись всей крестьянской скотины—конечно, волостными писарями же, и съ тѣхъ поръ переписи новой не было. За одиннадцатилѣтній промежутокъ было нѣсколько падежей скота. Наконецъ, при дѣлѣ волостного правленія за 1880 г. имѣлись свѣдѣнія „о движеніи“ народонаселенія по волости, съ точными цифрами о количествѣ лицъ мужск. и женск. пола; когда и откуда взялись эти послѣднія цифры, не припомню,—во всякомъ случаѣ, недавней переписи не было, а вѣрнѣе всего, что взяты были онѣ, цифры, изъ посемейныхъ списковъ, составленныхъ при введеніи новаго устава о воинской повинности въ 1874 г. и затѣмъ ежегодно измѣнялись согласно даннымъ, сообщаемымъ священниками о естественномъ приростѣ населенія, т.-е. о числѣ рожденій и смертей. Какъ видите, промежутки времени между моментами опредѣленія основныхъ цифръ и тѣхъ, которыя относились къ 1881 г., были довольно значительны, и можно бы ожидать, что, при ежегодномъ измѣненіи ихъ „на глазокъ“ волостными писарями, послѣднія цифровыя данныя уже сильно разнятся отъ дѣйствительныхъ, натуральныхъ величинъ. И что же, — несмотря на падежи, войну, эпидеміи и проч., цифры, полученныя при переписи, дѣйствительно произведенной вновь образованнымъ земскимъ статистическимъ бюро въ 1884 г., очень не много разнились отъ выведенныхъ мною „на глазокъ“ въ вѣдомостяхъ; такъ наприм., при общемъ, болѣе четырехъ тысячъ штукъ, количествѣ лошадей, разница была только въ нѣсколько десятковъ, для коровъ—около двухъ-сотъ-пятидесяти при 3500 шт., а для лицъ мужского пола — около трехсотъ при общемъ количествѣ въ 6 тысячъ! Иначе сказать, разница между волостными и дѣйствительными цифрами колебалась между 2% и 7%!.. Разница, собственно говоря, не особенно значительная. Я спрашивалъ писарей, какъ они это дѣлаютъ, и получалъ въ отвѣтъ, что они сообразуются съ падежами и эпидеміями:

„если не было падежа, ну, прикинешь штукъ 200, а то если былъ, да небольшой, ничего не прибавишь, а еще скинешь полусотку; такъ и ведемъ изъ года въ годъ“. Такъ велъ и я три года, рѣшительно не имѣя возможности производить ежегодно статистическую подробную перепись двухъ тысячъ дворовъ и удовлетворяя своему нравственному чувству лишь тѣмъ, что въ концѣ вѣдомостей добавлялъ „приблизительно“, или ставилъ при цифрахъ вопросительные знаки; но въ 1884 г., какъ сказано, имѣлъ удовольствіе убѣдиться, что большого грѣха на душѣ моей относительно статистическихъ данныхъ не лежитъ.

Возвращаюсь къ прерванному изложенію. Итакъ, волостные писаря, даже при всей своей доброй волѣ, должны ограничиваться формальнымъ, канцелярскимъ отношеніемъ ко многимъ благимъ начинаніямъ; человѣкъ всегда остается человѣкомъ и склоненъ преимущественно стараться о своемъ благополучіи; писаря же, при своемъ невысокомъ образовательномъ и, пожалуй, нравственномъ цензѣ, никакъ не могутъ быть одушевлены идеей служенія человѣчеству или народу. Они ограничиваются болѣе легкимъ служеніемъ: служеніемъ начальству изъ-за средствъ къ существованію, и поэтому вся задача ихъ жизни состоитъ въ томъ, чтобы не прогнѣвить начальство, работая какъ можно менѣе и какъ можно болѣе выгадывая свободнаго времени „для себя“. Отсюда и происходитъ формальное, небрежное отношеніе къ обязанности и появляется въ обиходѣ пословица: „настрочилъ—и съ плечъ долой“. Да и какъ не строчить, когда, кромѣ указанной уже мною переписки, такъ сказать, текущей, на обязанности писаря лежитъ еще веденіе тридцати съ лишнимъ книгъ, въ томъ числѣ нѣсколькихъ денежныхъ, и удовлетвореніе всѣхъ нуждъ населенія, что̀ сопряжено съ безпрерывными разъѣздами для составленія приговоровъ, описей, актовъ и проч.? Трудъ, воистину, громадный, безъ передышки, потому что воскресенье и праздники—самые тяжелые дни для писаря: народъ, свободный отъ полевыхъ работъ, спѣшитъ, чтобы не потерять день въ будни, обдѣлать въ эти дни всѣ свои дѣла въ волости; трудъ, повторяю, громадный, и не будь въ писарствѣ мрачныхъ сторонъ —кляузничества,

халуйства и взяточничества,—лица, несущія этотъ трудъ на своихъ плечахъ, заслуживали бы полнаго уваженія всѣхъ людей.

Какое же вознагражденіе получаетъ этотъ статистикъ, бухгалтеръ, изслѣдователь народной жизни, этотъ агентъ земскаго страхованія, и проч.? Въ —скомъ уѣздѣ только одинъ счастливецъ получалъ 50 р. въ мѣсяцъ, а всѣ остальные — 40, 30 и даже 25 руб.; но все это еще ничего бы, потому что въ деревнѣ на такія средства кое-какъ прожить можно, отвратительно то, что эти рубли приходится ежегодно выпрашивать у волостного схода, ублаготворяя его полуведромъ или ведромъ водки, претерпѣвая униженіе отъ разныхъ Парфеновъ, держащихъ весь сходъ въ рукахъ. Въ предъидущей главѣ я передавалъ разсказъ одного изъ этихъ Парфеновъ, какъ онъ смирилъ заартачившагося писаря. Положимъ, что этотъ писарь никакими особенными доблестями не отличался и самъ вызвалъ Парфена на бой, превысивъ свою власть; но не всегда же случается, что Парфены дѣйствуютъ только изъ оскорбленнаго самолюбія: обыкновенно они ратуютъ за прибавку къ жалованью писаря или за убавку — смотря по тому, дана ли имъ трюшница, или нѣтъ. Лично я за три года своей дѣятельности въ Кочетовѣ настолько съумѣлъ расположить къ себѣ населеніе, что при послѣднемъ назначеніи мнѣ жалованья въ 1884 г. и рѣчи не было о водкѣ: никто не заикнулся потребовать съ меня могорычъ, а нѣкоторые предлагали мнѣ даже прибавить жалованья, но я самъ пожелалъ остаться при прежнемъ окладѣ въ 35 р. въ мѣсяцъ; но прошу не забыть, что это произошло на третій годъ моего служенія,—а эти годы мнѣ чего-нибудь да стоили!..

Несомнѣнно, что частью благодаря ничтожности вознагражденія за громадный трудъ и, главное, благодаря денежной зависимости отъ Парфеновъ, — черезчуръ мало находится охотниковъ изъ порядочныхъ людей занимать должность волостныхъ писарей, предпочитая сидѣть въ городахъ, въ душныхъ конторахъ и правленіяхъ и получать какими-нибудь двумя десятками рублей болѣе жалованья, чѣмъ они могли бы получить въ деревнѣ (о такъ называемыхъ „независящихъ обстоятельствахъ“ препятствующихъ многимъ охотникамъ изъ

числа интеллигенціи взяться за этотъ трудъ — можно развѣ только упомянуть, а обсуждать его—не полагается). Съ другой стороны, благодаря хуже, чѣмъ неудовлетворительному составу писарей, разныя начальствующія лица привыкли къ нимъ относиться не какъ къ самостоятельному и заслуживающему хотя бы нѣкотораго уваженія люду, а какъ къ низшаго сорта наемникамъ, безъ воли и достоинства, обязаннымъ безпрекословно исполнять всѣ разумныя, неразумныя и даже беззаконныя требованія власть имѣющихъ. Поэтому, положеніе порядочнаго человѣка, попавшаго въ писарскую шкуру, бываетъ порой почти что невыносимо: начальство помыкаетъ, Парфены доѣзжаютъ, крестьянство сторонится и относится съ недовѣріемъ ко всякому доброму порыву... И рѣдкій-рѣдкій, не совсѣмъ опустившійся, человѣкъ удержится на этомъ проклятомъ мѣстѣ: всѣ такіе, при первой возможности, бѣгутъ на частныя должности — въ приказчики, конторщики, управляющіе, а то и въ урядники, лишь бы только имѣть не-двусмысленное положеніе и знать одного опредѣленнаго хозяина, а не цѣлую коллекцію разныхъ властей!..

Лично я стоялъ на совершенно особомъ положеніи отъ другихъ волостныхъ писарей, потому что нѣкоторые изъ начальниковъ познакомились со мной черезъ моего товарища Ковалева, о которомъ я упоминалъ въ началѣ этихъ очерковъ, другіе же, хотя и незнакомые съ моимъ прошлымъ, все-таки чувствовали во мнѣ что-то такое, что заставляло ихъ относиться ко мнѣ совершенно иначе, чѣмъ къ прочимъ писарямъ. Однако, несмотря на всю выгоду моего положенія, я часто бывалъ въ прескверныхъ обстоятельствахъ, и самолюбіе мое, или, вѣрнѣе сказать, чувство собственнаго достоинства—нерѣдко достаточно-таки страдало. Вотъ, наприм., одиннадцать часовъ вечера; осень, слякоть; я дома и собираюсь уже ложиться спать, такъ какъ встаю рано, въ седьмомъ часу утра. Вдругъ сильный стукъ въ окно.

— Кто тамъ? Что нужно?

— Пожалуйте въ волость, — узнаю голосъ десятскаго; — слѣдственникъ пріѣхалъ, требуютъ васъ къ себѣ.

Недоумѣваю, что за экстренная надобность; однако, одѣваюсь, натягиваю закорузлые болотные сапоги и иду за пол-

версты въ волость, шлепая по лужамъ и насквозь пронизываемый мелкимъ осеннимъ дождемъ.

— А, здравствуйте, — говоритъ слѣдователь, сидя за привѣтливо шумящимъ самоваромъ и кушая чай со свѣжими сливками и съ сдобными сухарями, привезенными изъ города. — Вотъ мнѣ нужны эти люди, которыхъ я выписалъ на эту бумажку; распорядитесь, чтобъ они завтра къ 9-ти часамъ утра были здѣсь.

— Но, г. слѣдователь, я вижу, что нѣкоторые вызываются изъ селеній за 12 и 15 верстъ: въ такую погоду они не успѣютъ пріѣхать къ 9-ти часамъ.

— Надо сейчасъ послать ямщика, тогда успѣютъ.

— Теперь такъ темно и такая скверная дорога, что ни одинъ ямщикъ не рѣшится ѣхать проселками; придется ждать разсвѣта.

— Глупости!.. Я вѣдь только-что пріѣхалъ же...

— Вы ѣхали большой почтовой дорогой, съ которой нельзя сбиться...

— Ну-съ, довольно. Я вамъ приказалъ, а вы можете дѣлать, какъ знаете: я съ васъ буду взыскивать.

— Не за что взыскивать. Всѣми принято, что при большомъ количествѣ вызываемыхъ дается знать волости за день или за два впередъ, — говорю я раздражительно, и вдругъ, совершенно неожиданно для самого себя, прибавляю: да кромѣ того, я покорнѣйше просилъ бы васъ по ночамъ меня въ волость не вызывать; я цѣлый день работаю и ночью нуждаюсь, какъ и вы, въ отдыхѣ...

Поворачиваюсь и опять совершаю прогулку по лужамъ, приказавъ десятнику въ 5 час. утра прислать ко мнѣ двухъ верховыхъ ямщиковъ для вызова нужныхъ слѣдователю людей...

Слѣдователь этотъ боленъ печенью, и потому желченъ и раздражителенъ до крайности; для своей должности онъ совсѣмъ не годится, потому что у него на допросѣ и обвиняемый, и обвинитель, и свидѣтели, по свойственной мужикамъ— въ отношеніи начальства—трусости, трепещутъ и думаютъ только о томъ, какъ бы допустилъ Господь унести ноги.

— Ты не замѣчалъ ли какихъ-нибудь натянутыхъ отноше-

ній между Париновымъ и обвиняемымъ, до пожара у потерпѣвшаго Паринова?

Свидѣтель пыхтитъ, съ тоской посматривая на предметы, разложенные на столѣ.

— Че-го-же ты сто-ишь и не от-вѣ-ча-ешь?.. — отчеканиваетъ инквизиторъ, повышая голосъ.

— Н-не могу знать-съ...

— Т. е., чего ты не можешь знать?—уже гремитъ слѣдователь.—Что ты дуракъ набитый, это ты давно долженъ былъ знать!.. Я спрашиваю тебя, — не ругались ли или не ссорились ли когда-нибудь Б. и П. до пожара у П?

Съ мужика потъ градомъ льется, и онъ съ страшнымъ усиліемъ рѣшается наконецъ отвѣтить:

— Извѣстно, брань у нихъ допрежъ была про огородъ...

И такія-то сцены разыгрывались съ утра до вечера въ присутственной комнатѣ волостного правленія, когда шло слѣдовательское дѣлопроизводство.

По моемъ уходѣ, слѣдователю стало жарко, а такъ какъ двойныя рамы были уже вставлены, форточки же на грѣхъ не было сдѣлано, то строгое начальство палкой вышибло два стекла—„для вольнаго воздуха“, предварительно нашумѣвъ на нашего волостного сторожа такъ, что тотъ долго руками разводилъ, не будучи въ состояніи очувствоваться отъ начальническихъ криковъ и топанія ногъ. „Ну, и строгій же баринъ,—говаривалъ впослѣдствіи сторожъ Петровичъ, улыбаясь: и гдѣ только такой зародился?..“ Однако, строгій баринъ не вызывалъ меня уже больше никогда въ волость по ночамъ.

Вѣроятно, благодаря своей нѣмецкой натурѣ, онъ былъ щепетиленъ, брезгливъ и самолюбивъ до смѣшного. Съ собой онъ возилъ цѣлое хозяйство: въ тарантасѣ его, истинномъ мученіи для ямщиковъ, вслѣдствіе его громоздкости и тяжеловѣсности, помѣщались: желѣзная складная кровать со всѣми постельными принадлежностями, керосиновая кухня съ жестяною посудой, бутылки съ бульономъ, холодные пирожки и котлеты, цѣлая аптека медикаментовъ, и проч. Пріѣздъ его былъ рѣшительно карой небесной для всѣхъ волостныхъ, начиная отъ старшины, который мыкался взадъ и впередъ, до сто-

рожа включительно; этому послѣднему доставалось больше всѣхъ: крикъ „строгаго барина“ не умолкалъ во все время, покуда Петровичъ исполнялъ даваемыя ему приказанія, никогда не умѣя „потрафить въ такцію“. И кровать онъ не такъ разставлялъ, и умываться не умѣлъ подавать, и дверей за собой плотно не притворялъ.—„Куда ты стаканъ ставишь мнѣ подъ руку? Вѣдь я уроню его?.. Вотъ, вотъ куда его надо ставить“,—кричалъ „строгій баринъ“, съ трескомъ ставя на нравившееся мѣсто стаканъ,—и стаканъ, отъ черезчуръ энергичнаго обращенія, разлетался въ дребезги... Въ одной волости не понравился ему столъ, показался высокъ: онъ приказалъ при себѣ на вершокъ отпилить у него ножки... Впрочемъ, къ чести его нужно сказать, что онъ за всѣ причиненные имъ убытки, разбитые оконныя стекла и стаканы, исправно платилъ и въ каждый пріѣздъ награждалъ Петровича двумя, тремя серебряными монетами. Но это никакъ не искупало его неделикатнаго обращенія со всѣми, кто былъ на низшей, чѣмъ онъ, общественной ступени.

Пріѣзжаетъ онъ какъ-то въ полночь въ одинъ изъ нашихъ поселковъ и, не вылѣзая изъ саней, требуетъ къ себѣ старосту.

— Отводи мнѣ квартиру!

— Извольте, ваше б-діе, въ сборню пожалуйте, — опричь некуда.

Въ сборнѣ оказалась окотившаяся овца съ ягненкомъ.

— Это что такое?.. Ты меня въ овчарню завелъ? Мнѣ надо земскую квартиру, чистую, а не хлѣвъ!

— Куда же, ваше б-діе, я не знаю... Земскихъ фатеръ у насъ никакихъ нѣту, все мужичье живетъ. Вотъ развѣ къ отцу батюшкѣ толкнуться, не пуститъ ли онъ?..

— Веди хоть къ самому чорту!..

И батюшка, и матушка уже спали, но по усиленному стуку, а потомъ по настойчивымъ просьбамъ старосты, они, наконецъ, рѣшились пустить слѣдователя ночевать въ единственную свободную комнатку ихъ маленькаго дома.

— Ужъ вы извините,—говорилъ батюшка,—мы по деревенски, ложимся спать рано, потому долго и не отпирали. А вы извольте располагаться здѣсь, почивайте на здоровье.

— А какъ же самоваръ мнѣ?

— Самоваръ?!.. Что-жъ, и это, пожалуй, можно, только вотъ работницу разбужу. Она, признаться, весь день стирала бѣлье, ну, и спитъ; а впрочемъ, я сейчасъ...

Черезъ полчаса сонная Акулина-работница вноситъ самоваръ.

— Что это за самоваръ?.. Вѣдь это отрава, а не самоваръ,— позеленѣлъ весь; должно быть, годъ не чищенъ! Убирай назадъ, я не хочу отравляться!

И это—человѣкъ съ высшимъ образованіемъ. Чего же ждать, напр., отъ Щукина, штабсъ-капитана изъ мелкотравчатыхъ дворянъ, убоявшагося бездны премудрости, всю жизнь поровшаго, бившаго, ругавшагося кабацкими словами и этимъ поддерживавшаго свой офицерскій авторитетъ?.. Однажды, при случаѣ, о которомъ я буду говорить ниже, на мое замѣчаніе, что онъ дѣйствуетъ незаконно и ограничиваетъ права нашей волости въ ущербъ прочимъ, Щукинъ раскричался въ отвѣтъ мнѣ такъ: „что вы ко мнѣ съ законами лѣзете? Что я скажу,— то и законъ для васъ! А то—„незаконно, незаконно“!.. Умны ужъ очень! Дѣлайте, какъ я сказалъ“. Я былъ въ данномъ случаѣ въ безправномъ и безгласномъ положеніи, возражать не имѣло смысла, и беззаконіе благополучно совершилось...

Самый главный изъ начальниковъ, Столбиковъ, поступалъ съ старшинами и писарями такъ. Пишетъ, напримѣръ, записку: „явиться ко мнѣ завтра старшинѣ и писарю въ девять часовъ утра“. Вызываемые скачутъ за десятки верстъ, побросавъ всѣ текущія дѣла, и поспѣваютъ къ 9-ти часамъ; заявляются въ контору имѣнія—сборный пунктъ всѣхъ имѣющихъ личное дѣло до „самого“. Имъ говорятъ: рано пріѣхали,—„самъ“ никогда раньше 11-ти часовъ не встаетъ. Ждутъ до 11-ти; по телефону (чтобъ не отставать отъ вѣка, Столбиковъ завелъ у себя въ имѣніи эту штуку) даютъ въ контору знать, что „всталъ“. Старшина проситъ доложить; отвѣтъ—„подождите, когда позовутъ“. Ждутъ; въ третьемъ часу пополудни раздается приказъ: „идите къ барину“. Только-что подходятъ къ крыльцу — глядь, подъѣзжаетъ тарантасъ съ гостями-сосѣдями; конечно, опять ждать. Восемь часовъ вечера; уѣхали гости; „доложите!..“ „Сейчасъ приметъ, только управляющаго отпуститъ,—съ докладомъ пришелъ“. На-

конецъ, въ десять часовъ вечера: „идите, зовутъ“. Голодные, измученные и одурѣлые отъ тринадцати-часового ожиданія являются они къ начальству,—и что же оказывается? Какъ-то темною ночью проѣзжалъ Столбиковъ черезъ одну изъ деревень, находящихся въ вѣдѣніи злополучнаго старшины, и потребовалъ у мѣстнаго десятскаго дать ему провожатаго; но десятскій, вѣроятно, о Столбиковѣ никогда не слыхавшій, провожатаго не далъ, да и самъ долго не сталъ растабарывать съ требовательнымъ проѣзжающимъ: воспользовавшись темнотой, онъ куда-то скрылся. Изъ боязни свалиться въ оврагъ, злополучному начальнику пришлось всю дорогу ѣхать шагомъ. Такъ вотъ требовалось наказать дерзновеннаго десятскаго, и для этого-то важнаго предмета волостные, бросивъ всѣ дѣла, дежурили цѣлый день въ конторѣ съ телефономъ... Вѣрнѣе всего, это былъ новый остроумный способъ выдерживанія подъ арестомъ нерадивыхъ подчиненныхъ, допускающихъ въ своей волости подобные страшные безпорядки.

Вообще, если я скажу, что всѣмъ старшинамъ, кромѣ двухъ, и большинству изъ писарей почти всѣ начальствующіе говорили „ты“, а нѣкоторые, въ экстренныхъ случаяхъ, употребляли и довольно крупную брань, то некрасивое положеніе представителей десятитысячныхъ группъ населенія будетъ вполнѣ ясно. Чувство собственнаго достоинства и нравственная порядочность никакъ не могутъ развиться у лицъ, сознающихъ себя, съ одной стороны, полновластными хозяевами надъ цѣлой территоріей, а съ другой — безотвѣтными рабами разныхъ „благородій“; такіе люди неизбѣжно должны придти къ высокомѣрію съ низшими и къ раболѣпству передъ высшими. Благодаря низкому нравственному и умственному уровню большинства „членовъ“, волостные обязаны и въ служебныхъ, и въ неслужебныхъ дѣлахъ оказывать всяческое угожденіе этимъ „членамъ“; но въ то же время, сознавая и себя начальниками, они, для равновѣсія, требуютъ уже отъ своихъ подчиненныхъ такихъ же изъявленій почитанія и угодливости. Чѣмъ же у простыхъ людей, незнакомыхъ съ изысканными манерами и цвѣтистою рѣчью, можетъ быть выражена угодливость къ своему волостному начальству? Конечно, чѣмъ либо веще-

ственнымъ, обиходнымъ и для всѣхъ понятнымъ,--угощеніемъ или деньгами. Тутъ дѣло не въ шкаликѣ водки, и не въ гривенникѣ деньгами, потому что такіе дары сами по себѣ не могутъ прельстить волостныхъ, людей сравнительно обезпеченныхъ; важно то, чтобы получающій паспортъ или удостовѣреніе выразилъ чѣмъ-нибудь, что онъ чувствуетъ доброту начальника и много этимъ доволенъ,—это служитъ нравственнымъ удовлетвореніемъ для нихъ, извѣрившихся въ себѣ, вслѣдствіе постояннаго трепета; и опять повторяю, чѣмъ же облагодѣтельствованный паспортомъ подчиненный можетъ выразить свои чувства? Ничѣмъ, кромѣ приглашенія на чаепитіе въ „Центральную“ или предложенія гривенника. Первое время, когда я поступилъ, мнѣ—особенно по воскресеньямъ—отбою не было отъ приглашеній на чай; пятачки совались, но рѣже; въ иной день получишь до десяти приглашеній „откушать чайку“, и когда я всѣмъ отказывалъ, то приглашающіе даже оскорблялись,—слышались замѣчанія: „брезгуетъ нами“ и проч.; я не могу этого объяснить чѣмъ-либо другимъ, кромѣ какъ уже вкоренившеюся въ мужикѣ привычкой изъявить чѣмъ-нибудь свою благодарность за труды по его дѣлу, доказать, что онъ не безчувственная скотина, а тоже „понимаетъ“. Въ этихъ случаяхъ происходитъ какъ бы не высказанный громко діалогъ:

Начальникъ.--Видишь, какъ о васъ трудимся, по праздникамъ отдыху нѣтъ, отъ высшаго начальства васъ заграждаемъ, за всякую вину вашу на себя отвѣтъ беремъ...

Мужикъ.—Какъ, батюшка, не понимать; очень даже чувствуемъ и много довольны вами. Благодарствуемъ, что потрудились; пожалуйте отдохнуть—чайку покушать!..

Но бываютъ случаи, когда то же, или почти то же, выказывается и вслухъ. У высидѣвшаго нѣсколько дней подъ арестомъ за чужія недоимки старшины или старосты невольно является желаніе поднять падающее и въ своихъ, и въ чужихъ глазахъ свое достоинство. Отъ него, конечно, нельзя требовать гражданской доблести, готовности страдать за міръ, да и сами міряне далеки отъ предъявленія такого рода требованій: они вполнѣ сознаютъ, что старшина пострадалъ за ихъ вину и считаютъ справедливымъ вознаградить

его—чѣмъ же? не пустыми благодарностями—изъ нихъ, извѣстно, шубы не сошьешь,—а чѣмъ-нибудь вещественнымъ, осязательнымъ. А оскорбленное самолюбіе тѣмъ временемъ вымѣщаетъ на нихъ свой позоръ: „вы, анаѳемы, податей не платите, а я въ холодной за васъ, какъ прощалыга, сиди? Свои то у меня давно заплачены,—за что же я одинъ въ отвѣтѣ буду?.. Нѣтъ, шалишь, пойдите-ка таперича вы туда, узнайте, какъ тамъ скусно...“ „Батюшка, Парамонъ Ѳедулычъ, ужъ ослобони, сдѣлай божескую милость!.. А мы не то-что.. мы оченно даже понимать можемъ... Пожалуй-ка яишенки закусить, не побрезгуй!..“ Я былъ однажды глубоко возмущенъ юмористическимъ разсказомъ двухъ старостъ, посаженныхъ становымъ за недоимки въ арестантскую при чужой волости: „посадили насъ,—говорили они,—ну и сидимъ; тоска одолѣла; хоть бы, думаемъ, еще кого привели. Глядь, тутъ и есть: двухъ лошадниковъ привели, съ темною лошадью попались. Извѣстно, растабарывать стали; они и спрашиваютъ: кто, молъ, мы такіе и за какія провинности сидимъ? А мы, чтобы подшутить, взяли да и соврали: тоже, дескать, съ лошадью попались. Такъ мы, говорятъ, значитъ, товарищи; и давай это намъ про свои дѣла разсказывать. На четвертыя сутки пришелъ сторожъ выпускать насъ и говоритъ: ну, староста, собирайтесь! А лошадники намъ: нешто вы староста? Нѣтъ, говоримъ, это насъ за то тутъ прозвали, что давно ужъ сидимъ, до старостовъ дослужились...“ Да гдѣ же тутъ мѣсто чувству собственнаго достоинства, когда человѣка за то только, что онъ гуманно относится къ своимъ односельцамъ, равняютъ съ отъявленнѣйшими негодяями, бичомъ крестьянства,—конокрадами? И можно ли винить ихъ, если они, вернувшись къ себѣ въ село, начнутъ ломаться передъ недоимщиками и выпивать съ нихъ „за уваженіе“ въ отсрочкѣ недоимокъ, косушки и шкалики, чтобы заглушить неясное, но все-таки ощутительное чувство стыда?.. Не хорошо, впрочемъ, было и мое положеніе, когда я слушалъ приправленный легкимъ юморомъ разсказъ старостъ и зналъ, что кара, ихъ постигшая, была слѣдствіемъ донесенія, писаннаго моей рукой... А не указывать виновныхъ „въ нерадѣніи къ казеннымъ интересамъ“—нельзя было, такъ какъ,

при неуказаніи таковыхъ, козломъ отпущенія оказался бы старшина, которому и предстояла бы перспектива знакомиться съ конокрадами: „своя рубашка ближе къ тѣлу“,— рѣшили мы со старшиной, и старосты были переданы въ руки начальства. Кстати замѣчу, что денежные штрафы, налагаемые начальствомъ на старшинъ и старостъ, никогда не падаютъ на нихъ, а на общество, и штрафъ, напр., за недоимки, очень быстро вносится старостами изъ имѣющихся у нихъ на рукахъ мірскихъ суммъ, а общество всегда санкціонируетъ впослѣдствіи, при учетѣ, такую растрату. Въ данномъ случаѣ старосты даже не благодарятъ за избавленіе ихъ отъ штрафа: они принимаютъ, какъ должное, чтобы отвѣчалъ тотъ, кто виноватъ, а относительно существованія недоимокъ виноватѣе, конечно, все общество, нежели одинъ изъ его членовъ, наименованный, по приказанію начальства же, старостою. Случалось даже, что общество принимало на себя наложенный на старосту штрафъ за пьянство; въ этомъ случаѣ, вѣроятно, дѣйствовало то соображеніе, что староста— мірской слуга, и что міръ за него и отвѣчаетъ, коли онъ плохъ; впрочемъ, былъ одинъ случай, когда общество заставило старосту заплатить „изъ своихъ“ штрафъ за пьянство и нерадѣніе къ службѣ,—не принявъ его на мірской коштъ. Начальство и само отлично знаетъ, что штрафы рѣдко падаютъ на виновнаго въ ихъ глазахъ, т.-е. на старосту, и поэтому господствующимъ наказаніемъ является арестъ; но и арестованные сельскіе начальники не могутъ пожаловаться на безсердечіе мірянъ: имъ идутъ щедрые харчевые—полтинникъ и даже рубль въ сутски,—и мірскія подводы обязательно доставляютъ ихъ къ мѣсту назначенія, т.-е. въ кутузку, задаромъ.

Читая въ „Отеч. Зап.“ за 1882 г. въ статьѣ„ Изъ фабрично-заводского міра“ о порядкахъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ нечерноземной полосы,—о порядкахъ, при которыхъ сотни мужиковъ недоимщиковъ закабаляются старшинами, безъ вѣдома и согласія этихъ „свободно договаривающихся“ разнымъ прикащикамъ и подрядчикамъ для работъ на болотахъ и въ особенности для сплава по Камѣ и Чусовой— работъ истинно каторжныхъ; читая, разсказы Гл. Ус-

пенскаго о произволѣ, царствующемъ въ новгородской губерніи, гдѣ цѣлыя селенія за недоимки подвергаются поркѣ по приказанію станового или даже только старшины,—я неоднократно благодарилъ судьбу, забросившую меня въ сравнительно зажиточный уголокъ Россійской Имперіи, въ которомъ недоимки являются только какъ результатъ выходящаго изъ ряда вонъ бѣдствія—полнаго неурожая (какъ напр., въ 1882 г.), опустошительнаго пожара, градобитія и т. п. Въ кочетовской волости въ 1881 г. не было ни одного селенія съ недоимками; съ 1882 г., когда случился большой неурожай (рожь давала отъ самъ-1 до самъ-3), нѣкоторыя селенія позапустили подати, и недоимки въ настоящее время (1884 г.) еще не покрыты; но я увѣренъ, что одинъ-два хорошихъ года дадутъ населенію возможность вполнѣ оправиться. Я не говорю, чтобы экономическое положеніе всѣхъ селеній кочетовской волости было блестяще,—далеко нѣтъ; но фактъ, во всякомъ случаѣ, остается фактомъ: здѣшнему крестьянству живется гораздо легче сравнительно съ населеніемъ сѣверныхъ, нечерноземныхъ губерній, и вслѣдствіе этого оно не находится въ такой ужасной кабалѣ у кулаковъ и въ такомъ угнетенномъ положеніи относительно власть имѣющихъ. Круговая порука съ ея нравственно развращающимъ (въ существующемъ ея видѣ) вліяніемъ здѣсь неизвѣстна; продажъ имущества у недоемщиковъ за невзносъ податей также не бываетъ, потому что обезпеченіемъ недоимки всегда служитъ земля, арендная стоимость которой сильно превышаетъ лежащіе на ней платежи. Такимъ образомъ, экзекуціи, т.-е. продажи имущества, случаются только за частные долги, по опредѣленію судебныхъ мѣстъ,—но и эти случаи крайне рѣдки, потому что добросовѣстные должники имѣютъ полную возможностя покрыть долгъ, если онъ не великъ,—примѣрно 10—15 р.,—арендной стоимостью одной десятины земли изъ своего надѣла или лѣтними заработками, которые, кстати сказать, здѣсь очень недурны. Убрать десятину, т.-е. скосить и звязать, въ обыкновенное время стоитъ 3 р. 50 к.—5 р. (при наймѣ зимой—1 р. 50 к.—2 р.), а въ 1881 г. уборка доходила, по случаю урожая, до 10 и даже 15 рублей за десятину; въ большихъ экономіяхъ, преимущественно у куп-

цовъ, производящихъ огромные посѣвы въ нѣсколько тысячъ десятинъ, и заработки, напр., во время возки хлѣба съ поля, даютъ 2—3 руб. въ день на человѣка съ ложадью. Я знаю двухъ братьевъ мужиковъ изъ Кочетова, которые, проработавъ въ такой экономіи шесть дней—съ понедѣльника до вечера субботы на трехъ лошадяхъ—привезли домой 35 руб.; жаловаться на такіе заработки, во всякомъ случаѣ, нельзя... Впрочемъ, все это къ слову. Какъ-ни какъ, а приходилось все-таки и мнѣ производить нѣсколько разъ продажу имущества за неплатежъ по исполнительнымъ листамъ; изъ десяти случаевъ въ девяти назначенные торги кончались ничѣмъ, такъ какъ стороны кончали дѣло миромъ, заключая новое условіе между собою, при чемъ истецъ не оставался, конечно, невознагражденнымъ за данную отсрочку; но два или три раза пришлось-таки продать, въ одномъ случаѣ — десятокъ куръ, въ другомъ—боровка, и т. п. Состоялась ли продажа или не состоялась, сцены, бывающія на этихъ „укціонахъ“, такъ тяжелы, что я почти всегда посылалъ для производства торговъ своего помощника, не желая принимать активнаго участія въ узаконенномъ насиліи... Представьте себѣ морозъ въ 20°; сильный вѣтеръ пронизываетъ до костей, несмотря на валенки, теплое пальто и тулупъ, подпоясанный кушакомъ; слезы невольно выступаютъ изъ глазъ, тутъ же примерзая къ рѣсницамъ. Семи-аршинная ольховая избенка, съ двухвершковыми въ діаметрѣ бревнами, вся окутана снаружи соломой, но, несмотря на эту мѣру, въ избѣ такъ продуваетъ, что вся семья сидитъ на печкѣ, отогрѣвая зазябшія тѣла; и вдругъ мы, архаровцы, т.-е. старшина, староста, я и понятые, являемся продавать съ „укціона“ сѣнцы—единственную защиту отъ вѣтра входныхъ въ избу дверей. Спрашиваемъ хозяина, — припасъ ли онъ деньги 8 р. 45 к., которыя долженъ крестьянину изъ сосѣдней деревни Захару Филипычу за снятый въ прошломъ году осьминникъ, на которомъ, по случаю неурожая, родилось ржи четыре копны, давшихъ по двѣ мѣры, такъ что урожай едва окупилъ сѣмена и работу; но Захаръ Филипычъ въ неурожаѣ невиноватъ и требуетъ „свое“, т.-е. арендную плату за землю, и волостные судьи, разбиравшіе это дѣло, единогласно признали право

на полученіе Захаромъ Филипычемъ 8 р. 45 к. съ Тихона Скворцова. Этотъ послѣдній, ссылаясь на „божеское наказаніе“, просилъ обождать уплатой до слѣдующаго года; но истецъ остался неумолимъ—и мы принуждены были произвести опись имущества и назначить день для торговъ. Назначены къ продажѣ сѣнцы — за неимѣніемъ чего-либо другого, годнаго къ продажѣ, такъ какъ все недвижимое имущество Скворцова заключается въ избѣ съ сѣнцами, да въ дворѣ плетневомъ съ провалившимися навѣсами, а движимое — въ кобылѣ „безъ годовъ“, нешинованной телѣгѣ и развалившихся саняхъ съ мочальною упряжью; нѣтъ даже куръ, сбытыхъ, по случаю опять таки неурожая, курятнику, еще съ осени. Итакъ, спрашиваемъ Скворцова: „приготовилъ деньги?“

— Отцы родные, да откуда же я возьму? Продать нечего, работишки въ округу нѣтъ никакой, скоро и хлѣбушка весь выйдетъ... Гдѣ ужъ тутъ деньги заготовлять! Захаръ Филипычъ, сдѣлай ты божеску милость, ослободи до осени: може, хлѣбушко уродится—отдамъ, не то отработаю!..

— Отработаю!.. Знаемъ мы васъ, какъ отработываете-то! Теперь ты кланяешься: Захаръ Филипычъ, такой-сякой; а тогда мнѣ за тобой бѣгать придется: Тихонъ Иванычъ, родненькій, выходи на работу... Нѣтъ, братъ, очень даже хорошо обучены мы этому производству, на мякинѣ не обойдешь!.. Ты мнѣ мое подай, я лишняго ничего не прошу, ни пятачка не набавилъ за подожданье, не хочу грѣха на душу примать; что договорено было, то и ищу...

— Очень это мы понимаемъ, Захаръ Филипычъ, и даже то есть во-какъ чувствуемъ... Да откуда-жъ мнѣ-то взять теперь, посуди самъ?

— А откуда хошь; мнѣ что, я свое прошу, лишняго не беру. У меня такихъ-то, какъ-ты, може тридцать человѣкъ наберется,—это, сосчитай, много ль денегъ-то выйдетъ? Этакъ самъ по-міру съ вами пойдешь, коли очень распускать-то будешь...

Невтерпежь становится мерзнуть на-вѣтру; старшина въ послѣдній разъ спрашиваетъ должника, отдастъ ли онъ деньги; потомъ проситъ Захара Филипыча отложить взысканіе до осени, но послѣ полученныхъ отъ обоихъ отрицательныхъ

отвѣтовъ объявляетъ торги открытыми, въ такой, примѣрно, формѣ:

— Ну, намъ съ вами не замерзать же тутъ... Н. М., читай тамъ, что продается-то?

— Сѣнцы ольховыя, рубленыя, оцѣнены въ 4 р. 50 к.

— Эй, желающихъ никого нѣтъ покупать?

Въ нашей кучкѣ все офиціальныя лица — начальство и понятые; желающихъ торговаться на такую дрянь никого не явилось, и у меня начинаетъ зарождаться надежда, что сѣнцы останутся во владѣніи злосчастнаго Тихона, какъ вдругъ раздается голосъ Захара Филипыча: „гривенникъ накидываю, за себя беру... О веснѣ строиться буду,—такъ на что-нибудь пригодятся; а то все равно деньгамъ пропадать“,— объясняетъ онъ понятымъ, которые уныло поддерживаютъ его восклицаніями: „это такъ, что и говорить!.. Извѣстно, для хозяйства ежели...“

— Такъ вотъ, Иванычъ, — говоритъ Захаръ Филипычъ,— вотъ дѣло-то какое, за себя беру. Таскай изъ нихъ пожитки-то, что у тебя тамъ есть... Завтра я ломать пріѣду.

Но тутъ ужъ я, а потомъ и старшина начинаемъ упрашивать деревенскаго капиталиста подождать до тепла и не морозить несчастную семью... Баба съ воплемъ бросается на колѣни... Тихонъ задумчиво скребетъ бороду... На душѣ очень скверно, и свободнѣе дышится, когда, подъ вліяніемъ нашихъ просьбъ и убѣжденій, Захаръ Филипычъ отсрочиваетъ уплату до весеннихъ работъ. „Заработаешь—ладно, надуешь—сѣнцы сломаю“,—говоритъ онъ Тихону. Понятно, что работа Тихона будетъ на 20—30% дешевле цѣниться противъ существующихъ цѣнъ... Мы бѣгомъ отправляемся грѣться въ кабакъ, гдѣ Захаръ Филипычъ подноситъ и начальству, и понятымъ по стаканчику „за труды“; понятно, никто не отказывается отъ заслуженной на морозѣ порціи.

А то разъ пріѣхали въ деревушку амбаръ продавать съ торговъ же у одного должника. „Погодите, Христа ради,— молитъ малый лѣтъ 22 хъ, единственный мужикъ въ семьѣ изъ 5 душъ: — дайте сроку на три дня, я къ дяденькѣ въ Соколки (селеніе за 40 верстъ) сбѣгаю; може, онъ выручитъ“.

— Никакъ нельзя, торги на нынѣшнее число назначены;

мы тоже въ отвѣтѣ будемъ за самовольную отсрочку... Да ты что раньше-то думалъ, отчего загодя не готовилъ денегъ? Вѣдь тебѣ было объ укціонѣ объявлено, было, а?..—допрашиваетъ парня старшина.

— Было-то, было, да мы, извѣстно, народъ темный, думаемъ—авось Господь и пронесетъ...

— Пронесетъ!.. Ахъ, ты розиня этакая,—а?.. Да какъ же это пронести-то можетъ? Ты думаешь, мы шутки съ тобой шутить за пятнадцать верстъ пріѣхали? Нѣтъ, братъ, шалишь, раздобывайся тутъ, ежели кто повѣритъ, а то въ „секундную“ продадимъ—вотъ и покупщикъ называется.

Парень упрашиваетъ мѣстнаго капиталиста, унтеръ-офицера, тайно поторговывающаго водкой,—ссудить его на три дня двадцатью рублями; тотъ беретъ въ залогъ амбаръ, стоющій на худой конецъ 30 рублей, и даетъ на три дня 20 р., но съ тѣмъ, чтобы ему возвращено было 21 рубль,—„а то и возжаться съ тобой не стоитъ“. Вся сдѣлка происходитъ при насъ: старшина получаетъ деньги, я отмѣчаю на исполнительномъ листѣ время уплаты; и мы уѣзжаемъ домой, при чемъ я не совсѣмъ хорошо себя чувствую, сознавая, что какъ бы санкціонировалъ своимъ присутствіемъ ссуду изъ 600% годовыхъ.

Резюмируя все сказанное здѣсь, увидимъ, что волостному писарю приходится, во-первыхъ, исполнять скучныя и тяжелыя, по своему обилію, канцелярскія работы; во-вторыхъ, производить такія служебныя дѣйствія, которыя могутъ совершенно не согласоваться съ его взглядомъ на вещи; въ-третьихъ, вполнѣ зависѣть отъ всякаго рода начальства и быть обязаннымъ исполнять всякія его требованія, даже беззаконныя; и въ-четвертыхъ, — въ довершеніе всѣхъ этихъ бѣдъ,—зависѣть въ матеріальномъ отношеніи отъ кучки міроѣдовъ, въ каждую данную минуту могущихъ уменьшить писарское жалованье до невозможности существовать на него. Припоминается мнѣ случай, какъ въ одной изъ волостей нашего же уѣзда выжили черезчуръ уже загребистаго писаря, не сумѣвшаго, къ тому же, жить въ ладу съ Парфенами. Онъ получалъ жалованье 500 р. въ годъ, да на наемъ помощника отпускалось ему же 180 р., какъ вдругъ сходъ

положилъ ему, вмѣстѣ съ помощникомъ, 300 руб. въ годъ, такъ что, за уплатой помощнику, ему самому оставалось бы только по 10 р. въ мѣсяцъ; понятно, что на такихъ условіяхъ онъ оставаться не могъ и очистилъ мѣсто. Дѣйствительно, при той власти, которую забрало себѣ въ руки уѣздное присутствіе относительно назначенія и удаленія писарей,—хотя ни одна статья Общаго Полож. не оправдываетъ такихъ вмѣшательствъ,—единственнымъ оружіемъ въ рукахъ міра для самообороны или для нападенія на неугодное „чернильное начальство“ осталось назначеніе ему денежнаго вознагражденія; въ принципѣ худого тутъ ничего нѣтъ, но на практикѣ рождается изъ этого масса злоупотребленій, и могорычи играютъ самую видную роль при ежегодномъ составленіи смѣты волостныхъ расходовъ. При всемъ моемъ отвращеніи къ системѣ могорычей, я былъ-таки въ необходимости два раза ставить таковой: въ первый разъ — при прибавкѣ мнѣ, мѣсяцъ спустя послѣ вступленія на должность, къ двадцати-пяти рублевому жалованью еще десяти рублей, а во второй разъ — при составленіи первой годовой смѣты для удержанія прежняго 35-ти рублевого оклада. Меня не успѣли еще узнать и, по привычкѣ, такъ настойчиво требовали угощенія, что я, чтобы избавиться отъ навязчивыхъ приставаній, въ оба раза „выставилъ“ по полведра... Потомъ міръ попривыкъ ко мнѣ, да и Парфены буквалано не осмѣливались тягаться со мной, такъ что о могорычахъ не бывало и помину; въ началѣ же, попавъ въ чужой монастырь и не успѣвъ еще ввести своего устава, приходилось покоряться существовавшему.

Что касается до нравственной разладицы, происходящей отъ необходимости поступать, какъ должностное лицо, противъ своихъ убѣжденій, какъ человѣка, — я упомяну еще о слѣдующихъ случаяхъ: въ качествѣ секретаря волостного суда, приходится подчасъ записывать явно-пристрастныя рѣшенія, а также постановленія о тѣлесномъ наказаніи провинившагося субъекта; при выдачѣ дворовымъ людямъ паспортовъ, приходилось ихъ притѣснять, выматывая изъ нихъ подушную подать, такъ какъ—по закону—можно давать паспорта только уплатившимъ подати (теперь, по уничтоженіи

подушной подати, сцены этого „законнаго“ вымогательства почти прекратились, такъ какъ остались одни волостные сборы); составленіе, по требованію общества, явно несправедливыхъ приговоровъ, наприм., о ссылкѣ на поселеніе (былъ даже такой случай, — о немъ впослѣдствіи) и проч. Все это такіе случаи, когда совѣсть моя, какъ человѣка, возмущается, но я все-таки обязанъ, какъ должностное лицо, поступать „по закону“, находящемуся въ этихъ случаяхъ въ прямомъ противорѣчіи съ моею совѣстью... Помучившись, позлившись, испортивъ себѣ нѣсколько золотниковъ крови, рѣшаешься на какое-нибудь такое средство, которое можетъ быть оправдано только развѣ цѣлью: случалось, наприм., искать поводовъ къ кассаціи въ собственноручно записанномъ постановленіи волостного суда; или писать безсмысленную жалобу въ высшую инстанцію съ одной лишь цѣлью—затянуть время и дать должнику возможность обернуться, и проч. Повторяю, что, служа въ волостныхъ писаряхъ, надо забыть брезгливость въ отношеніи выбора средствъ для достиженія благой цѣли; если вы—человѣкъ робкій и черезчуръ нравственно-чистый, то вамъ не совладать съ той массой зла, подлости и насилія, которая со всѣхъ сторонъ нависла надъ безпомощнымъ населеніемъ селъ и деревень; вы будете только безполезно мучиться, терзаться и въ концѣ концовъ сами сочтете себя ни къ чему негодной тряпкой...

Въ виду всѣхъ этихъ обстоятельствъ, неудивительно, что многія лица съ среднимъ и даже высшимъ образованіемъ довольствуются 300—600 рублевымъ жалованьемъ въ городѣ и не идутъ въ деревню на должность писаря, гдѣ жалованье въ 500 руб. можетъ быть смѣло приравнено къ девятисотрублевому городскому—благодаря дешевизнѣ квартиръ и жизненныхъ продуктовъ въ деревнѣ. И въ самомъ дѣлѣ, какая кому охота претерпѣвать оскорбленія и обиды отъ начальствъ и Парфеновъ, ежеминутно трепетать за свое существованіе (нѣтъ ничего легче, какъ погубить интеллигентнаго человѣвѣка, живущаго въ деревнѣ и имѣющаго, хотя бы по долгу службы, постоянныя сношенія съ народомъ), возиться подчасъ съ безсмысленными, подчасъ съ невыполнимыми бумагами — и все это изъ безкорыстнаго желанія имѣть рѣдкую

возможность словомъ или дѣломъ помочь темному человѣку, указать ему дорогу, написать прошеніе, похлопотать въ присутственныхъ мѣстахъ, и проч.? Такихъ охотниковъ, такихъ людей, готовыхъ — несмотря на неблагопріятныя обстоятельства — дѣлать въ тиши не громкія дѣла, еще очень мало (впрочемъ, тутъ большое значеніе имѣютъ такъ-называемыя „независящія обстоятельства“—объ этомъ не слѣдуетъ забывать), и поэтому составъ писарей до невозможности плохъ: это большею частью или отставные военные писаря, или недоучившіяся въ приходскихъ и духовныхъ училищахъ дѣти пономарей и дьячковъ... Для занятія этой крайне важной—въ общественномъ значеніи—должности не требуется никакого аттестата, никакого образовательнаго ценза; обыкновенно достаточно бываетъ самой микроскопической протекціи, хотя бы секретаря уѣздной управы, или станового пристава. И вотъ эти-то кантонисты и пономарскія недоучки непосредственно вліяютъ, управляютъ, разъясняютъ, даютъ судъ и защиту 60-тимилліонному сельскому населенію!.. Откуда же проникнетъ свѣтъ въ сферу мужицкаго самоуправленія, откуда же научиться мужику понимать свои права и обязанности, откуда ему узнать, что онъ полноправный гражданинъ земли русской, а не только объектъ для всякихъ приказаній и распоряженій, подчасъ безсмысленныхъ?.. Гдѣ ему узнать, что онъ кандидатъ въ присяжные засѣдатели, въ гласные; кто ему растолкуетъ различіе между этими обязанностями, такъ часто смѣшиваемыми и понынѣ — послѣ двадцатилѣтняго существованія ихъ—въ народномъ понятіи? Кто ему разъяснитъ, какія права и обязанности лежатъ на старостѣ, на старшинѣ? Нынѣшняя школа, конечно, далека отъ этой просвѣтительной роли,—опять же—часто—не по своей винѣ, а все по тѣмъ же „независящимъ обстоятельствамъ“; но далека будетъ и всякая школа, потому что она имѣетъ дѣло съ теоріей и съ малолѣтними дѣтьми. Между тѣмъ, волость, этотъ центръ всего административнаго устройства крестьянства, и волостной писарь, представитель волости, умственный человѣкъ и законникъ, толкователь всякихъ распоряженій и ближайшій исполнитель ихъ,—вотъ кто могъ бы принести громадную пользу въ дѣлѣ умственнаго разви-

тія сельскаго населенія. Писарь бываетъ на всѣхъ важныхъ сходахъ, не говоря уже о волостныхъ, составляетъ приговоры, относящіеся до самыхъ разнообразныхъ сторонъ крестьянской жизни, и будь онъ человѣкъ развитой, интеллигентный,— вліяніе его на народную жизнь могло бы быть громадно,— такъ громадно, что роли школьнаго учителя и священника, какъ теоретиковъ, не принимающихъ непосредственнаго участія въ дѣлѣ народнаго самоуправленія, совсѣмъ стушевались бы. Если бы были установлены какія-либо мѣропріятія для привлеченія въ деревню интеллигентныхъ лицъ на должность писарей, переворотъ въ крестьянской жизни вышелъ бы огромный; для этого нѣтъ надобности даже въ сложныхъ мѣропріятіяхъ: нужно только дать возможность интеллигенціи стать въ непосредственное общеніе съ сельскими массами...

Я самъ сознаю, что договорился до несбыточныхъ вещей,— и поэтому умолкаю, не предлагая никакихъ дальнѣйшихъ мѣропріятій для достиженія недостижимаго... „Никто не обниметъ необъятнаго“, сказалъ Кузьма Прутковъ,—и онъ былъ правъ.

XIII.

Сельскіе писаря *).

Однажды, въ хмурое зимнее утро, когда я только-что протиралъ глаза, съ неудовольствіемъ размышляя о необходимости вылѣзать изъ-подъ волчьяго тулупа и совершать свой туалетъ при шести градусахъ тепла въ избѣ, дверь, ведущая въ „сѣнцы“, тихонько скрипнула и въ образовавшуюся щель заглянуло въ избу чье-то лицо. Холодный воздухъ волною понесся по полу комнаты и кинулъ меня въ дрожь.

— Кто тамъ?.. Входите, или закрывайте дверь, ради Христа! Всю избу выстудите!..

Дверь быстро захлопнулась, но минуты черезъ двѣ вновь распахнулась,—на этотъ разъ ровно настолько, чтобы дать возможность юркнуть въ избу небольшому человѣчку, одѣтому въ черный дубленый полушубокъ и въ бѣлые валенки, „об-

---

*) Эта глава заимствуется изъ „Дерев. типовъ и картинокъ“, гдѣ она явилась отдѣльнымъ разсказомъ, подъ заглавіемъ „Сельскіе министры“. (Стр.133—178).

союженные“ кожей. Маленькое лицо этого человѣка было овольно своеобразно: бородъ и усовъ на немъ не имѣлось,— только нѣсколько жесткихъ волосъ отмѣчали мѣста, на которыхъ должна была бы красоваться пушистая растительность; скулы у вошедшаго были очень припухши, какъ бы отъ жестокаго хроническаго флюса, и лоснились, напоминая собою жирный, хорошо подрумяненный пирогъ; естественно, что, благодаря припухлости скулъ, глаза моего гостя выглядывали какъ бы изъ впадинъ, кромѣ того, что они были малы сами по себѣ, онъ постоянно еще прищуривалъ ихъ, такъ что трудно бывало иногда сказать, глядитъ онъ куда-нибудь или вовсе не глядитъ? Сильно смазанные коровьимъ масломъ жидкіе волосы на головѣ лежали ровными прядями вокругъ низкаго, угловатаго лба. Вся же фигура вообще носила отпечатокъ чего-то съеженнаго, пугливаго и, вмѣстѣ съ тѣмъ... какъ бы это сказать?—елейнаго. Я уже успѣлъ встать и накинуть на себя тулупъ, подъ которымъ спалъ.

— А, Евтихій Лукичъ! Это вы?... Чего же вы сразу не входили?

Онъ, не торопясь, крестился на висѣвшій въ углу образъ, закопченный до того, что на немъ и разобрать ужъ ничего нельзя было. Тряхнувъ послѣдній разъ нависшими на лбу волосами, гость обернулся ко мнѣ, потирая руки, поклонился а сказалъ:

— Съ праздникомъ Господнимъ, Н. М.! Благополучно времячко провесть, въ мирѣ и благовременіи!.. Все ли въ добромъ здоровьицѣ?..

— Благодарю... Вы какъ поживаете? — говорилъ и я, не подавая однако руки, такъ какъ еще не умывался, а отступать безъ особенной нужды отъ деревенскаго этикета я себѣ не позволялъ.

— Еще Господь-Батюшка грѣхамъ моимъ терпитъ... Живемъ по маленечку,—отвѣчалъ гость.

Наступило нѣкоторое молчаніе; я убиралъ постель, а гость мой посматривалъ на полку съ книгами, прибитую рядомъ съ образомъ.

— Сколько-жъ у васъ книгъ, Н. М.!.. Должно, все законы?.. Или и духовныя есть?

— Признаться, ни законовъ, ни духовныхъ нѣтъ... А такъ, кой-какія...

— Это точно-съ... А я къ вамъ съ просьбицей!.. Не откажите!... Потому что душевное мое расположеніе къ вамъ.... Сродственникъ есть у меня на Аѳонѣ: посвятилъ себя служенію Владычицѣ Аѳонской... Онъ мнѣ присылаетъ оттуда святыни, высокочтимыя православными христіанами... Какъ вы въ нашихъ мѣстахъ состоите недавно, я и хотѣлъ вамъ поднести благословеніе со св. горы Аѳона.

Онъ вынулъ изъ-за пазухи тщательно сдѣланный пакетикъ изъ писчей бумаги и развернулъ его. Тамъ оказались два изображенія аѳонскихъ чудотворныхъ иконъ, отпечатанныхъ синею краскою на коленкоровыхъ лоскуткахъ, величиною съ ладонь.

— Примите святыню замѣсто хлѣба-соли... Я человѣкъ небогатый, да и такъ въ мысляхъ своихъ держу, что благословеніе изъ святыхъ мѣстъ дороже всякихъ плодовъ труда мірского.

Я взялъ пакетикъ, поблагодарилъ гостя за его вниманіе и за благопожеланія, сдѣланыя по моему адресу. Поговорили немного объ Аѳонѣ, при чемъ Евтихій Лукичъ очень сокрушался, что у него не хватаетъ рѣшимости распутаться съ міромъ („семья“...) и посвятить себя, по примѣру сродственника, служенію Господу и Владычицѣ Аѳонской. Я утѣшалъ его, говоря, что и на міру можно спастись, и проч. въ томъ же родѣ. Такимъ образомъ мы благодушно побесѣдовали минутъ десять о душеспасительныхъ предметахъ.

— А что я хотѣлъ просить васъ,—сказалъ гость послѣ небольшой паузы. Въ селѣ Зарѣчномъ сельскимъ писаремъ ходилъ Ѳедулычъ,—изволите знать его? Ну вотъ, вотъ!.. У него округа большая, — обществъ двѣнадцать; онъ и не поспѣваетъ вездѣ, потому что старенекъ ужъ сталъ, да еще— прости Господи мое согрѣшеніе!—зашибается иной разъ этимъ самымъ виномъ... Ну, особенно осенью съ податями задержка и выходитъ. Староста зарѣчный противъ него неудовольствіе большое имѣетъ и, признаться, меня зоветъ на мѣсто Ѳедулыча. А мнѣ это съ руки, потому — все равно ходить мнѣ почти мимо Зарѣчнаго въ Грязновку, — самую малость крюку дать.

— А сейчасъ у васъ много обществъ?

— Шесть,—да они всѣ въ кучкѣ, такъ что за мной замедленія никогда не бываетъ. Я, вѣдь, этого вина ни-ни!... И книги податныя у меня ведутся всѣ исправнѣйшимъ образомъ... За мной царское дѣло никогда не стоитъ.

— Такъ чѣмъ же я то могу быть вамъ полезенъ?

— Вотъ объ этомъ самомъ дѣлѣ,—о Зарѣчьи... Вы бы старостѣ приказецъ дали, чтобы въ писаря при наемкѣ Ѳедулыча не брали... А помимо меня имъ некого будетъ приговорить...

— Нѣтъ, вы меня ужъ извините: я приказа такого давать не буду. А спросить—спрошу, пожалуй, старосту, насколько онъ недоволенъ Ѳедулычемъ.

Евтихій Лукичъ помялся еще немного, поговорилъ о томъ, какъ онъ усердно дѣло свое исправляетъ, и, наконецъ, распрощался, пожелавъ мнѣ всякихъ благъ, и земныхъ, и въ особенности—небесныхъ.

Въ началѣ семидесятыхъ годовъ Евтихій Лукичъ былъ извѣстенъ въ селѣ подъ именемъ Евтишки-сапожника. Сапоги онъ шилъ прескверно, но такъ какъ конкурентовъ ему въ этомъ дѣлѣ былъ только Вавила-сапожникъ, горькій пьяница, нерѣдко закладывавшій у кабатчика или даже вовсе пропивавшій ввѣренный ему заказчиками товаръ, то дѣла Евтишки шли не дурно; кочетовцы волей-неволей обращались къ нему, разсуждая вполнѣ основательно, что лучше имѣть плохо сшитый сапогъ, нежели ходить въ праздники босикомъ или, что чуть ли не еще хуже,—въ лаптяхъ. Именно въ то время пошла сильная мода на сапоги: бѣдный-бѣдный мужикъ считалъ почти что долгомъ чести имѣть пару сапогъ въ запасѣ и надѣвать ихъ хотя бы въ экстренные случаи, наприм. въ торжественные праздники, или для поѣздки въ городъ, и т. п. Лѣтъ пятнадцать-двадцать тому назадъ всѣ, а въ особенности старые мужики, въ будни ходили еще въ лаптяхъ; теперь и въ будни мало-малски состоятельные носятъ сапоги, — понятно, не во время полевыхъ работъ и не зимою, ибо лапти незамѣнимы на полѣ, а валенки—во время морозовъ.

Итакъ, Евтишка зарабатывалъ себѣ шиломъ недурной кусокъ хлѣба—по теперешнему времени. Было ему тогда лѣтъ

двадцать пять и жилъ онъ съ матерью-старухой, женой и двумя ребятишками въ избѣ, которая досталась ему отъ отца, бывшаго дворовaго человѣка, приписавшагося за два ведра водки къ крестьянскому обществу села Кочетова, но землей не занимавшагося. Евтиша, унаслѣдовавъ отъ отца избу, шило и молотокъ, а также умѣніе читать и писать, первые годы своей самостоятельной жизни ничѣмъ особымъ себя не проявилъ и къ мечтаніямъ склонности не оказывалъ, но одинъ неожиданнѣйшій случай вышибъ его надолго изъ проторенной колеи деревенскаго сапожника и вывелъ въ большой свѣтъ.

Однажды, поздней осенью, самъ господинъ исправникъ разъѣзжалъ по волостямъ, съ цѣлью „подогнать подати“: только что пріѣхалъ новый „хозяинъ губерніи“, и исправникъ, старый, травленый волкъ, хотѣлъ въ первое же время показаться въ хорошемъ свѣтѣ своему начальству, ибо помнилъ, что первое впечатлѣніе остается навсегда неизгладимымъ и что „новая метла всегда чисто мететъ“. Вотъ почему всѣ крестьянскіе начальники въ уѣздѣ, отъ послѣдняго десятскаго и до самаго откормленнаго старшины включительно, находились въ трепетѣ; мірскія суммы многихъ волостей сразу пополнились цѣлыми десятками рублей,—то были штрафы съ старостъ и старшинъ за медленный сборъ податей; кутузки кишмякишѣли бородатыми мужиками, преимущественно старшинами и старостами же; кое-гдѣ раздавался свистъ розогъ,—это уже спеціально надъ простыми мужицкими спинами. Но все-таки потребовалось отъ „хозяина уѣзда“, пользы дѣла ради, наиболѣе экстренная мѣра: личный объѣздъ недоимочныхъ волостей. Въ Кочетовскую волость исправникъ пріѣхалъ уже на обратномъ пути въ городъ. Онъ былъ въ духѣ: тысячъ двадцать рублей было при немъ внесено въ сундуки волостныхъ правленій, по нѣкоторымъ волостямъ не осталось ни рубля недоимки, по другимъ—самыя пустыя суммы. Кочетовскій старшина безъ шапки кинулся къ подъѣхавшему тарантасу; изъ него, страшнѣе льва рыкающаго, выскочилъ исправникъ и чуть-чуть не упалъ, зацѣпивъ ногою за подножку.

— Старшина!.. Подати?..

— Благополучно-съ, вашескородіе! Только сто двадцать рублей осталось; черезъ недѣльку всѣ очистимъ.

Лицо начальника окончательно просіяло. „Вотъ что значитъ энергично повести дѣло,—самодовольно улыбнулся онъ: давноли у этого канальи было еще тысячъ шесть несобранныхъ, а какъ узналъ, что я самъ пріѣду... Да, теперь-то я утру носъ кузьминскому исправнику!.. Держись, куманекъ любезный! Довольно тебѣ въ любимчикахъ состоять, хе—хе!“

— Ахъ, вашескородіе, — сапожокъ изволили разорвать!.. Должно, о подножку зацѣпились!... сокрушенно замѣтилъ старшина.

Но такіе пустяки не могли испортить хорошаго расположенія духа исправника. Онъ только выругался, больше привычки ради, и велѣлъ позвать сапожника, потому что ѣхать дальше въ дырявомъ сапогѣ („да и дыра-то на самомъ виду“!..) было не совсѣмъ удобно.

Послали за Евтишкой, съ строгимъ наказомъ явиться немедленно, захвативъ съ собой все нужное для починки сапога. Евтишка прибѣжалъ запыхавшись и тутъ же, въ канцеляріи волостного правленія, принялся за работу. Исправникъ тѣмъ временемъ пилъ чай съ ромомъ (съ нимъ всегда былъ запасъ этого незамѣнимаго въ дорогѣ напитка) и милостиво шутилъ съ старшиной; тотъ вздрагивалъ всѣмъ корпусомъ и усиленно моргалъ заплывшими жиромъ глазами отъ неизмѣримо сладостнаго удовольствія. Между прочимъ, исправникъ спросилъ, назначены ли отъ волости депутаты для производства выборовъ членовъ-засѣдателей уѣзднаго полицейскаго управленія отъ „поселянъ“.

— Такъ точно-съ!—отвѣчалъ старшина.—По одному человѣку-съ отъ тысячи душъ, какъ въ приказѣ сказано-съ...

— Ну, ладно. Вотъ черезъ двѣ недѣли и выборы будутъ. Хочу, братецъ, Кикина этого отставить,—очень ужъ забываться сталъ!..

Старшина разставилъ руки, вздернулъ плечами и всей фигурой своей выразилъ негодованіе по поводу неблагодарности засѣдателя Кикина.

— Нѣтъ, ты вотъ что себѣ представь!.. Я его послалъ съ денежнымъ пакетомъ на почту, а онъ только къ вечеру вернулся назадъ: ну, я ему говорю, что такъ служить нельзя... А онъ... Какъ ты думаешь, что онъ *мнѣ* сказалъ на это?..

Наступила эффектная пауза. Старшина тщился изобразить на откормленной физіономіи своей нѣчто въ родѣ горестнаго недоумѣнія... У него даже поджилки тряслись: съ нимъ „разговариваетъ“ исправникъ, тотъ самый исправникъ, отъ котораго онъ только и слышалъ бывало: „я тебя“... да „ты у меня“... Если бы въ эту минуту исправникъ приказалъ ему перепороть все село, онъ съ радостью бы выполнилъ приказъ,—не страха ради, а чтобы доказать свое усердіе, выразить чѣмъ-нибудь, что онъ „чувствуетъ“ и „понимаетъ“... А эту шельму Кикина... гм.! Да онъ его, кажется, по одному слову начальства...

Но тутъ скрипнула дверь. Старшина уже стиснулъ-было кулакъ, чтобы однимъ ловкимъ движеніемъ отбросить назадъ дерзновеннаго, осмѣлившагося побезпокоить начальника,—но мгновенно успокоился: это былъ Евтишка, съ сапогомъ въ рукѣ.

Художественное чутье исправника подсказало ему, что сдѣланная имъ пауза длилась достаточно ужо времени, чтобы вызвать должный эффектъ. Отчеканивая каждое слово и знаменательно приподнявъ указательный палецъ правой руки къ небу, онъ самъ отвѣтилъ на свой вопросъ.

— „Я“,—говоритъ,—„засѣдатель, а не разсыльный... Я и вовсе могъ бы не носить пакета: это не моя обязанность“... А?.. Какъ это тебѣ покажется?... Этакая каналья—и объ обязанностяхъ тоже разсуждаетъ!.. Да чтобъ я его потерпѣлъ у себя въ управленіи послѣ этого?... Шалишь! Я вотъ скорѣй этого сапожника себѣ возьму, чѣмъ такого мерзавца!.. Ну-ка, покажи сапогъ!.. Ничего, молодецъ!..

Евтишка осклабился. Старшина всѣмъ корпусомъ нагнулся, чтобъ лучше разглядѣть заплату на драгоцѣнномъ сапогѣ.

— Ничего; молодчага!..—еще разъ повторилъ исправникъ и протянулъ Евтишкѣ необутую ногу; тотъ ловко надѣлъ сапогъ.

— Вотъ его и поставлю въ засѣдатели, да!.. Впрочемъ, ты вѣроятно неграмотенъ, каналья?..

— Умѣемъ-съ нѣсколько,—отвѣтилъ Евтишка.

— Ишь ты!.. А здорово заливаешь?..

И исправникъ выразительно щелкнулъ себя по галстуку.

— Этого онъ—ни Боже мой!.. На удивленье даже!..—поспѣшилъ отвѣтить старшина.

— Странно: сапожникъ и не пьяница! ха-ха!.. А въ засѣдатели хочешь?.. А?..

Евтишка улыбался. Старшина фыркнулъ въ кулакъ.

— Нѣтъ, да ты чего смѣешься?.. Я съ тобой не шутки шучу... Хочешь?

— Гдѣ намъ-съ!.. Не нашего ума дѣло-съ!

— Пятьдесятъ шесть рублей шестьдесятъ одна копейка жалованья въ годъ; ну, тамъ, будешь еще пятачки да гривенники собирать,— только у меня не прижимать: чтобъ жалобъ ни-ни!.. Слышишь?

— Это какъ прикажете-съ!.. Только что мы по этой части ничего не смекаемъ.

— Что прикажу, то и дѣлать будешь,—вотъ тебѣ и вся смекалка!.. Ты какъ думаешь, старшина,—вѣдь, онъ годится въ засѣдатели? Кажется, ничего?...

Старшина топтался на мѣстѣ, ничего не отвѣчая: онъ не успѣлъ еще сообразить, шутитъ ли исправникъ, или правду говоритъ. Евтишка усиленно скоблилъ ногтемъ какое-то сальное пятно на своей поддевкѣ.

— Такъ ты перепиши приговоръ,—какого-нибудь выборнаго замѣни вотъ имъ. А тамъ ужъ я улажу... Ну, будущій засѣдатель, ха-ха! посмотри тамъ, готовы ли лошади?

Евтишка бросился на крыльцо. Онъ не далъ еще своего согласія на принятіе новой должности, но ослушаться прямого приказанія—посмотрѣть лошадей—не посмѣлъ. Такимъ образомъ все сдѣлалось какъ-то само собой: Евтишка не посмѣлъ ничего возразить, а исправникъ счелъ его молчаніе за согласіе и, садясь въ тарантасъ, еще разъ крикнулъ старшинѣ

— Такъ ты приговоръ, того!.. И подати, чтобъ!..

Лошади взяли съ мѣста вскокъ; колокольцы залились нескончаемою трелью, колеса загремѣли по замерзшимъ колеямъ, а Евтишка съ старшиной еще долго смотрѣли вслѣдъ умчавшемуся начальству.

— Ну что, Лукичъ, вотъ и въ начальники попалъ, ха-ха!..—говорилъ старшина, какъ-то сразу вспомнивъ, какъ Евтишкина отца звали по имени.

— Я ужъ и ума не приложу, Провъ Васильичъ, что это только со мной теперь будетъ?... Что-то очень ужъ чудно!

Однако, чудного ничего не вышло, а все сдѣлалось, какъ по маслу. Собрались передъ Рождествомъ въ полицейскомъ управленіи депутаты со всего уѣзда, человѣкъ до пятидесяти; имъ, конечно, указали, кого надо выбрать, и Евтишка, т.-е. Евтихій Лукичъ Подгорѣловъ, былъ избранъ единогласно въ члены отъ крестьянъ—скаго уѣзднаго полицейскаго управленія. Онъ выставилъ депутатамъ ведро водки, принялъ присягу и двѣ недѣли спустя приступилъ къ отправленію своихъ обязанностей, надолго забросивъ шило и дратву.

А обязанности эти были многосторонни.

Уѣздныя полицейскія управленія, также какъ и многія другія россійскія учрежденія, по замыслу ихъ организаціи оставляютъ желать очень немногаго; но на практикѣ они пришли въ такое невозможное состояніе, что среди даже наиболѣе мирныхъ обывателей стали притчей во языцѣхъ. Коллегіальныя учрежденія, въ составъ коихъ входятъ представители отъ дворянскаго и крестьянскаго сословія, выродились, въ дѣйствительности, въ личныя канцеляріи гг. исправниковъ. Сословные представители не играютъ тамъ никакой роли: дворянинъ бываетъ въ управленіи разъ въ мѣсяцъ — расписаться въ книгахъ *), одинъ изъ крестьянъ бываетъ тамъ ежедневно, но не для подачи своего совѣщательнаго голоса, а для топки печей, разноски пакетовъ, пріема почты и т. п.; а другой—состоитъ обыкновенно на дворянскомъ положеніи и является лишь для получки жалованья. Все это произошло отъ чрезмѣрнаго сосредоточенія власти въ рукахъ исправника, предсѣдателя коллегіи, и нынѣ коллегіи эти могутъ служить лишь одной изъ яркихъ иллюстрацій къ тому, что происходитъ во внутренней жизни нашихъ провинцій.

Итакъ, Евтихій Лукичъ приступилъ къ отправленію своихъ обязанностей. Истопивъ утромъ печи, убравъ, съ помощью сторожа, загаженныя до-нельзя комнаты управленія, онъ садился на свое мѣсто, въ уголку присутственной комнаты, за шкафомъ съ „законами“. Тамъ его и заставалъ исправ-

*) Жалованья въ годъ идетъ ему 280 руб. 17 коп.

никъ, передъ которымъ онъ немедленно вытягивался въ струнку.

— Да, Лукичъ!.. Чтожъ, сдалъ ты вчера пакетъ?..

— Такъ точно-съ, Иванъ Иванычъ!

— Вотъ что, братецъ, хотѣлъ я тебѣ сказать: сходи ты...

И тутъ слѣдовало новое распоряженіе „коллегіальнаго“ учрежденія, исполненіе каковаго возлагалось на засѣдателя отъ поселянъ, Евтихія Подгорѣлова.

Лукичъ покряхтывалъ: на 4 р. 71 к. въ мѣсяцъ, получаемые отъ казны въ качествѣ жалованья, жить въ городѣ было мудрено. Положимъ, что на квартиру Лукичъ не тратился, ибо ночевалъ тутъ же, въ присутственной комнатѣ, на столѣ; но ѣсть-пить надо было—и ему, да и семьѣ, оставшейся въ деревнѣ. Мѣсяца три-четыре Лукичъ протянулъ кое-какъ, помаленьку, проѣдая деньжонки, заработанныя тачаньемъ мониторовъ-сапогъ; но, наконецъ, взвылъ и началъ оглядываться: нельзя ли въ какую-нибудь краюшку пирога вцѣпиться зубами, заплѣснѣвшими отъ долгаго лежанья на полкѣ.

Это оказалось нетрудной, но довольно рискованной штукой, ибо приходилось идти въ разрѣзъ съ интересами г. предсѣдателя коллегіи. Съ полгода, однако, удавалось Лукичу незамѣтнымъ образомъ отщипывать себѣ на прокормленіе по крохотному кусочку пирожка, но, наконецъ,—сорвалось!.. Вышла „скучная“ исторія, и онъ долженъ былъ выйти въ отставку, „по разстроенному здоровью“. Угрожало ему даже нѣчто худшее, но... слишкомъ серьезный оборотъ дѣла былъ бы одинаково непріятенъ и другимъ его коллегамъ; поэтому все было улажено домашнимъ образомъ, безъ выноса сора изъ избы.

И вотъ, почти ровно черезъ годъ послѣ того памятнаго дня, когда исправнику понадобилось поставить заплату на сапогъ, Лукичъ опять вернулся на свое родное пепелище. Приходилось вновь браться за шило и дратву,—и Лукичъ взялся за нихъ, кляня свою судьбу. Впрочемъ, онъ скоро утѣшился нѣсколько, ибо заказы потекли къ нему рѣкой, вѣроятно потому, что заказчикамъ было лестно покрикивать на бывшаго „члена“, чуть чуть не „чиновника“. „Членъ“,

—какъ его прозвали въ околоткѣ,—не упустилъ случая: онъ выписалъ себѣ мастера и подмастерье изъ города, взялъ двухъ учениковъ—и повелъ мастерскую на широкую для деревни ногу. Но самолюбіе его все-таки страдало: кличка „членъ“ не давала ему спокойно спать, ибо даже собственная его супруга любила донимать его этимъ прозвищемъ въ минуты семейныхъ неурядицъ (нужно замѣтить, что мать и жена его относились крайне неодобрительно къ бѣгству „сдурѣвшаго Евтишки“ въ городъ изъ родной избы). Чтобы хоть сколько нибудь поддержать свое сильно пошатнувшееся достоинство, Лукичъ сталъ читать божественныя книги, не пропускалъ ни одной церковной службы, становясь всегда на клиросѣ и подпѣвая дьячку, знакомился съ монахами сосѣдняго монастыря, зазывалъ къ себѣ въ гости о. діакона, завелъ переписку съ афонскими схимниками,—словомъ, старался своимъ образомъ жизни засвидѣтельствовать, что онъ не какой-нибудь простой „сапожникъ“, а человѣкъ „съ понятіемъ“.

Такъ мирно протекло нѣсколько лѣтъ. Евтихій Лукичъ работой себя не нудилъ,—за него работали мастера и ученики; кромѣ того, сталъ подростать и старшій сынъ, представлявшій изъ себя ужь вовсе даровую силу. Но тутъ-то и гряну-ла бѣда: въ село Кочетово почти одновременно переселилось еще двое сапожниковъ, изъ коихъ одинъ былъ вполнѣ капитальный человѣкъ,—и сцена сразу измѣнилась: то прежде спросъ превышалъ предложеніе, а теперь предложеніе поглотило весь спросъ и въ дальнѣйшемъ грозило все большимъ и большимъ возрастаніемъ. Новые сапожники отбили значительную часть заказовъ у „члена“, и онъ распустилъ половину своей мастерской. Приходилось опять думать о заработкѣ, о кускѣ насущнаго хлѣба. Онъ и явился въ видѣ жалованья сельскаго писаря нѣсколькихъ обществъ: прежній, державшійся многіе годы на этомъ мѣстѣ, померъ; новаго взять неоткуда было. Евтихій Лукичъ предложилъ свои услуги, поставилъ мірянамъ нѣсколько четвертей водки и сталъ вести податныя книги, получая по 12 к. съ ревизской души въ годъ. Но мастерства своего онъ не бросалъ совсѣмъ: свободнаго времени у него оставалось масса, да и сынъ становился уже хорошимъ помощникомъ.

Первые годы у него было не болѣе трехсотъ ревизскихъ душъ, но ко времени начала разсказа онъ сумѣлъ отбить у своего конкурента, служившаго писаремъ въ группѣ другихъ сельскихъ обществъ, еще двѣ-три деревеньки, такъ что теперь онъ зарабатывалъ на этомъ дѣлѣ уже до 60 р. въ годъ, собирая по 13—16 к. съ души, смотря по тароватости мірянъ и сельскихъ старостъ. Понятно, что между нимъ и его конкурентомъ, Ѳедулычемъ, была глухая вражда: тутъ происходила борьба за существованіе, въ буквальномъ смыслѣ этого слова.

Я прекрасно помню свое первое знакомство съ другимъ сельскимъ писаремъ, Ѳедулычемъ, болѣе извѣстнымъ въ околоткѣ, впрочемъ, подъ кличкой „брюхана“. Это случилось мѣсяца черезъ полтора послѣ моего вступленія на должность волостного писаря.

Только-что выпалъ первый глубокій снѣгъ. Мнѣ нужно было объѣхать нѣсколько деревень, и поэтому я довольно еще раннимъ утромъ отправился въ путь. Лошади лѣниво бѣжали, утопая въ ненаѣзженой дорогѣ; налѣво и направо виднѣлись сплошныя бѣлыя равнины, слившіяся на горизонтѣ съ бѣлесовато-пасмурнымъ зимнимъ небомъ, такъ что трудно было даже опредѣлить, гдѣ кончается земля и гдѣ начинается небо. Ни деревца, ни кусточка на нѣсколько верстъ кругомъ; не на чемъ глазу остановиться, рѣшительно нечѣмъ развлечься во время скучной дороги.

Понятно, что какая-то вдругъ появившаяся на горизонтѣ черная точка привлекла наше вниманіе,—и мое, и ямщика. Проѣхали еще съ версту, поднялись на бугоръ: теперь уже можно было разглядѣть, что заинтересовавшая насъ точка была человѣкомъ, шедшимъ по одному направленію съ нами. Нѣсколько минутъ спустя мы его стали нагонять.

— Хе, да это брюханъ!..—замѣтилъ ямщикъ и на мой вопросъ, кто этотъ брюханъ, добавилъ: „Ѳедулычъ, писарь сельскій. Чай, туда же, на сходку идетъ“.

Заслышавъ звонъ колокольчиковъ, брюханъ остановился и далъ намъ дорогу. Это былъ старикъ лѣтъ шестидесяти на видъ, въ дѣйствительности же ему перевалило уже за семьдесятъ. Тѣлосложенія онъ былъ замѣчательнаго: высокій,

тучный, широкоплечій; лицо красное, словно налитое кровью; сѣдые волосы жидкими прядями окаймляли широкую лысину на головѣ, на которой какъ-то бочкомъ сидѣла маленькая, чуть ли не дѣтская фуражка съ рваным козырькомъ; борода—желтоватая, жесткая, короткая. Изъ-подъ стараго, засаленнаго до невозможности полушубка, украшеннаго прорѣхами въ ладонь величиной, сквозила розовая ситцевая рубаха; на ногахъ были жалкіе остатки валеныхъ сапогъ. Онъ держалъ подъ мышкой лѣвой руки кожаную сумку, на манеръ портфеля, обвязанную бечевой, а въ правой—длинную палку. Отъ всей его фигуры шелъ – въ буквальномъ смыслѣ слова— паръ, явственно замѣтный при легкомъ морозѣ, бывшемъ въ это утро.

Я сказалъ остановить лошадей и, отрекомендовавшись Ѳедулычу, спросилъ его, куда онъ идетъ. Оказалось, что онъ направляется въ ту же деревню, куда ѣхалъ и я; тамъ имѣетъ быть сходка,—объяснилъ онъ,—и этимъ случаемъ староста хотѣлъ воспользоваться для сбора податей.

— Садитесь къ намъ, мы васъ подвеземъ,—предложилъ я.

— Ну, вотъ!.. гладокъ: дойдетъ и самъ!.. Чего лошадей дарма морить?.. Дорога тяжелая... протестовалъ ямщикъ.

Ѳедулычъ, помахивая дубинкой, добродушно замѣтилъ на это:

— И то правда: дорога—страсть тяжелая. Поѣзжайте, а я далеко не отстану отъ васъ.

Ямщикъ уже тронулъ-было лошадей, но я воспротивился этому.

— Да вѣдь если лошадямъ тяжело, то и вамъ нелегко! Смотрите, вы чуть не по колѣно въ снѣгу утопаете. Садитесь.

Наконецъ, уступая моимъ настойчивымъ предложеніямъ и виновато поглядывая на нелюбезнаго ямщика, Ѳедулычъ сѣлъ, но не какъ слѣдуетъ—на сидѣнье (сани были очень просторны), а бочкомъ, на грядку, свѣсивъ ноги на дорогу.

— Ну, ты, гусь лапчатый, садись какъ слѣдуетъ, а то сани опрокинешь еще. Въ тебѣ, вѣдь, что въ быкѣ-годовикѣ, пудовъ десять навѣрняка будетъ... — говорилъ обиженнымъ тономъ ямщикъ.

— И ругатель же ты, братецъ мой!.. Хуже француза, вѣрно слово!—отвѣчалъ остротой на остроту Ѳедулычъ, усаживаясь поудобнѣе и распахивая полушубокъ.

— Вы простудитесь,—замѣтилъ я.

— Онъ-то?—вмѣшался ямщикъ: его хоть въ прорубь окуни, все ни по чемъ!.. Ишь, отъ него пышетъ, словно отъ битюга здороваго. Брюханъ, одно слово—брюханъ, какъ есть!..

Видимо было, что ямщику хотѣлось побольнѣе уколоть непрошеннаго сѣдока; но этотъ послѣдній молча улыбался и, снявъ фуражку, утиралъ какой-то тряпицей крупныя капли пота съ лысины. Я, конечно, постарался съ нимъ разговориться... Впослѣдствіи онъ нерѣдко пивалъ у меня чай, когда заходилъ въ волость по дѣламъ, и я узналъ его біографію довольно подробнымъ образомъ изъ собственныхъ его разсказовъ; мнѣ однажды случилось даже навѣстить его въ занимаемой имъ „квартирѣ“; словомъ, я его узналъ довольно коротко.

Онъ былъ какимъ-то гжатскимъ или ржевскимъ мѣщаниномъ, не помню въ точности. Еще въ ранней молодости судьба забросила его, круглаго сироту, къ какому-то калужскому лѣсоторговцу въ мальчики; потомъ онъ перешелъ къ орловскому хлѣботорговцу; далѣе очутился въ приказчикахъ у воронежскаго скотопромышленника; наконецъ, сталъ управлять небольшимъ имѣніемъ. Женился онъ поздно, когда крѣпко устроился, уже на четвертомъ десяткѣ, но черезъ нѣсколько лѣтъ, въ недѣлю похоронилъ четырехъ дѣтей и жену, умершихъ отъ холеры. Запилъ, промотался, былъ согнанъ хозяиномъ съ мѣста, поступилъ въ конторщики, попался въ растратѣ хозяйскихъ денегъ, служилъ помощникомъ волостного писаря, постоянно пилъ и, наконецъ, вотъ уже лѣтъ пятнадцать состоитъ сельскимъ писаремъ въ Кочетовской волости, не переставая „душить водку“ и удивляя всѣхъ своей живучестью.

Его нерѣдко спрашивали подвыпившіе въ кабакѣ шутники:

— Ѳедулычъ! И когда это ты умрешь, скажи на милость?

— А какъ Господь-Батюшка велитъ, я и готовъ буду. Хоть сейчасъ.

— Да вѣдь тебя смерть тверезымъ не застанетъ?..

— Такъ чтожъ!.. Зачѣмъ мнѣ Господа-Батюшку обманывать: всю жизнь пьянымъ былъ, а на тотъ свѣтъ трезвымъ вдругъ явлюсь... Это не модель! Нѣтъ, ужъ въ какомъ видѣ жилъ, въ такомъ и представлюсь. Весь тутъ, скажу...

Мужики грохотали и подносили ему стаканчикъ. Онъ пилъ закусывая богатырской понюшкой изъ самодѣльной тавлинки.

Обѣдалъ онъ очень рѣдко,—только когда угостятъ; но за то, разъ усѣвшись къ столу, могъ привести въ отчаяніе самыхъ радушныхъ хозяевъ количествомъ истребленной пищи: съѣсть полную плошку студня, выхлебать чашку щей и закусить бараньей ногой—ему ничего не стоило. Онъ могъ жевать часа два подъ-рядъ. Когда челюсти ужъ окончательно уставали дѣйствовать, онъ грузно вылѣзалъ изъ-за стола и добродушно похлопывалъ себя по животу, приговаривая:

— Ну ловко же набилъ я чрево себѣ: кованая лошадь на немъ теперь не устоитъ!.. Гололедь,— одно слово!.. Спасибо, хозяюшка, за хлѣбъ-за соль!..

Дома у себя онъ не держалъ никакой провизіи, а ѣлъ, гдѣ придется,—гдѣ накормятъ; иной разъ не ѣдалъ по суткамъ и болѣе... Жилъ онъ въ ветхой, пятиаршинной избенкѣ, заброшенной хозяиномъ ея, тоже бобылемъ, ушедшимъ на чугунку въ сторожа. Это жилище предствляло собою столь малую цѣнность, что покупателей на него почти не находилось: давали два—три рубля, на сломъ, такъ что хозяинъ счелъ за болѣе выгодное пустить Ѳедулыча на квартиру за плату 1 р. 20 к. въ годъ, „гривенникъ въ мѣсяцъ“, нежели продавать свое недвижимое по такой дешевой цѣнѣ. Оконце въ избѣ было только одно,—не болѣе четверти аршина въ квадратѣ; печь полуразвалилась; полъ былъ земляной; крыша вся прогнила и грозила ежеминутно рухнуть. Но Ѳедулычъ не боялся катастрофы: „Божья воля!“ говорилъ онъ. „Ежели мнѣ написано на роду быть задавленнымъ,—берегись, не берегись, все ужъ когда нибудь да задавитъ. А ежели Богъ милостивъ, такъ она, крыша-то, найдетъ свое время, когда упасть безъ грѣха: я, вѣдь, случается, по трое и больше сутокъ дома не ночую“...

Имущества у него буквально не было никакого, кромѣ донельзя рваной полости (большого войлока), служившей ему тюфякомъ, и омерзительной, по своему засаленному виду, подушки, набитой какой-то трухой. „Все его— было на немъ“. Рубаху онъ имѣлъ одну; когда она слишкомъ сильно грязнилась,—что̀ случалось, по мнѣнію Ѳедулыча, не чаще четы-

рехъ разъ въ годъ,—онъ отправлялся къ одной вдовѣ, жившей подаяніемъ, скидавалъ съ себя всю одежду, требующую ремонта и стирки, и залѣзалъ—въ чемъ мать родила—на печь; старуха же, между тѣмъ, стирала и чинила его доспѣхи, за что получала пятакъ деньгами и право на участіе въ распитіи косушки водки. Когда же рубашка отказывалась служить вовсе, онъ покупалъ себѣ новую; это случалось въ годъ разъ, не болѣе того.

Такъ жилъ уже не одинъ десятокъ лѣтъ этотъ жалкій старикъ, одинокій, никѣмъ не пригрѣтый, утерявшій даже христіанское имя свое,—потому что его знали только подъ именемъ „Брюхана“, да еще развѣ „Ѳедулыча“. Когда онъ умретъ, его принуждены будтъ похоронить на общественный счетъ; ни одна слезинка не прольется надъ его могилой, ни одна живая душа не помянетъ его въ своихъ молитвахъ: да и какъ помянуть, когда даже самое имя этого раба Божія извѣстно одному только Господу Богу?..

Я какъ-то спросилъ его, шутя:

— А что, Ѳедулычъ, вѣдь вы, должно быть, безпаспортный?.. Смотрите, доберется до васъ становой!.. Теперь, вѣдь, вонъ какія строгости пошли...

— Ну что-жъ, не велика для него будетъ заслуга семидесятилѣтняго пропойцу изловить. Мнѣ хуже нигдѣ не будетъ: дѣлай, что хошь, со мной. А насчетъ паспорта,—это вы нѣсколько правду сказали: годовъ ужъ двадцать я безъ всякаго вида живу. За мной недоимокъ-то накопилось, небось, гора, а можетъ быть, и изъ книги живота вычеркнули.

Про его способность по части истребленія спиртныхъ напитковъ я уже упоминалъ выше. Но слѣдуетъ добавить на эту тему еще нѣсколько словъ. Видѣлъ я много пьяницъ на своемъ вѣку, и пьяницъ замѣчательныхъ: Ѳедулычъ, однако, всѣхъ ихъ заткнулъ бы за поясъ, если бы дѣло дошло до состязанія. Къ водкѣ онъ относился какъ-то презрительно-небрежно. Пробовалъ я ему давать рюмками; нерѣдко, во время его посѣщеній, подносилъ ему и чайными чашками; однажды, когда онъ пришелъ ко мнѣ поздравить съ днемъ ангела, я далъ ему два чайныхъ стакана, — онъ одинаково равнодушно глоталъ и рюмки, и чашки, и стаканы. Именно

равнодушно, — я лучшаго слова не подберу. Другіе пьяницы дрожатъ надъ водкой, сосутъ ее съ жадностью, чисто животной; Ѳедулычъ относился къ ней какъ къ близкому, давно испытанному другу; не томился въ ожиданіи его, но никогда и не отказывался отъ встрѣчи съ нимъ. Разсказываютъ, что разъ, на монастырской ярмаркѣ въ день Успенія, одна компанія „бла-ародныхъ людей“ вздумала его во что бы то ни стало напоить пьянымъ, но напрасно только потратила на эту затѣю нѣсколько рублей: Ѳедулычъ выпилъ неимовѣрное количество стакановъ (говорятъ, до 30-ти шкаликовъ, т.-е. 0,3 ведра или 6 бутылокъ,—но этому почти невозможно повѣрить) и пьянъ не былъ, хотя покраснѣлъ, какъ піонъ. Его бросили наливать только потому, что боялись уголовщины,— мертваго тѣла...

Посмотримъ, однако, на Ѳедулыча въ его сферѣ.

Уже при въѣздѣ въ деревню было видно, въ какой избѣ предполагается сборъ „стариковъ“: кучка ихъ толпилась на улицѣ, нѣкоторые сидѣли на завалинкѣ, другіе—на крылечкѣ. Меня почти никто не зналъ въ этомъ селеніи, кромѣ развѣ старосты: встрѣча вышла поэтому молчаливо-сдержанная Только относительно Ѳедулыча раздались два-три добродушно-насмѣшливыхъ замѣчанія:

— Глянь ка, братцы: Брюханъ нашъ съ колокольчикомъ сталъ разъѣзжать!..

— Ахъ, онъ, старый шутъ!..—и т. п.

Дѣло, по которому я пріѣхалъ, было немногосложное: въ какіе-нибудь полчаса я окончилъ его. Все это время Ѳедулычъ сидѣлъ въ отдаленьи у печки. Одного изъ домохозяевъ, котораго мнѣ надо было повидать, на сходкѣ не оказалось: онъ ушелъ по экстренному дѣлу въ сосѣднее село, но долженъ былъ съ минуты на минуту вернуться. Въ ожиданіи его, я вышелъ изъ-за стола, на которомъ писалъ, и предложилъ Ѳедулычу заняться сборомъ податей: мнѣ хотѣлось посмотрѣть, какъ онъ управляется съ податными книгами. Староста началъ отнѣкиваться, увѣряя, что народъ подождетъ, что „неловко, молъ, будетъ, какъ при васъ галдѣть начнутъ“, и т. д. Но я упросилъ его начать.

Ѳедулычъ усѣлся въ красный уголъ, вынулъ изъ деревян-

наго бурачка большіе очки въ оловянной оправѣ, осѣдлалъ ими носъ и раскрылъ податную книгу. Мужики стали подходить, кладя на столъ—кто трешницу, кто пятерку. Ѳедулычъ записывалъ внесенную сумму два раза: у себя въ книгѣ и въ податной тетрадкѣ, долженствующей быть у каждаго домохозяина на рукахъ. Писалъ онъ стариннымъ крупнымъ почеркомъ, каждую букву отдѣльно, безъ соединительныхъ черточекъ.

— Съ меня сколько, Ѳедулычъ?

— Съ тебя?.. За двѣ души—по 7 р. 63 к.—(онъ медленно и обстоятельно клалъ на маленькихъ, чуть живыхъ счетахъ, которые носилъ всегда въ своемъ „портфелѣ“),—да за полъ-души... Да ты еще за Андрюхину, рендованную, платишь? У него солдатская—4 р. 8 к... Всего слѣдуетъ... Внесъ ты о Покровѣ 15 р.? Ну, 8 р. 15½ к. доплатишь,—тогда чистъ будешь.

— Что то, ку-быть, многонько?—говоритъ мужикъ.

— Многонько кажется,—проси начальство, чтобы сбавило.

— Тутъ и волостные?

— И волостные.

— А твои?

— И мои тутъ.

— Много-ль себѣ кладешь?

— Самъ знаешь... Сколько разъ еще спрашивать будешь?.. По 15 к. съ души,

— Никакъ допрежь по 13-ти платили?.. Это что за новость?..

— Да вѣдь ты жъ, чортъ этакій, самъ водку съ меня пилъ? Вѣдь чуть ли не первый за стаканомъ полѣзъ?.. Вѣдь за прибавку поднесъ я вамъ осьмуху, окромя годовой четверти, а?.. Забылъ?..

— Брось, Иванъ!.. Онъ правильно говоритъ!.. Что пустое болтать!.. вступаются за Ѳедулыча изъ толпы.

— Ну что-жъ,—правильно, такъ правильно!.. Запамятовалъ значитъ. Только я гляжу, что много ку-бытъ... Ошибка съ кѣмъ не случается.

— Будетъ разговаривать-то! Клади деньги.

Тутъ вступается и староста, дотолѣ политично молчавшій:

— Не держи міръ, Иванъ Петровичъ! Ишь народу сколько стоитъ за тобой. Ѳедулычъ—онъ не ошибется: ему по книгамъ все видно.

Иванъ Петровъ кладетъ на столъ передъ сидящимъ тутъ же сборщикомъ податей восемь рублей съ двугривеннымъ и проситъ четыре съ половиной копейки сдачи. Но тотъ, въ отвѣтъ, требуетъ съ него еще приплаты шести копеекъ за поѣздку въ городъ. Послѣ новыхъ препирательствъ, въ результатѣ коихъ оказывается, что сборщикъ дѣйствительно уполномоченъ обществомъ собирать 3 к. съ души за поѣздки въ городъ на своей лошади. Иванъ Петровъ, сконфуженный и обиженный, наконецъ, уступаетъ свое мѣсто слѣдующему плательщику.

Я, между тѣмъ, высчитывалъ про себя доходы Ѳедулыча. Всѣхъ ревизскихъ душъ въ тѣхъ двѣнадцати селеніяхъ, въ коихъ онъ состоитъ писаремъ, насчитывается до шестисотъ; въ иныхъ обществахъ онъ получаетъ по 12-ти, въ другихъ—по 13-ти и т. д., до 16 коп. включительно, съ души: въ среднемъ—можно положить 14 коп. Итого *валовой* его доходъ равняется 85 руб. въ годъ. Но отсюда слѣдуетъ исключить расходы на водку, ибо вошло въ обычай, что ежегодно, при наемкѣ писаря, этотъ послѣдній „выставляетъ“ обществу, смотря по его величинѣ, четверть, осьмуху или, наконецъ, полуштофъ водки. Въ общемъ выйдетъ на угощеніе стариковъ не менѣе 10—12 рублей. Итакъ, весь *чистый* доходъ Ѳедулыча не превышаетъ 70-ти съ небольшимъ рублей въ годъ. Понятно, что на такое жалованье можетъ существовать лишь Ѳедулычъ, или, подобный ему, нетребовательный человѣкъ, не имѣющій прихотей, въ родѣ ежедневаыхъ обѣдовъ, крѣпкихъ сапогъ, нѣсколькихъ смѣнъ рубахъ, и т. п.; о семьѣ же (тоже прихоть своего рода для бѣдняка), конечно, ему и помышлять нечего. Чтобы яснѣе представить себѣ всю мизерность этого жалованья, вспомнимъ, что батраку, чернорабочему, платится не менѣе 50—60 руб. въ годъ на хозяйскихъ харчахъ и при готовой квартирѣ; работнику съ спеціальными знаніями,—напримѣръ, кучеру,—платится уже не менѣе 120 руб. въ годъ; садовникъ, деревенскій поваръ или лакей—получаютъ по 200 и болѣе руб. въ годъ, конечно,—также на всемъ готовомъ.

А сельскій писарь—на всемъ своемъ—получаетъ иногда только 60—70 рублей въ годъ, а то и меньше.

На какія же средства существуютъ, въ такомъ случаѣ, сельскіе писаря? Вотъ вопросъ, который придетъ въ голову, вѣроятно, многимъ изъ читающихъ эти строки. Попробую отвѣтить на него, насколько мнѣ дозволяетъ мое личное знакомство съ деревней, ибо какихъ-нибудь точныхъ объ этомъ предметѣ данныхъ въ литературѣ, насколько мнѣ извѣстно, нѣтъ. Вышелъ было, въ недавнемъ времени *), трудъ центральнаго статистическаго комитета о мірскихъ расходахъ въ Европейской Россіи; въ эти послѣдніе, само собой разумѣется, включенъ и расходъ на жалованье должностнымъ лицамъ деревни, между прочимъ и сельскимъ писарямъ; но данныя, касающіяся стоимости деревенскаго самоуправленія, не даютъ возможности выдѣлить жалованье, получаемое сельскими писарями, отъ прочихъ статей расхода, а между тѣмъ размѣръ этого жалованья, по различнымъ мѣстностямъ, представилъ бы, вѣроятно, любопытныя колебанія. Кромѣ того, нѣтъ никакихъ свѣдѣній о личномъ составѣ должностныхъ лицъ и о размѣрѣ ихъ вознагражденія,—такъ что нельзя получить никакихъ указаній относительно того, гдѣ, кто и какое жалованье получаетъ и отъ какихъ причинъ зависитъ размѣръ этого послѣдняго. А вопросъ этотъ, вообще, далеко не маловаженъ: какъ удовлетворяютъ сельскія общества свои потребности въ грамотномъ лицѣ, которое вело бы письменную отчетность по селенію?

При обыкновенныхъ условіяхъ, сельскій писарь, какъ самостоятельное лицо, существовать почти-что не можетъ: слишкомъ ужъ ничтожно получаемое имъ вознагражденіе. Только крупныя сельскія общества, состоящія, напр., изъ тысячи и болѣе ревизскихъ душъ, могутъ себѣ дозволить роскошь—имѣть своего *собственнаго* писаря, всегда готоваго къ услугамъ обществу, ничѣмъ постороннимъ не занятаго, умѣло разбирающагося въ сотняхъ податныхъ книжекъ, и съ которымъ сборщикъ можетъ себя чувствовать спокойно. Мнѣ доводилось, хотя и рѣдко, видѣть такихъ писарей; интереснаго они

---

*) Писано весною 1887 года.

изъ себя представляютъ мало для тѣхъ, кто знакомъ съ составомъ *волостныхъ* писарей: это они же, только въ миніатюрѣ. Получаютъ они жалованье (обыкновенно съ души по столькуто) въ годъ 150—200 р. и даже болѣе, смотря по размѣру общества, а главное—по умѣнію ихъ ладить съ Парѳенамиміроѣдами и во-время выставлять сходу, назначающему жалованье, по два-три ведра водки. Таковъ второй типъ сельскихъ писарей, если за первый считать бѣдствующую братію, пролетаріевъ въ полномъ смыслѣ этого слова, разнаго рода неудачниковъ-Ѳедулычей.

Третій типъ—самый распространенный. Это лица, для коихъ писарской заработокъ служитъ лишь подспорьемъ ихъ коренному промыслу,—будь то земледѣліе, или какое-нибудь ремесло, или, наконецъ, торговля. Занятія сельскаго писаря сосредоточиваются, главнымъ образомъ, на осень, когда происходитъ сборъ податей; въ прочее время года его только изрѣдка тревожатъ, а въ лѣтнее время, когда ни сходокъ не бываетъ, ни сбора не происходитъ, онъ и вовсе свободенъ. Поэтому, занятіе „писарской частью“ очень сподручно даже крестьянину-земледѣльцу: въ самое горячее для полевыхъ работъ время—онъ свободенъ отъ письменныхъ занятій, и наоборотъ. Такихъ писарей, каковъ, напр., Евтихій Лукичъ, сапожникъ, можно встрѣтить очень часто; случалось мнѣ видѣть и торговца-лавочника въ этой должности; видѣлъ и дьячка, негнушающагося писарскимъ копеечнымъ заработкомъ, и особенно много видѣлъ отставныхъ и запасныхъ солдатъ, разныхъ „каптернармусовъ“ и „питьфебелей“, прилагающихъ свою солдатскую грамоту къ дѣлу. Къ сожалѣнію, писаря изъ среды самаго сельскаго общества, т.-е. солдаты и другіе случайные грамотѣи, рѣдко удовлетворяютъ самымъ скромнымъ требованіямъ, которыя могутъ быть предъявляемы сельскимъ писарямъ: они настолько плохо владѣютъ перомъ и счетами, что прн всей своей добросовѣстности нерѣдко попадаютъ въ просакъ и причиняютъ большія непріятности, а иногда и матеріальный ущербъ сборщикамъ податей и старостамъ.

Дѣйствительно, можно навѣрняка сказать, что нѣкоторая часть столь многочисленныхъ денежныхъ растратъ крестьян-

скихъ должностныхъ лицъ произошла, на самомъ дѣлѣ, исключительно по винѣ, — вольной или невольной, — сельскихъ писарей. Если волостной старшина, человѣкъ, обыкновенно, болѣе или менѣе бывалый, все-таки въ значительной степени находится въ зависимости отъ волостного писаря, разъ онъ не владѣетъ въ достаточной степени грамотой, то что же сказать о старостахъ и сборщикахъ податей, о людяхъ совершенно темныхъ и до поступленія своего на должность ничего не понимавшихъ относительно „оброчной подати“, „земскаго сбора“, „лѣсного налога“, „поземельнаго налога“, „страховыхъ платежей“, и считавшихъ—какъ и всѣ прочіе крестьяне—всѣ эти виды платежей за одну „казенную подать“, которой „сходитъ“ по столько-то рублей съ души? Они бродятъ совершенно какъ бы въ темномъ лѣсу среди этихъ непонятныхъ для нихъ терминовъ, и ловкому, или же незнающему писарю не трудно бываетъ запутать ихъ денежную отчетность и навлечь на нихъ фиктивное обвиненіе въ растратѣ общественныхъ и иныхъ суммъ. Нечего и говорить, какъ легко можетъ просчитаться плохой счетчикъ-писарь въ сотняхъ рублей, которыя поступаютъ старостѣ или сборщику на руки: забылъ записать въ расходъ, вдвойнѣ—въ разное время и въ разныхъ мѣстахъ—записалъ на приходъ,—разбирайся тамъ, какъ знаешь!.. Мнѣ приходилось видѣть такія „денежныя записи“ въ книгахъ, которыя велись писарями изъ унтеръ-офицеровъ, что при учетахъ даже сами авторы не могли разъяснить ихъ порядкомъ. Понятно, поэтому, насколько затруднителенъ бываетъ какой бы то ни было учетъ сельскихъ должностныхъ лицъ, и почему при новой повѣркѣ получается иногда и новая цифра растраты и недобора. Кто изъ лицъ, знающій крестьянскій бытъ, не слыхалъ о такого рода случаяхъ: производили учетъ въ первый разъ,—оказалось растраты 41 р. 53 к.; производили во второй разъ,—оказалось излишне перерасходованныхъ (т.-е. „внесъ изъ своихъ“) 3 р. 29 к.; позвали новыхъ учетчиковъ—оказалось вновь растрата въ 23 руб. 47½ к. И нужно замѣтить, что всѣ три группы учетчиковъ хотѣли „по-божески“ произвести учетъ, но каждая изъ группъ понимала загадочныя записи прихода и расхода по своему. Я не говорю уже о томъ, что

огромное количество сельскихъ-писарей изъ доморощенныхъ грамотеевъ не можетъ сколько нибудь толково написать мірского приговора: нѣтъ,—но даже составленіе коротенькой записочки перевышаетъ ихъ разумѣніе. Сошлюсь на примѣръ, благо онъ свѣжъ.

Я получилъ отъ одного сельскаго писаря, *старшаго* унтеръ-офицера, письмо, въ которомъ онъ проситъ выслать ему руководство для сельскихъ писарей. Эта просьба служитъ лучшимъ доказательствомъ тому, что мой корреспондентъ стоитъ головой выше своихъ товарищей по ремеслу, что онъ ищетъ знанія, сознаетъ свое невѣжество, и проч.; словомъ, это довольно симпатичный еще типъ. Но посмотрите, какъ онъ пишетъ: (сохраняю орѳографію подлинника):

„Топерича я прошу вашего высокоблагородія пришлите мнѣ письмо и выпишите мне писорскую книжку разныя формы на разныя чины нопримеръ о выборѣ титора... а вписме положте форму обучети (*объ учетѣ*) еще добавте изъ законовъ волосного дѣйствія“, и т. д.

Такому грамотѣю не трудно сдѣлать запись въ книгѣ старосты, вродѣ слѣдующей: „27 м. (марта или мая?) у старосты оказалось внесенъ платежъ выкупной 37 р. 54 к. и осталось; а всего 14 р. 15 к.“. Вспомнитъ ли авторъ этой записи черезъ годъ, когда будутъ учитывать старосту, что должно обозначать выраженіе „у старосты внесенъ платежъ“: старостой ли внесенъ (въ казначейство), или старостѣ внесли? и т. д. А въ результатѣ—такая путаница въ денежныхъ счетахъ, что староста легко можетъ поплатиться ни за что, ни про что, своимъ карманомъ, или даже попасть на скамью подсудимыхъ.

Но приходилось также слышать нерѣдко и о мошенническихъ продѣлкахъ сельскихъ писарей, умѣвшихъ извлекать личныя для себя выгоды изъ неграмотности сборщиковъ податей. Однѣ изъ продѣлокъ этихъ состоятъ въ слѣдующемъ. Писарь входитъ съ кумомъ или сватомъ своимъ въ сдѣлку, въ результатѣ коей оказывается, что кумъ внесъ будто бы сборщику 13 р. 65 к., какъ значится въ записяхъ, тогда какъ этимъ послѣднимъ, въ дѣйствительности, принято было только 3 р. 65 к.,—утаенная же „десятка“ дружелюбно подѣлена между кумовьями. Въ концѣ концовъ, при сводкѣ

счетовъ, у сборщикъ оказывается недохватка десяти рублей. Онъ ахаетъ и охаетъ, а писарь сидитъ въ сторонѣ—и правъ, потому что денегъ онъ не касается: его дѣло—перо... Конечно, подозрѣніе падаетъ на самого сборщика.

Вотъ почему вновь избранный сборщикъ или староста объявляетъ нерѣдко міру: „я съ такимъ-то писаремъ ходить не желаю“. Это значитъ, что довѣрія къ писарю у новоизбраннаго нѣтъ, и общество обыкновенно дѣлаетъ ему „уваженіе“, нанимая новаго писаря по его рекомендаціи.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ сельскихъ писарей совсѣмъ нѣтъ: функціи ихъ отправляются или старостами, если они грамотны и если на нихъ же лежитъ обязанность сбора податей, или волостнымъ писаремъ съ его помощниками, которыхъ бываетъ по этому самому нѣсколько большее число, нежели было при наличности сельскихъ писарей. При этой послѣдней комбинаціи, сборщики бываютъ, конечно, гарантированы отъ *случайныхъ* прочетовъ.

Грамотныхъ старостъ довольно много въ мѣстностяхъ, гдѣ грамотность вообще достаточно распространена, какъ напр. въ Московской губ. Поэтому, здѣсь можно найти цѣлыя группы сельскихъ обществъ, даже, пожалуй, цѣлыя волости, въ коихъ совсѣмъ нѣтъ сельскихъ писарей: старосты сами принимаютъ и сами записываютъ подати на приходъ. Но тутъ же рядомъ можно встрѣтить и чрезвычайно любопытное явленіе: женщинъ въ должности писарей. Дѣло въ томъ, что отхожіе заработки сильно развиты во многихъ уѣздахъ этой губерніи. Изъ нѣкоторыхъ деревень, напр., Можайскаго уѣзда, буквально все рабочее населеніе мужского пола уходитъ осенью въ Москву на шесть-десять мѣсяцевъ въ году, возвращаясь домой лишь къ Пасхѣ или даже только къ Петрову дню. Въ старосты такихъ селеній выбирается обыкновенно дряхлый старичокъ, къ работѣ уже неспособный и принужденный, поэтому, сидѣть дома на печи. Съ грѣхомъ пополамъ собираетъ онъ подати и является, съ медалью на груди, въ волость за приказами; но вести книгъ онъ не можетъ, такъ какъ въ его время школа была еще неизвѣстна даже и въ подмосковной области. И вотъ на сцену является женщина-писарь, точно также, какъ явилась и въ этихъ мѣстахъ,—за

отсутствіемъ мужской рабочей силы, женщина-пахарь и женщина-косецъ. Мнѣ разсказывалъ одинъ крестьянинъ Можайскаго уѣзда слѣдующее:

— Домна у насъ шесть лѣтъ, какъ книги ведетъ. Жалованье ей за это положено пять цѣлковыхъ въ годъ, потому— общество маленькое и дѣла ей немного. Баба она какъ слѣдуетъ быть: мужъ есть,—на фабрикѣ живетъ, ребятъ человѣкъ до пяти; ну, и пашетъ, и коситъ,—все, какъ требуется у насъ, справляетъ. Пріѣхалъ это разъ становой, въ позапрошломъ году: подати стали. Разыскалъ старосту: созывай, говоритъ, сходъ. Тотъ, извѣстно, бабъ и созвалъ. „Гдѣ-жъ мужики?“ — спрашиваетъ становой. „Да во всемъ селѣ никого нѣтъ“,—говоритъ ему староста.—„А книги у кого податныя? За кѣмъ недоимка стоитъ?..“ Тутъ Домна выходитъ изъ толпы, залѣзаетъ за столъ подъ образа, раскрываетъ книги и давай класть на счетахъ. Становой смотрѣлъ, смотрѣлъ, да какъ фыркнетъ... „Ну, говоритъ, да у васъ тутъ чисто бабье царство!“

Еще слышалъ я, что въ Богородскомъ уѣздѣ дѣвочка лѣтъ четырнадцати, дочь неграмотнаго старосты, служитъ обществу за писаря, и очень исправно. Это говорило мнѣ лицо, которое имѣло случай познакомиться съ податными книгами въ этомъ селеніи.

Постепенно, по мѣрѣ развитія грамотности въ народѣ, должность сельскихъ писарей начнетъ уничтожаться самасобою: грамотные старосты будутъ лично вести приходорасходныя книги и писать приговоры,—дѣло это, вѣдь, не мудрое и всякому кончившему курсъ въ сельской школѣ подъ силу. Тогда отойдутъ въ область давно прошедшаго типы нынѣшнихъ сельскихъ министровъ, вродѣ Ѳедулыча и Евтихія Лукича съ братіей. Скорѣе бы только!...

Надо, однако, закончить повѣствованіе о борьбѣ Евтихія Лукича съ Ѳеодулычемъ изъ-за зарѣченскаго сельскаго общества, дающаго дохода писарю до одиннадцати рублей въ годъ: кусокъ, какъ видите, лакомый.

Среди зарѣченской публики образовались двѣ враждебныя группы, лишь только зашла на сходкѣ рѣчь о наймѣ писаря. Во главѣ первой стоялъ сборщикъ податей, мужикъ, по

обыкновенію, неграмотный. Онъ желалъ „ходить“ съ Ѳедулычемъ, какъ съ человѣкомъ испытаннымъ, при которомъ съ десятокъ сборщиковъ отслужило свой срокъ и ни одинъ съ нимъ не „запутлялся“. Но вновь избранный староста, типъ деревенскаго выжиги-формалиста, твердо стоялъ за перемѣну писаря, т.-е. за отставку Ѳедулыча и за наемъ, на мѣсто его, Евтихія Лукича. Свои резоны онъ излагалъ такъ, во время перебранки съ сборщикомъ:

— Ѳедулычъ ужъ старъ, еле ноги таскаетъ. Опять--запивать любитъ. Его не скоро и найдешь, коли вдругъ экстра какая случится: гдѣ его искать будешь по пятнадцати поселкамъ?.. А нонѣ въ волости порядки какіе пошли,—страсть! Что-жъ, мнѣ въ отвѣтѣ за него быть, что ли?.. Приказъ дадутъ опись тамъ составить, али еще что,—а у меня по мѣсяцу будетъ дѣло стоять? Это развѣ порядокъ?..

— А порядокъ старика теперь обездолить?.. Сколько лѣтъ ходилъ, все ничего, а вдругъ—негожъ сталъ?.. — возражалъ сборщикъ.

— Это что и говорить!.. Это правильно!.. поддакивали его сторонники.

— По крайности, Лукичъ намъ порядокъ заведетъ... Я вѣдь о чемъ и говорю, какъ не о порядкѣ?..

— А головки-то Лукичъ тебѣ къ сапогамъ сдѣлалъ?.. Не за энто ли ты руку его и тянешь?..

— Какъ?.. Головки?.. Да ты какъ смѣешь мнѣ говорить?.. Самъ съ Брюханомъ третій день въ кабакѣ сидишь, а мнѣ головками въ зубы тычешь?..

И пошла писать деревня! Такая каша заварилась, что Боже мой!.. Прочіе миряне относились спервоначала довольно равнодушно къ вопросу,—кто будетъ писаремъ у нихъ, но лишь только дѣло дошло до головокъ и до кабака,—почти всѣ вступили въ споръ. Кто кричалъ о головкахъ, кто—о полуштофахъ, поднесенныхъ Брюханомъ своимъ сторонникамъ, потомъ явился на сцену мірской осминникъ, а тамъ о пожарномъ сараѣ загалдѣли,—и пошло!.. Оба претендента были тутъ же, на сходкѣ, и злобно посматривали другъ на друга. Нѣсколько разъ они пытались что-то говорить, но, не обладая могучими легкими,—одинъ за старостью, другой

—благодаря сидячей жизни надъ сапогами,—не были услышаны задѣтыми за живое мірянами. Наконецъ, перебранка какъ-то сразу замолкла: предметъ разговора былъ достаточно исчерпанъ, и всѣ поняли, что рѣшительно не изъ чего ругаться.

— А провались они оба, писаря эти! резюмировалъ все сказанное одинъ изъ наиболѣе рьяныхъ спорщиковъ.

— Почтенные, дайте слово сказать?... взмолился Ѳедулычъ.

— Ну что-жъ, говори! Послухаемъ!

— Староста вотъ докладываетъ вамъ, что я не гожъ, что меня на живодерню пора отправить... Ну, ладно, отправляйте! А все-жъ таки, спросите вы въ волости сначала, какъ писарь съ старшиной скажутъ: могу ли я должность свою выполнять, какъ слѣдуетъ, или ужъ мнѣ на покой пора? Какъ скажутъ, такъ тому и быть. Потому господину старостѣ нечего тогда безпокойство имѣть, что въ волости на него за писаря серчать будутъ. А онъ, какъ неграмотный самъ, указомъ вамъ быть не можетъ!.. Что онъ въ книгахъ понимаетъ,—хорошо ли, дурно ли я ихъ веду? Ничего не понимаетъ, какъ есть ничего!.. Правильно я говорю?..

— Правильно, правильно! Вотъ это чудесно!.. заговорили всѣ, даже сторонники старосты.

Въ слѣдующее воскресенье въ волость явилась депутація отъ зарѣченскаго общества, состоявшая изъ старосты, сборщика и еще одного крестьянина. На ихъ вопросъ относительно Ѳедулыча я сказалъ, что въ прочихъ обществахъ, гдѣ онъ служилъ писаремъ, имъ довольны, и особенной заержки въ дѣлахъ изъ-за него не происходитъ. Сборщикъ торжествовалъ, староста сконфузился и обидѣлся на меня.

Такъ Ѳедулычъ и остался доживать свой вѣкъ писаремъ двѣнадцати сельскихъ обществъ, въ томъ числѣ и зарѣченскаго. Съ того времени прошло уже нѣсколько лѣтъ, а все еще можно видѣть его тучную фигуру, съ неизмѣнною „портфелью“ подъ мышкой, медленно шагающую по снѣжнымъ сугробамъ отъ одной деревни до другой.

Евтихій Лукичъ ужъ больше никогда не приносилъ мнѣ благословеній съ святой горы Аѳонской.

XIV.

Выборы волостныхъ судей.

— Петровичъ!—взываю я почти каждое воскресенье между тремя и четырьмя часами по-полудни:—сажай судей.

Это значитъ, что старостъ я отпустилъ, просителей всѣхъ удовлетворилъ и теперь намѣреваюсь приступить къ отправленію правосудія. Петровичъ—отставной солдатъ, семидесяти пяти лѣтъ отъ роду, но бодрый и свѣжій, съ зычнымъ голосомъ и представительною наружностью; онъ—сторожъ при волостномъ правленіи, получаетъ шесть рублей жалованья въ мѣсяцъ; въ будни — вставляетъ свѣчи въ подсвѣчники, „соблюдаетъ“ сидящихъ въ арестантской и спитъ по ночамъ на денежномъ сундукѣ правленія; по воскресеньямъ же его главная обязанность заключается въ извлеченіи, по мѣрѣ надобности, изъ „Центральной Бѣлой Харчевни“ то старшины, то судей, то тяжущихся... Ахъ, эта „Бѣлая Харчевня“! Сколько она мнѣ крови испортила за эти три года!.. Расположена она какъ разъ напротивъ волости, саженяхъ въ двадцати отъ нея (есть законъ, что кабаки не могутъ быть ближе 40 саж. отъ волости, а бѣлыя харчевни, т. е. тѣ же кабаки, но съ продажей горячаго чая—это ничего), флаги надъ ней такъ весело полощутся, а въ открытыя двери несется такой заманчивый гулъ, сто рѣдкій посѣтитель волости утерпитъ не заглянуть и въ „Харчевню“, считая ее какимъ-то необходимымъ дополненіемъ къ волостному правленію. Просовывается, напримѣръ, ко мнѣ въ дверь канцеляріи чья-нибудь кудластая голова и спрашиваетъ:

— Яковъ Иваныча нѣтъ тута?

— Нѣту,—отвѣчаешь съ сердцемъ, потому что приходится въ это утро въ десятый разъ отвѣчать на подобный вопросъ. Посѣтитель, ничего больше не разспрашивая, твердыми стопами направляется въ „Центральную“ и, пробывъ тамъ болѣе или менѣе долгое время, возвращается уже съ румянцемъ на лицѣ, предшествуемый обезпокоеннымъ старшиной, который, торопясь, открываетъ денежный сундукъ, вынимаетъ требуемую гербовую марку или паспортъ и вновь спѣшитъ въ

„Центральную“, гдѣ такъ внезапно была прервана его дружеская съ кѣмъ-нибудь бесѣда... И такъ ежедневно, по десяти и болѣе разъ. По воскресеньямъ же „Харчевня“ рѣшительно отравляетъ мое существованіе...

— Петровичъ! гдѣ Петровичъ?—взываю я во всю глотку до тѣхъ поръ, пока кто-либо изъ десятскихъ не сжалится надо мной и не объяснитъ, что „Петровичъ въ трактирѣ-съ“.

— Бѣги скорѣй, тащи его сюда, да и судей захвати.

Я очень боюсь, чтобы Петровичъ не напился, потому что онъ незамѣнимъ въ роли судебнаго пристава для вызыванія тяжущихся и свидѣтелей и водворенія между ними порядка. Онъ такъ зычно покрикиваетъ, такъ энергично поворачиваетъ и выпроваживаетъ изъ комнаты какого-нибудь забредшаго „на огонекъ“ пьянчужку, что публика боится его гораздо больше, чѣмъ самого старшины. Вообще, Петровичъ—рѣдкій и крайне симпатичный типъ стараго служаки, всѣмъ существомъ своимъ преданнаго начальству... Миръ праху его, этого вѣрнаго слуги, нашедшаго разъ пачку съ деньгами до пяти сотъ рублей, забытую старшиною на столѣ, и возвратившаго ее безъ всякаго промедленія: за этотъ подвигъ онъ получилъ отъ старшины рубль серебра... Исполнителенъ онъ былъ замѣчательно; бывало, скажешь ему: „пришли мнѣ завтра въ $4^1/_2$ часа утра лошадей на квартиру“,— и ужъ вполнѣ увѣренъ, что лошади ни на пять минутъ не опоздаютъ, ни на четверть часа ранѣе назначеннаго срока не пріѣдутъ... Былъ однажды на судѣ такой случай: тягались два мужика о запроданной лошади; свидѣтелемъ у одного изъ тяжущихся былъ священникъ изъ сосѣдняго села, который очень тянулъ руку своего кліента и даже съ азартомъ наскакивалъ на судей, покрикивая такъ: „да чего вы думаете,—тутъ и думать нечего! Пишите прямо: отказать“ и проч. Между тѣмъ я замѣтилъ, что дѣло попова кліента неправое, да и судьи, хотя поддакивали „батюшкѣ“, но тоже что-то мялись; необходимо было имъ дать поговорить между собой,—но никакъ не въ присутствіи полуначальственнаго лица, т.-е. священника. Поэтому я, по обыкновенію, предложилъ всѣмъ присутствующимъ оставить комнату, „такъ какъ судьи будутъ совѣщаться“. Всѣ вышли, кромѣ священника, преважно раз-

сѣвшагося на диванѣ, съ видимымъ намѣреніемъ производить „давленіе“ на судей.

— Батюшка,—говорю я ему:—предложеніе мое—на время удалиться изъ этой комнаты—относилось къ вамъ въ той же степени, какъ и ко всѣмъ прочимъ.

— А вы что-жъ не уходите?—придирчиво спрашиваетъ онъ меня.

— Моя обязанность быть здѣсь въ качествѣ секретаря суда. Постороннимъ же здѣсь нѣтъ мѣста.

— Я уйду только въ томъ случаѣ, если и вы уйдете,—настойчиво твердитъ расходившійся пастырь.

— Петровичъ,—говорю я,—попроси батюшку оставить эту комнату.

Несмотря на свою набожность и полное уваженіе къ духовенству, Петровичъ мигомъ подскочилъ къ священнику и, взявъ его легонько за рукавъ рясы, вѣжливо, но настойчиво просилъ удалиться; тотъ, во избѣжаніе пущаго скандала, покорился... Я потомъ спрашивалъ Петровича, какъ это онъ рѣшился вывести священника?—„Мнѣ покойный предводитель Сафоновъ говорилъ,—отвѣчалъ онъ: старикъ, ты знай только старшину, да писаря,—ихъ только и слушайся; а становые, урядники и прочая шушера—для тебя не начальники. Вотъ я теперь и знаю: что̀ старшина, или писарь сказалъ, такъ тому и быть. Онъ, батюшка-то, у себя въ церкви хозяйствуй, а здѣсь онъ не хозяинъ“... Такъ вотъ каковъ былъ Петровичъ.

Возвращаюсь къ прерванному разсказу. Десятскій бѣжитъ въ харчевню, но судей безпокоить не рѣшается, а приглашаетъ только „дяденьку Петровича“ — такъ всѣ его называютъ — „сходить къ писарю“. Этотъ послѣдній на полусловѣ обрываетъ рѣчь и мгновенно является въ дверяхъ канцеляріи, вопрошая: что прикажете?

— Ты, другъ мой, который счетомъ шкаликъ пропустилъ?.. Только говори по совѣсти!

— Врать не буду, Н. М.,—четвертый.

— Ну, это ничего; только больше до конца суда—ни-ни!.. Зови же судей.

— Слушаю съ.

Онъ дѣлаетъ на лѣво кругомъ и бѣглымъ шагомъ отправляется въ харчевню... Жду пять, десять минутъ,—наконецъ, появляются и судьи.

— Ужъ вы простите великодушно, Н. М.,—признаться, чайкомъ съ морозу побаловались. Морозецъ нынѣ важный, благодаря Создателю!

— Добраго здоровьица, Н. М., съ праздникомъ-съ! Все-ли по добру себѣ, по здорову?

— Слава Богу, благодарю... Садитесь, пожалуйста, пора начинать, а то поздно засидимся: нынче восемнадцать дѣлъ.

— Господи, Создатель Милосердый! Да откуда-жъ ихъ такая пропасть?.. Нѣтъ, вы ужъ насъ не держите, Н. М., выпустите поскорѣе: нельзя ли кой-какія до будущаго воскресенья отложить?..

— Къ будущему воскресенью опять наберется десятка два дѣлъ,—ужъ сейчасъ семь жалобъ новыхъ записано. Садитесь, начнемъ поскорѣе, чего народъ зря держать...

Крестясь и покряхтывая, залѣзаютъ судьи на свои мѣста, позади длиннаго стола, покрытаго зеленымъ сукномъ. Ихъ четверо. Но позвольте мнѣ сначала разсказать, кто сейчасъ сидитъ со мной за этимъ судейскимъ столомъ, и какимъ путемъ они достигли высокаго званія народныхъ судей.

На самомъ дальнемъ концѣ стола, противъ того мѣста, гдѣ обыкновенно стоятъ тяжущіеся, сидитъ Петръ Колесовъ, мужикъ изъ средне-состоятельнаго дома, лѣтъ около сорока, живой и юркій, любящій вести допросы и ежеминутно перебивающій какъ свидѣтелей, такъ и тяжущихся своими восклицаніями и замѣчаніями. Колесовъ всегда съ живѣйшимъ интересомъ слушаетъ дѣло, задаетъ вопросы очень остроумные, хотя подчасъ къ дѣлу не относящіеся, а имѣщіе только цѣлью уяснить лично Колесову какое-нибудь непонятное ему побочное обстоятельство, о которомъ кто-либо упомянулъ на судѣ. Когда дѣло доходитъ до постановки рѣшенія, то онъ всегда первый предлагаетъ что-нибудь, но зачастую отказывается отъ своего мнѣнія подъ вліяніемъ разсужденій сосѣда, Дениса Черныхъ. Денисъ, безспорно, мужикъ умный, разсудительный; несмотря на свои 60 лѣтъ, онъ еще крѣпокъ и не покидаетъ сохи, хотя у него трое взрослыхъ сы-

новей. Говоритъ Денисъ мало, слушаетъ тяжущихся, опустивъ глаза въ землю и сохраняя безстрастное выраженіе лица; онъ, несомнѣнно, предсѣдатель нашего суда, хотя такой должности, въ дѣйствительности, и нѣтъ; но его авторитетъ настолько великъ, что при постановкѣ рѣшенія очень рѣдкіе осмѣливаются перечить ему. Колесовъ уступаетъ ему охотно, хотя и позволяетъ себѣ иногда задать нѣсколько вопросовъ или хотя бы сдѣлать нѣсколько восклицаній, долженствующихъ выразить его удивленіе и сомнѣніе. Совершенно иначе относится къ Черныхъ другой его сосѣдъ, Василій Шуланкинъ или, какъ его по просту называютъ, лишь только онъ выйдетъ изъ-за судейскаго стола, — Васька Голопузъ. Этотъ Васька — типъ деревенскаго прохвоста, на все готоваго за рубль или за полштофъ водки; въ судьи онъ попалъ благодаря поддержкѣ подобныхъ ему, которымъ онъ „стравилъ“ рубля полтора на водку,—и вотъ теперь онъ старается „вернуть свое“. Онъ совершенно продаженъ; съ упорствомъ, достойнымъ лучшей участи, отстаиваетъ онъ кругомъ неправаго, если этотъ неправый посулилъ ему могорычъ; онъ со злостью уступаетъ только соединеннымъ усиліямъ Дениса и Петра, подкрѣпляемымъ и моимъ писарскимъ авторитетомъ,—и часто имѣетъ нахальство, уступивъ, приговаривать: „смотрите, дѣло ваше; человѣка, извѣстно, не долго обидѣть... А нужно такъ, чтобы, то есть, по правдѣ“... Въ эти минуты великолѣпенъ Черныхъ, бросающій на озлобленнаго взяточника мрачно-презрительные взгляды; подъ вліяніемъ этихъ взглядовъ, причитанія Васьки становятся все тише и тише и наконецъ переходятъ въ невнятный шопотъ про себя. На судъ Васька является всегда нѣсколько зарумянившимся отъ трехъ, четырехъ выпитыхъ „въ задатокъ“ стаканчиковъ; выпить сверхъ этого онъ не рѣшается до суда—съ того времени, какъ я однажды потребовалъ, чтобы онъ вышелъ изъ-за судейскаго стола, такъ какъ онъ былъ окончательно пьянъ; Васька было запротестовалъ, не желая оставлять теплаго мѣстечка, но я объявилъ, что не буду продолжать дѣла и покину судейскую комнату на все то время, покуда тамъ будетъ засѣдать пьяный Васька. Это подѣйствовало: онъ вышелъ изъ за стола и впослѣдствіи остерегался

уже „перепускать“ лишній стаканчикъ, изъ боязни вновь осрамиться; за то, по окончаніи судовъ, Пузанкинъ переставалъ стѣсняться и напивался съ тяжущимися до положенія ризъ. Любопытнѣе всего, что его угощали даже тѣ изъ судившихся, которые, несмотря на его заступничество въ судѣ, проигрывали тяжбы; дѣлалось это изъ благодарности за подмогу: все-таки, молъ, старался человѣкъ, а и такъ сказать надо, — можетъ быть, и хуже безъ него было бы... Но большею частью Васька доилъ имѣющихъ еще только судиться въ будущемъ, застращивая однихъ и суля другимъ всякую благодать, а зачастую не стѣснялся выпить и съ противной стороны стаканчикъ-другой, при чемъ склонялъ ее на мировую съ уступкою, стращая всякими ужасами... Словомъ, это былъ въ полномъ смыслѣ негодяй.

Четвертый судья, Ѳедька-ямщикъ, былъ дѣйствительно ямщикомъ и попалъ въ судьи именно потому, что онъ былъ ямщикъ. Свою судейскую обязанность онъ отправлялъ, какъ натуральную повинность; во время дѣлопроизводства обыкновенно дремалъ, во всемъ соглашался съ мнѣніемъ большинства, по нѣскольку разъ мѣняя свои рѣшенія, и думалъ только объ одномъ, какъ бы скорѣе отпустили его „ко двору“. Это онъ-то всегда и проситъ меня передъ началомъ засѣданія,—нельзя ли нѣсколько дѣлъ отложить до другого раза? Такимъ образомъ, Ѳедька сидѣлъ только для счета, никакого вліянія на ходъ дѣла не оказывая.

И вотъ за однимъ столомъ сидятъ такія разнохарактерныя личности, каковы Петруха Колесовъ и Ѳедька-ямщикъ, Денисъ Черныхъ и Васька Голопузъ. Какъ же они попали сюда, кто и какъ уполномочилъ ихъ отправлять функціи народнаго правосудія?

Начало января мѣсяца; большая комната сборни при волостномъ правленіи биткомъ набита выборными на волостной сходъ, явившимися для составленія смѣты волостныхъ расходовъ на начинающійся годъ и для производства выборовъ двѣнадцати волостныхъ судей, полномочія которыхъ простираются также на одинъ годъ. Смѣту уже составили, жалованье всѣмъ назначили, при чемъ выторговали съ волостныхъ ямщиковъ ведро, со сторожа и съ десятскаго (которымъ по-

ложили—первому шесть и второму—четыре рубля въ мѣсяцъ)—по четверти, да отъ старшины,—коли его милость будетъ,—ожидается полуведерка. Такимъ образомъ, въ перспективѣ имѣется два ведра водки, т.-е. по полтора шкалика на человѣка, потому что собравшихся всего около ста сорока душъ. Понятно, что всѣ горятъ нетерпѣніемъ приступить къ даровому угощенію и поэтому съ явнымъ неудовольствіемъ выслушиваютъ мое предложеніе избрать изъ своей среды двѣнадцать человѣкъ на должность волостныхъ судей. Слышится даже нѣсколько восклицаній: „да чего тамъ выбирать, назначай кого-нибудь, все равно отходятъ!“ но восклицанія эти все-таки подавляются крикомъ большинства: „нѣтъ, такъ нельзя,—дѣлать нечего, надо по закону! Ужъ мы сами назначимъ, какъ допрежь было!..“

— Ну, такъ выбирайте, господа; кого желаете?—повторяю я.

— Да вы разложите по душамъ, много-ли на каждое общества приходится судей-то?

— Это не по закону будетъ, господа; надо, чтобы весь сходъ производилъ выборы, а не каждое общество отдѣльно.

— Да изъ кого же, лѣшій ихъ возьми, будемъ выбирать-то, коли примѣромъ сказать - Никольскіе никого изъ нашихъ не знаютъ, а мы Никольскихъ впервое въ глаза видимъ? Кабы всѣ изъ одного села были, ну тамъ другъ дружку все-таки знаемъ, а тутъ за патнадцать-то верстъ поселки наши лежатъ,--намъ никогда и бывать-то у нихъ не приходилось!..

— Все это такъ, господа, но я не могу раскладку судейской повинности по душамъ дѣлать; мнѣ законъ этого не разрѣшаетъ.

— Дозвольте намъ выйти, пообдуетъ насъ маленько вѣтеркомъ-то, а то дюже ужъ запотѣли... Выходи, ребята, на улицу, тамъ столкуемся!..

Толпа выходитъ на „вѣтерокъ“, но нѣсколько человѣкъ, въ числѣ коихъ знакомые уже намъ Иванъ Моисеевичъ, Парфенъ, Петръ Колесовъ и другіе, забѣгаютъ предварительно въ канцелярію, гдѣ сидитъ мой помощникъ, и просятъ его сдѣлать неофиціальную раскладку—по многу ли судей на каждое общество приходится соотвѣтственно числу его ревиз-

скихъ душъ. Оказывается, что изъ Кочетова должно быть выбрано четыре человѣка, изъ Никольскаго двое, изъ Осиновки двое, изъ Надгорнаго и Троицкаго *) вмѣстѣ—одинъ, и т. д Справлявшіеся выходятъ къ ожидающей ихъ у крыльца толпѣ, которой и передаютъ результатъ раскладки; тогда общая толпа распадается на кучки односельчанъ, и начинаются оживленные толки. Я прислушиваюсь къ тому, что происходитъ въ самой многочисленной группѣ, состоящей изъ представителей села Кочетова.

— Такъ ка́къ же мы надумаемся теперь дѣлать-то, господа?—ведетъ пренія Иванъ Моисеичъ.—Давайте двоихъ изъ нашего прихода выберемъ, а двоихъ изъ энтаго, чтобы поровну было.

— Ладно, валяй...

— У насъ, я думаю, Петруху Колесова можно, да Прохора Дубоваго... Ладно, что ли будетъ!

— Чего лучше!.. Отходятъ!.. Валяй теперь, ребята, своихъ!

— У насъ Гаврикова Илюху, да Ваську Пузанкина!—авторитетно заявляетъ Парфенъ.

— На кой лядъ Пузанкина-то?..—восклицаетъ одинъ скептикъ.

— Какъ на кой лядъ? Да чѣмъ же онъ хуже другихъ-то?..

— Да я, то-ись, къ слову.

— Къ слову?.. Нѣтъ, ты мнѣ скажи, чѣмъ онъ плохъ?... Не сумѣетъ нѣшто разсудить, думаешь?.. Да онъ лучше твоего разсудитъ, небось!..

— Да я ничего, я только то-ись про себя мекаю... А ну-те къ ляду, отвяжись ты совсѣмъ!—внезапно озлобляется скептикъ.

— Ваську, Ваську Пузанкина! — поддерживаютъ Парфена человѣкъ пять сторонниковъ Пузанкина, только-что распившихъ три полштофа на его, Пузанкина, счетъ.

Иванъ Моисеичъ безмолвствуетъ. Онъ свое дѣло сдѣлалъ, своихъ двухъ кандидатовъ (Колесовъ ему сватъ, а Дубовый—пріятель сосѣдъ) провелъ, а до другихъ ему дѣла нѣтъ... Но тутъ мое вниманіе отвлекается другой группой избирателей.

---

*) Кстати, считаю долгомъ замѣтить, что всѣ названія мѣстъ и имена лицъ, которыя приведены въ этихъ очеркахъ,—вымышлены.

— Конаться, вотъ что! Иначе никакъ нельзя...

— И чудакъ же ты, братецъ мой!.. Вѣдь прошлымъ годомъ нашъ надгоренскій Тимоха отходилъ, теперь вашему троицкому чередъ...

— Ладно, толкуй Захаръ съ бабой!.. А позапрошлымъ годомъ опять-таки нашъ Андрюха ходилъ?.. А душъ-то у васъ сто сорокъ, а у насъ сто пятнадцать,—вотъ и нѣтъ никакого расчета намъ съ вами наравнѣ чередоваться: душъ-то у васъ побольше...

— Ну, шутъ съ тобой, конайся коли такъ!...

— Живетъ! Такъ на слѣдующій годъ опять вашъ надгоренскій будетъ, а нонѣ кому достанется?..Такъ, что ли, старички?..

— Такъ. такъ!.. Кому жъ конаться?..

— Ну, у насъ опричь тебя, Фролушка, некому быть,—ты здѣсь одинъ отъ трехъ душъ. Конайся ты! А у васъ кто будетъ?

— Да у насъ вотъ Игнатъ Мартынычъ.

— Эхъ, сватъ, лучше бы ужъ тебѣ; старъ я сталъ, пора бы и на покой.

— Вотъ-та! Намъ стариковъ-то и надо, которые насъ бы уму-разуму по старински учили... Такъ-то. Походишь, небось, не умрешь!.. А умрешь, все почетнѣе поминать будутъ! Судьей былъ, скажутъ... хо-хо!..

— Охъ, не хотѣлось бы мнѣ!.. — продолжалъ упираться старикъ, но, легонько подталкиваемый сзади сватомъ, придвигается къ кандидату „противной партіи“, Фролушкѣ и берется съ нимъ за кнутовище: чья рука придется, при послѣдовательномъ перемѣщеніи ихъ, къ противоположному концу кнутовища,—тотъ, значитъ, и судья... Судьба оказалась милостива на этотъ разъ къ Игнату Мартынычу и опредѣлила въ судьи Фролушку, развеселаго малаго лѣтъ тридцати-трехъ, четырехъ.

А вотъ и еще одна группа, привлекшая мое вниманіе.

— Ѳедя, а Ѳедя, да что тѣ стоитъ, не упрямься,— выручи ты насъ, сдѣлай милость!..

Оказывается, что очередь выставить судью пала на селеніе Хуторки, отстоящее отъ Кочетова на 30 верстъ; это выселки изъ села Гладкаго, которое во время VIII ревизіи по-

лучило прирѣзку на излишнее количество душъ въ отдѣльномъ участкѣ, потому что по близости свободныхъ казенныхъ земель уже не было. Но Хуторки, хотя и составляютъ отдѣльное, самостоятельное селеніе и даже избираютъ своего старосту, все-таки остались причисленными къ кочетовской волости, потому что владѣнная запись на землю у нихъ общая съ метрополіей—селомъ Гладкимъ; отсюда крайне отяготительная обязанность для хуторянъ—ѣздить въ Кочетово на суды, сходы и проч. Они нанимаютъ особаго ямщика, Ѳедьку, платя ему 90 р. въ годъ, чтобы онъ доставлялъ по воскресеньямъ старосту въ волость и отвозилъ бы его обратно; теперь же, когда до хуторянъ дошла очередь „выставить своего судью“, они и пришли въ крайнее затрудненіе, потому что никто изъ четырехъ выборныхъ не хочетъ каждое воскресенье дѣлать прогулку въ 60 верстъ. Просили они кочетовскихъ ослобонить ихъ, взять на себя лишнюю судейскую должность, да тѣ заломили ведро водки, а они давали только четверть... Ну, насмѣялись надъ ними только: „ладно, отхòдите, разжирѣли тамъ, сидя въ углу-то! А вы вотъ съ наше походите-ка“!..

— Да что, ребята, думаю я,—говоритъ одинъ изъ выборныхъ;—Ѳедькѣ все равно кажинное воскресенье забиваться сюда со старостой, такъ его и выберемъ въ судьи. Онъ посидитъ, посидитъ, да и отходитъ такъ-то, Господи благослови.

Нужно сказать, что Ѳедька попалъ и въ выборные на волостной сходъ на томъ же основаніи, т.-е. что ему ужъ все равно забиваться въ волость съ старостой, такъ и въ выборныхъ, молъ, за одно отходитъ.

Всѣ отлично понимали, что Ѳедька ни на какую общественную должность, кромѣ старостинаго ямщика, не годится, потому что Богъ его умомъ обидѣлъ, не говоря ужъ про то, что онъ до страсти жаденъ на вино; но стремленіе съэкономить одного человѣка при отбываніи общественной повинности натолкнуло хуторской міръ на мысль сдѣлать Ѳедьку однимъ изъ своихъ представителей. Ѳедька, послѣ легкаго протеста, получивъ полштофъ мірского вина, согласился принять на себя обязанности выборнаго на волостной сходъ, такъ какъ всѣ обязанности могли заключаться лишь въ томъ,

чтобы при перекличкѣ на сходѣ онъ сказалъ бы „здѣсь“, а потомъ до самой минуты отъѣзда онъ могъ уже безпрепятственно хранить глубокое молчаніе и дремать, прислонившись спиной къ жарко-натопленной печкѣ. Но перспектива судейскихъ обязанностей испугала Ѳедьку, и онъ энергично сталъ открещиваться отъ сдѣланнаго ему предложенія.

— Да что вы, почтенные, помилуйте, какой же я судья! Опять мнѣ за лошадью присматривать надо, а тамъ сиди за столомъ... Нѣтъ, ужъ вы ослобоните!

— Пустое ты болтаешь! Прикажешь десятскому за лошадью посмотрѣть,—на то онъ и десятскій, а ты судья... А тамъ себѣ будешь смирнехонько въ теплѣ сидѣть, отсидишь, да и поѣдешь съ Господомъ...

— Никакъ это невозможно, старички.

— Ѳедька, будь другъ! Уважь міръ!.. Мы те и въ караульные цѣлый годъ выгонять не будемъ...

— Это вѣрно,--не будемъ!—поддерживаютъ „міръ“ и староста.

— И два полштофа сейчасъ выставимъ тебѣ!..

Ѳедька колеблется.

— Да что толковать!— замѣчаетъ еще одинъ выборный: насъ пятеро—цѣлую четверть мірскую выпьемъ, во какъ!..

— Выпьемъ!.. Это что и говорить!.. Такъ какъ же, Ѳедька, а?..

У Ѳедьки слюнки текутъ...

Сборня начинаетъ вновь наполняться; выборные столковались и спѣшатъ теперь объявить результаты своихъ совѣщаній.

— Кого же, господа старички, желаете въ судьи? — спрашиваетъ старшина.

— Петруху Колесова!—объявляетъ Иванъ Моисеевичъ.

— Всѣ желаете,--опять спрашиваетъ старшина.

— Всѣ... Желаемъ!.. — какъ одинъ человѣкъ отвѣчаютъ сто сорокъ выборныхъ.

— Прохора Дубоваго...

— Всѣ желаете?..

— Всѣ...—и т. д., покуда не будутъ провозглашены судьями всѣ двѣнадцать кандидатовъ, въ числѣ коихъ значатся

и Илюха Гавриковъ, и Васька Пузанкинъ, и Фролъ Бородинъ и Ѳедоръ Ягодкинъ, т. - е. по обиходному — Ѳедька ямщикъ...

— Господа,—заканчиваю я выборы: у насъ издавна ведется, чтобы всѣ судьи разбивались на три очереди, по четыре человѣка въ каждой, при чемъ каждая очередь обязана „отходить“ по четыре мѣсяца; первая очередь съ января по апрѣль включительно, вторая—съ мая по августъ, третья—съ сентября по декабрь. Дозволите вы мнѣ со старшиной распредѣлить новыхъ судей по очередямъ, или сами будете назначать, когда кому ходить?

— Чего тамъ!.. Стоитъ толковать изъ пустяковъ!.. Сами назначайте, вамъ виднѣе!.. — слышатся со всѣхъ сторонъ восклицанія.

Сходъ кончается. Всѣ спѣшатъ къ „распивочному и на выносъ“—пить могорычи и разныя отступныя; волость мгновенно пустѣетъ‘—остаемся только мы съ старшиной, потому что даже Петровичъ съ десятскимъ убѣжали, чтобы изъ своихъ четвертей хоть по стаканчику выпить.

— Ну, какъ же, Яковъ Ивановичъ, надо вѣдь разсортировать судей? Я многихъ еще не знаю, такъ ты ужъ помоги мнѣ.

— Что жъ, это можно: вотъ Ваську Пузанкина надо пріобщить къ Черныху; этотъ окарачивать будетъ, а то Васька—дюже плутъ-мужикъ...

— Какой это Васька? я что-то не припомню...

— А вотъ, что намедни приходилъ жаловаться на Воробьева Ивана, будто тотъ у него сѣно на гумнѣ потравилъ...

— А, а! это что еще просилъ пять рублей за потраву, а на полтинникѣ сошелся?

— Ну, вотъ, этотъ самый выжига такой, бѣда! Онъ ворочать теперь пойдетъ, посмотри-ка... Безпремѣнно къ нему Черныха приспособить надо.

— Ладно, записалъ. А вотъ Прохоръ Дубовый, этотъ каковъ изъ себя будетъ?

— Это Иванъ Моисеича сватъ! Что жъ, мужикъ хорошій, тверезый мужикъ! Про него дурного ничего сказать нельзя. Его хоть во вторую очередь запиши, онъ тамъ будетъ головой...

Такимъ путетъ и произошла разсортировка судей; послѣдствіемъ этого совѣщанія было, что въ знакомой уже намъ очередной группѣ находились такія разнохарактерныя личности, каковы Пузанкинъ, Черныхъ, Колесовъ и Ягодкинъ, взаимно дополнявшіе или нейтрализовавшіе другъ-друга.

Посмотримъ, однако, что и какъ дѣлается этими судьями на этихъ народныхъ судахъ.

XV.

Типичное засѣданіе волостного суда.

Итакъ, мы усаживаемся за столъ, покрытый зеленымъ сукномъ; судьи сидятъ у стѣны по длинѣ стола, я—съ боку, за узкимъ концомъ его. Петровичъ мнѣ порадѣлъ, поставилъ единственное имѣющееся у насъ кресло; онъ это дѣлаетъ каждое воскресенье, несмотря на мои протесты: „вы больше ихъ работаете — пишете, а они только языкомъ болтаютъ; вамъ и отдохнуть надо, а на креслѣ и мягче, и откинуться можно“,—говоритъ онъ; судьи сидятъ на разнокалиберныхъ стульяхъ. Засѣданіе наше носитъ вначалѣ официально-торжественный характеръ: судьи сидятъ въ застегнутыхъ на-глухо полушубкахъ, туго перепоясанныхъ праздничными домотканными кушаками; но по мѣрѣ того, какъ въ небольшой комнатѣ, гдѣ мы засѣдаемъ, становится все душнѣе,—полушубки разстегиваются, позы становятся свободнѣе, на лицахъ сказывается утомленіе, рѣчь принимаетъ болѣе домашній характеръ. Но въ началѣ, какъ я сказалъ, всѣ держатся чопорно, глубоко вздыхаютъ, шепчутся другъ съ другомъ вполголоса, какъ бы боясь нарушить торжественность обстановки; Петровичъ стоитъ у дверей на вытяжку; на диванѣ сидятъ два официальныхъ свидѣтеля, при которыхъ читаются постановленія суда, что и отмѣчается въ книгѣ такимъ образомъ: „рѣшеніе это объявлено такого-то числа при свидѣтеляхъ, крестьянахъ такихъ-то“. Такъ какъ комнатка наша мала, и къ тому же случается, что публика не ведетъ себя достаточно чинно, то кромѣ этихъ двухъ свидѣтелей присутствовать при допросахъ допускается лишь избраннымъ, изрѣдка приходящимъ „скуки ради“ послушать суды: учителю,

священникамъ, мѣстнымъ торговцамъ, Ивану Моисеичу и нѣкоторымъ другимъ лицамъ, составляющимъ сливки кочетовскаго общества. Для прочей, „черной“ публики двери нашей залы засѣданій растворяются только въ моментъ объявленія рѣшенія суда.

— Василій Коняхинъ! — вызываю я по жалобной книгѣ истца по первому, стоящему на очереди, дѣлу.

— Василій Коняхинъ!—гремитъ Петровичъ въ полуотворенныя двери, ведущія въ сборню.—Коняхинъ!

— Гдѣ Коняхинъ?.. Аль въ трактиръ ушелъ?

— Здѣся, чего кричишь!..

— Чего жъ ты не отзываешься, коли тебя зовутъ?—допекаетъ его нашъ судебный приставъ.

— Для-ча мнѣ отзываться?.. Ты зовешь,—я и иду, а отзываться мнѣ не для-ча...

— Ну-ну, не разговаривай, а становись вонъ къ печкѣ!..

Вошедшій мужикъ, сутуловатый и широкоплечій, съ угрюмымъ выраженіемъ лица, нѣсколько разъ истово крестится на икону, дѣлаетъ глубокій поклонъ судьямъ и, тряхнувши волосами, становится на указанное ему мѣсто,

— Вы—Василій Ивановъ Коняхинъ? спрашиваю я.

— Я самый.

— Въ чемъ ваша жалоба? Разсказывайте суду.

— Въ чемъ?.. Извѣство, въ чемъ: Гришка побилъ!

— Чей это Гришка?—вмѣшивается Колесовъ.

— Волковъ.

— А, а... Волковъ? Это Матвѣя Ивановича зять? Ну такъ, такъ... Побилъ, говоришь ты, и больно?

— Лучше не надо. Глазъ во-какъ раздуло, почернѣлъ совсѣмъ; теперь зажило.

— Такъ-съ. Гдѣ же у васъ дѣло-то было?

— Да около кабака. Я домой хотѣлъ ѣхать, а онъ догналъ и давай бить...

— Такъ ни за что и побилъ?

— Ни за что... Съ празднику мы ѣхами, отъ гудовскихъ Праздникъ у нихъ былъ.

— Да что жъ у тебя языкъ-то, прости Господи, словно жерновъ ворочается! Сказывай веселѣе, какъ у васъ дѣло было?

— Сказывать-то нечего: побилъ, да и только. Безъ глазу двѣ недѣли ходилъ...

— Н. М.,—обращается ко мнѣ Колесовъ, потерявъ охоту допрашивать такого неразговорчиваго субъекта:—зовите виновника, послушаемъ, что онъ скажетъ, а отъ этого никакого толку не добьешься.

На выкликъ Петровича, въ комнату быстро входитъ очевидно ожидавшій у дверей отвѣтчикъ Григорій Волковъ, юркій вертлявый мужиченка, на видъ гораздо слабѣе коренастаго Коняхина. Онъ начинаетъ говорить, не дожидаясь вопроса.

— Не вѣрьте, господа судейскіе, ему: навретъ со злобы, ей-Богу навретъ, какъ пить дастъ...

— Ты не мели!—осаживаетъ его Денисъ Ивановичъ, — а говори дѣломъ, что и какъ у васъ было?

— Изволите видѣть, господа судейскіе: были мы, значитъ, у праздника, въ Гудовкѣ, значитъ... Тамъ на Введеніе завсегда престолъ бываетъ...

— Знаемъ, какъ не знать; сами не однова были!—не утерпѣлъ, чтобы не вставить своего слова, Колесовъ.

— Вотъ, вотъ, это я и говорю... Хорошо-съ; ѣдемъ мы оттелева съ нимъ, я на его лошади—потому, первымъ дѣломъ, лошади у меня нѣтъ—еще около Покрова увели; може, слыхали?..

— Съ озимей?—участливо замѣчаетъ Колесовъ.

— Съ озимей, съ озимей; какъ пить дали, увели... А добрый меренокъ былъ,—хоть и въ годахъ, а грѣхъ покорить... Ладно; такъ я и говорю: кумъ (а онъ мнѣ и кумомъ еще доводится)!—поѣдемъ къ празднику вмѣстѣ! Ну, что-жъ, говоритъ, поѣдемъ...

— Вы покороче говорите,—останавливаю я словоохотливаго разсказчика, опасаясь, что мы принуждены будемъ выслушать подробное повѣствованіе о всѣхъ ихъ похожденіяхъ на праздникѣ.—Сказывайте прямо, съ чего у васъ драка вышла? Тамъ, что ли, подрались?..

— Упаси Богъ, зачѣмъ тамъ! Мы тамъ, то-ись, во-какъ, душа въ душу были, и вмѣстѣ по гостямъ ходили; а это ужъ какъ мы назадъ ѣхали, неудовольствіе-то промежъ насъ при-

ключилось. Чтой-то, говорю, кумъ, прозябъ я будто маленько?—И то, говоритъ, холодно что-то къ ночи.—Заѣдемъ, говорю, въ Шепталиху, она намъ по дорогѣ будетъ, по стаканчику и выпьемъ. Заѣхали. Спросилъ я у цѣловальника, Ивана Митрича, косушку, да и говорю: у меня, вѣдь, кумъ, денегъ-то нѣту, ужъ видно ты заплатишь.—Въ ту пору онъ промолчалъ; только, какъ выпили по стаканчику, онъ и сталъ ко мнѣ приставать, чтобы я ему на свои деньги поднесъ косушку. Я ему божусь, что денегъ нѣту, а онъ видно опять захмелѣлъ—ругаться сталъ: „такой, да сякой, на моей лошади ѣдетъ, да еще мою водку пьетъ; иди же, говоритъ, пѣшкомъ, а я не повезу“. И пошелъ садиться на телѣгу. Я за нимъ: кумъ,—говорю,—да что ты, очумѣлъ, родимый, что-ли? тутъ еще пять верстъ до дому, а ужъ ночь на дворѣ: куда я пойду въ этакую темь?.. А кумъ мой распрелюбезный быдто меня и не слышитъ, и ухомъ не ведетъ, знай понукаетъ лошадь; ну, я тутъ и схватился за возжу—попридержать его маленько... Ка-акъ онъ мнѣ въ тую пору дастъ леща прямо въ ухо, ажъ звонъ у меня въ головѣ пошелъ!.. Ну, въ этотъ разъ и я ужъ не стерпѣлъ, прыгъ къ нему въ телѣгу, и пошло у насъ тутъ неудовольствіе... Да мнѣ гдѣ-жъ было-бъ съ нимъ справиться, кабы онъ пьянъ не былъ: сами извольте, господа судьи, посмотрѣть на него и на меня...

— А глазъ ты ему точно подбилъ?—допрашиваетъ Колесовъ.

— Врать не хочу, случился такой грѣхъ: маленько не ладно потрафилъ. Да теперь у него, слава Богу, зажило.

— Вотъ что, почтенный,—прерываетъ свое молчаніе Черныхъ, обращаясь къ жалобщику:—брось это дѣло, ничего не получишь; самъ виноватъ: первый зачалъ, потому оба подрались,—о чемъ же жаловаться?

— Это, то-есть, какъ же?.. Ни съ чѣмъ?

— Ахъ, кумъ, кумъ!..—подхватываетъ обидчикъ, ободренный заступничествомъ судьи.—Я-жъ тебѣ еще полуштофъ на мировую поставить хотѣлъ, а ты, поди-жъ, что выдумалъ!.. Въ судъ идти, судейныхъ утруждать такимъ пустякомъ!..

— Ну, вотъ это первое дѣло!—восклицаетъ Колесовъ.—Пойдите-ка, выпейте на мировую, да чтобъ ни на комъ...

— Миритесь, говорю вамъ,—заключаетъ Черныхъ,—миритесь скорѣй, не то обоихъ въ холодную на сутки.

— Дровецъ мнѣ подможете наколоть!—подхватываетъ Петровичъ.—А то нѣтъ моей моченьки: на двѣ печки-то каждый день, сколько ихъ наготовить надо?..

— Что-жъ, кончаете дѣло мировой? — вставляю и я свое словечко.

— Кумъ, брось, пра-слово, брось, а?..

— Да ну-те къ лѣшему! Пойдемъ!.. Прощенья просимъ, господа судейскіе.

— Вотъ это превосходно, на что ужъ лучше!—одобряютъ и Колесовъ, и Пузанкинъ, и даже успѣвшій уже задремать „въ теплѣ“ Ѳедька Ягодкинъ. Одинъ Денисъ Иванычъ угрюмо молчитъ.

— Сторожу-то за хлопоты не забудьте приберечь стаканчикъ!—въ догонку уходящимъ кумовьямъ кричитъ Петровичъ, тоже довольный состоявшейся мировой, хотя надежда на помощь при колкѣ дровъ и остается тщетной.

— Ладно, оставимъ. Подходи!.. -- отвѣчаетъ уже изъ другой комнаты Гришка.

— И съ чего это вздумалось Коняхину жаловаться на кума?—полувопросительно замѣчаю я.—Мужики оба, кажется, хорошіе; ну, подрались, такъ это не въ диво.

— Обидно очень стало Василію-то ходить съ подбитымъ глазомъ: кабы не глазъ—ничего бы и не было, а то засмѣяли его вовсе онамеднись въ трахтирѣ... Вотъ онъ съ пьяну-то и пошелъ жалобу записывать, а потомъ ужъ поопасался отступиться, какъ бы за это что не было,—объяснилъ судья Пузанкинъ, знающій почти всю подноготную житья-бытья кочетовскихъ обывателей.

Выступаетъ на сцену истецъ по второму дѣлу, старикъ лѣтъ шестидесяти. Онъ жалуется, что сынъ его пересталъ слушаться, бранится, бросается съ кулаками на мачеху—его, старика, вторую жену... Старикъ проситъ судъ „постращать“ сына, всыпавъ ему десятокъ горячихъ. Зовемъ парня; входитъ малый лѣтъ двадцати-пяти, самъ уже отецъ двоихъ дѣтей; за его спиной становится его жена, а съ боку старика—мачеха. Бабы эти вторглись къ намъ, несмотря на протесты

Петровича; я оставляю ихъ, однако, въ покоѣ, думая, что изъ имѣющей произойти семейной сцены скорѣе выяснится, кто изъ нихъ правъ, кто виноватъ.

— Батюшки мои, заступитесь, родные!..—причитаетъ мачеха.—Житья мнѣ не стало, со свѣта сгоняетъ...

— Кто тебя сгоняетъ? Сама всѣхъ изъ дому выгоняешь, поѣдомъ меня ѣшь,—замѣчаетъ молодая.

Отецъ съ сыномъ молчатъ, не глядя другъ на друга.

— Ты что-жъ это, молодецъ, дѣлаешь, а? Нешто годится это отца родного да мать забижать?—спрашиваетъ Колесовъ.

— Отца я не обижаю, а она—какая же мнѣ она мать!—нехотя замѣчаетъ бунтовщикъ.

Судьи молчатъ; съ двухъ словъ становится для всѣхъ понятной семейная драма тяжущихся: мачеха не уживается съ молодой и натравляетъ на нее старика, а сынъ заступается за свою жену и отстаиваетъ ее передъ стариками. „Отцы“ не ладятъ съ „дѣтьми“,—исторія далеко не новая.

— Проси, чего-жъ ты не просишь? — слышу я шопотъ старухи.

— Такъ какъ же, господа судейскіе, постращайте малаго-то?.. Совсѣмъ отъ рукъ отбился.

— Старикъ! ты не дарма ли просишь на него? Не твоя ли хозяйка тебя подбиваетъ свое дѣтище тѣснить?—строго спрашиваетъ Черныхъ.

— Да разрази меня Мать Пресвятая Богородица!.. Да провались я на этомъ мѣстѣ,—начала-было причитать старуха, но быстро умолкла при грозномъ жестѣ Петровича. Старикъ ничего на вопросъ не отвѣтилъ.

— Эй, молодецъ, слухай сюда,—говоритъ Черныхъ. —Можетъ, тутъ и не вся вина твоя, а все-жъ ты супротивъ отца родного не долженъ идти, не смѣешь ругаться, это великій грѣхъ!.. Проси прощенья: онъ, може, и проститъ, а то, не прогнѣвайся, отстегаемъ.

„Молодецъ“ угрюмо молчитъ, не поднимая глазъ съ полу.

— Дѣдушка! А то, на первый разъ, вы бы простили его!—дѣлаю я слабую, что и самъ замѣчаю, попытку смягчить старика.

— Какъ же мнѣ прощать, коли онъ не проситъ? — говоритъ онъ и этимъ порываетъ всякую надежду на мирный исходъ дѣла.

По предложенію Петровича (онъ понялъ кивокъ головой, сдѣланный Денисомъ Иванычемъ) вся группа тяжущихся выходитъ изъ комнаты.

Наступаетъ моментъ рѣшенія участи малаго, почему-то пріобрѣвшаго мою симпатію. Я выжидаю, что скажетъ Денисъ Иванычъ: мнѣнія прочихъ не имѣютъ для меня такого значенія. Первымъ, по обыкновенію, начинаетъ говорить Колесовъ.

— Что-жъ, господа товарищи,—всыпать ему десяточекъ, или много?

— Чего много!—поддерживаетъ Пузанкинъ, не попользовавшійся ничѣмъ отъ обвиняемаго и поэтому сохраняющій суровый ригоризмъ: чего много, въ самый разъ! Имъ гляди въ зубы-то· они живо осѣдлаютъ...

— Такъ, такъ, — это первымъ дѣломъ! — поддакиваетъ и Ѳедька, всегда согласный съ чужимъ авторитетно-высказаннымъ мнѣніемъ. Въ эту минуту Ѳедька даже забылъ, какъ въ прошлый праздникъ, напившись въ кабакѣ, пришелъ домой и такъ саданулъ въ бокъ своего родного батюшку, начавшаго дѣлать ему выговоръ, что тотъ дня два кряхтѣлъ и грозилъ идти жаловаться въ судъ на драчливаго судью...

Денисъ Ивановичъ все молчитъ; я начинаю надѣяться, что онъ несогласенъ съ мнѣніями прочихъ, и стараюсь расчистить ему путь, указывая на выяснившееся на судѣ обстоятельство—злющій характеръ мачехи, притѣсняющей, по всей вѣроятности, жену обвиняемаго, что и послужило поводомъ къ открытой ссорѣ между „отцами и дѣтьми“. Я намекаю, что не худо бы на первый разъ все дѣло оставить безъ послѣдствій, предупредивъ отвѣтчика, что если на него еще будутъ жалобы, то онъ въ слѣдующій разъ будетъ подвергнутъ тяжелому взысканію.

— Нѣтъ, вовсе прощать ку-быть не годится, — замѣчаетъ Черныхъ.—А дать ему одинъ лозанъ—для острастки...

Но я окончательно возстаю противъ тѣлеснаго наказанія. Парень, доказываю я, кажется, хорошій и долженъ теперь пропасть изъ-за ехидной старушенки. Если пороть, то раз-

ница между однимъ и двадцатью ударами — только въ относительной боли, а послѣдствія для осужденнаго одни и тѣ же: онъ лишается многихъ правъ, не можетъ быть выбранъ старостой, старшиной и пр. Я горячо защищаю жертву семейныхъ неурядицъ и, какъ крайнее средство, предлагаю остановиться на арестѣ, если судъ найдетъ окончательно невозможнымъ совершенно простить обвиняемаго... Прежде всѣхъ со мной соглашается Ѳедька-ямщикъ, такъ какъ онъ—изъ уваженія къ моему писарскому званію—считаетъ необходимымъ согласоваться съ моими взглядами даже въ ущербъ авторитету Дениса Ивановича; но остальные молчатъ, упорно отстаивая права родительской власти. Совѣщаніе наше тянется около получаса; Колесовъ и Пузанкинъ начинаютъ, наконецъ, сдаваться и говорятъ Черныху: „а то, ну его къ лѣшему!... давай его въ холодную сутокъ на пять посадимъ, коли закона нѣтъ пороть?“—на что Черныхъ отрывисто отвѣчаетъ: дѣлайте, какъ знаете“. Я ухватываюсь за эту полууступку съ его стороны и пишу рѣшеніе: арестовать такого-то привол. правленіи на пять сутокъ... Денисъ Ивановичъ устранилъ себя отъ рѣшенія вопроса, не осмѣливаясь измѣнить ветхозавѣтнымъ традиціямъ, по которымъ въ данномъ случаѣ требовалось выдать сына головой отцу, т.-е сдѣлать съ нимъ все, что пожелаетъ отецъ; но новыя времена съ такой неудержимой силой разрушаютъ всѣ отцовскіе и дѣдовскіе обычаи, что Денисъ Ивановичъ иногда въ полномъ недоумѣніи,—гдѣ же ложь, и гдѣ истина, и, не умѣя разрѣшить этихъ жгучихъ вопросовъ, вовсе отстраняется отъ активнаго вмѣшательства, ограждая себя словами: „дѣлайте—какъ знаете“...

Недоразумѣніямъ, возникшимъ по поводу этого дѣла, не суждено было, однако, кончиться на этомъ: когда я прочелъ постановленіе суда о „подвергнутіи Порфирія Алексѣевича пятидневному аресту за неповиновеніе родительской власти“, то старикъ вдругъ завопилъ.

— Батюшки, господа судейные!.. да что-жъ это вы со мной дѣлаете? Намъ съ нимъ завтра ѣхать надо къ Сысоеву дрова возить, — я договорился и задатки на три подводы взялъ,—а вы его въ холодную посадить хотите!.. Да гдѣ-жъ

мнѣ одному, старику, справиться? Вѣдь онъ у меня одинъ, какъ перстъ!.. Ослобоните, родимые, не зорите!..

Я пытаюсь успокоить старика, увѣряя, что его сына арестуютъ не сейчасъ, а по истеченіи тридцати-дневнаго срока, и что онъ самъ можетъ явиться, какъ посвободнѣе будетъ,— но старикъ и на этотъ компромиссъ нейдетъ.

— Завсегда работа около дома найдется: помолотиться, сѣчки скотинѣ нарѣзать; гдѣ-жъ мнѣ одному пять-то дней справляться со всѣмъ хозяйствомъ?.. Нѣтъ, господа судейные, ужъ вы его лучше постегайте, да и отпустите домой!

Черныхъ глубоко вздыхаетъ; Колесовъ ерзаетъ на стулѣ; Пузанкинъ шепчетъ: „я говорилъ постегать“... Подсудимый все время стоитъ, потупивъ глаза, и только изрѣдка нетерпѣливо встряхиваетъ волосами, когда стоящая позади его молодуха шепчетъ ему что-то на ухо. Я объявляю, что постановленіе суда уже сдѣлано и измѣнено быть не можетъ; недовольные же имъ имѣютъ право обратиться съ жалобой въ уѣздное присутствіе.

— Коли такъ, съ сердцемъ объявляетъ старикъ, — не надо-жъ мнѣ вашего суда!.. Ничего не хочу — помарайте, кубыть я и не судился!.. Видно, нонѣ законъ такой есть: сыновьямъ на шеѣ отцовской ѣздить!.. Прощенья просимъ, что обезпокоили васъ.

И онъ величественно — не подберу другого слова—уходитъ, шмыгая избитыми лаптями; сынъ тоже молча поворачивается къ выходу, одна только молодуха низко кланяется намъ и говоритъ: „Дай вамъ, Господи!.. Помоги, Царица Небесная!..“ Петровичъ ласково толкаетъ ее къ двери... Мы сидимъ, словно воды въ ротъ набрали; всѣмъ тяжело, даже и Ѳедькѣ,—про Дениса Ивановича я и не говорю: онъ видимо даже въ лицѣ измѣнился... Не суду возстановлять дискредитированную власть „отцовъ“ надъ „дѣтьми“!

Слѣдующее за этимъ дѣло нѣсколько разгоняетъ мрачное настроеніе нашего духа. Тяжущіеся: мужъ, плюгавый мужиченка, горбатый, съ слезящимися глазами, и жена—по городскому одѣтая женщина, лѣтъ 32—34, все еще довольно красивая, несмотря на отпечатокъ бурной жизни на лицѣ; она держитъ себя модно, говоритъ по „благородному“ и вообще

смахиваетъ на горничную средней руки. Истица проситъ судъ заставить отвѣтчика выдать ей паспортъ для проживанія въ городѣ.

— Я вотъ уже шесть годовъ по господамъ живу, хорошія мѣста имѣю, и вдругъ онъ требуетъ меня къ себѣ, господину старшинѣ не дозволяетъ документъ мнѣ выдать...

— Не хочу, чтобъ болталась: иди ко мнѣ жить.

— Никакъ это невозможно-съ, господа!.. Оченно прошу принять въ резонъ, что еслибъ у него хозяйство было, еслибъ онъ меня, какъ должно, соблюдать могъ, то это разговоръ иной былъ бы; а то домишко у него весь развалился, самъ онъ въ пастухахъ живетъ... Развѣ у него достатка хватитъ соблюдать меня?.. А теперь я и сама не хуже людей живу и еще дочь при себѣ имѣю, — ничего отъ него не прошу, только дай мнѣ документъ.

— А вотъ не дамъ! Иди ко мнѣ, ѣшь мой хлѣбъ!..

— Да есть ли онъ у васъ-то еще, надо перво-на-перво спросить?..—презрительно спрашиваетъ городская.

— Вотъ что, другъ, покайся-ка: ты вѣдь самъ ее сперва-началу отпустилъ въ городъ?—спрашиваетъ Колесовъ.

— Извѣстно, самъ,—мрачно отвѣчаетъ „другъ“.

— И все время пачпорта давалъ?

— Давалъ...

— Вотъ и разбаловалъ бабу! Самъ виноватъ, теперь и кайся. Что ты съ ней теперь дѣлать будешь, коли ежели теперь она къ тебѣ придетъ? Вѣдь она чаи-сахары любитъ, а ты гдѣ ей возьмешь?

— И безъ чаевъ поживетъ...

— Господа судьи!.. Сдѣлайте вы такую милость, уговорите его! Я ему пять рублей въ годъ буду давать, чтобы только онъ не нудилъ меня...

— Не надо мнѣ денегъ, иди жить.

— Нѣтъ, Ѳедулычъ, это не дѣло теперь бабу кругомъ обрѣза́ть... Куда она теперь годится? Никуда... Она только тебя по рукамъ, по ногамъ свяжетъ; она теперь тебѣ ужъ не жена!..

Пастухъ молчитъ. Меня все больше начинаютъ интересовать мотивы, заставившіе его вдругъ измѣнить отношенія къ

пущенной давно на вольную жизнь дражайшей половинѣ. Впослѣдствіи я узналъ, что онъ серьезно сталъ тосковать отъ своей бобыльской жизни и вздумалъ свить себѣ вновь гнѣздо, не принявъ только въ расчетъ полнаго разлада между всей своей жизнью и жизнью городской горничной.

— Ну, выдьте,—говоритъ Колесовъ разнокалиберной четѣ. Что намъ съ ними дѣлать?—обращается онъ къ Денису Черныхъ.—Отпустить ее: пусть беретъ хвостъ въ зубы и убирается, куда глаза глядятъ?..

— Тоже баловать-то не годится ихнюю сестру: онѣ такъ-то всѣ поразбѣгутся.

— Ну, этой дряни всегда хватитъ... На кой лядъ она ему,—вѣдь она теперь ему не жена и не хозяйка!

— Извѣстно—городская...

— Н. М.! А можемъ мы ей пачпортъ-то дать?.. Какъ тамъ въ законахъ-то?..

— Въ законѣ—о томъ, что нельзя давать—ничего не сказано... Я думаю, что можно.

— И превосходно. А недоволенъ, бери „скопію“, — пусть тамъ высшее начальство разбираетъ ихъ: намъ и того пріятнѣе будетъ!.. Пиши, Н. М.,--дать ей билетъ.

Мужъ остается этимъ рѣшеніемъ недоволенъ и требуетъ „скопію“, но въ назначенный день за полученіемъ ея не является: за два дня, протекшіе съ воскресенья, онъ, видно, помирился съ своей судьбой—доживать вѣкъ одинокимъ бобылемъ.

— Андрей и Егоръ Петровы!

Входятъ два брата; старшему, Андрею,—30 лѣтъ, младшему, Егору,—26 л. Они рѣшили подѣл ться, благодаря семейнымъ неурядицамъ: бабы, т. - е. ихъ жены, вздурили и никакъ ужиться не могутъ; ни старшого, ни старшой въ домѣ нѣту, а молодухи другъ другу подчиняться не хотятъ,—ну и не стало житья самимъ братьямъ, — лучше ужъ отъ грѣха разойтись. Но и разойтись не такъ-то легко: помѣстье у нихъ маленькое, двумъ дворамъ не умѣститься: надобно которому нибудь изъ нихъ удаляться съ родительскаго гнѣзда. Конечно, никому изъ нихъ нѣтъ охоты садиться на выгонѣ-пустырѣ; спорили, спорили, раза два до драки доходило,—а толку

нѣтъ никакого... Селенье ихъ небольшое; всѣ прочіе домохозяева—родня имъ: ни на чью сторону и не тянутъ; вотъ и порѣшили они разобраться на судѣ: что чужіе умственные люди скажутъ,—такъ тому и быть.

— Ну, какъ тутъ съ этимъ дѣломъ быть, Денисъ Иванычъ? —спрашиваетъ Петруха Колесовъ, и всѣ взоры обращаются на Дениса Иваныча, ибо несомнѣнно, что изъ всѣхъ засѣдающихъ судей онъ одинъ только вполнѣ компетентенъ въ области дѣдовскихъ обычаевъ, нынѣ по наслышкѣ развѣ извѣстныхъ молодому поколѣнію, возросшему подъ сѣнью писаннаго закона.

— А вотъ какъ,—говоритъ Денисъ Иванычъ послѣ минутной паузы:—идти тебѣ, Андрей, на новое мѣсто и отцовскую избу оставить Егоркѣ, а самъ возьмешь, во что старики положатъ взамѣнъ ея, клѣтку съ амбаромъ, или еще что...

— Это мы очень понимаемъ; только почему же это и помѣстье ему, и изба, а мнѣ однѣ клѣтки?— говоритъ Андрей.

— А потому, молодецъ, что это еще дѣдами нашими заведено такъ: всегда старшій братъ уходитъ отъ младшаго. Не будь этого, старшіе-то всегда спихивали бы молодшихъ на выгона; знамо, они посильнѣе будутъ, они въ годахъ, ну, и потяжелѣе жеребій имъ долженъ идти. Не дѣлись, а сталъ дѣлиться, начинай хозяйство съизнова; такъ-то!..

Андрей покоряется и остается доволенъ рѣшеніемъ: видно, онъ „не дошелъ“ еще до отрицанія власти стариковъ.

Истецъ по слѣдующему дѣлу предъявляетъ ко взысканію росписку въ 90 р., засвидѣтельствованную въ волостномъ правленіи; срокъ уплаты давно истекъ.

— Сколько же вы взыскиваете?—спрашиваю я, чтобы оформить дѣло.

— Пятьдесятъ два рубля съ полтиной,—къ удивленію моему отвѣчаетъ истецъ.

— Какъ такъ? А росписка на 90 руб.?

— Это точно-съ. Только я ужъ получилъ по ней тридцать рублей землицей, да осьмину ржи, да четверть овка; да поросенка, да пахалъ онъ на меня день... Вотъ мы сочлись: какъ разъ на тридцать семь съ полтиной вышло. Остальные ищу, какъ собственно срокъ давно уже прошелъ.

— Должны вы ему?—спрашиваю отвѣтчика.

— Что зря болтать, долженъ.

— А много ли?

— Да подсчитывались, ку-быть пятьдесятъ два рубля.

— Анъ съ полтиной!—вмѣшивается истецъ.

— Анъ, нѣтъ!

— Врешь!..

— Анъ, не вру. Перекрестись, коль съ полтиной?..

— И перекрещусь... А ты думаешь, что и не перекрещусь?..

— А слеги-то забылъ, что бралъ у меня десятокъ о заговѣнье? по пятачку положили?

— Такъ они за картошку пошли...

— Разуй глаза-то!.. За картошку даве пофитались, какъ за землю-то усчитывались!

— А ну-те къ Богу въ рай!..—говоритъ истецъ упавшимъ голосомъ, должно быть, смутно припоминая, что слеги точно не шли за картошку, но все-таки не желая признать своей ошибки.—Пятьдесятъ два, такъ пятьдесятъ два... Не обѣдняю съ полтинника.

— Да и не разживешься...

— Ну, вотъ что, почтенные,—вступается Колесовъ, — чего браниться? Честь-честью столковались, и слава Богу: зачѣмъ Его, Батюшку, гнѣвить... Такъ какъ же, милушка, отчего деньги-то не отдаешь?

— Да у насъ уговоръ былъ землей расплачиваться по двѣ десятины, я ему каждый годъ отдаю; только больно ужъ обидную цѣну онъ кладетъ — десять съ полтиной; вотъ я и сталъ покупщика искать, съ четырнадцатью рублями за десятину ужъ набиваются...

— А ты денежки-то умѣлъ брать, а отдавать-то не любо?... А что я второй годъ жду на тебѣ, это ты въ счетъ не кладешь?...

— А ты не кладешь, что поросенка-то у меня за два рубля зачелъ, а онъ на худой конецъ четыре стоитъ?..

— Да не ты ли кланялся, Христомъ Богомъ просилъ просеца на сѣмена?.. Это ты забылъ?..

Долго препираются такимъ образомъ пріятели; ихъ денежныя отношенія такъ запутаны, что крайне мудрено опредѣ-

лить, кто изъ нихъ больше пользовался услугами другого; но что должнику услуги, оказанныя кредиторомъ, обошлись не дешево, это внѣ всякаго сомнѣнія, и симпатія Черныха и Колесова, какъ я замѣчаю, лежитъ къ нему, потому что они общими усиліями стараются сбить истца на мировую, что имъ, наконецъ, и удается послѣ получасового усовѣщеванія. Тяжующіе кончаютъ дѣло миромъ: десятина идетъ за тринадцать безъ четверти, а уплата остального долга отсрочивается до будущей осени.

Затѣмъ слѣдуетъ цѣлый рядъ дѣлъ о взысканіи за землю, о недожитіи въ работникахъ, и проч. Это дѣла заурядныя, составляющія самый значительный процентъ всѣхъ тяжбъ, разбираемыхъ въ волостномъ судѣ. Прослушаемъ еще двѣ финальныхъ тяжбы.

— Еще позалѣтошнимъ годомъ бралъ у меня этотъ молодецъ двѣ десятины подъ яровое по 18 руб. за десятину; рубль далъ задатку, да какъ возить время пришло и я снопы на полѣ пріостановилъ, онъ 15 руб. мнѣ далъ и въ ногахъ валялся—просилъ остальные подождать на немъ. Я съ дуру и повѣрилъ, да вотъ по сію пору и жду: „нынѣ, да завтра“, только и слышишь. Прикажите ему, господа старички, остаточные 20 р. додать.

Это говоритъ старикъ лѣтъ шестидесяти, хозяйствующій по-кулацки, снимающій землю у нуждающихся по осени и рездающій ее по веснѣ, наживая за „комиссію“ отъ 25 до 75%. Но у старика этого есть еще гоноръ нынѣ исчезающаго уже типа коренного сына деревни, ведущаго безъ всякихъ росписокъ тысячныя дѣла.

— Ты чтожъ не отдаешь Ефиму Степанычу денегъ?—спрашиваетъ, по обыкновенію Колесовъ.

— Да я ему отдалъ,—говоритъ отвѣтчикъ, малый лѣтъ 24-хъ.

— Отдалъ, да не всѣ...

— Нѣтъ, всѣ отдалъ.

— И языкъ у тебя не отсохнетъ такъ врать-то? Бога хоть побойся!.. говоритъ старикъ.

— Чего мнѣ еще бояться, я и такъ боюсь.

— Ахъ, ты паскуда, паскуда!.. Да смѣешь ли ты такъ говорить-то?.. А ну, перекрестись, коли отдалъ?...

Я спѣжу вмѣшаться въ дѣло, чтобы не допустить божбы, но опаздываю: отвѣтчикъ, не дрогнувъ и нахально посматривая на старика, кладетъ широкій крестъ...

— Тьфу ты, окаянный! плюетъ старикъ въ негодованіи.— Пропади ты пропадомъ и съ двадцатью рублями этими!.. Чтобы такой грѣхъ на душу принимать, да упаси тебя Царица Милосердая!.. Не надо мнѣ ничего, господа старички, отъ своихъ денегъ отказываюсь, не хочу объ него мараться... Ни на комъ...

И старикъ уходитъ, дѣлая крестныя знаменья.

— А нельзя ли ему подъ портки десятка два всыпать?— говоритъ Колесовъ, со злобой глядя на небрежно стоящаго „молодца“.

— Никакъ нельзя,—говорю я, и чувствую, что краснѣю, потому что не прочь былъ бы въ данномъ случаѣ нарушить законъ и допустить подвергнуть отвѣтчика по гражданскому дѣлу уголовному взысканію.

— Петровичъ! Убери его!.. приказываетъ Колесовъ, и я увѣренъ, что онъ чувствуетъ нѣкоторое удовлетвореніе, когда „молодецъ“ подъ мощной рукой Петровича турманомъ вылетаетъ изъ „залы засѣданія“.

А вотъ старуха-черничка на сценѣ. Вся она брыжжетъ злостью, накопившейся у ней на сердцѣ за полстолѣтіе ея невольнаго дѣвства... Она уже много лѣтъ въ ссорѣ со своими сосѣдями, и обѣ стороны, когда только возможно, гадятъ другъ другу. Случилось черничкину цыпленку залетѣть черезъ плетень на дворъ къ сосѣдямъ; мальчишка съ того двора немедленно свернулъ цыпленку шею и трупъ его перебросилъ обратно къ черничкѣ на дворъ. Это и послужило поводомъ къ настоящему дѣлу: черничка взыскиваетъ за цыпленка р у б л ь. Къ разбору дѣла за восемь верстъ явились: истица, отвѣтчикъ—отецъ провинившагося мальченки съ самимъ виновникомъ дѣла, и десятскій, въ качествѣ свидѣтеля, которому старуха, по всѣмъ правиламъ крючкотворства, предъявила трупъ цыпленка и, такимъ образомъ, засвидѣтельствовала свершенное преступленіе.

— Изъ своихъ обидовъ къ вамъ, господа судіи праведные... Нѣтъ моей моченьки отъ нихъ, въ гробъ меня вогнать хотятъ!..

— Ты-то насъ скоро изъ села выживешь своимъ языкомъ безстыжимъ,—говоритъ отецъ мальченки.

— Я безстыжая? Я?.. Праведные судьи! Помилосердствуйте! будьте заступниками! На старости лѣтъ такое поношеніе...

— Да вы постойте!.. Вы разскажите намъ толкомъ, о чемъ вы просите?

— Писклака у меня задушилъ его змѣенышъ... Они у меня такъ всѣхъ куръ передушатъ.

— Ври больше, рада языкъ-то чесать... А мальченка точно, побаловался, такъ я ему за это вихры надралъ.

— Сколько-жъ вы за цыпленка вашего получить желаете?—останавливаю я ихъ препирательства.

— Меньше рубля никакъ не могу, потому они у меня канехинскаго завода. Еще упокойная барыня, Надежда Яковлевна, когда изволила...

— Постойте, постойте!... Такъ рубль просите?

— Да-съ, рубликъ-съ. А что сверхъ этого положите, коли ваша милость будетъ, ваше благородіе, господинъ писарь...

— Ну, будетъ!.. прерываетъ ее Черныхъ.—Ты, Игнатичъ, сына, говоришь,—поучилъ?

— Поучилъ, Денисъ Иванычъ, какъ-же,—въ ту-жъ пору поучилъ, чтобъ не баловался.

— А ну-ка поучи еще!

Отцовская длань немедленно запутывается въ бѣлобрысыхъ волосенкахъ восьмилѣтняго мальчугана; раздается жалобный пискъ: „батя, не буду! Ой, ой, никогда не буду!“...

— Ладно!—останавливаетъ Денисъ Иванычъ экзекуцію.—Такъ ты не будешь больше баловаться, парнишка, а?

— Не буду, дяденька!..

— То-то-жъ, смотри!.. А то я вотъ Петровичу тебя отдамъ—онъ не такъ раздѣлаетъ... А ты, Игнатичъ, отдай ей пятиалтынный-то за писклака...

— Что-жъ, Денисъ Иванычъ,—я цѣну настоящую завсегды отдать готовъ... А то вдругъ—рупь!..

— Это какъ-же, судьи праведные, сверхъ рублика пятиалтынничекъ мнѣ на убожество пожаловали?—алчнымъ тономъ спрашиваетъ черничка.

— Ну, зажирѣешь, мàта: всего-на-всего пятиалтынный.

— Это что же будетъ?.. Въ насмѣшку вы мнѣ это дѣлаете?—такъ я не молоденькая!.. Нѣтъ-съ, я этимъ судомъ недовольна; два раза по восьми верстъ проѣздила...

— А кто-жъ те сюда тянулъ? Сидѣла бы себѣ дома, акаѳисты читала, да душу спасала... ехидствуетъ Колесовъ.

— Скопію мнѣ пожалуйте, господинъ писарь: я дѣла кончать не буду; я завтра-жъ къ господину становому приставу... Рази это по закону?... Я до высокихъ особъ доходить буду!

— За копіей приходите въ середу, раньше не будетъ готова,—объясняю я.

— Это мнѣ еще разъ восемь-то верстъ переть?.. Понимаю-съ, очень даже преотлично понимаю-съ, что все это вы въ насмѣшку мнѣ дѣлаете. Только ужъ я не позволю—нѣтъ, ужъ я не позволю!..

И черничка, при дружномъ хохотѣ всѣхъ присутствующихъ (кромѣ Черныха), бѣгомъ бѣжитъ изъ волости—жаловаться товаркамъ на причиненную ей обиду.

— Никого тамъ больше на судъ нѣту?—спрашиваю я Петровича.

— Никакъ нѣтъ-съ!..

Судьи съ нетерпѣніемъ ожидаютъ этого отвѣта, что вполнѣ понятно, ибо уже одиннадцать часовъ вечера. Мы сидѣли, такимъ образомъ, безъ перерыва, семь часовъ, и въ это время разобрали тринадцать исковъ; остальныя пять дѣлъ, назначенныя на этотъ день „къ слушанію“, пришлось оставить безъ разсмотрѣнія, потому что по двумъ—не явились истцы, въ одномъ—не оказалось отвѣтчика, а по двумъ прочимъ состоялось примиреніе между тяжущимися до вызова ихъ на судъ.

— Слава Тебѣ, Создатель Милосердный!..—шепчутъ судьи, дѣлая истовые поклоны передъ иконой. Однако, я увѣренъ, что всякій изъ нихъ влагаетъ въ эти слова свой особый смыслъ, кромѣ развѣ Колесова, который кладетъ кресты машинально, по привычкѣ: Черныхъ благоговѣйно благодаритъ Создателя за наставленіе его уму-разуму, Ѳедька—за то, что наконецъ-то настала минута ѣхать ко двору, а Пузанкинъ — за то, что настала возможность пропить

полтинникъ, полученный имъ съ пастуховой жены — въ благодарность за содѣйствіе, оказанное ей при полученіи „разводной“ отъ мужа...

XVI.

О волостномъ судѣ вообще.

Волостной судъ представляется мнѣ всегда, выражаясь низкимъ стилемъ, въ образѣ человѣка, сидящаго на двухъ стульяхъ, которые постепенно раздвигаются подъ нимъ въ разныя стороны. Стулья эти—законъ и обычай.

Не столѣтіями, а только десятилѣтіями приходится измѣрять промежутокъ времени съ того момента, когда новая струя вторглась въ тѣсно замкнутый кругъ народной жизни, гдѣ все было такъ прилажено по своимъ мѣстамъ, гдѣ всякое явленіе имѣло свое объясненіе, а на всякій случайно возникавшій вопросъ имѣлся уже готовый, дѣдами и прадѣдами выработанный во всѣхъ деталяхъ отвѣтъ,—и за этотъ-то сравнительно короткій промежутокъ времени новыя начала успѣли произвести такую ломку въ основахъ народной жизни, что отъ стройнаго зданія мірскихъ и семейныхъ обычаевъ остались лишь жалкія развалины, и только богатое воображеніе можетъ возстановить по нимъ всю картину исконнаго обычнаго права. Но, съ другой стороны, и новое, стройное зданіе писанной регламентаціи, т. - е. закона, не успѣло еще воздвигнуться на мѣстѣ катастрофы, и вотъ нынѣшній деревенскій обыватель съ тоской бродитъ между развалинами одесную и начатыми постройками ошую, тщетно разыскивая тѣ „устои“, которые послужили бы ему опорной точкой въ его исполненной треволненіями жизни. Правда, что слово „законъ“ получило уже въ народѣ полное право гражданства: его употребляютъ и кстати, и не кстати, въ послѣднемъ случаѣ даже чаще, чѣмъ въ первомъ; выраженіе—„сдѣлать по закону“ стало синонимомъ „сдѣлать ловко, хорошо, надежно“, независимо отъ того, будетъ ли это сдѣлано по совѣсти, согласно мірскимъ воззрѣніямъ на справедливость, или нѣтъ; но законъ не замѣнилъ собою народу полу-исчезнувшихъ устоевъ его жизни.

Дѣйствительные законы совершенно неизвѣстны народу; онъ знаетъ только одинъ законъ: это то, что говоритъ или приказываетъ начальство, какое бы оно ни было,—урядникъ ли, писарь, мировой ли судья или судебный слѣдователь... Законъ сталъ аттрибутомъ власти; власть, попрежнему, внушаетъ одинъ только страхъ (признаковъ уваженія, довѣрія, любви—нѣтъ),—поэтому, и законъ сталъ внушать безотчетный страхъ. И вотъ откуда происходитъ такое колоссальное значеніе закона въ народной жизни и такое, при этомъ, огромное непониманіе истиннаго его смысла и требованій: законъ, въ глазахъ мужика, это—нѣчто грозное, необъятное, таинственное, то нѣчто, во имя котораго начальство напускаетъ страхъ, ругается, поретъ, выколачиваетъ недоимки, ссылаетъ въ Сибирь, потрошитъ покойниковъ, сноситъ избы, убиваетъ больную скотину, брѣетъ лбы, прививаетъ оспу, и т. д., и т. д., до безконечности. И откуда же темному, невѣжественному народу понять логическую причину всѣхъ этихъ на него воздѣйствій, если нѣкоторые исполнители закона, понимающіе ими творимое, не удостоиваютъ входить въ разъясненіе своихъ поступковъ и ограничиваются всесильной формулой: „законъ того требуетъ“,—а нѣкоторые, преимущественно низшіе исполнители, наиболѣе близко стоящіе къ народу, сами не понимаютъ истиннаго смысла и конечной цѣли выполняемыхъ ими предначертаній начальства, которыя и суть въ ихъ глазахъ самъ законъ? Изъ этой путаницы понятій вытекаетъ путаница терминовъ, выраженій и проч., и наоборотъ, ничего не говорящіе термины порождаютъ дикія представленія: „сдѣлать по закону“ значитъ, съ точки зрѣнія мужика, сдѣлать такъ, чтобы начальство, съ которымъ придется имѣть дѣло, осталось довольно, не придралось бы. „Напиши мнѣ росписку; да гляди—по закону напиши!“ говоритъ мужикъ писарю: это значитъ, что онъ проситъ написать такъ, чтобы мировой судья, которому, можетъ быть, придется читать росписку, не швырнулъ бы ее обратно (что нерѣдко случается), а принялъ бы ее къ разсмотрѣнію. „Ямы для зарыванія павшаго отъ чумы скота надо рыть не менѣе 3-хъ аршинъ“,—приказываетъ урядникъ и, для большаго убѣжденія, добавля-

етъ: „ты пойми, вѣдь это не я говорю, а законъ!“ И мужики пунктуально выполняютъ сообщенный имъ законъ: роютъ ямы въ 3 аршина глубины, но валятъ въ одну яму по три трупа, такъ что верхній лежитъ почти въ уровень съ поверхностью земли. А урядникъ уходитъ довольный собою и увѣренный, что имъ въ точности исполнено требованіе закона... Да такихъ примѣровъ можно привести не десятки, не сотни, и не тысячи, а милліоны: въ любомъ № любой газеты найдется разсказъ о послѣдствіяхъ дурно понятаго или вовсе непонятаго закона.—Посмотримъ, что изъ всего этого слѣдуетъ. Зная, какъ народъ боится закона и, вмѣстѣ съ тѣмъ не понимаетъ, что̀ законъ и что произволъ,—всякій, кто по развязнѣе (ужъ не говоря про начальство) старается при помощи „закона“ извлекать выгоду въ трепещущихъ передъ этимъ сфинксомъ простофилей.

— Ты чего, тетеря, не сворачиваешь съ дороги?—кричитъ мой ямщикъ на встрѣчнаго мужика съ возомъ.

— Да пострянешь: вишь, сугробъ какой!

— А не знаешь, иродъ, что „по закону“ ты долженъ начальнику дорогу давать?.. Сворачивай иль я те кнутомъ огрѣю...

Въ данномъ случаѣ, ямщикъ, везущій хотя такое микроскопическое начальство, каковъ волостной писарь, тѣмъ самымъ уже выдвинулся изъ общаго уровня народной массы и считаетъ себя въ правѣ издавать встрѣчнымъ лапотникамъ выгодные для себя „законы“... И такъ всегда и вездѣ, и примѣровъ этого рода такое обиліе, что ихъ приводить не стоитъ.

Куда мужикъ ни сунется, вездѣ ему тычутъ истинными или вымышленными законами. Хочется батюшкѣ съ мужика содрать лишнюю пятишницу за свадьбу,—онъ говоритъ, что нужна метрическая выпись. „Батюшка, да нельзя-ли какъ-нибудь безъ этой метривки?“—Нельзя, надо; не я, а законъ этого требуетъ.—„Батюшка, ужъ я те трюшницу дамъ, не нудь ты меня!“ И законъ—попранъ, но мужикъ не знаетъ, истинный или вымышленный. — Пошла баба въ казенный лѣсъ ягодъ набрать; ее поймалъ объѣздчикъ и требуетъ рубль штрафу, таща къ лѣсничему: „не я, а законъ требуетъ“.—„Отпусти, родименькій, я те двоегривенничекъ дамъ!“.. И

законъ опять исчезаетъ со сцены.—Старшина не хочетъ страховать зданія: „нельзя по закону,—тутъ четырехсаженнаго разрыва нѣтъ“; а напился чаю, да получилъ рублевку,—и четырехсаженный разрывъ превращается въ законный.—Нужно мужику подать какое-нибудь прошеніе; сунулся онъ къ становому, а тотъ посылаетъ его въ городъ къ исправнику: „я бы помогъ тебѣ, да по закону не могу“... Мужикъ—къ исправнику, а тотъ его—въ уѣздное присутствіе, которое—„по закону“—должно вѣдать эти дѣла; но въ присутствіи ему именемъ того же закона приказываютъ доставить прежде всего справку изъ волостного правленія,—и вотъ мужикъ опять идетъ въ село за справкой. Такимъ образомъ, мужикъ видитъ вокругъ себя сплошные тенета закона и постоянно чувствуетъ тяжесть опеки: нѣкоторыя личности, посмѣлѣе, прибѣгаютъ къ хроническому подкупу, какъ испытанному средству ускользать изъ тенетъ закона; другія, по-проще, доходятъ даже до комизма въ опасеніяхъ своихъ проштрафиться по отношенію къ законамъ, существующимъ иногда только въ ихъ напуганномъ воображеніи.

Приходитъ ко мнѣ какъ-то разъ мужикъ, котораго я лично зналъ; мужикъ хорошій, но по нынѣшнимъ временамъ излишне смирный. Выбрали его недавно опекуномъ къ сироткѣ-мальчику, и вотъ эта опека стала истиннымъ источникомъ мученія для несчастнаго мужика, чувствующаго себя постоянно подъ дамокловымъ мечомъ закона.

— Ты что, Акинѳьевичъ?

— Да что, Н. М., къ вашей милости. Дѣло тутъ выходитъ такое, что и ума не приложу.

— Небось, опять касательно опеки?..

— Объ ней, батюшка, объ ней, постылой. Ужъ вы, Н. М., ослобоните меня, сдѣлайте такую милость: выберите другого опекуна! Совсѣмъ она меня скружила, треклятая!..

— Да что такое случилось? Сказывай, пожалуйста!

— Дѣло то вотъ какое: остался отъ покойничка Ивана Сидорыча полушубокъ старенькій; а какъ таперича къ зимѣ дѣло подходитъ, я было надумался переченить полушубокъ для Мишутки,—пускай, думаю, себѣ носитъ на здоровье,—да ужъ и не знаю, какъ съ этимъ дѣломъ быть...

— Мишутка—это сирота что-ль?

— Онъ, онъ самый!.. Такъ какъ же, батюшка Н. М., по закону это какъ будетъ—ничего? Въ отвѣтѣ я не буду?

— Да что ты, другъ мой, рехнулся что ли? За что же ты виноватъ будешь? За то, что старый отцовскій полушубокъ сыну передѣлаешь?.. Да посуди ты самъ, ты этимъ вѣдь добро сиротѣ сдѣлаешь: такъ за что же тутъ виноватымъ быть?

— Вотъ то-то мы народъ темный!.. Думается, ку-быть ничего плохого нѣтъ, а сосѣди говорятъ: пойди, спросись, какъ бы въ отвѣтъ за это не попасть, потому, молъ, все до совершенныхъ годовъ мишуткиныхъ въ цѣлости должно быть; какъ на руки принялъ, такъ и сдай,—до нитки то-ись...

— Пустое, Акинфьевичъ, пустое! Зря тратить, или на себя изводить не хорошо, а если на пользу...

— Ну, вотъ это самое и я думалъ, а все-таки, говорятъ,—поди съ писаремъ погутарь,—онъ человѣкъ ученый, всѣ законы знаетъ... А мы народъ темный, кто е знаетъ, може, и впрямь такой законъ есть...

Въ одномъ изъ селеній нашей волости рѣшительно въ каждомъ дворѣ занимаются посѣвомъ табаку-махорки на огородахъ; культура эта возникла лѣтъ около семи тому назадъ. До изданія акцизныхъ правилъ 1883 года сбытъ табака производился безпрепятственно, безъ всякихъ формальностей, а тутъ вдругъ пошли разныя регламентаціи относительно выправленія изъ волости ярлыковъ, укупорки табачныхъ мѣстъ, и пр. Недоразумѣній по этому поводу была въ первое время масса.

— А что, Н. М., хотѣли мы поспрошать васъ объ одномъ дѣлѣ... таинственно докладываютъ мнѣ два табаковода изъ этого селенія.

— Спрашивайте.

— Ужъ мы не знаемъ, какъ и говорить-то: такого горя напринялись. Научите ужъ насъ, какъ бы намъ въ отвѣтѣ не быть. Табачекъ-то мы отвезли свой, продали, все по формѣ, и ярлыки сдали, что отъ васъ получили; а оказывается, что все-таки грѣхъ-то насъ попуталъ.

— Какой же грѣхъ? Вы не бйтесь, говорите все, какъ есть.

— Да вотъ какое дѣло. Н. М.: трубочкой мы и сами съ

сватомъ займаемся, такъ не весь табачекъ-то свезли на продажу, а оставили себѣ фунтиковъ по десятку—на баловство, значитъ; а тутъ и прослышали, быдто этого по новому закону нельзя, быдто за это въ острогъ сажаютъ!

Послѣ нѣкоторыхъ усилій съ моей стороны мужики успокоиваются относительно своей контрабанды.

— И еще ужъ хотѣли за одно обезпокоить вашу милость. Правду гуторятъ, что съ будущаго года менѣе пятидесяти пудовъ табаку нельзя и съ огорода сымать, чтобы маленькихъ, значитъ, огородовъ совсѣмъ не было? А у кого меньше полъ-ста окажется, такъ у того задаромъ будутъ табакъ въ полки отбирать для солдатъ?

А вотъ подлинный разсказъ мужика о волненіяхъ, охвативших деревню при появленіи новаго въ ней начальства—урядника.

— ...Вбѣгаетъ, этто, мальченка мой, запыхался весь и говоритъ: „тятька, сичасъ мы на улицѣ съ робятами играли,—вдругъ идетъ по улицѣ новый урядникъ, что вечоръ пріѣхалъ,—важный такой, усищи—во!.. и большущая у него сабеля на боку виситъ. А тутъ тетка Матрена съ теткой Анисьей стоятъ и гуторятъ промежъ себя: вотъ его, говорятъ, царь прислалъ; и можетъ онъ, по закону, этой самой сабелей головы рубитъ ворамъ... А съ сабелей этой онъ, слышь, и спитъ, николи не съимаетъ, а какъ снялъ,—сичасъ его въ Сибирь“... Что ты, говорю, щенокъ пустое болтаешь? „Нѣтъ, гритъ ей-Богу, не вру! Поди, самъ посмотри“. И взяло меня тутъ раздумье: пожалуй, и впрямь новое такое начальство проявилось; пойду, думаю, въ трахтиръ, тамъ у людей узнаю. Пришелъ; а тамъ народу—словно въ праздникъ набралось, и все объ этомъ самомъ урядникѣ толкуютъ. Кто гритъ—что точно, головы рубить будетъ, а кто—что только поджилки на ногахъ будетъ подрѣзывать... Только сидимъ это мы, толкуемъ промежь себя—глядь, вотъ онъ и самъ тутъ: сурьезный такой, и прямо къ Ермилычу въ его горницу прошелъ. Ну, думаемъ, чтой-то будетъ?.. Какіе—по домамъ разбѣглись, а какіе—не поопасались, остались чай допивать: мы, говорятъ, свои деньги за чай заплатили, а такого закона нѣтъ, чтобы чай пить въ трактирѣ нельзя было... Смотримъ,

Ермилычъ къ нему водку несетъ; а тутъ Михейка у насъ есть, безшабашная головушка — и гритъ Ермилычу: „слышь, Ермилычъ, а что: для-ради перваго знакомства нельзя полуштофчикомъ господина урядника попросить?“ Тотъ смѣется: чего опасаетесь, подносите!—Мы это живымъ манеромъ сорудовали водочку, и селедочку спросили, кренделей фунтъ взяли пшеничныхъ, и говоримъ Ермилычу: какъ бы это ихнюю милость кликнуть?.. А тотъ по-просту—извѣстно, ему не боязно—и гритъ ему-то: тамъ, молъ, мужики съ поклономъ васъ ждутъ. „Онъ“ и выходитъ къ намъ: что вы, гритъ, ребята?—Такъ и такъ,—Михейко-то ему,—не пожалуете ли для-ради пріѣзда стаканчикъ отъ насъ откушать? Какъ мы, т.-е., всею душею... Ну, да и ловокъ же Михейка зубы-то чесать, это что и говорить... Ладно; а тотъ долго ломаться не сталъ, сичасъ, это, сѣлъ, выпилъ стаканъ и гритъ: хороша, дескать, водка. Ну, мы тутъ духу-то набрались и стали допытываться, что и какъ; а онъ все это съ форсомъ о себѣ: теперь, гритъ, я по закону старѣе всѣхъ у васъ по волости,—мнѣ и старшина ни по чемъ. Одначе, про сабелю сказалъ, что она только по формѣ требуется, а что поджилокъ рѣзать онъ не будетъ: такого, вишь, закона еще не было.

Не могу тутъ же не вспомнить разсказъ старшины Якова Иваныча о томъ, какъ онъ знакомился съ машиной, т.-е. съ желѣзной дорогой. Было ему лѣтъ 17, когда провели эту машину, надѣлавшую огромнаго шума въ околоткѣ. Пронесся, между прочимъ, слухъ, что на нее глядѣть не дозволяется, „а кто глядѣть будетъ, въ того съ машины изъ ружья палить будутъ“. Вотъ Яковъ Иванычъ былъ въ лѣсу, какъ-то недалеко отъ линіи желѣзной дороги.—„Вдругъ слышу, гудитъ... Ну, думаю, пропалъ я: застрѣлятъ!.. Либо въ чащу бѣжать, либо на мѣстѣ остаться—посмотрѣть, что за машина такая; авось въ лѣсу-то не замѣтятъ... Легъ я на брюхо, да ползкомъ за кустъ, оттуда и посмотрѣлъ. Потомъ, какъ на деревни сказывалъ, не вѣрили: врешь, говорятъ, хвастаешь“...

И вотъ тотъ же самый Михейка, допытывавшійся,—будетъ ли урядникъ рѣзать поджилки,—попадаетъ въ волостные судьи; его берутъ прямо изъ трактира, гдѣ рѣчь идетъ про „сабелю“ и „поджилки“, сажаютъ за столъ, подъ портретомъ

въ золотой рамкѣ, и говорятъ: суди!.. А судить надо „по закону“—это Михейка твердо знаетъ, потому что ежедневно слышитъ это и отъ мужиковъ, и отъ старшины съ писаремъ, и отъ всякихъ деревенскихъ грамотѣевъ и бывалыхъ людей. И тяжущіеся очень часто говорятъ ему, Михейкѣ, во время судопроизводства: „ты какъ насъ судишь-то?.. ты суди по закону, а не какъ-нибудь“. Да и у писаря, что рядомъ сидитъ, книги лежатъ на столѣ и бумаги разныя,—значитъ, и впрямь законы есть, по которымъ судить должно, а какіе-такіе законы—онъ, Михейка, рѣшительно не знаетъ и потому держитъ себя на судейскомъ креслѣ смирнехонько, слушаясь во всемъ писаря. Несмотря на то, что я на практикѣ старался возможно объективно относиться къ дѣйствіямъ волостныхъ судей, но и мнѣ иногда приходилось „во имя закона“ становиться въ разрѣзъ съ мнѣніями судей: изъ описанія дѣлопроизводства въ крестьянскомъ судѣ читатель, я думаю, замѣтилъ, что я принужденъ былъ защищать отвѣтчика по гражданскому дѣлу отъ тягчайшаго уголовнаго наказанія—порки. Не сдѣлать этого я, по закону, не могъ, такъ какъ на писарѣ лежитъ обязанность разъяснять судьямъ законы, а поступивъ такъ, какъ поступилъ, я грубо подавилъ требованіе народнаго правосудія о наказаніи наглаго обманщика, вина котораго—ложная божба—хотя и не была юридически доказана, но очень ясно чувствовалась всею обстановкою дѣла. Сколько же давленія производится вообще писарями и старшинами на правовой обычай въ пользу химерическаго, экспромтомъ придуманнаго „закона“, подъ которымъ, въ большинствѣ случаевъ, скрывается пристрастіе, подогрѣтое мѣрою пшена или поросенкомъ?.. И вотъ, судья окончательно не знаетъ, чѣмъ ему руководствоваться,—слышанными ли отъ стариковъ изреченіями народной мудрости: „какъ допрежь живали дѣды и отцы и какъ намъ приказывали жить“,—или авторитетными указаніями писаря на законы?

Я не говорю, что *всѣ* писаря *всегда* толкуютъ фальшиво законы, но, при нѣкоторой беззастѣнчивости, самыя невѣроятныя штуки могутъ сходить съ рукъ единственному умственному во всей волостной администраціи человѣку. Хотя и не всѣ такія продѣлки съ закономъ удаются, но мужикъ въ теченіе своей

жизни успѣваетъ тысячу разъ убѣдиться на дѣлѣ, что начальство въ одномъ случаѣ примѣняетъ одинъ законъ, въ другомъ, совершенно подобномъ случаѣ — другой законъ, и т. д.; отсюда происходитъ стремленіе упросить администрацію примѣнить къ данному случаю какой-нибудь законъ полегче, а всякій проситель твердо памятуетъ пословицу: „сухая ложка и ротъ деретъ“.. Послѣдствія такого положенія вещей понятны.

Однако, кромѣ ближайшаго, непосредственнаго толкователя законовъ—писаря, надъ волостными судами тяготѣетъ еще другой, болѣе авторитетный и поэтому болѣе опасный для самостоятельности судовъ толкователь: это: — уѣздное по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе. Писарь въ поступкахъ своихъ руководствуется, главнымъ образомъ, матеріальнымъ расчетомъ: дана ему мѣра пшена—попранъ обычай, торжествуетъ „законъ“, въ другомъ, однороднымъ съ этимъ, случаѣ,—пшено на сцену не появлялось—и писарю нѣтъ никакой цѣли, никакого расчета производить давленіе на судей; словомъ, принципъ не играетъ въ данномъ случаѣ никакой роли, и отдѣльныя злоупотребленія писарей, не будучи, такъ сказать, систематизированы, никакъ не могутъ производить такого же эффекта, какой производитъ сознательное подчиненіе одного начала другому, рядъ мѣропріятій, имѣющихъ одну цѣль,—словомъ, какъ дѣятельность уѣздныхъ присутствій.

Эти присутствія суть, по закону, кассаціонныя инстанціи для обжалованія рѣшеній волостного суда; аппелляціонной инстанціи для той же цѣли реформа 1861 года не учредила, а возложила на кассаціонную обязанность слѣдить за ненарушеніемъ волостными судами, съ одной стороны — общихъ существующихъ законовъ, и съ другой — предѣловъ компетенціи. Отсутствіе посредствующей инстанціи между этими двумя сословными учрежденіями — волостнымъ судомъ и крестьянскимъ присутствіемъ (кому же неизвѣстно, что *крестьянскія* присутствія только по названію *крестьянскія*, а въ дѣйствительности, по составу своихъ членовъ — чисто дворянскія?)— привело къ полному подчиненію одного изъ нихъ другому и къ безпрепятственному вторженію сильнѣйшаго въ область слабѣйшаго. Нужно ли говорить, которое изъ

этихъ двухъ учрежденій сильнѣе и которое слабѣе, беззащитнѣе!.. Здѣсь не мѣсто производить полную оцѣнку вліянія уѣздныхъ присутствій на волостные суды; такая оцѣнка уже нѣсколько разъ выполнялась лицами, располагавшими матеріаломъ несравненно обширнѣйшимъ, чѣмъ располагаю я, да цѣль настоящихъ замѣтокъ не есть какая-либо цѣль научная, съ готовыми, законченными выводами; я предполагалъ дать только рядъ картинъ изъ народной жизни въ области ея соприкосновенія съ волостью вообще и съ волостнымъ писаремъ—въ особенности. Поэтому, не рѣшая такого важнаго вопроса, каковъ вопросъ о подчиненіи сословнаго суда, основаннаго на обычномъ правѣ, административно-чужесословному учрежденію, я ограничусь только нѣсколькими бѣглыми замѣчаніями.

Совокупность мѣропріятій уѣзднаго присутствія относительно волостного суда клонится къ захвату непосредственной надъ нимъ власти черезъ низведеніе себя изъ кассаціонной инстанціи въ апелляціонную; конечная цѣль этой метаморфозы есть подчиненіе независимаго учрежденія писанному закону, нивеллировка особенностей народной жизни, не гармонирующихъ съ началами, положенными въ основаніе всего строя государственнаго бюрократизма. Наилучшій практическій способъ для такого подчиненія себѣ независимыхъ крестьянскихъ судовъ уже открытъ и состоитъ въ регламентаціи дѣятельности этихъ судовъ посредствомъ различныхъ распоряженій, дѣлаемыхъ по адресу волостныхъ правленій. И вотъ, мы видимъ грустную и вмѣстѣ съ тѣмъ преуморительную картину. Волостной судъ не есть какое-либо постоянно функціонирующее учрежденіе: оно возникаетъ по воскресеньямъ, примѣрно въ 4 часа дня, и вновь распадается послѣ нѣсколькихъ часовъ существованія никакія „бумаги“ до него не доходятъ; волостной старшина и сельскіе староста не имѣютъ, по закону, права даже присутствовать при разборахъ дѣлъ, не говоря уже—руководить судомъ или разъяснять ему что-либо. Слѣдовательно, единственнымъ посредникомъ между уѣзднымъ законодательнымъ учрежденіемъ и волостнымъ судомъ опять-таки является наемное лицо,—волостной писарь, не имѣющій, по закону, права вмѣшиваться въ разборъ дѣла,

и вся обязанность котораго, опять по закону же, должна ограничиваться записью постановленій этого „независимаго“ суда. Между тѣмъ, въ силу распоряженій присутствія, которыя даются волостнымъ правленіямъ и которыми разрѣшаются или возбраняются волостному суду тѣ или другія отправленія,—этотъ писарь является какъ бы предсѣдателемъ независимаго суда, законо-толкователемъ, единственнымъ лицомъ, знающимъ, что дозволено и что не дозволено суду, и поэтому накладывающимъ на то или другое рѣшеніе суда свое veto. Судъ хочетъ приговорить человѣка къ наказанію—стой, нельзя, онъ въ этомъ дѣлѣ только свидѣтелемъ, а не отвѣтчикомъ; судъ хочетъ взыскать съ вора убытки, причиненные его кражей, и, кромѣ того, наказать его уголовнымъ порядкомъ—опять стой, нельзя въ одномъ дѣлѣ соединять уголовный и гражданскій иски; судъ хочетъ разобрать дѣло о принадлежности огорода тому или другому брату—опять нельзя: эта дѣло сельскаго схода; судъ хочетъ наказать подравшихся пьяницъ—опять и опять нельзя: это дѣло мирового судьи, потому что драка происходила на улицѣ... И вотъ, цѣлымъ рядомъ распряженій, уѣздное присутствіе узаконяетъ беззаконіе: даетъ просторъ дѣйствіямъ волостного писаря, т.-е. сознательно подчиняетъ судъ писарю, не выпуская этого послѣдняго изъ своихъ ежевыхъ рукавицъ и властвуя, такимъ образомъ, надъ судомъ чрезъ посредство своего вполнѣ зависимаго подчиненнаго, вольнонаемнаго безправнаго лица. Вотъ въ общихъ очертаніяхъ картина настоящаго положенія вещей; позволяю себѣ, по принятому мною порядку, нѣсколько иллюстрировать все вышесказанное.

Въ одномъ сельскомъ кабакѣ, поздно вечеромъ, засидѣлась компанія пріятелей-кумовьевъ; кабатчикъ, истый типъ мелкаго деревенскаго кулака, закрылъ ставни и входную дверь, самъ присосѣдился къ компаніи, и попойка продолжалась, такимъ образомъ, какъ бы въ домашнемъ кругу. Изрядно выпивъ, одинъ изъ гостей заспорилъ о чемъ-то съ хозяиномъ; дальше-больше, дошло и до драки: драться началъ кабатчикъ и, будучи сильнѣе своего противника, избилъ его, раскровянилъ ему губу и разорвалъ на немъ новую рубаху „французскаго ситца“. Все это подтвердилось на судѣ сви-

дѣтельскими показаніями прочихъ двухъ кумовьевъ; когда ихъ спрашивали,—почему же они не вмѣшались въ дѣло и не прекратили избіенія своего товарища, то они отвѣтили, что не посмѣли идти противъ Сергѣича, т.-е. кабатчика. Избитый подалъ жалобу въ волостной судъ. Вызванный по повѣсткѣ кабатчикъ еще до суда отозвалъ меня къ сторонкѣ и просилъ „похлопотать“, чтобы дѣло окончилось ничѣмъ или, самое большее, какимъ-нибудь денежнымъ штрафомъ въ полтинникъ или рубль... Несмотря на то, что двое изъ четырехъ судей видимо клонили дѣло къ желаемому отвѣтчикомъ исходу, въ концѣ концовъ было постановлено подвергнуть негостепріимнаго хозяина аресту на трое сутокъ и взыскать съ него въ пользу потерпѣвшаго — за изорванную рубаху „французскаго“ ситца—одинъ рубль. Кабатчикъ остался рѣшеніемъ этимъ недоволенъ и подалъ жалобу въ присутствіе, которое и отмѣнило рѣшеніе на томъ основаніи, что драка происходила въ публичномъ мѣстѣ, и разборъ дѣла подлежалъ, поэтому, вѣдѣнію мирового судьи. Какимъ образомъ избушка, служащая въ ночную пору квартирою хозяина, оказалась публичнымъ мѣстомъ, когда у ней были окна и двери на запорѣ — рѣшить не берусь. Послѣдствіемъ такого примѣненія закона было, что обиженный мужикъ, уже три раза ѣздившій за 10 верстъ по этому дѣлу въ волость (въ 1-й разъ—записать жалобу, во 2-й—явиться къ разбору дѣла и въ 3-й—выслушать рѣшеніе уѣзднаго присутствія), только рукой махнулъ и отъ дальнѣйшаго веденія дѣла отказался, въ виду новыхъ поѣздокъ за 25 в. къ мировому судьѣ... А Сергѣичъ торжествовалъ.

Въ описываемой черноземной мѣстности, гдѣ земля съ избыткомъ окупаетъ лежащія на ней повинности, скидка и накидка тяголъ совсѣмъ не производится, и общество не вмѣшивается въ порядокъ владѣнія отдѣльными домохозяевами своими душевыми надѣлами: братья дѣлятся, сыновья наслѣдуютъ отцовскія души безъ всякаго вмѣшательства со стороны общества,—потому что земля, числящаяся за извѣстной семьей, считается какъ бы ея неотъемлемою собственностью отъ передѣла до передѣла, которые въ описываемой мѣстности бываютъ большею частью при ревизіяхъ. Всякіе споры,

происходящіе при раздѣлѣ или при наслѣдованіи, принято здѣсь передавать на разсмотрѣніе волостного суда; изъ этого общаго правила не изъемлются и споры о надѣлѣ, какъ объ объектѣ владѣнія.—Два брата, давно уже жившіе врозь, не сумѣли мирно подѣлитъ земельный надѣлъ ихъ умершаго отца: одинъ требовалъ подѣлить его пополамъ, а другой хотѣлъ его вовсе присвоить себѣ на томъ основаніи, что покойный отецъ жилъ у него до самой своей смерти, требовалъ ухода, содержанія, и былъ, наконецъ, похороненъ имъ на свой счетъ, безъ всякой матеріальной помощи со стороны перваго брата. Волостной судъ, разсмотрѣвъ это дѣло, рѣшилъ, чтобы младшій братъ, у котораго жилъ отецъ, въ возмѣщеніе своихъ убытковъ отъ болѣзни и похоронъ отца, пользовался два года всѣмъ отцовскимъ надѣломъ, а по прошествіи двухъ лѣтъ—уступилъ бы половину его другому брату. Этотъ послѣдній остался рѣшеніемъ суда недоволенъ и подалъ жалобу въ присутствіе; но такъ какъ тамъ не спѣшатъ съ разборомъ дѣлъ, и они лежатъ по году и дольше, то, пождавъ нѣкоторое время резолюціи присутствія, жалобщикъ махнулъ рукой и рѣшилъ подчиниться постановленію суда— т.-е. дозволилъ брату запахать весь надѣлъ, – какъ вдругъ приходитъ изъ присутствія ненужная уже резолюція: постановленіе суда отмѣнить, такъ какъ принятое имъ къ разсмотрѣнію дѣло подлежитъ-де вѣдѣнію сельскаго схода, на основаніи такой-то ст. Общ. Полож. И вотъ, сельскій сходъ, изъ болѣе чѣмъ ста человѣкъ, долженъ приступить къ необычному для него дѣлу,—разбору семейной тяжбы; братья тратятся на угощеніе „стариковъ“ виномъ, чтобы задобрить ихъ; происходитъ трехчасовая брань, чуть-чуть не доходящая до всеобщаго мордобитія, и дѣло, наконецъ, кончается тѣмъ же, что и на волостномъ судѣ, вѣрнѣе сказать—утверждается состоявшееся годъ тому назадъ постановленіе суда, которое, конечно, было сходу извѣстно... Какое, подумаешь, знаніе мѣстныхъ обычаевъ, какое пониманіе духа Общ. Положенія сказалось въ революціи уѣзднаго законо-толковательнаго учрежденія!..

XVII.

Дѣла, разбираемыя волостнымъ судомъ.

Не менѣе 50% всѣхъ дѣлъ, разбираемыхъ въ волостномъ судѣ, сославляютъ иски о землѣ и иски по поводу сдачи и найма земли. Въ описываемой мѣстности земля составляетъ почти единственный объектъ труда, такъ какъ кустарныхъ промысловъ или фабричныхъ и другихъ какихъ-либо заработковъ здѣсь почти не существуетъ; весь смыслъ крестьянской жизни составляетъ земля, все вниманіе крестьянина обращено на эту его кормилицу, и поэтому не удивительно, что на волостномъ судѣ она играетъ первенствующую роль между всѣми прочими предметами исковъ. Съ другой стороны, слабая власть міра обусловливается отсутствіемъ передѣловъ (я говорилъ уже, что въ большинствѣ обществъ передѣловъ не было или съ X-ой ревизіи — это у государственныхъ, или со времени выхода на волю—у бывшихъ крѣпостныхъ; только въ послѣдніе годы нѣкоторыя общества государственныхъ крестьянъ опять передѣлили поля), даетъ поводъ къ возникновенію частыхъ недоразумѣній изъ-за земли, недоразумѣній, разрѣшеніе коихъ не по закону, а по необходимости перешло на обязанность волостного суда. Довольно значительную долю общаго числа тяжбъ, имѣющихъ отношеніе къ землѣ, составляютъ споры при наслѣдствѣ, такъ какъ земельный надѣлъ умершаго члена семьи остается въ семьѣ покойнаго, наровнѣ со всѣмъ прочимъ имуществомъ какъ движимымъ, такъ и недвижимымъ: общество не предъявляетъ правъ на вымочный надѣлъ и не награждаетъ имъ кого-либо изъ своихъ членовъ, а предоставляетъ наслѣдникамъ умершаго вѣдаться между собой. Въ не-черноземныхъ пространствахъ Россіи надѣльная земля составляетъ для крестьянина, если не совсѣмъ тягость, то ужъ во всякомъ случаѣ не слишкомъ лакомый кусокъ, благодаря лежащимъ на ней чрезмѣрнымъ повинностямъ—съ одной стороны, и необходимости большого количества удобренія—съ другой; тамъ земля безъ удобренія имѣетъ лишь цѣнность выгона, а не пахоты, и слабому домохозяину, бабѣ-вдовѣ или сиротамъ, нѣтъ никакого разсчета

„тянуть душу“, т.-е. имѣть надѣлъ, если у нихъ нѣтъ навоза.— Совсѣмъ не то у насъ, на аршинномъ черноземѣ. До сихъ поръ лишь очень рѣдкія общества, и то преимущественно мелкія, бывшія помѣщичьи, навозятъ землю, потому что черноземъ и въ своемъ естественномъ видѣ, безъ всякаго удобренія, даетъ урожай и поэтому составляетъ цѣнность самъ по себѣ; а арендная его стоимость въ три или четыре раза превышаетъ лежащіе на немъ платежи и повинности. Поэтому, отъ наслѣдованія хотя бы $^1/_4$ десятины никто изъ крестьянъ—безъ различія пола и возраста—не отказывается, такъ какъ, въ случаѣ наличности рабочаго инвентаря, доставшійся „четвертокъ“ будетъ запаханъ и дастъ урожай, не требуя крупныхъ затратъ, труда или капитала, а въ случаѣ полнаго отсутствія инвентаря, „четвертокъ“ можетъ быть сданъ въ аренду и опять-таки дастъ наслѣднику барышъ, каковой составится изъ разности между арендной стоимостью земли и лежащими на ней платежами; наконецъ, не трудно даже нанять кого-либо обработать полоску за деньги или изъ части урожая. Во всѣхъ этихъ случаяхъ, владѣлецъ получаетъ большую или меньшую выгоду отъ земли и ни за что добровольно не отдастъ ее на міръ, что противно порядкамъ, установившимся, по необходимости, на сѣверѣ: тамъ зачастую умоляютъ міръ снять душу, а міръ не снимаетъ. Еще одна черта разницы: у насъ души, такъ или иначе попавшія на міръ, обыкновенно и остаются мірскими, поступая ежегодно въ арендное содержаніе къ желающимъ; въ нечерноземной же мѣстности всякую душу, попавшую на міръ, стараются немедленно навязать кому-нибудь въ пользованіе. Причины всѣхъ этихъ особенностей понятны.

Такимъ образомъ, отъ передѣла до передѣла, надѣлъ составляетъ семейскую собственность и наслѣдуется на-ряду со всякимъ другимъ имуществомъ. Здѣсь не мѣсто выяснять особенности формъ землевладѣнія данной мѣстности, я считаю совершенно достаточнымъ указать лишь на причину сравнительно высокаго процента тяжбъ о землѣ между родственниками. Случается, что вдова, выходя замужъ въ другое селеніе, въ качествѣ приданаго приноситъ своему второму мужу земельный надѣлъ перваго; это, впрочемъ, допускается со стороны другихъ сона-

слѣдниковъ--братьевъ умершаго—только въ томъ случаѣ, если со вдовой уходятъ жить къ вотчиму малолѣтніе сыновья ея отъ перваго брака, такъ что земля идетъ, собственно говоря, не за матерью, а за сиротами, которые и суть настоящіе ея владѣльцы; если же у вдовы остались только дѣвочки, то при выходѣ ея въ замужество обыкновенно возникаютъ споры и стремленіе „отбить“ землю — или со стороны сонаслѣдниковъ, или же, за отсутствіемъ таковыхъ, со стороны и самихъ обществъ, которыя отбиваютъ такія души на міръ. Какъ мнѣ неоднократно говорили старики, такіе случаи, что міръ отбираетъ дѣвичье наслѣдство, стали встрѣчаться лишь въ послѣднее время, когда арендная стоимость земли начала ужъ черезъчуръ значительно превышать платежи за нее, чѣмъ и стала возбуждаться корысть; прежде же, вдовѣ будто бы разрѣшалось и на дѣвочекъ сохранять душевой надѣлъ покойнаго мужа. Если вдова бездѣтна, то ей дозволяется питаться отъ надѣла мужа лишь до выхода ея въ новое замужество; въ случаѣ же вторичнаго замужества, она непремѣнно лишается его. Впрочемъ, какъ мнѣ уже случилось указать при разсказѣ о кочетовскомъ передѣлѣ земли, правило это (за исключеніемъ послѣдней оговорки) также стало въ послѣднее время нарушаться, и нѣкоторымъ престарѣлымъ бездѣтнымъ вдовамъ и вдовамъ съ однѣми дѣвочками было нарѣзано по полъ-души безъ платежа податей, а нѣкоторымъ и вовсе ничего не было дано. Братья, если живутъ врозь другъ отъ друга, наслѣдуютъ отцовскій надѣлъ поровну, т.-е. получаютъ изъ него по равной части; въ случаѣ смерти кого-либо изъ такихъ братьевъ, его сыновьями дѣлится, какъ личный его душевой надѣлъ, такъ и доля дѣдовскаго надѣла; такимъ образомъ случается, что у двухъ родныхъ братьевъ бываетъ по одному собственному душевому надѣлу, да по половинѣ отцовскаго, да по четвертой или шестой части дѣдовскаго (восьмыхъ долей надѣла мнѣ не встрѣчалось). Въ случаѣ смерти старика дѣда, или дяди бездѣтнаго, или тестя безсыновнаго, дочери котораго всѣ пристроены,— земля переходитъ къ его внуку, племяннику или зятьямъ— хотя они были бы изъ другого селенія, при чемъ наслѣдники должны прокармливать бабку, тетку, если таковыя есть;

если же онѣ пожелаютъ жить самостоятельно, не переходя къ родственнику по мужской линіи „въ домъ“, то сохраняютъ за собой надѣлъ по вышеизложеннымъ правовымъ обычаямъ; но въ послѣднее время всѣ вдовы вообще встрѣчаютъ большее или меньшее противодѣйствіе, въ отношеніи наслѣдованія землею, со стороны общества.

Однимъ словомъ, покуда существуютъ какія-либо лица мужского пола въ семьѣ (а иногда, какъ сказано, достаточно только женскихъ), — земля отъ передѣла до передѣла есть собственность семейская; я нарочно употребляю выраженіе „семейская“, такъ какъ никогда крестьянинъ не смотритъ на землю, находящуюся во владѣнія семьи, какъ на собственность главы семьи—дѣда или отца. Всякій знаетъ, что въ случаѣ отдѣленія его отъ семьи, его доля—не душа, а доля—должна пойти съ нимъ и никакъ не можетъ быть удержана старшимъ въ семьѣ и, въ случаѣ малѣйшаго отступленія отъ существующихъ обычаевъ, дѣло непремѣнно доходитъ до суда; случалось, напр., что отцы выгоняли своихъ сыновей изъ дому, не давая имъ „ни синь-пороху“ изъ движимаго имущества, но сыновней земли удержать при себѣ не могли. Впрочемъ, за послѣднее время все чаще и чаще раждаются попытки нарушать порядокъ обычнаго наслѣдованія земельнымъ надѣломъ, вслѣдствіе чего волостной судъ и крестьянское присутствіе постоянно завалены такого рода тяжбами. Понятіе крестьянъ, что земля есть собственность семейская и всѣ земельныя дѣла и иски поэтому тоже—семейскіе, очень рельефно обрисовывается въ слѣдующихъ, на первый взглядъ, почти не значущихъ мелочахъ. Если случится крестьянину, имѣющему братьевъ или взрослыхъ сыновей, засудиться при покупкѣ лошади, овцы, или изъ-за платы за личный трудъ, или вообще изъ-за чего-нибудь, не имѣющаго прямого отношенія къ землѣ, то никогда ни братья, ни сыновья тяжущагося „не станутъ за него на судъ“, т.-е. не признаютъ его интересовъ за свои. „Нашихъ дѣловъ тутъ не было, пущай онъ (братъ или отецъ) самъ отвѣтъ держитъ, какъ знаетъ“,— приходилось слышать отъ отвѣтчика, высланнаго сельскимъ старостою вмѣсто настоящаго отвѣтчика, его брата, отца или сына, въ данную минуту за отлучкой, или по болѣзни,

лишеннаго возможности лично явиться въ судъ. Совсѣмъ не то будетъ, если дѣло той или другой стороной своей касается земли.

Истецъ записалъ жалобу на крестьянина села Норокъ, Ивана Васильева, о взысканіи полъ-десятины земли въ яровомъ полѣ. Къ разбору дѣла являются истецъ и отвѣтчикъ.

— Въ чемъ у васъ дѣло?

— Снялъ я у нихъ еще передъ святками осьминникъ въ яровомъ; два рубля задатку далъ. Только, мясоѣдомъ приходитъ братъ его и говоритъ: дай денегъ, нужда, говоритъ, пришла; ну, я далъ ему еще цѣлковый,—осталося за мной, значитъ, четыре. Пришло время ѣхать пахать; я и говорю: ну какъ же, Васильичъ, укажи осьминникъ-то? — А онъ и пошелъ вилять: сегодня-завтра, сегодня-завтра, да такъ по сію пору и нѣтъ мнѣ ничего... Прикажите землицу отдать.

— Ты что жъ это, Васильичъ?—обращается къ отвѣтчику его односелецъ-судья.—Деньги брать, а землю въ другія руки сдавать?.. Это, вѣдь, не модель такъ-то!..

— Вина наша; что-жъ, я не отказываюсь. Три рубля, точно, получили. Только мы его Христомъ-Богомъ просили намъ всѣ деньги отдать, потому—хлѣбушка весь изошелъ, ѣсть нечего было, одна картошка осталась,—сами знаете, лѣтошнимъ годомъ по пяти копенъ свезли съ поля... А онъ не даетъ; что-жъ намъ, не помирать же стать: ну, и отдали Кузьмѣ Панфилычу за шесть рублевъ, онъ намъ и деньги въ ту-жъ пору отдалъ.

— А я то какъ же? Такъ и пропали мои денежки?

— Прибавь малость, Платонъ Емельянычъ,—мы ужъ тебѣ осьминничекъ въ озимомъ отдадимъ.

Но Платона Емельяныча не скоро разжалобишь: основываясь на своемъ правѣ, онъ въ концѣ концовъ получаетъ осьминникъ озимаго вмѣсто ярового безъ всякой приплаты.

— Такъ вы, Иванъ, кончаете дѣло миромъ?—спрашиваю я.

— Онъ Семенъ, а не Иванъ, — поправляетъ меня судья-односелецъ.

— Какъ Семенъ?.. Вѣдь въ жалобной книгѣ записанъ Иванъ?

— Этъ точно-съ, — объясняетъ истецъ, — потому, какъ

землю мнѣ сдавалъ братъ его старшій, Иванъ, и деньги онъ же у меня бралъ, такъ я его и записалъ... Да это все одно-съ...

— Да какъ же все одно? Вѣдь вы съ Иваномъ имѣли дѣло, а Семенъ отвѣчаетъ?..

— Да нѣтути Ивана-то: на степь уѣхамши, — убѣждаетъ меня судья не толковать о пустякахъ. — Еще позавчера уѣхалъ, вотъ Семенъ за него и вышелъ на отвѣтъ.

Я соображаю, въ чемъ дѣло, и, для полнаго успокоенія своего относительно нерушимости закона, спрашиваю:

— Да они вмѣстѣ, что-ль, живутъ? Не подѣлимшись?..

— Зачѣмъ подѣлимшись!.. Вмѣстѣ, вмѣстѣ.

Тогда я перемарываю въ жалобной книгѣ и въ постановленіи суда имя „Иванъ“ и замѣняю его „Семеномъ“... Для интересовъ семейской собственности—земли—совершенно все равно, кто будетъ за нее „отвѣтъ давать“: Иванъ, или Семенъ, потому что хотя хозяйствуетъ Иванъ, какъ старшій, т.-е. снимаетъ землю, сдаетъ, распредѣляетъ посѣвы, распоряжается уборкой и проч., но дѣлаетъ все это съ вѣдѣнія и молчаливаго согласія Семена, который не хуже его знаетъ, почему это сдѣлано именно такъ, а не иначе, и въ каждый данный моментъ знакомъ со всѣмъ положеніемъ дѣла, такъ что можетъ безъ всякаго ущерба для хозяйства замѣнить Ивана; иначе сказать: въ отношеніи земли Иванъ поступаетъ не такъ, какъ ему хочется, а такъ, какъ этого требуетъ сама земля; поэтому не важно, кто выражаетъ волю земли—Иванъ, или Семенъ,—ибо не они властвуютъ надъ землей, а земля распоряжается всѣми ихъ поступками, всей ихъ жизнью, какъ это прекрасно доказано Гл. Успенскимъ въ цѣломъ рядѣ его блестящихъ очерковъ. Совсѣмъ не то было бы, если-бъ дѣло шло, напримѣръ, о купленной лошади: кто его знаетъ, какими соображеніями руководился Иванъ при покупкѣ лошади на такихъ-то и на такихъ-то условіяхъ?— Можетъ быть, онъ разсчитывалъ занять денегъ у тестя; можетъ быть, онъ надѣется самъ обернуться,—уплату податей позадержитъ, что ли, и посидитъ за это въ холодной, или же еще что-нибудь придумаетъ,—ничего этого Семенъ не знаетъ, да это и не его дѣло; и Семенъ ни за что не станетъ

за Ивана въ отвѣтчики по „лошадному“ дѣлу: „моихъ дѣловъ тутъ нѣтути; какъ они сходились, такъ пущай и расходятся, а я ничего не могу знать въ ихнихъ дѣлахъ“,—говоритъ онъ.

По земельнымъ искамъ даже сынъ иногда замѣняетъ на судѣ отца, или племянникъ—дядю, если только они живутъ вмѣстѣ; во всѣхъ же прочихъ дѣлахъ всякій отвѣчаетъ самъ за себя, кромѣ развѣ случаевъ „неотжитія“ въ работникахъ сына или младшаго брата, или въ случаѣ иска за убытки, причиненные хозяину шалостью или нерадѣніемъ мальчикомъ-сыномъ или братомъ, за которыхъ отвѣчаетъ отецъ или старшій братъ ихъ, т.-е. хозяева семьи. Не хозяйствующіе сынъ или младшій братъ ни наняться въ работники, ни оставить мѣсто безъ согласія старшаго въ семьѣ не могутъ,—конечно, если они не живутъ въ отдѣлѣ, потому что въ этомъ случаѣ они являются совершенно самостоятельными домохозяевами, независимо отъ того, есть ли у нихъ отецъ или старшій братъ; при совмѣстномъ же жительствѣ старшій въ семьѣ и подряжается съ нанимателемъ, и расчетъ ведетъ онъ же, въ исключительныхъ развѣ случаяхъ довѣряя поступившему въ работники младшему члену семьи самостоятельно производить расчетъ съ нанимателемъ, забирать деньги и проч. Даже въ случаяхъ такого, крайне рѣдкаго, довѣрія, отданный въ работу членъ семьи можетъ употребить на себя только какой-нибудь двугривенный въ мѣсяцъ „на табачишко“, а все остальное обязанъ вносить въ семью, откуда уже и получаетъ одежду и, въ случаѣ надобности, пищу. Понятно, что при такомъ положеніи вещей наниматель знаетъ, въ качествѣ своего контръ-агента, не самого работника—будь онъ хоть тридцатилѣтній мужикъ,—а его отца или старшаго брата, договаривавшагося при наймѣ и взявшаго на себя, нѣкоторымъ образомъ, нравственную отвѣтственность за исполненіе договора. Въ случаѣ же нарушеніи этого договора,—когда, напр., работникъ уйдетъ до срока, не заживъ забранныхъ денегъ, и т. п.,—наниматель вѣдается на судѣ *) не

---

*) Все сказанное здѣсь относится до словесныхъ договоровъ и до волостного суда, а не до юридически, „по закону“, обставленныхъ исковъ у мирового судьи.

съ ушедшимъ отъ него работникомъ, а съ своимъ контръагентомъ, старшимъ членомъ въ семьѣ, который, какъ предполагается въ видѣ правила, санкціонировалъ своимъ согласіемъ нарушеніе младшимъ членомъ семьи заключеннаго съ хозяиномъ обязательства. Бываютъ, впрочемъ, случаи,—какъ исключенія,—когда работникъ уходитъ самовольно, безъ согласія своего старшаго; тогда это обстоятельство выясняется на судѣ черезъ допросъ работника въ качествѣ свидѣтеля, что именно побудило его уйти до срока,—тайное ли приказаніе старшого, или постороннее какое-либо обстоятельство, напр., слишкомъ непосильная работа, или побои со стороны работодателя, и проч.? Если судъ приметъ во вниманіе объясненіе работника-свидѣтеля, уважитъ его жалобу на непосильную, напр., работу, или если окажется, что онъ ушелъ отъ хозяина съ согласія своего старшого,—то онъ совершенно устраняется отъ участія въ дѣлѣ, и начинается уже опредѣленіе размѣра и качества претензіи нанимателя къ своему контръ-агенту. Если же окажется, что работникъ ушелъ „по своевольству“, безъ согласія своего старшого и безъ всякихъ уважительныхъ причинъ, то старшой обязанъ или заставить его доработать условленный срокъ, или вполнѣ удовлетворить всѣ претензіи нанимателя, такъ какъ онъ, старшой, является виноватымъ или въ томъ, что онъ „распустилъ“ подчиненныхъ ему членовъ семьи до своевольства, — или въ томъ, что далъ свое согласіе на ничѣмъ необусловленный уходъ работника отъ хозяина. Въ томъ случаѣ, когда младшій членъ семьи самовольно ушелъ отъ хозяина, при чемъ послѣдній не былъ виною его ухода (не отягощалъ его работой, не билъ, кормилъ исправно и проч.),—старшій членъ обязанъ вознаградить обманутаго хозяина, а съ своимъ не покорнымъ подчиненнымъ, причинившимъ обще-семейскому фонду убытки, можетъ поступить по своему усмотрѣнію: или дома „поучить“, или просить судъ заняться этой педагогической дѣятельностью черезъ посредство Петровича. Такимъ образомъ, изъ гражданскаго дѣла, предъявленнаго А къ Б, вытекаетъ уголовное дѣло Б къ сыну своему В о неповиновеніи родительской власти; отъ гражданской же отвѣтственности передъ А,—В избавленъ, какъ неимущее, неполноправ-

ное, юридически неправоспособное лицо, а отвѣтствуетъ за него представитель семьи — Б. Изъ массы случаевъ подобнаго рода приведу здѣсь только одинъ, но довольно характерный.

Старуха-вдова отдала своего четырнадцати-лѣтняго сына въ работники за 15 руб. въ годъ: задатку взяла три рубля. Проживъ двѣ недѣли, мальчикъ ушелъ отъ хозяина; тотъ пожаловался въ судъ. Мать на судѣ показала: „пришла я Ванюшку провѣдать,—смотрю, а онъ плачетъ, рѣкой разливается. Ты что?—говорю. Прибилъ, говоритъ, хозяинъ: заставилъ меня солому подовать крышу крыть, а я не смогъ,—онъ и побилъ. Сами посудите, господа судьи—гдѣ-жъ ему силы взять на крышу снопы подавать?.. Ну, я его и взяла къ себѣ,—не дозволила свое дитю мучить“... Судьи признаютъ, что она въ правѣ была взять мальчика, но присуждаютъ все-таки уплатить истцу не зажитые мальчикомъ 2 руб. 60 коп., отсрочивъ, въ видѣ льготы, уплату до весны.

Изъ группы дѣлъ о взысканіи частныхъ долговъ рѣзко выдѣляются по своей характерности иски, предъявляемые къ членамъ раздѣлившихся семей, когда долгъ бывалъ сдѣланъ еще до раздѣла кѣмъ-либо изъ членовъ этой семьи. Если семья дѣлится по необходимости, безъ ссоры и недоразумѣній, то при раздѣлѣ имущества всѣ лежащіе на ней долги и обязательства распредѣляются соразмѣрно получаемой каждымъ членомъ имущественной долѣ; такъ напр., если сынъ отдѣляется отъ отца, у котораго остается еще сынъ, то отдѣляющійся получаетъ свои душевые надѣлы земли, третью часть движимаго имущества и третью часть строеній, при чемъ беретъ на себя уплату и третьей части всѣхъ лежащихъ на семьѣ долговъ. Недоразумѣнія при этихъ дѣлежахъ бываютъ крайне рѣдко или, если и возникаютъ, то быстро улаживаются. Вотъ одинъ случай изъ этой категоріи дѣлъ.

Единственный сынъ отдѣлился отъ отца, вслѣдствіе несогласной жизни. Зимою 1882—82 г., когда они жили еще вмѣстѣ, отецъ взялъ подъ работу у сосѣдняго помѣщика 20 руб., изъ коихъ за лѣто отработано было только 10 руб.; работалъ сынъ.

Осенью они подѣлились. Благодаря тому обстоятельству,

что долгъ былъ помѣщичій, что помѣщикъ ко времени ихъ раздѣла иска своего еще не предъявлялъ,—а мужикъ расчитывается съ бариномъ вообще только тогда, когда чувствуетъ себя окончательно припертымъ къ стѣнѣ, во все же остальное время втайнѣ питаетъ надежду—„авось-де до расчета выйдетъ какая перемѣна“,— долгъ этотъ не былъ своевременно разверстанъ между отцомъ и сыномъ. Зимою 1883—84 г. помѣщикъ подалъ мировому судьѣ искъ къ нѣсколькимъ крестьянамъ, въ томъ числѣ и къ этому старику, взыскивая съ нихъ какъ дѣйствительный долъ, такъ и оговоренную по условіямъ неустойку; мировой судья рѣшилъ дѣло, конечно, въ пользу истца, но этотъ послѣдній „великодушно“ предложилъ крестьянамъ вновь отработать свои долги лѣтомъ 1884 г., обѣщая простить въ этомъ случаѣ неустойки. Отвѣтчикомъ по дѣлу явился отецъ, такъ какъ онъ былъ записанъ въ условіи; но, послѣ тяжбы у мирового, онъ подалъ въ волостной судъ искъ къ своему отдѣленному уже сыну, требуя, чтобы тотъ обязался отработать половину слѣдуемой съ ихъ бывшей семьи работы. Сынъ упорно отказывался отъ выполненія стараго семейскаго обязательства, оправдываясь, во-1-хъ, тѣмъ, что онъ свою половину уже отработалъ въ прошломъ году, когда жилъ въ семьѣ, и, во 2-хъ, тѣмъ, что онъ не былъ сполна выдѣленъ отцомъ, т.-е. не получилъ всей слѣдовавшей ему половины имущества, а только одну четверть (произошло это потому, что старикъ узналъ, что онъ „по закону“ единственный владѣлецъ всего имущества и можетъ поэтому располагать имъ по своему усмотрѣнію). Судъ, принимая во вниманіе, что сынъ отработалъ половину работы еще тогда, когда жилъ въ семьѣ, что работа эта „шла въ семью“ и поэтому принята въ расчетъ быть не можетъ, и что послѣ этого онъ получилъ „изъ семьи“ только половинную часть слѣдовавшей ему половины семейнаго имущества,—опредѣлилъ: обязать его отработать одну четвертую часть остающейся работы, т. е. на 2 р. 50 коп., а остальной долгъ оставить на отцѣ. Оба тяжущіеся остались рѣшеніемъ суда довольны.

Совсѣмъ иначе бываетъ, если раздѣлъ происходитъ не по личнымъ несогласіямъ, а вслѣдствіе сказывающейся розни

въ имущественныхъ интересахъ. Вотъ два случая, лучше всякихъ разсужденій, дающіе отвѣтъ на этотъ вопросъ.

Егоръ Елкинъ былъ сборщикомъ податей и не съ умѣлъ отдать отчетъ въ 70 руб.; сходъ постановилъ взыскать ихъ съ него судебнымъ порядкомъ. Тогда онъ сорокъ рублей внесъ своихъ, а недостающіе тридцать занялъ у другого мужика. Егоръ былъ младшимъ изъ двухъ братьевъ, хотя и ему насчитывалось уже не менѣе 45 лѣтъ; онъ занимался лѣсными операціями, которыя ко времени начета на него пошли все хуже и хуже: дѣла его позапутались и онъ сталъ покучивать. Тогда старшій братъ, Николай, исключительно занимавшійся хлѣбопашествомъ, потребовалъ раздѣла, который, наконецъ, и произошелъ послѣ цѣлаго ряда препирательствъ, дракъ, брани и проч. Николай рѣшительно отказался взять на себя какую-либо часть братниныхъ долговъ, указывая на то обстоятельство, что онъ—старшій въ семьѣ и поэтому хозяинъ, а долги сдѣланы Егоромъ за свой личный страхъ, безъ всякаго участія его, Николая. Какъ устроился Егоръ съ прочими своими долгами—я не знаю, но тридцати рублей, занятыхъ для пополненія растраты, онъ въ срокъ не уплатилъ и былъ вызванъ въ судъ по жалобѣ кредитора; дать, однако, единоличный отвѣтъ по этому дѣлу онъ отказался, говоря, что деньги онъ бралъ въ семью, и что поэтому, наравнѣ съ нимъ, долженъ быть вызванъ въ качествѣ отвѣтчика его братъ, Николай. Явившійся къ слѣдующему засѣданію Николай отказался отъ уплаты части предъявленнаго къ нимъ, Елкинымъ, иска,—на томъ основаніи, что деньги эти пошли не на семейскія нужды, а на пополненіе братниной растраты; куда же братъ затратилъ собранную имъ подать, онъ, Николай, не знаетъ, и легко можетъ быть, что при своей пьяной жизни Егоръ просто пропилъ ихъ. Судъ не уважилъ претензіи Егора возложить уплату половины долга на Николая и постановилъ: взыскать всѣ 30 руб. полностью съ одного Егора.

Другой случай. Одинъ изъ трехъ братьевъ, Демьянъ, былъ на военной службѣ въ то время, какъ двое другихъ, Иванъ и Тимоѳей, занимались крахмально-паточнымъ производствомъ. Семья эта была состоятельная, имѣла двѣ избы, крахмальный заводъ небольшой, англійскую вѣтряную мельницу и поря-

дочный оборотный капиталъ. Вздумали они заниматься еще скупкой овецъ, но промахнулись. Ко времени возвращенія Демьяна со службы, дѣла братьевъ сильно пошатнулись; между ними пошли несогласія, проявилось стремленіе утаить другъ отъ друга часть выручки, стали дѣлаться долги, былъ проданъ заводъ и заложена мельница, словомъ — хозяйство поразстроилось. Между прочимъ, занято было сто тридцать рублей у одного мѣстнаго капиталиста, при чемъ расписка была заключена формальная и засвидѣтельствована въ волостномъ правленіи, Въ распискѣ значилось, что деньги взяты всѣми тремя братьями на обще-семейскія нужды, и къ ней подписались: Тимоѳей, какъ грамотный, самолично, а за неграмотныхъ Ивана и Демьяна — совершеннолѣтній сынъ Ивана, Кириллъ. Прошелъ годъ; вражда между братьями приняла такой острый характеръ, что не оставалось ничего, какъ раздѣлиться на-трое. Демьянъ получилъ только клѣтку, лошадь, нѣсколько овецъ и душевой надѣлъ земли, отказавшись отъ своей части въ убранномъ хлѣбѣ и въ прочемъ строеніи, съ тѣмъ условіемъ, чтобы не быть отвѣтчикомъ по долговымъ обязательствамъ братьевъ. Иванъ же и Тимоѳей подѣлили прочее имущество поровну, при чемъ было не мало перекоровъ объ утаенныхъ будто бы семейскихъ деньгахъ. Еще до раздѣла они отдали своему главному кредитору, въ счетъ долга, корову за 40 руб., остальныхъ же 90 руб. не уплатили, за что и были всѣ привлечены, въ качествѣ отвѣтчиковъ, къ волостному суду. Вотъ что они показали на судѣ.

Тимоѳей. Я отъ уплаты своей части долга, т.-е. 30 руб. не отказываюсь, такъ какъ деньги были взяты на обще-семейскія нужды.

Иванъ. Я денегъ этихъ не бралъ и сыну Кириллу не приказывалъ за себя расписываться. На что ихъ бралъ Тимоѳей и куда ихъ дѣвалъ,—я не знаю, такъ какъ въ дѣла его не вмѣшивался, и поэтому отъ уплаты какой-либо части долга отказываюсь.

Демьянъ. Когда я уходилъ на службу, мы были втрое богаче, чѣмъ когда я вернулся. Теперь нѣтъ у насъ ничего,— ни денегъ, ни мельницы, ни завода... Я ушелъ отъ нихъ по-

чти нищимъ: они мнѣ не дали ни одной копны хлѣба, и я на все это согласился, лишь бы они не путали меня въ свои дѣла. На заключеніе новаго долга я своего согласія не давалъ, да оно и не спрашивалось ими, такъ какъ они поступали всегда по собственному своему разуму, не соображаясь съ моимъ мнѣніемъ.

Сынъ Ивана, Кириллъ. Отецъ приказалъ мнѣ расписаться, и дядя Демьянъ былъ при этомъ дѣлѣ, но спрашивали ли его согласія, я не помню.

Показаніе Ивана, будто бы онъ въ дѣлахъ брата не участвовалъ и долга не дѣлалъ, опровергалось уже тѣмъ однимъ обстоятельствомъ, что обще-семейская корова пошла на уплату долга, который, слѣдовательно, не могъ не быть обще-семейскимъ же. Несмотря на то, что въ распискѣ значились должниками всѣ трое братьевъ въ равной степени, судъ, по мимо писаннаго закона, постановилъ Демьяна отъ отвѣтственности освободить вовсе, а съ Ивана и Тимоѳея взыскать поровну, т.-е. по 45 руб. съ каждаго, въ пользу кредитора.

Въ приведенномъ только что рѣшеніи обычно-правового суда очень характерно, между прочимъ, игнорированіе со стороны суда „писаннаго закона“, въ данномъ случаѣ— росписки; нельзя не согласиться, что такое рѣшеніе суда было въ высшей степени согласно съ требованіями справедливости и обычая. Но вотъ почти однородный фактъ,— и какъ приходится жалѣть, что точная буква закона не восторжествовала въ этомъ случаѣ...

Дядя выдавалъ племянницу-сироту замужъ; при сведеніи съ ней счетовъ, оказалось, что онъ затратилъ нѣкоторое количество оставленныхъ ей покойною ея матерью денегъ и нѣкоторыя ея вещи, какъ-то: нѣсколько штукъ холстовъ, полушубокъ и т. п. При нѣсколькихъ свидѣтеляхъ и при старостѣ, дядей была написана росписка, по которой онъ обязывался уплатить въ извѣстный срокъ вышедшей уже замужъ племянницѣ тридцать пять руб. Долга этого онъ не уплатилъ, однако, въ теченіе цѣлыхъ двухъ лѣтъ и довелъ, такимъ образомъ, дѣло до суда. На судѣ онъ привелъ цѣлый рядъ произведенныхъ имъ будто бы на свадьбу племянницы расходовъ, которые и опредѣлилъ въ 25 руб., и соглашался

доплатить только остальные 10 рублей. Хотя въ роспискѣ было ясно сказано, что онъ обязуется уплатить 35 руб. полностью, и хотя спрошенные свидѣтели подтвердили, что когда онъ просилъ племянницу отсрочить ему уплату долга, то ничего не упоминалъ о произведенныхъ имъ для свадьбы расходахъ и ихъ въ счетъ не клалъ, но судъ, руководствуясь какими-то странными соображеніями (въ этомъ засѣданіи подборъ судей былъ очень плохъ), а, вѣрнѣе всего, посуленнымъ могорычемъ, постановилъ взыскать съ дяди только 15 руб. въ пользу племянницы, а остальные 20 р. зачесть въ счетъ произведенныхъ расходовъ... Истица жаловалась на это рѣшеніе уѣздному присутствію, но оно, вопреки своему обыкновенію, это рѣшеніе суда „по обычаю“ утвердило, а жалобу истицы оставило безъ послѣдствій.

А вотъ торжество и писаннаго закона. Отецъ сталъ притѣснять жену сына, свою сноху; злые языки говорили, что онъ добивался ея благосклонности, но получилъ отказъ и въ отместку сталъ доѣзжать какъ сына, такъ и сноху въ особенности Родители молодухи были люди довольно зажиточные и къ мужу ея относились хорошо; поэтому безъ вины виноватые молодые порѣшили уйти къ нимъ на житье, что и исполнили однажды въ отсутствіе отца, взявъ изъ дому только свое носильное платье и приданое молодухи. Разсерженный старикъ поднялъ въ волостномъ судѣ цѣлый рядъ исковъ къ сыну и снохѣ, обвиняя ихъ — то въ кражѣ полушубка, то въ оскорбленіи его на словахъ, то въ самовольномъ оставленіи родительскаго дома, и т. п.; сынъ же, съ своей стороны, сталъ просить сельскій сходъ выдѣлить ему часть изъ отцовскаго имущества, но просьба его не была уважена, благодаря большому значенію, которымъ пользовался старикъ въ селѣ. Тогда сынъ обратился съ жалобой въ волостной судъ, прося о томъ же выдѣлѣ части имущества, но и тутъ получилъ отказъ, мотиворованный тѣмъ, что все имущество—отцово, и что отецъ воленъ сына имъ наградить, или не наградить,—по своему личному усмотрѣнію. Но нужно добавить, что, для сохраненія хотя бы нѣкотораго равновѣсія, и отецъ на всѣ свои жалобы, поданныя въ судъ, получилъ отказъ... Обездоленному малому ничего не оставалось

дѣлать, какъ окончательно войти „въ затья“ къ своему тестю, что онъ и сдѣлалъ, хотя это въ деревенскомъ обиходѣ и считается нѣсколько зазорнымъ...

XVIII.

Нѣкоторые мѣстные обычаи и ихъ значеніе для волостного суда.

За мое трехлѣтнее отправленіе обязанностей „секретаря“ волостного суда, мнѣ пришлось присутствовать при разборѣ около 600 дѣлъ; такъ какъ въ кочетовской волости считается до 1800 крестьянъ-домохозяевъ, то въ среднемъ, одна треть домохозяевъ успѣла пересудиться за это время. Правда, что нѣкоторыя личности—кулаки, маклаки землей и прочій сельскій „коммерческій людъ“—перебывали за это время понѣсколько разъ въ судѣ,—то въ качествѣ исцовъ, то отвѣтчиковъ; но, съ другой стороны, по одному и тому же дѣлу бывало часто по двое, по трое и болѣе отвѣтчиковъ, такъ что отношеніе судившихся къ несудившимся ни въ какомъ случаѣ не будетъ менѣе вышеуказаннаго. Такимъ образнмъ, не менѣе одной трети домохозяевъ волости перебывало при мнѣ на волостномъ судѣ, и я имѣлъ полную возможность наблюдать и изучать какъ общій характеръ предъявленныхъ исковъ, такъ и характеръ даваемыхъ на предъявленные иски отвѣтовъ. Вообще, всякій судъ есть лучшій пробный камень для нравственности населенія, ибо нигдѣ такъ ярко не высказываются, подчасъ удачно маскируемыя въ обкновенной жизни, отрицательныя качества личности—корыстолюбіе, подлость, лицемѣріе, неуживчивость и т. п.,—какъ на судѣ; и, по этому удобству разслѣдованія сокровенныхъ побужденій тяжущагося, волостной судъ превосходитъ всѣ другіе суды, благодаря отсутствію всякихъ стѣснительныхъ формальностей какъ для судей, такъ и для тяжущихся. На волостномъ судѣ стороны держатся совершенно свободно, говорятъ и спорятъ безъ всякаго стѣсненія, часто уклоняясь отъ сущности дѣла къ побочнымъ обстоятельствамъ, такъ или иначе имѣвшимъ отношеніе къ дѣлу, касаются своихъ личныхъ и семейныхъ отношеній, словомъ,

не стѣсняясь, „выносятъ соръ изъ избы“, зная, что судьи—свой братъ, мужикъ; и судьи, не стѣсняясь своимъ высокимъ званіемъ и не боясь уронить свое достоинство, входятъ въ препирательство и даже въ споры съ тяжущимися... Конечно, внѣшняя обстановка суда отъ этого много теряетъ, и городской житель, привыкшій къ торжественности обстановки мирового и окружнаго суда, былъ бы сильно пораженъ шумомъ и гвалтомъ, царящимъ въ волостномъ судѣ, гдѣ тяжущіеся перекрикиваютъ другъ друга, перебиваютъ судей, „чертыхаются“, божатся и плюются, гдѣ сторожъ, на обязанности котораго лежитъ отворять двери, и всякій случайный посѣтитель — свободно вмѣшиваются въ разборъ дѣла, обращаютъ вниманіе суда на какое-нибудь выяснившееся, по ихъ мнѣнію, важное обстоятельство, подаютъ совѣты, усовѣщеваютъ упорнаго отвѣтчика или черезчуръ жестокосердаго истца; но все это имѣетъ ту хорошую сторону, что все, происходящее на судѣ, вполнѣ естественно, не стѣснено никакими формальностями и соотвѣтствуетъ представленію народа о судѣ, какъ объ учрежденіи, для всѣхъ доступномъ, всѣ функціи коего должны быть для всѣхъ понятны и не изъяты отъ общей, гласной критики. Волостные судьи—тѣ же рядовые мужики; они не имѣютъ даже какого-нибудь внѣшняго знака, который отличалъ бы ихъ отъ массы, какъ напр. отличаетъ старосту его „мидаль“, и поэтому они вполнѣ солидарны съ массой въ понятіяхъ, взглядахъ и проч. Частныя злоупотребленія со стороны судей служатъ лишь доказательствомъ низкаго уровня нравственности всего населенія; зависимость судей отъ кулаковъ-міроѣдовъ указываетъ лишь на общее порабощеніе народа кулаками; словомъ, крестьянскій судъ служитъ лучшимъ конкрентнымъ выразителемъ народной жизни, какова она есть въ дѣйствительности. То, что посторонняго человѣка, не-крестьянина, приводитъ въ недоумѣніе,—волостныхъ судей не удивляетъ: всѣ побужденія истцовъ и тяжущихся имъ совершенно понятны; они сами мыслятъ и поступаютъ такъ, какъ мыслятъ и поступаютъ тяжущіеся; вся разница только въ томъ, что въ данномъ случаѣ у тяжущагося взглядъ на дѣло затемненъ личнымъ интересомъ, расчетомъ или страстью, а судья, стоящій внѣ сферы

дѣйствія этого расчета или страсти, можетъ сохранить свой взглядъ на дѣло безъ всякаго посторонняго давленія. Я говоры — м о ж е т ъ, потому что, въ дѣйствительности этого иногда не бываетъ: у тяжущагося есть много средствъ втянуть судью въ сферу дѣйствія своихъ личныхъ побужденій; эти средства извѣстны: дружба, взятка, экономическое давленіе, и т. п.

Главнымъ стимуломъ, побуждающимъ населеніе обращаться въ судъ, есть желаніе „вернуть свое“; многіе истцы, прошатели то-жъ, такъ и заявляютъ: „мнѣ чужого не надо, я с в о е прошу“. Но бываетъ, что, пользуясь удобнымъ случаемъ, прошатель не прочь съ с в о и м ъ прихватить и ч у ж о е; серьезнымъ укоромъ для нравственности народа это обстоятельство не можетъ, впрочемъ, служить, потому что наряду съ этими явленіями бываетъ много случаевъ, когда прошатель, при полной возможности прихватить ч у ж о е,—и не думаетъ воспользоваться этой возможностью. Мы уже видѣли на одномъ примѣрѣ, что истецъ просилъ о взысканіи не всей суммы, значившейся въ распискѣ, а только части ея; изъ-за полтинника же, казавшагося ему спорнымъ, онъ поднялъ цѣлую бурю... Убѣдительнѣйшимъ же доказательствомъ тому, что въ судъ обращаются преимущественно съ справедливыми исками, служитъ масса мировыхъ сдѣлокъ, заключаемыхъ какъ до разбора дѣла, такъ и во время самаго разбора, и даже послѣ разбора. До суда доходитъ не болѣе двухъ третей заявленныхъ въ волостномъ правленіи жалобъ: одна треть кончается миромъ безъ всякой помощи правосудія— если не называть помощью посылку отвѣтчику повѣстки; эта послѣдняя какъ бы напоминаетъ ему о существованіи и на него „управы“, и онъ спѣшить мириться, если на столько честенъ, чтобы безусловно признать свою вину или долгъ. Но еще характернѣе мировыя сдѣлки, заключаемыя послѣ постановки рѣшенія суда. Нерѣдко случается, что судъ присудитъ Ивану съ Петра, скажемъ, пять рублей за потравленное у него сѣно; черезъ полчаса, или болѣе, по объявленіи рѣшенія, когда начинается разборъ третьяго или четвертаго послѣ этого дѣла, въ „залу засѣданія“ врываются Иванъ съ Петромъ, уже немного выпившіе.

— Вамъ что?

— Да вотъ просимъ покорнѣйше нашъ судъ помарать, потому—мы помирилися...

— На какихъ условіяхъ?

— Рублевку съ него беру. Что его обижать, Господь съ нимъ!

Это говоритъ истецъ, сначала оцѣнившій потравленное у него сѣно въ десять рублей и оставшійся сильно не довольнымъ, когда судъ присудилъ ему „по таксѣ“, т.-е. по закону, только пять рублей.

Особенно много мировыхъ сдѣлокъ бываетъ по уголовнымъ дѣламъ. Нужно сказать, что въ послѣднее время стали появляться въ судѣ массы жалобъ за „нанесенные побои“, за оскорбленія „дѣйствіемъ“ и даже „словомъ“. Я указывалъ выше на причину этого явленія, кроющуюся въ ослабленіи власти міра и въ сознательномъ устраненіи себя со стороны сельскихъ старостъ отъ вмѣшательства въ такого рода „кляузныя“ дѣла. Жалуются въ судъ и мужикъ на десятскаго, за то, что онъ, гоняя его на сходку, „бадигомъ“ ударилъ, и десятскій на мужика, что онъ его „сволочью“ назвалъ; жена на мужа—за побои; отецъ на сына—за непочтеніе; кумъ на кума—за драку въ пьяномъ видѣ; дѣвка на парня—за уличеніе ея въ связи съ болѣе счастливымъ соперникомъ, и т. д., и т. д. Но всѣ эти уголовные, въ извѣстномъ смыслѣ, иски можно подраздѣлить на двѣ, рѣзко другъ отъ друга отличающіяся группы: одна будетъ заключать въ себѣ иски родственниковъ къ родственникамъ, живущимъ въ одной семьѣ (отецъ къ сыну, жена къ мужу, золовка къ деверю, и проч.), другая—всѣ остальные; между тѣмъ какъ первые всегда имѣютъ цѣлью обуздать насиліе посредствомъ уголовнаго возмездія отвѣтчику арестомъ, тѣлеснымъ наказаніемъ,—вторые составляютъ, въ сущности, лишь удобный случай сорвать съ обидчика болѣе или менѣе приличный кушъ за обиду. Какъ исключеніе, въ одномъ искѣ изъ двадцати случается, что истецъ проситъ не-родственнаго ему отвѣтчика „попужать, чтобъ умнѣе былъ“, и не требуетъ за свою „обиду“ какой-нибудь ассигнаціи; это случается преимущественно тогда, когда истцомъ является или богатый человѣкъ, не имѣющій нужды

зариться на тощій гаманокъ „виновника“, или старикъ, или старуха, хоть и не богатые, но считающіе себя, по своему возрасту, достойными уваженія, и по ветхозавѣтнымъ понятіямъ своимъ не понимающіе, какъ можно рублемъ загладить нанесенную ихъ старческому достоинству обиду. Вообще, требованіе денегъ за нанесенную обиду есть явленіе сравнительно новѣйшее, и нѣкоторые старики, съ которыми мнѣ случалось говорить объ этомъ, съ неодобреніемъ относятся къ нонѣшнимъ временамъ, когда сталъ процвѣтать торгъ своей личностью. „Бывало,—говорятъ они,— подерутся мужики, извѣстно, пьянымъ долго ли до грѣха?.. Коли ровно подрались,—протрезвятся и даже не вспомнятъ о дракѣ; ну, а ежели кто кого ужъ дюже изобидѣлъ, либо старика или старуху затронулъ—старикамъ пожалуются. Виновникъ и начнетъ въ ноги кланяться обиженному; ну, тотъ и проститъ, а виновникъ на радостяхъ старикамъ за утрудженіе четверочку поставитъ. Коли старшаго кто обругаетъ или, Боже упаси, побилъ, такъ это ужъ завсегда поучатъ: бывало, на сходкѣ „горяченькихъ“ всыпятъ десятка два или три, а онъ за учобу опять стариковъ водочкой поблагодаритъ... Такъ вотъ и жили безо всякихъ кляузъ, и судовъ этихъ не знали; а теперь, Господи ты Боже мой милостивый! сколько этихъ обидовъ развелось—и уму непостижимо!.. Пьяные подрались, сичасъ это въ судъ: давай пять цалковыхъ; парень съ дѣвкой пошутилъ—она въ судъ: давай ей рубль... Ей бы, безстыжей, такой судъ задать, по-старински, чтобъ она туда и дорогу забыла, а вы сидите, слушаете ее, паскуду... Нѣтъ, теперь народъ куда-какъ ослабъ противу прежняго“...

Съ этими поборниками стараго порядка нельзя безусловно согласиться, въ особенности касательно прославленія ими волшебнаго дѣйствія розогъ... Самымъ фактомъ возникновенія жалобъ объ оскорбленіяхъ доказывается лишь развитіе сознанія собственнаго достоинства и проявляющееся сознаніе неприкосновенности личности, какъ таковой. Правда, что въ переживаемый нами періодъ всеобщаго господства рубля и полнаго порабощенія всякихъ другихъ принциповъ—принципомъ легкой наживы на счетъ другого, какъ единственно доступнымъ неразвитому уму выходомъ изъ бѣдственнаго

экономическаго положенія,—возникшее сознаніе о неприкосновенности личности тотчасъ же подчинилось духу времени и стало источникомъ наживы: но все-таки первый шагъ къ поднятію значенія личности уже сдѣланъ, и если со временемъ будутъ устранены нѣкоторыя пагубныя вліянія на жизненныя условія крестьянства,—вліянія, придающія отвратительную окраску многимъ сторонамъ народной жизни, то прогрессъ въ указанномъ отношеніи обрисуется совершенно явственно. Какъ-никакъ, но надо признаться, что въ настоящую минуту неприкосновенность личности вошла въ фазисъ оцѣнки ея на рубль, подобно тому, какъ оцѣнивается теперь мірская правда, человѣческая совѣсть, дѣвичья честь...

— Ты чего, красавица?

— Окажите защиту, господа судейные! Яшка Шведовъ осрамилъ, опозорилъ меня кругомъ: мнѣ въ люди показаться нельзя!.. Онамеднись, въ воскресенье, при всей улицѣ, зачалъ срамить меня: и потаскуха, и такая-сякая. Чѣмъ это я заслужила такую срамоту?.. А ежели онъ ко мнѣ лѣзъ, а я ему отваливать велѣла, такъ это еще не есть причина срамить меня...

— Такъ ты о чемъ же просишь?

— Вы лучше моего знаете, какъ по закону-то...

— Ахъ, глупая!.. Мы и такъ, и этакъ можемъ. А мы тебя спрашиваемъ, какъ тебѣ желательно?..

— Извѣстно, деньгами.

— Много-ль же ты хочешь?..

— Какъ угодно, господа судейскіе, а я меньше десяти рублей никакъ несогласна, потому этакій срамъ принять...

Дѣло кончается тѣмъ, что Яшку приговариваютъ къ одному рублю штрафа въ пользу мірскихъ суммъ; истицѣ же ничего нн присуждаютъ, чтобы не повадить ее таскаться по судамъ. Она уходитъ, возмущенная неправеднымъ судомъ и въ увѣренности, что Яшка „подпоилъ“ судей...

Другая жалоба—о побояхъ. Разсказъ потерпѣвшаго кончается опять просьбой взыскать „по закону“; судьямъ удается допытаться, что Тимохины побои оцѣниваются „прошателемъ“ въ 25 руб. Имъ предлагаютъ помириться на рублѣ, и послѣ отказа идетъ судъ. По объявленіи постановленія суда

о подвергнутіи, за обоюдную драку, аресту—Тимохи на трое сутокъ, а истца на сутки, — оба они съ выраженіемъ обманутой надежды выходятъ, но черезъ нѣсколько минутъ вваливаются обратно въ комнату.

— Прикажите помириться, господа судьи!.. Мы теперь согласны, чтобы онъ, то-ись, мнѣ рубль и больше ни на комъ...

Живущимъ подъ одной кровлей, имѣющимъ одинъ общій семейскій фондъ, близкимъ родственникамъ или супругамъ, нѣтъ, конечно, никакого смысла просить другъ съ друга деньги за обиду, и поэтому они всегда просятъ „поучить“ виноватаго. Большая часть этихъ дѣлъ кончается миромъ: виноватый (конечно, младшій членъ семьи) кланяетея въ ноги обиженному прошателю, тотъ читаетъ ему краткое нравоученіе, вродѣ: „ну, смотри же, Васька, на этотъ разъ Богъ проститъ, а коли ежели еще что, не прогнѣвайся“. Судьи съ своей стороны „попужаютъ“ какими-нибудь страшными словами обидчика,—тѣмъ и кончается домашняя распря... въ большинствѣ случаевъ, впрочемъ, только на время... Но иногда оказывается, по мнѣнію суда, необходимымъ поучить упорнаго обидчика и на дѣлѣ...

Наиболѣе подавляющее впечатлѣніе производятъ дѣла, возникающія по жалобѣ жены на жестокое обращеніе съ ней мужа.

— Билъ это онъ меня,— билъ кулаками, за косы по избѣ таскалъ; только показалось это все ему мало,—разсказывала молодая бабенка на судѣ: схватилъ веревку, давай веревку объ меня трепать... Не вытерпѣла я его смертнаго боя, вырвалась отъ него и къ мамынькѣ убѣгла; пришла я сама не своя, сижу — плачу, и мамынька около меня рѣкой разливается, потому — вся то я въ синякахъ, косы растрепаны и рубаха новая изъ хранцузскаго ситца въ клочья порвана... Извольте хоть посмотрѣть синяки...

— Нѣтъ, нѣтъ, не надо!.. Говори дальше.

— Только плачемъ это мы такъ-то, вдругъ онъ въ избу и входитъ. „А, — кричитъ, — змѣя, такъ ты жалиться на меня бѣгаешь?“ И опять схватился за меня... Мамынька было отнимать стала, да гдѣ же ей съ нимъ справиться? Онъ и ее отпихнулъ къ печкѣ, — больно она ударилась въ-ту-пору,—да

и давай опять меня тиранить... Билъ, билъ, покеда заморился, потомъ схватилъ за косы и къ себѣ во дворъ поволокъ... Нѣту моей моченьки, господа судейные,—что хотите, дѣлайте со мной, а не могу я больше терпѣть отъ него!..

— Гдѣ-жъ ты жила до сихъ поръ?..

— Да у тетеньки жила въ другомъ селѣ; мамынька присовѣтовала уйти,—а то, гритъ, онъ убьетъ тебя...

— У тебя дѣти-то есть?

— Двое есть: старшему-то третій годокъ пошелъ, а младшему четвертый мѣсяцъ съ Успенья...

— Что жъ ты, съ собой унесла грудного-то?

— Извѣстно, съ собой.

— Ты что же, Дмитрій, охальничаешь? Развѣ можно такъ бабу забижать?..

Дмитрій молчитъ.

— Слышь, что-ль тебѣ говорятъ!..

— Чего жъ мнѣ слышать!.. Она — баба и должна меня слухать... А она перечитъ!

— Въ чемъ же она перечитъ?

— Мало ли въ чемъ!.. По домашности больше... Пьяный когда придешь, ужъ она пилитъ-пилитъ... а мать зудитъ: такой, да сякой, губитель ты, гритъ, мово дѣтища... А какой я губитель?.

— Это все ладно... Только, для чего жъ ты такъ, не жалѣючи то, бьешь?..

— А она меня жалѣетъ? Однова говорю — портки дай новые, а то это сопрѣли; а она на меня и взъѣлась: кто-те, говоритъ, припасалъ? И пошла, и пошла!.. Ну, что жъ тутъ дѣлать?.. Безъ ученья никакъ не обойдешься.

— Вы бы помирились, голуби, вотъ что! Тебя какъ звать-то... Ѳеклой?.. Такъ вотъ что, Ѳеклуша, поклонись ка ты мужу въ ноги, онъ те проститъ, и ты его прости, да и ступайте опять по любу жить... Ребята вы славные...

— Я и то два раза ѣздилъ къ ней, звалъ къ себѣ, а она вишь что вздумала—на судъ идти...

— Поклонись, Ѳекла, а?

— Хоть зарѣжьте, господа судьи — не буду; не могу жить съ нимъ, варваромъ... Разводную мнѣ дайте!..

— Глупая, глупая, какую жъ мы те разводную дать мо-

жемъ? Ничего въ нашей власти нѣтъ,—окромя какъ въ холодную его сутокъ на двои засадить: пороть его тоже изъза тебя не годится, не законъ... А посадимъ, отсидитъ онъ—тебѣ же вѣдь хуже будетъ? Куды ты отъ него съ малыми дѣтьми пойдешь? Никуда,—и вся ты у него завсегды въ рукахъ; и онъ тебѣ за эту холодную такую горячую баню задастъ, что вѣкъ будешь помнить!.. Миритесь, говорю вамъ честью...

— Пусть идетъ—живетъ... Я принимаю,—говоритъ Дмитрій.

— А я не пойду!..

— Ну вотъ что, — коли миромъ васъ не сведешь, такъ идите себѣ съ Богомъ: какъ сходились, такъ и расходитесь, а мы вамъ не разводчики!.. Ступайте себѣ, живите, какъ хотите...

Черезъ нѣсколько минутъ подъ окнами волостного правленія раздается отчаянный бабій крикъ. Я въ безпокойствѣ спрашиваю, что это такое случилось?

— Это, должно, Митрій, вотъ что сейчасъ судился, бабу свою учитъ... Охъ, и супротивная же она!—философствуетъ хладнокровно Петровичъ, почесывая себѣ спину между лопатками о дверной косякъ!..

Вообще представленіе о бабѣ, какъ о полной собственности мужика, сохранилось еще въ сильной степени. Крайне характерно сказалось это воззрѣніе по одному случаю, который я здѣсь приведу, такъ какъ онъ также имѣетъ нѣкоторое отношеніе къ волостному суду.

Подрались двѣ бабы изъ-за холстовъ; зачинщицу, при томъ въ лоскъ побившую свою противницу, судъ приговорилъ къ аресту на трое сутокъ при волостномъ правленіи. Когда рѣшеніе это вошло въ законную силу, я, по обыкновенію, выдалъ старостѣ приказъ привести рѣшеніе суда въ исполненіе. Дня черезъ два послѣ этого приходятъ ко мнѣ старшина вмѣстѣ съ старостой.

— Н. М.! Что мы васъ спросить хотѣли?.. Сами не посмѣли, думаемъ, спрошаючи все-жъ лучше... Мужикъ тутъ одинъ, Николка Рыжій, вотъ жену котораго въ холодную-то присудили,—проситъ, нельзя ли ему отсидѣть замѣсто нея?..

Я и ротъ разинулъ отъ удивленія.

— Что ты, Яковъ Иванычъ!.. Да вѣдь осуждена она, а не онъ, такъ какъ же его сажать можно?..

— То-то и я говорю, спрошаючи лучше!.. Вишь, по закону-то и нельзя... Мы было думали: какъ она — одна баба, и печку истопить, опять ребятишки, и коровъ подоить... Если ее таперича посадить, кто все это справлять будетъ?.. Такъ нельзя?.. Пойди, староста, скажи Николкѣ, что писарь не велитъ,—нельзя, молъ, по закону!.. А мы было думали... Ахъ, грѣхи, грѣхи!..

Черезъ полчаса входитъ ко мнѣ самъ Николка съ узелкомъ въ рукѣ.

— Ужъ вы, Н. М., не тѣсните меня, сдѣлайте такую милость!.. Я вотъ и гостинчика вамъ—десяточекъ свѣженькихъ яичекъ—принесъ.

— Помилуй, братецъ, да что-жъ тебѣ отъ меня надо?

— Прикажите ужъ мнѣ за бабу отсидѣть!.. Потому, ей никакъ нельзя отъ дома отлучиться... Да и то сказать,— опять моя тутъ вина, что я не соблюлъ ее, допустилъ до драки; вотъ я отсижу, а тогда ужъ съ ней самъ слажу: она у меня будетъ знать, какъ драться!.. Сдѣлайте такую божескую милость!..

Конечно, я такой божеской милости сдѣлать не могъ.

Выше я упомянулъ бѣгло, что крестьяне оттягиваютъ расчеты съ помѣщиками до послѣдней возможности, въ чаяніи какой-либо грядущей „перемѣны“. Это-то чаяніе и составляетъ часто причину неисполненія обязательствъ по отработкамъ, нарушенія заключенныхъ зимою условій подъ лѣтнюю работу. Лѣность, пьянство, нерадѣніе (официальные мотивы) суть лишь второстепенныя причины этихъ неотработокъ; хозяйственный расчетъ, присущій всякому мужику, — вотъ главная причина подобныхъ явленій. Беря зимой работу огромное большинство — почти всѣ подряжающіеся искренно намѣреваются исполнить взятыя на себя обязательства; но настаетъ рабочая пора—и вдругъ разносятся слухи, что „вышелъ указъ не работать на господъ“, или — „работать, но не дешевле 40 руб. за десятину“, или — „черезъ мѣсяцъ, въ такой-то день, будетъ общее поравненье“... Ну, скажите, пожалуйста: какой же расчетливый хозяинъ будетъ затра-

чивать свой трудъ, во 1-хъ, противно „указамъ“ (надо вспомнить, что говорилось выше объ уваженіи мужика ко всякаго рода законамъ и указамъ), а во 2-хъ, съ явнымъ для себя убыткомъ, такъ сказать на вѣтеръ, потому что черезъ мѣсяцъ, все равно, выйдетъ „поравненье“, и работа должника не достанется ни барину, ни ему, работавшему, а какому-нибудь „чужому дядѣ“?.. Но проходитъ назначенный для объявки „перемѣны“ день, проносится слухъ, что „отложили ищо на годъ“,—и мужикъ безропотно идетъ съ поклономъ къ барину, проситъ подождать на немъ долгъ, опять искренно надѣясь все честно отработать. Конечно, не всѣ баре хотятъ или могутъ ждать,—и отсюда масса исковъ съ громадными неустойками, какъ у мирового судьи, такъ и въ волостномъ судѣ. Господа судятся, впрочемъ, съ мужичьемъ чаще у мирового судьи, считая нѣсколько унизительнымъ для себя прибѣгать къ защитѣ волостного суда, гдѣ засѣдаютъ такіе же мужики, а, частью, не довѣряя этому суду, хотя совершенно напрасно. Если у помѣщика есть формальная росписка—а у кого ихъ теперь нѣтъ! — то дѣло его въ волостномъ судѣ такъ же вѣрно, какъ и „у своего“ судьи: писарь — законникъ и чувствуетъ, къ тому же, уваженіе къ сильному истцу; судьи—боятся и закона, и писаря, и истца,—и помѣщикъ всегда выигрываетъ формально обставленное дѣло. Лично помѣщики никогда почти даже не являются на судъ, а присылаютъ лишь довѣреннаго приказчика или старосту.

Закончу этотъ бѣглый очеркъ отношеній волостныхъ судовъ къ „господамъ“ небольшой сценкой съ натуры.

Дѣйствіе происходитъ не въ кочетовскомъ судѣ, а въ одной изъ сосѣднихъ волостей. Истецъ—приказчикъ извѣстнаго въ округѣ своимъ кулачествомъ помѣщика П., отвѣтчикъ—безземельный и бездомовый бобыль, живущій по работникамъ; онъ служилъ у П., но ушелъ отъ него въ самую горячую пору, соблазнясь высокой поденной платой въ степи и забывъ, что обязался передъ П., при наймѣ, двухрублевымъ штрафомъ за каждый прогульный день. Три рубля забрано было имъ впередъ, да сорокъ дней прогулу,—итого искъ въ 83 р., обставленный всѣми формальностями. Судьи

присуждаютъ взыскать съ бобыля 83 руб. въ пользу П. По окончаніи дѣла, одинъ изъ присутствовавшихъ постороннихъ зрителей спросилъ судей:

— Къ чему вы присудили такъ много съ него? Вѣдь онъ во вѣкъ не расплатится,—съ него взять нечего...

— Хе, хе... А потому и осудили такъ: съ него, все едино, взять нечего, а барину,—какъ-ни-какъ, почетъ!..

Вотъ какого рода впечатлѣнія вынесъ я изъ трехлѣтняго своего знакомства съ волостнымъ судомъ Кочетовской волости, а частью —и двухъ-трехъ сосѣднихъ волостей.

XVIII.

Конокрады и борьба съ ними.

Какъ-то разъ зимою возвращались мы съ старшиною Яковомъ Иванычемъ изъ нашей обычной, по дѣламъ службы, поѣздки въ городъ. Мелкій, сухой снѣгъ билъ намъ прямо въ лицо, и мы старательно кутались въ тулупы, ни мало не будучи расположены любоваться однообразными снѣжными равнинами, тянувшимися по обѣимъ сторонамъ дороги.

— А вѣдь это будто Василій кого-то въ городъ везетъ,— вдругъ замѣтилъ нашъ ямщикъ, полуоборотясь къ намъ.— По кореннику вижу, что его тройка, — ишь голову деретъ... Кого это Богъ ему далъ?..

Навстрѣчу намъ, дѣйствительно, неслась земская тройка изъ нашего Кочетова; мы съ любопытствомъ высунули изъ воротниковъ головы—посмотрѣть на проѣзжихъ.

— Стой, стой! — закричали со встрѣчныхъ саней, лишь только онѣ поровнялись съ нами. Проѣзжіе оказались священникомъ одного изъ приходовъ нашей волости и мѣстнымъ нашимъ урядникомъ.

— Вы изъ города?—торопливо крикнулъ намъ о. Никита, вылѣзая изъ саней.

— Изъ города... А что?

— Цыганъ не встрѣчалось вамъ?

— Нѣтъ, никого не встрѣчалось...

— Ахъ, грѣхъ какой!.. Должно слѣдъ-то мы потеряли... Еще въ Карповкѣ опрашивали,—говорятъ,—проѣхали, а вотъ

сейчасъ на мельницѣ, — нѣтъ, говорятъ, не были... Видно, стороной взяли!

— Извѣстно, стороной,—далъ свое заключеніе и урядникъ.

О. Никита, въ сильномъ возбужденіи, разсказалъ намъ, что прошлою ночью воры взломали у него заднія ворота во дворѣ, задушили дворную собаку и увели трехъ лошадей; одну, старую кобылу, уже не бывшую въ состояніи быстро бѣгать, бросили за селомъ, а двѣ другія, молодыя матки, рублей по двѣсти каждая, исчезли совершенно. Подозрѣніе въ кражѣ падало на какихъ-то цыганъ, проѣзжавшихъ вечеромъ черезъ село; и вотъ о. Никита, захвативъ съ собой урядника, бросился на тройкѣ догонять конокрадовъ. Потолковавъ и пораскинувъ умомъ, гдѣ и какъ можно найти слѣдъ воровъ, и пожелавъ погонѣ всякаго успѣха, мы съ старшиной тронулись своимъ путемъ.

На другой день о. Никита пришелъ ко мнѣ въ волость дѣлать формальное заявленіе о случившейся у него покражѣ. Цыганъ онъ не догналъ: они, должно быть, свернули куда-нибудь проселкомъ и этимъ ловкимъ маневровъ сбили своихъ преслѣдователей съ толку.

— А вѣдь это все штуки Ѳомки Сухменева, — заключилъ батюшка свой разсказъ. — Никто, какъ онъ, подвелъ „ихъ“ подъ моихъ лошадей. Работникъ мой говоритъ, что, поужинавъ, онъ вышелъ на улицу и видитъ—ѣдутъ какіе-то люди на двухъ саняхъ съ задками—не то, говоритъ, барышники, не то—цыгане. „Гдѣ намъ—спрашиваютъ работника-то—переночевать?“ Онъ имъ и говоритъ: направо, молъ, постоялый будетъ. Поѣхали; сталъ онъ имъ вслѣдъ глядѣть и видитъ, что держатъ они не направо, а налѣво... Это они, должно быть, для отвода глазъ его спросили, а сами завернули къ Сухменеву,—онъ какъ разъ налѣво и живетъ!

— А видѣлъ кто-нибудь, что они дѣйствительно заѣхали къ Ѳомкѣ?—спрашиваю я.

— Видать хоть не видали, да куда-жъ имъ было заворачивать налѣво, коли тамъ ни одного постоялаго нѣтъ?..

— Такъ-то такъ, а все-таки это не прямая улика, что они къ Ѳомкѣ завернули. Въ этой слободѣ не одинъ вѣдь Ѳомка живетъ.

— Ну, да вы всегда за этихъ канальевъ заступаетесь!

— То-есть, какъ это я *всегда* заступаюсь?.. Что̀ вы, о. Никита, хотите этимъ сказать?

— Нѣтъ, нѣтъ, это я такъ... А все-таки—некому, кромѣ Ѳомки...

— Очень можетъ быть; но то, что̀ вы сообщаете, не можетъ служить противъ него уликой; надо собрать болѣе вѣскія обвиненія...

О. Никита сухо распрощался, разочаровавшись найти во мнѣ горячаго союзника.

Нѣсколько словъ объ о. Никитѣ. Онъ можетъ служить характернымъ представителемъ любопытнаго типа деревенскаго попа-кулака. Приходъ у него маленькій, семья большая, а „кормиться“—по его выраженію—чѣмъ-нибудь да надо; вотъ онъ и промышляетъ чѣмъ попало: и посѣвы производитъ, и овецъ скупаетъ на убой, и шерстью занимается, и пеньку не прочь пріобрѣтать; но главная его спеціальность—лѣсъ. Ежегодно, на казенныхъ торгахъ, о. Никита покупаетъ двѣ или три „дѣлянки“ строевого лѣса, сводитъ его, заготовляетъ строительные матеріалы, дрова, и все это распродаетъ по мелочамъ, подъ овецъ, пеньку и проч., и только очень дальнимъ покупщикамъ,—съ которыми опасно водить сложныя торговыя операціи,—за наличныя деньги. Отъ этихъ оборотовъ онъ наживаетъ не менѣе, чѣмъ рубль на рубль, но, несмотря на всю свою предпріимчивость, онъ никакъ разбогатѣть не можетъ,—ему, что̀ называется, не везетъ: года три тому назадъ онъ погорѣлъ начисто, прошлымъ лѣтомъ ливнемъ съ градомъ засѣкло у него сотню овецъ, бывшихъ въ полѣ на подножномъ корму, а теперь вотъ увели двухъ рысистыхъ матокъ, изъ которыхъ одна была уже жеребой отъ знаменитаго въ околоткѣ производителя... Но чѣмъ больше несчастій постигаетъ о. Никиту, тѣмъ жаднѣе къ наживѣ онъ становится: глаза его безпокойно бѣгаютъ по сторонамъ, какъ бы постоянно высматривая, что́ бы „купить-продать“, живетъ онъ, во всемъ себѣ отказывая, ходитъ въ старомъ засаленномъ подрясникѣ, за требы деретъ неистово (до 25 р. за свадьбу, 6—8 р. за выносъ, и т. д.) и паству свою держитъ въ ежевыхъ рукавицахъ. Въ своей алчности онъ за-

ходитъ даже за предѣлы сколько-нибудь дозволеннаго; такъ, однажды, на торгахъ, облюбованную имъ дѣлянку лѣса сталъ у него отбивать его же прихожанинъ-мужикъ, тоже лѣсопромышленникъ.

— Семьсотъ пятьдесятъ!—кричитъ о. Никита.

— Мой рубль,—не уступаетъ мужикъ.

— Рубль!—накидываетъ о. Никита.

— Рубль!.. твердитъ мужикъ.

— Рубль, рубль, рубль, рубль... насчитываетъ лѣсничій, но ни одна изъ торгующихъ сторонъ не поддается; вогнали они такимъ образомъ дѣлянку въ девятьсотъ рублей. „Василій! — шепчетъ о. Никита: брось, отступись!..“ Но Василій ухомъ не ведетъ и продолжаетъ накидывать по рублю. Наконецъ, на тысячѣ ста двадцати рубляхъ о. Никита отступился, и дѣлянка досталась Василію. Только-что побѣдитель вышелъ на крыльцо, какъ на него накинулся побѣжденный: „а, анаѳема, – такъ ты противъ меня пошелъ? Да ты забылъ, кто я?.. Я тебя причастья за это лишить могу!..“ „А я,—отвѣчаетъ Василій,—въ монастырѣ говѣть буду...“ Не помню, чѣмъ кончилась эта сценка, но знаю, что угрозу свою привесть въ исполненіе о. Никита не рѣшился.

Вмѣстѣ съ алчностью въ о. Никитѣ прогрессивно развивалось и злобное отношеніе ко всѣмъ лицамъ, заподозрѣннымъ имъ въ устройствѣ ему препятствій на пути его къ наживѣ. Достаточно было хоть разъ не исполнить какой-либо его дѣловой просьбы, чтобы нажить себѣ въ его лицѣ непримиримаго врага... И вотъ такой-то человѣкъ обратилъ теперь свою энергію на „искорененіе“ Ѳомки Сухменева. Этотъ послѣдній былъ довольно заурядным мужикомъ - бѣднякомъ. Лѣтъ десять тому назадъ онъ отдѣлился отъ двухъ братьевъ своихъ послѣ цѣлаго ряда ссоръ и дракъ при дѣлежѣ, за одну изъ которыхъ онъ даже былъ высѣченъ по приговору волостного суда. Считая себя не по-божески отдѣленнымъ, онъ увезъ у братьевъ съ поля двѣ копны ржи,—былъ опять судимъ и опять высѣченъ; должно быть — „по отчаянности“ — сталъ шибко запивать, стащилъ въ кабакѣ полштофъ водки, попался и былъ жестоко избитъ кабатчикомъ, но суду на этотъ разъ не преданъ. Наконецъ, въ прошломъ году, при

дѣлежкѣ мірскихъ луговъ, будучи пьянъ, сталъ назойливо приставать къ о. Никитѣ, чтобы тотъ поднесъ обществу еще четверть водки за отмежеванный ему „въ уваженіе“ кусокъ мірского покоса и, получивъ отъ скупого пастыря энергическій отказъ, обозвалъ его, хотя и за глаза, довольно скверно, что̀ о. Никитѣ было, конечно, передано его сторонниками... Такимъ-то образомъ за Ѳомкой сложилась репутація пропащаго, отчаяннаго, на все способнаго человлка. На грѣхъ случилось такъ, что послѣ двухъ-трехлѣтняго перерыва въ селѣ Удольскомъ произошло нѣсколько покражъ лошадей. Крестьяне заволновались, стали доискиваться виновнаго, но, по обыкновенію, не доискались, а оставили въ сильномъ подозрѣніи нѣсколькихъ человѣкъ, неугодныхъ міру. Тѣмъ бы это дѣло и кончилось, какъ вдругъ случилась новая покража, на этотъ разъ у о. Никиты,— а о. Никита не былъ человѣкомъ, который пропустилъ бы такое дѣло безнаказанно. Не много надо было приложить стараній, чтобы замутить міръ...

Нѣсколько дней спустя послѣ посѣщенія волости о. Никитою, Яковъ Ивановичъ сообщилъ мнѣ, что пріѣхалъ удольскій староста и зоветъ его, старшину, въ Удольское на сходъ, который будто бы порѣшилъ составить приговоръ о ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе трехъ изъ своихъ односельчанъ. Я, конечно, присовѣтовалъ Якову Ивановичу немедленно же ѣхать въ Удольское, разузнать, въ чемъ тамъ именно дѣло и, по возможности, уладить возникшія недоразумѣнія. Поздно вечеромъ вернулся Яковъ Ивановичъ:

— Ну, что тамъ?—спрашиваю его.

— Да что! грѣхъ одинъ!.. Рѣшили Ѳомку Сухменева, да Ивана Дятлова, да Семена Рожнова сослать.

— За что же это?

— Вишь, подозрѣніе на нихъ падаетъ въ лошеводствѣ. Вотъ за это самое.

— Да вѣдь ихъ не поймали? Какія-жъ противъ нихъ доказательства?

— Поди-жъ ты, поговори съ ними!.. Бился я съ ними, бился, ажъ въ потъ ударило — ничего не беретъ: стоятъ на своемъ, и шабашъ... Всѣ, какъ одинъ человѣкъ, кричатъ: „не надо намъ ихъ!“

— Ужъ не о. Никита ли тутъ причиненъ?

— Може и онъ, кто его знаетъ!.. Я еще дѣла не кончалъ, велѣлъ на послѣ-завтра сходку опять со двора на дворъ собирать,—сказалъ, что съ вами пріѣду приговоръ повѣрять.

На послѣ-завтра, когда мы со старшиной пріѣхали въ Удольское, сходка была уже въ сборѣ; толпа встрѣтила насъ, по обыкновенію, молчаливымъ скидываніемъ шапокъ; только староста, да человѣкъ пять изъ „знакомыхъ“ старшинѣ мужиковъ, принадлежащихъ къ сельской аристократіи, толпились около насъ, покуда мы раздѣвались въ сборнѣ. Намъ дѣлали обычные въ такихъ случаяхъ вопросы, мы давали обычные, сотни разъ говоренные, отвѣты.

— Благополучно ли доѣхать изволили?

— Ничего, слава Богу. Дорога теперь отличная.

— Благодарить Создателя надо! Ужъ такая дорога, такая дорога!.. А все-таки безпокойство вамъ одно... Чайку съ дорожки не пожелаете ли?

— Нѣтъ, нѣтъ, благодаримъ покорно, не надо!

— Ахъ, напрасно!.. Потому какъ вы изъ нашихъ дѣловъ такое безпокойство примаете... Мы тоже вѣдь понимать можемъ!

— Скажите-ка, что у васъ тутъ за смута пошла?

— И-ихъ, ужъ точно, что смута!.. То-есть, доложить вамъ, и сами не поймемъ, на удивленье даже! То—жили себѣ, слава Богу, чинно, благородно, — а тутъ вдругъ — и ума не приложишь!

Всѣ эти разговоры, конечно, никакого дѣлового значенія не имѣли, и обѣ стороны, т.-е. и мы со старшиной, и представители удольскаго общества — очень хорошо это знали; поэтому, лишь только зазябшіе пальцы поотошли въ теплой избѣ и оказались въ состояніи держать карандашъ,—я прекратилъ эти дипломатическія тонкости и предложилъ всѣмъ выходить на улицу для переклички. Сходъ оказался полнымъ: изъ 92-хъ человѣкъ на лицо было 78.

— Такъ какъ же, старички,—спрашиваетъ старшина,—надумались, что-ль, объ этомъ дѣлѣ-то?

„Старички“ молчатъ, переминаясь съ ноги на ногу; нѣкоторые въ переднихъ рядахъ стоятъ безъ шапокъ.

— Да надѣньте же шапки, господа!—говорю я.

— И то одѣть, — бормочетъ одинъ и, застыдившись, что онъ стоялъ безъ шапки, когда большинство было въ шапкахъ, быстро надѣваетъ ее; прочіе стараются по возможности незамѣтно продѣлать то же самое.

— Воля ваша, Яковъ Иванычъ,—говоритъ одинъ изъ аристократовъ,—а мы такое свое согласіе имѣемъ, какъ анадысь, когда повѣрять изволили.

— И чаго тамъ по нѣскольку разъ народъ тревожить!.. слышится голосъ изъ толпы. — Вѣдь сказано разъ—сослать, чаго-жъ еще?..

— Кого же вы ссылать хотите?—спрашиваю я.

— Ѳомку Сухменева, Ванюху Дятлова... Рожнова Семена!--раздаются отдѣльные возгласы.

— Троихъ?

— Точно такъ, троихъ-сь! Обчество надумало такъ, чтобы троихъ, значитъ...

— За что же вы ихъ сослать хотите? Въ чемъ они передъ вами провинились?

— Очень ужъ безпокойно стало, — житья просто нѣтъ! Нынче—у сосѣда увели; завтра—у меня уведутъ! Раззоръ, да и только!.. Ихъ пужануть надо, може и другіе, на нихъ глядючи, поугомонятся!.. раздаются изъ толпы замѣчанія, преимущественно изъ переднихъ рядовъ.

— Но есть ли у васъ доказательства, улики, что въ этихъ дѣлахъ виноваты эти именно трое? Можетъ быть, вы только подозрѣваете ихъ?

— Это точно-съ, подозрѣваемъ!.. Потому, нешто въ законахъ сказано, что воровать дозволено, особливо лошадей уводить? Вѣдь этакъ самъ сбѣжишь, не то что въ Сибирь, а хоть куда хошь!

— Все это такъ, но вѣрно ли вы знаете, что лошадей уводили именно Ѳомка съ Ванюхой и съ Семеномъ?

— Кому-жъ, окромя нихъ? Болѣе некому!.. Потому, и допрежъ они у насъ на замѣткѣ были...

Я открываю штрафной журналъ и ищу, значатся ли въ немъ за ссылаемыми какія-нибудь старыя прегрѣшенія. Проступки Сухменева уже объяснены выше; за Иваномъ Дятло-

вымъ значится только одинъ грѣхъ: онъ былъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ подвергнутъ аресту за пьянство и оскорбленіе, въ пьяномъ видѣ, сельскаго старосты; Семенъ же Рожновъ ни разу еще не былъ внесенъ въ штрафной списокъ. Я сообщаю обо всемъ этомъ сходу.

— Да нешто до волости все доходитъ?—раздались голоса.— Намъ-то на міру всѣ ихъ штуки оченно хорошо извѣстны!.. Кто съ Ѳомкой полштофъ съ полки въ кабакѣ стащить хотѣлъ?..

— Братцы, я сильно хмѣленъ былъ!.. оправдывается Рожновъ.

— Ладно, хмѣленъ!.. Этакъ всякій напьется, да полуштофы таскать зачнетъ!.. Опять, съ порубкой въ мірскомъ ольшатникѣ кто попался?..

— Православные, да нешто-жъ я одинъ? Почитай, кажинную сходку съ кого-нибудь за порубку пьемъ, такъ чего-жъ мнѣ одному этимъ дѣломъ въ носъ тыкать?

Препирательства грозятъ перейти въ безконечную всеобщую перебранку, въ которой наиболѣе энергичное участіе примутъ всѣ попадавшіеся съ порубками; изъ всего этого ждать добра нечего, и я стараюсь вновь поставить вопросъ на настоящую почву. Я подзываю къ себѣ ссылаемыхъ и потихоньку совѣтую просить пощады у міра, при чемъ обѣщать никакого безпокойства міру впредь не причинять.

— Нѣтъ ужъ, господинъ писарь, увольте насъ отъ этого! Кабы въ чемъ причины были, то разговоръ бы другой былъ, а то—вотъ какъ на духу говоримъ—ни вотъ эстолько нашего тутъ дѣла нѣтъ!.. Чего-жъ намъ зря кланяться? Пущай ихъ воля теперь будетъ; а мы настоящаго закона искать будемъ, коли ежели вы намъ защиты не дадите...

Такъ говорилъ Семенъ, а прочіе двое поддакивали ему: „воля ваша, а мы не желаемъ...“ Ихъ рѣшительный отказъ кланяться міру заставилъ меня призадуматься: или они ужъ очень ловкій народъ, или же дѣйствительно невинны въ этомъ дѣлѣ. Невольно припомнилась мнѣ другая подобнаго рода сцена, но съ дѣйствующими лицами иного характера.

Передъ зданіемъ волостного правленія стоитъ толпа въ полтораста человѣкъ: это созванъ волостной сходъ для раз-

смотрѣнія приговора кузьминскаго сельскаго общества *) „о преданіи въ руки правительства крестьянина Григорія Сѣдова, пойманнаго съ поличнымъ и уличеннаго въ конокрадствѣ“. Сѣдовъ уже привлеченъ къ судебному слѣдствію; улики противъ него неотразимы, и онъ навѣрное будетъ присужденъ къ арестантскимъ ротамъ. Въ виду этого, я стараюсь разъяснить сходу, что приговоръ о ссылкѣ его совершенно излишенъ и причинитъ лишь массу хлопотъ, а что, по окончаніи срока заключенія Сѣдова, общество будетъ непремѣнно опрошено,—желаетъ ли оно принять его обратно въ свою среду, или же онъ долженъ быть сосланъ на поселеніе? Тогда, говорилъ я, все равно придется составлять приговоръ „о непріемѣ“, а теперь всѣ хлопоты преждевременны и ни къ чему не ведутъ. Но сходъ не вѣритъ моимъ словамъ, не довѣряетъ и суду и хочетъ теперь же рѣшить дѣло: больно ужъ злы всѣ на конокрадовъ... Рѣшительная минута настала; старшина „сгоняетъ“ всѣхъ выборныхъ къ одной сторонѣ; толпа стоитъ сумрачно, стараясь не глядѣть на Сѣдова и жену его, ползающихъ передъ міромъ на колѣняхъ. — „Старики! кто Григорія жалѣетъ,—оставайся на мѣстѣ, а кто не прощаетъ—отходи направо!“ выкрикиваетъ старшина. Дрогнула толпа, колыхнулась—и замерла на мѣстѣ: никто не рѣшался первымъ сдѣлать роковой шагъ... Григорій лихорадочно перебѣгалъ глазами по лицамъ своихъ судей, стараясь прочесть на нихъ жалость къ нему; жена его глухо рыдала, припавъ лицомъ къ землѣ; возлѣ нея, засунувъ пальцы въ ротъ и собираясь заревѣть благимъ матомъ, стоялъ трехгодовалый мальчуганъ (дома у Григорія осталось еще четверо дѣтей)... Но вотъ отъ толпы отдѣляется одинъ мужикъ, у котораго года два тому назадъ уведена была кѣмъ-то лошадь.—„Чаво намъ жалѣть!.. А онъ насъ жалѣлъ?“ говоритъ старикъ и, насупившись, рѣшительными шагами переходитъ на правую сторону.—„И то правда,—худую траву изъ поля долой“,—говоритъ еще одинъ изъ толпы и слѣдуетъ за старикомъ... Начало было сдѣлано: первые—по-одиночкѣ, а по-

*) Въ немъ менѣе 300 ревизскихъ душъ, а такія общества должны представлять свои приговоры о ссылкѣ на поселеніе на утвержденіе волостному сходу.

томъ ужъ и цѣлыми кучками стали переходить выборные на правую сторону. Осуждаемый общественнымъ мнѣніемъ колотился головой о землю, билъ себя кулаками въ грудь, хваталъ шедшихъ мимо него за полы, кричалъ; „Иванъ Тимофеичъ!.. Дядя Лександра!.. Васинька, милый куманекъ!.. Погодите, родные, дайте слово сказать!.. Петрушенька!“.. Но, не останавливаясь, съ суровыми лицами, обходили міряне слѣва и справа группу ползавшихъ у ногъ ихъ несчастливцевъ... Наконецъ, затихли вопли Григорія, — около него на 3 саж. вокругъ было пустое мѣсто, некого стало просить: всѣ выборные, за исключеніемъ одного, родного дяди ссылаемаго, оказались перешедшими направо. Баба тоскливо рыдала, а Григорій замеръ на колѣняхъ, опустивъ голову и тупо глядя въ землю...

Вотъ именно эта сцена припомнилась мнѣ, когда я услышалъ отъ удольскихъ опальныхъ рѣшительный отказъ просить міръ о помилованіи. Возможность въ данномъ случаѣ ошибки со стороны міра становилась для меня все очевиднѣе: никакихъ прямыхъ уликъ противъ обвиняемыхъ въ кражѣ лошадей не было (по произведенному полицейскому дознанію не оказалось даже возможнымъ привлечь ихъ къ судебному слѣдствію), прежніе же мелкіе, сравнительно, проступки ихъ никакого крупнаго значенія не имѣли, и если о нихъ упоминалось на сходѣ, если ихъ выставляли на видъ, то только съ цѣлью охарактеризовать ссылаемыхъ въ глазахъ закона — въ данномъ случаѣ въ нашихъ со старшиною глазахъ,—въ глазахъ же самихъ крестьянъ всѣ эти проступки имѣли сами по себѣ лишь очень небольшое значеніе. Послѣдствія показали, что удольскіе крестьяне подняли вопросъ о ссылкѣ преимущественно подъ вліяніемъ паническаго страха („вотъ-вотъ и у меня уведутъ лошадь“), хотя не безъ вліянія оказался и другой факторъ, о которомъ рѣчь будетъ ниже. Крестьяне сознавали, что невозможно сидѣть сложа руки въ виду грозящей бѣды, что надо же чѣмъ-нибудь оградить себя отъ страшной опасности остаться безъ лошади (это влечетъ за собой, въ иныхъ случаяхъ, полное разореніе), и вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшительно не знали, что имъ предпринять. Самое простое, всегда имѣющееся у мужиковъ подъ

руками, средство,—это навести страхъ на лихихъ людей, поучить кого-нибудь такъ, чтобы и другимъ не повадно было... Страхъ есть господствующій элементъ въ крестьянской жизни: религія и земныя власти дѣйствуютъ на мужика страхомъ, таинственныя явленія природы, могущія въ каждую данную минуту пустить его по-міру (градъ, ливень, гроза, засуха и пр.), заставляютъ его пребывать въ постоянномъ трепетѣ; не мудрено, что мужикъ, испытавъ на себѣ воспитательное значеніе страха, научается дѣйствовать, въ случаѣ нужды, на другихъ преимущественно страхомъ же. Такъ и въ данномъ случаѣ: устрашась грядущей бѣды, міръ прибѣгъ къ обычному въ этихъ случаяхъ средству—устрашенію и съ своей стороны... Въ нѣкоторыхъ случаяхъ подобнаго рода происходятъ сцены дикаго самоуправства, когда подозрѣваемаго (иногда уликъ не бываетъ, да и быть не можетъ, какъ, напримѣръ, въ дѣлахъ по обвиненію въ колдовствѣ) въ какомъ-нибудь дѣяніи, наводящемъ страхъ на окружающихъ (наприм. колдовство, поджогъ, конокрадство и пр.), „доходятъ своими средствами“, бьютъ, калѣчатъ, убиваютъ и жгутъ; въ другихъ случаяхъ, дѣла получаютъ болѣе законный исходъ: обвиняемыхъ дерутъ, сажаютъ въ холодную или ссылаютъ на поселеніе; послѣднія рѣшенія имѣютъ мѣсто обыкновенно лишь тогда, когда со стороны начальствующихъ лицъ встрѣчается содѣйствіе исполненію мірской воли—проучить кого-нибудь. Съ большою вѣроятностью можно продположить, что въ данномъ случаѣ лишь очень не много удольскихъ общественниковъ было твердо увѣрено въ виновности ссылаемыхъ лицъ; большинство же, вѣроятно, разсуждало такъ: „кто ихъ знаетъ, може они, а може и не они; во всякомъ разѣ, остраcтку имъ дать не мѣшаетъ“... Подъ словомъ имъ подразумѣвались не одни ссылаемые, а вообще всякіе лиходѣи. Теперь возникаетъ самъ собою вопросъ, почему же именно Ѳома, Иванъ и Семенъ, а не кто-либо другой остановилъ на себѣ вниманіе общества, какъ злодѣй, способный на конокрадство? Кажется, причиной этому отчасти является „неугодность» этихъ лицъ міру, ихъ ненормальное положеніе въ обществѣ... Въ самомъ дѣлѣ, Ѳома у всѣхъ былъ на примѣтѣ, какъ человѣкъ буйный и пьяница, Иванъ—просто какъ

пьяница, а Семенъ—какъ малый безхозяйный, сирота, собственнаго хозяйства не ведшій и проживавшій обыкновенно на сосѣднемъ винномъ заводѣ въ качествѣ рабочаго; наконецъ – всѣ они вмѣстѣ были очень дружны между собою, составляли „свою компанію“, засѣдая во всѣхъ окрестныхъ кабакахъ. „Немудрено,—думалось міру, что они съ-пьяну и снюхались съ цыганами“... Но нельзя отрицать и того обстоятельства, что первый починъ въ обвиненіи, исходившій отъ о. Никиты, могъ имѣть сильное значеніе въ этомъ дѣлѣ: покуда міръ еще колебался, кому приписать эти кражи, о. Никита уже указалъ на этихъ трехъ человѣкъ, обвинилъ ихъ въ знакомствѣ съ цыганами („работникъ видѣлъ“), припомнилъ ихъ непутевую жизнь, обиды, лично ему нанесенныя Ѳомой, и пр. Изъ сѣти мелкихъ обвиненій создалось то, что называется общественнымъ мнѣніемъ; желаніе произвести остракизму стало особенно интенсивнымъ,—и вотъ три человѣка уже на пути къ поселенію... Воспрепятствовать мірскому рѣшенію было трудно, а главное—опасно для ссылаемыхъ. Возбужденное состояніе общества должно было непремѣнно разрѣшиться кризисомъ: или приговоромъ, или, пожалуй, самосудомъ; доводить же до послѣдняго было бы ужъ окончательно скверно.

— Такъ какъ же, господа старички, надумались, что ль?

— Не надо намъ ихъ, всѣ желаемъ... Троихъ... загремѣлъ сходъ.

Попытка указать на предстоящіе по ссылкѣ расходы также не привела ни къ чему: обществу было извѣстно, что эти расходы падаютъ, согласно существующему уже много лѣтъ волостному приговору, на всю волость, и что платежъ съ душъ будетъ, поэтому, незначителенъ. Пришлось приступить къ голосованію: въ результатѣ оказалось 73 голоса за ссылку и 2 противъ ссылки,—зятя Дятлова и дяди Рожнова. Прочіе родственники ссылаемыхъ сочли за лучшее отъ голосованія воздержаться, т.-е. попросту на сходку не приходить и такимъ образомъ избѣгнуть дилеммы—или міру перечить, или на свою кровь руку подымать; въ послѣднемъ случаѣ сами міряне осудили бы ихъ.

Дѣлать нечего, приходилось „оформливать“ приговоръ.

— Ѳома Сухменевъ! Сколько лѣтъ?.. Женатъ?.. Какъ звать жену? и т. д... Семенъ Рожновъ! Сколько лѣтъ?..

— Двадцать первый.

— Какъ такъ? На призывѣ еще не былъ?

— Въ нонѣшнемъ году, надо быть, позовутъ.

— Господа старички!—восклицаю я, обрадовавшись встрѣтившемуся „законному препятствію“,—вѣдь Семена-то по закону нельзя ссылать: ему еще 21 года нѣтъ, а такихъ ссылать не полагается.

Сходъ недоумѣваетъ. По привычкѣ искать въ каждомъ дѣйствіи, въ каждомъ словѣ начальства заднюю мысль, „старички“ недовѣрчиво относятся къ внезапно объявившемуся „законному препятствію“ и раздумываютъ, нѣтъ ли тутъ подвоха какого. Въ эту критическую минуту торопливыми шагами подходитъ къ намъ запыхавшійся о. Никита; мужики разступаюся поредъ нимъ, большинство снимаетъ шапки и кланяется. О. Никита отрывисто говоритъ имъ „здорово, здорово“, торопливо благословляетъ старосту, двухъ трехъ стоящихъ вблизи „благомыслящихъ“ прихожанъ, и начинаетъ мнѣ и старшинѣ жать руки.

— А я, знаете, въ Киселевку ѣздилъ—съ Ивана Парамонова должокъ получать... Вотъ онъ, нынѣшній народецъ какой! съ заговѣнья не отдаетъ 11 рублей, и шабашъ! Строился онъ и купилъ у меня лѣску... Да объ этомъ дѣлѣ я съ вами послѣ посовѣтоваться хотѣлъ... Да, такъ пріѣзжаю, а мнѣ попадья и говоритъ: а вѣдь волостные давно на сходкѣ. Ну, я скорѣй сюда... Чайку ко мнѣ напиться послѣ дѣла? Я и самоварчикъ заказалъ попадьѣ...

— Покорнѣйше благодарю васъ за любезное приглашеніе, о. Никита, но врядъ ли мы съ Яковомъ Иванычемъ будемъ имѣть возможность воспользоваться имъ,—говорю я, а самъ поглядываю на старшину, чтобъ онъ смекнулъ, въ чемъ дѣло.—Насъ въ волости сегодня народъ ждетъ.

— Да, батюшка, въ другой ужъ видно разъ какъ-нибудь,—говоритъ и Яковъ Иванычъ, но не безъ сожалѣнія о пропавшемъ чаепитіи; лично онъ не понимаетъ, почему бы это и не побаловаться чайкомъ, но супротивъ меня говорить не рѣшается.

— А-ахъ, какіе вы... Ну, подождутъ—эка важность!

— Подождутъ-то подождутъ, а все-таки, знаете, не порядокъ это... Нѣтъ, ужъ до другаго разу, о. Никита.

— И несговорчивые вы, право!... А чѣмъ у васъ тутъ дѣло кончается?

— Да вотъ, кой о чемъ все толкуемъ... Такъ слышали, старички, Семена нельзя ссылать?

— Слышали, какъ не слыхать!... Извѣстно, вамъ виднѣе, какъ тамъ въ законахъ сказано...

— Это вы, Н. М., на счетъ Сеньки? — съ азартомъ вступается духовный пастырь. — Чего вы его, мошенника, жалѣете?..

— Я еще мошенникомъ не бывалъ,—говоритъ Семенъ въ полуоборотъ.

— Ска-ажите пожалуйста, онъ еще кочевряжится!.. А кто у меня лошадей...

— О. Никита, покорнѣйше просимъ васъ прекратить этотъ разговоръ! Здѣсь не мѣсто для личныхъ препирательствъ.

— Да, вотъ оно что!... Мнѣ и слова сказать нельзя, а за конокрадовъ заступаетесь?.. Прекрасно, прекрасно!

— Яковъ Иванычъ, предложи о. Никитѣ прекратить свои неприличныя замѣчанія.

— Батюшка, сдѣлайте милость, ужъ покорнѣйше прошу васъ! Ужъ вы насъ извините... Потому, какъ мы своимъ дѣломъ заняты, и Н. М. оченно прекрасно всѣ законы знаютъ...

— Это еще вилами на водѣ писано,—знаетъ онъ з а к о н ы или н е з а к о н ы... Не слыхалъ я что-то, чтобы такой законъ былъ—конокрадовъ покрывать!..

Меня возмутили эти двусмысленные намеки, и чтобы покончить съ этими препирательствами, ронявшими насъ въ мнѣніи мірянъ, я сказалъ:

— Если вы, о. Никита, не прекратите своихъ замѣчаній, то я буду принужденъ указать г. старшинѣ на необходимость составленія акта о вмѣшательствѣ вашемъ въ мірскія дѣла...

При такомъ оборотѣ дѣла, о. Никита счелъ за лучшее споръ прекратить; онъ отступилъ и дѣлалъ только вполголоса

какія-то замѣчанія нѣсколькимъ стоявшимъ вблизи его мужикамъ; тѣ принужденно поддакивали ему, но, поддакивая, одинъ за однимъ незамѣтно поразошлись, и о. Никита остался одинъ. Такимъ образомъ, сраженіе было выиграно, и авторитетъ о. Никиты значительно поколебленъ въ глазахъ схода.

Благодаря этому обстоятельству, я, какъ законникъ, на много выросъ въ глазахъ схода, слова мои получили большій вѣсъ и мнѣ уже безъ большого труда удалось уговорить крестьянъ отказаться отъ ссылки Рожнова и Дятлова; одинъ только Ѳома, подобно козлу отпущенія, былъ обреченъ на жертву... Какъ это всегда дѣлается, тутъ же поставлено было сходомъ—посадить Ѳому немедленно въ арестантскую: ссылаемыхъ вообще боятся, какъ бы они изъ мести не подпустили „краснаго пѣтуха“ или не отмстили какимъ-либо другимъ образомъ своимъ судьямъ-односельцамъ, въ періодъ времени между постановкой приговора о ссылкѣ и приведеніемъ его въ исполненіе. Тотчасъ же была снаряжена подвода, и Ѳома, въ сопровожденіи сотскаго, отправился въ волостное правленіе, гдѣ имѣлась арестантская. Я наблюдалъ за нимъ во время его отправки: онъ былъ наружно спокоенъ, тщательно укладывалъ въ сани мѣшочекъ съ хлѣбомъ, на односельчанъ своихъ не смотрѣлъ и отрывочно говорилъ что-то своему старшему сыну, съ недѣлю лишь вернувшемуся изъ военной службы домой въ качествѣ запаснаго рядового. Сходъ соблюдалъ тишину; многіе тихонько уходили по домамъ, прочіе стара́лись не глядѣть на Ѳому и пріискивали себѣ какое-нибудь занятіе: оправляли кушаки, тыкали бадигами въ начинавшій уже таять снѣгъ, шептались другъ съ другомъ о постороннихъ вещахъ... Сноха Сухменева негромко хныкала, какъ бы исполняя какой-то обрядъ. Наконецъ сани съ Ѳомой тронулись, онъ скинулъ шапку, перекрестился нѣсколько разъ на церковь и крикнулъ „міру“: „спасибо, православные!“.. Лошадь пошла шибче, и что онъ еще говорилъ, я разобрать не могъ. Вслѣдъ за нимъ тронулись и мы, отказавшись отъ приглашенія старосты и кабатчика „побаловаться на дорожку чайкомъ“.

Грустная вся эта исторія!.. Только твердое мое намѣреніе не скрывать ни хорошаго, ни дурного изъ того, что я узналъ

о тысячной долѣ русскаго народа, жительствующаго въ одномъ уголкѣ — скаго уѣзда, заставляетъ меня передавать эти факты. Грустно, что экономическія условія создали людей, не останавливающихся передъ уводомъ послѣдней лошади у пахаря; грустно, что эти пахари, ослѣпнувъ отъ страха и злобы, иногда обрушиваются гнѣвомъ своимъ на неповинныхъ людей; но что всего грустнѣе, это—что гнѣвъ ихъ — справедливый или несправедливый, въ данномъ случаѣ это обстоятельство не имѣетъ особаго значенія,—можетъ быть утишенъ... хотя бы двумя ведрами водки!.. Долженъ признаться: я рѣшительно не могу себѣ представить, до чего еще можетъ дойти въ будущемъ слабость къ водкѣ сельскихъ сходовъ?... Кажется, дальше идти некуда, ибо и теперь уже дѣлаются невѣроятныя вещи. Я отнюдь не говорю, что крестьяне поголовно пьяницы, если подъ словомъ „пьяница“ разумѣть человѣка или постоянно, или большую часть дней въ году пьянаго; нѣтъ,--такихъ въ крестьянскомъ міру очень мало: одинъ, два на сотню; наоборотъ, человѣкъ 8, даже 10 на сотню найдется совсѣмъ непьющихъ вина. Зато всѣ остальные, принужденные по недостатку средствъ пить изрѣдка, лишь по особо выдающимся случаямъ, разъ 15—20 въ году,— не пропускаютъ ужъ ни одного удобнаго случая выпить, и даже не только выпить, а прямо напиться. Разумъ у крестьянъ при видѣ водки какъ бы перестаетъ дѣйствовать, и въ тѣмъ большей степени, чѣмъ ихъ большее количество собрано вмѣстѣ. Каждый изъ нихъ порознь, за малыми исключеніями, еще можетъ отказаться отъ водки, предлагаемой за какое-нибудь грязное дѣло; тоже и по-двое, пожалуй и по-трое; но если собралась толпа, то стремленіе находящихся въ числѣ ея единичныхъ коренныхъ пьяницъ дорваться до водки какою бы то ни было цѣною—какъ бы электрическимъ токомъ передается всему сходу; желаніе выпить въ компаніи, поразнообразить безшабашной гульбой свою вѣчно сѣрую, будничную жизнь, заговариваетъ съ особою силою, и сходъ дѣлаетъ невѣроятныя вещи: отдаетъ за безцѣнокъ мірскую землю, пропиваетъ, въ видѣ штрафа, чужой станъ колесъ, закабаляется за грошъ на многіе годы, обездоливаетъ правую изъ числа двухъ спорящихъ сторонъ, прощаетъ крупную растрату мо-

шеннику-старостѣ, ссылаетъ невиннаго односельца на поселеніе, принимаетъ завѣдомаго вора обратно въ общество, и т. д., и т. п. *). Мнѣ кажется, что дѣло обстоитъ именно такъ: пассивное нежеланіе большинства дѣлать глупое или грязное дѣло побѣждается страстнымъ порывомъ къ выпивкѣ наиболѣе слабыхъ къ вину лицъ; интенсивное стремленіе нѣкоторыхъ увлекаетъ всѣхъ. Но вотъ, водка выпита, хмѣльныя головы протрезвились спустя нѣкоторое время, вліяніе наиболѣе страстныхъ личностей перестало дѣйствовать

---

*) Чтобы не быть совершенно голословнымъ, сошлюсь на перепечатанный въ одной московской газетѣ изъ *Зари* чрезвычайно характерный приговоръ нѣкоего сельскаго общества, слѣдующаго содержанія: „1885 г., февраля 5-го дня общество крестьянъ села Катюрженецъ, Чернелевецкой волости, Старо-Константиновскаго уѣзда, Волынской губ., состоящее изъ 107 наличныхъ домохозяевъ, имѣющихъ право голоса, собравшись въ числѣ 75 домохозяевъ на полный сельскій сходъ, гдѣ, между прочимъ, имѣли разсужденіе о тяжбѣ, заведенной съ помѣщикомъ своимъ с. Катюрженецъ Д., и пришли къ убѣжденію совѣсти, не только нѣкоторые, но даже всѣ безъ исключенія, цѣлое общество, что 3-го января 1884 г. мы составили приговоръ о выселеніи изъ нашего села Пейсаха Работника и тамъ оклеветали его до самаго нельзя, но все это несправедливо, и къ тому насъ подговорилъ помѣщикъ Д. посредствомъ попойки и обѣщаніемъ письменнымъ, если прогонимъ Пейсаха Работника, то за то будетъ платить жалованье нашему учителю, далъ въ залогъ 150 руб., что аккуратно построить намъ корчму, также обѣщалъ бѣднымъ помочь займомъ денегъ а когда только успѣли выселить Работника, то помѣщикъ Д. отъ всего отказился, даже выманилъ залоговыя деньги 150 р. и корчмы не окончилъ, такъ что вынуждены были предъявить искъ къ нему. Приговоръ на Работнпка написанъ по подговору насъ помѣщикомъ; мы при всей натяжкѣ имѣли въ виду что Работникъ—не вредный человѣкъ, семейный, изъ 8 душъ, и имѣетъ разное имущество; чтобы его не раззорять, просили выселить его въ его общество м. Кульчины, Старо-Константиновскаго уѣзда, а намъ положительно неизвѣстно, откуда и отъ кого взялась просьба къ господину генералъ-губернатору о воспрещеніи Работнику проживать въ предѣлахъ всей Волынской, а также и Подольской губерніи, и такимъ образомъ Работникъ выселился въ Кіевскую губернію, оставивъ почти все свое имущество въ с. Катюржецахъ, которое частями продается, а большею частью уничтожается. При такихъ обстоятельствахъ, цѣлое общество тронула совѣсть, и мы не желаемъ имѣть такого тяжкаго грѣха на душѣ, чистосердечно сознаемъ, что безвинно оклеветали честнаго человѣка и раззорили семейство изъ 8 душъ со всѣмъ имуществомъ. Сознаемъ передъ Богомъ и начальствомъ свой грѣхъ и не можемъ себѣ простить и выдержать и такъ еще, что грѣхъ этотъ безпрерывно насъ мучитъ. ибо когда мы войдемъ въ нашу святую церковь, или пройдя мимо нея,

на пассивное большинство,—и опросите тогда каждаго изъ бывшихъ на сходѣ,—какъ это они за нѣсколько шкаликовъ водки сдѣлали такую гнусность? Почти всѣ дадутъ одинъ и тотъ же отвѣтъ, и отвѣтъ совершенно искренній: „Да нешто это я? Я ни Боже мой, ни въ жисть на такое дѣло самъ не пошелъ бы, а обчество... А супротивъ обчества что-жъ подѣлаешь?“ Довольно утвердительно можно сказать, что не болѣе 5% изъ опрошенныхъ такимъ образомъ будутъ с о з н а т е л ь н о защищать и отстаивать совершенное ими вчера гнусное дѣло... Переспросите остальные 95% еще разъ, зачѣмъ же они пи́ли водку, выставленную за скверное дѣло, если они понимали, что это дѣло скверно, — и каждый изъ нихъ скажетъ: „да мнѣ что? Да пропади она пропадомъ, эта водка,—словно я ея не видалъ никогда! А такъ,—вижу, что всѣ пьютъ, такъ мнѣ чего-жъ не пить?..“. Тутъ к а ж д ы й прячется за в с ѣ х ъ; выходитъ, будто каждый пилъ только потому, что пили всѣ... Рѣшительно какъ маленькія дѣти, напроказившія вмѣстѣ, но потомъ сворачивающія бѣду другъ на друга, при чемъ въ концѣ концовъ выходитъ, что лампа сама разбилась, или что собака сама себя ударила палкой *)... Я

является на умъ Пейсахъ Работникъ. Церковь наша требовала непремѣнно починки; мы, бѣдные люди, не имѣемъ на то средствъ, а Работникъ намъ далъ тысячу рублей на выплатъ чрезъ 8 лѣтъ почти безъ корысти и, такимъ образомъ, привели церковь въ блестящій видъ; что же мы сдѣлали за такое добродѣяніе? Отомстили человѣку раззореніемъ его до безконечности и какъ же тутъ не каяться?“..

Прочтя этотъ замѣчательный документъ, я рѣшительно не зналъ, чему больше удивляться: легкости ли, съ которой удалось сослать человѣка, платѣ ли, полученной за его ссылку (ж а л о в а н ь е у ч и т е л ю и постройку корчмы), позднему ли раскаянію общества, случившемуся притомъ лишь тогда, когда помѣщикъ обманулъ міръ?.. А если бы не обманулъ, то и „святая церковь“, приведенная на деньги сосланнаго въ „блестящій видъ“, не „тронула бы совѣсти“ прихожанъ своихъ?.. Долженъ признаться, что у меня, при чтеніи промелькнула даже мысль,—не придется ли обществу с. Катюрженецъ раскаяваться впослѣдствіи въ составленіи и второго приговора? Чего добраго окажется, что по происками Работника, сосланнаго по-дѣломъ, оклеветанъ нынѣ въ этомъ приговорѣ Д.?.. Вообще, этимъ приговоромъ столько раскрывается гнусностей, что хотѣлось бы не вѣрить въ существованіе подобнаго рода позорнаго документа...

*) Вообще, я избѣгаю столь любимаго нѣкоторыми публицистами и обще-

не рѣшаюсь давать окончательнаго объясненія вышеуказанной особенности мірского пьянства, ибо думаю, что рѣшать этотъ вопросъ—почему сотня честныхъ людей, будучи въ сообществѣ съ потерявшими нравственное чутье пятью пьяницами, не могутъ противостоять имъ въ желаніи „спить“ съ кого-нибудь подъ какимъ бы то ни было предлогомъ—въ состояніи только человѣкъ, обладающій весьма значительными познаніями въ области психологіи; мнѣ кажется, что тутъ должно быть взвѣшено и оцѣнено душевное состояніе каждаго изъ дѣйствующихъ лицъ, при чемъ должны быть приняты во вниманіе всѣ факторы, могущіе имѣть вліяніе на это состояніе. Признаюсь, что такая сложная работа мнѣ не подъ силу. Замѣчу еще, что мною такъ рѣзко осуждаются далеко не всѣ общественныя выпивки: прошу припомнить хотя бы то, что я говорилъ о выпивкахъ, производимыхъ мѣрщиками при производствѣ передѣла полей. Меня глубоко возмущаютъ лишь тѣ случаи выпивокъ общественныхъ, когда въ результатѣ ихъ страдаетъ чей-либо интересъ, — а это, къ сожалѣнію, бываетъ весьма и весьма не рѣдко.

Возвращаюсь теперь къ предмету, заставившему меня коснуться мало извѣстныхъ мнѣ законовъ психологіи. Я буду, по возможности, кратокъ, чтобы какимъ-нибудь лишнимъ словомъ не усугубить и безъ того тяжелаго впечатлѣнія, которое должно произвести на читателя это повѣствованіе... Казалось бы такъ: Ѳома былъ приговоренъ къ ссылкѣ или правильно, или неправильно; въ первомъ случаѣ онъ могъ бы быть прощенъ, еслибъ общество, напримѣръ, разжалобилось судьбой его семьи, и т. п.; во-второмъ, еслибъ общество замѣтило во-время свою ошибку. Такимъ образомъ, водка ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ никакой роли играть не должна бы. Между тѣмъ, дней черезъ пять послѣ описаннаго происшествія, когда приговоръ о ссылкѣ еще не былъ подписанъ грамотными и волостной старшина еще не засвидѣтельствовалъ его, является въ волость, вмѣстѣ со старостой,

---

ственными дѣятелями сравненія народа съ ребенкомъ (иные педагоги даже на издаваемыхъ ими книжкахъ пишутъ: для дѣтскаго и народнаго чтенія!..); но въ данномъ случаѣ такое приравненіе напрашивается само собою на языкъ.

сынъ Ѳомы, солдатъ, и проситъ выпустить его отца изъ арестантской, такъ какъ «общество простило его»; староста подтверждаетъ его слова и со своей стороны проситъ никакого дальнѣйшаго хода приговору о ссылкѣ не давать, ибо «общество раздумало»... Я сталъ разспрашивать солдата, какимъ способомъ добился онъ прощенія отца? Вотъ его подлинный отвѣтъ:

— Какими способами? Извѣстно, — поставилъ два ведра, вотъ-те и вся недолга!..

Старшина, поѣхавшій, изъ предосторожности, опросить сходъ на мѣстѣ, дѣйствительно ли онъ измѣнилъ свое рѣшеніе относительно Ѳомы Сухменева, также подтвердилъ справедливость словъ солдата. Ѳому выпустили изъ арестантской, и онъ понынѣ благоденствуетъ среди своихъ односельцевъ, вышившихъ съ него за освобожденіе два ведра водки, а передъ тѣмъ, до его заточенія, распившихъ нѣсколько четвертей съ о. Никиты... за хлопоты по розыску конокрадовъ, столь жестоко его обидѣвшихъ...

XX.

Представленіе крестьянъ о земствѣ.

Середина апрѣля мѣсяца; погода для сѣва стоитъ самая благопріятная; мужики дорожатъ каждымъ днемъ, ибо у насъ очень важно производить яровые посѣвы во время, когда почва еще сохраняетъ нѣкоторую влажность. Молодымъ росткамъ необходимо укрѣпиться въ влажной землѣ настолько, чтобы злодѣйка засуха, очень часто посѣщающая нашу мѣстность не только въ іюнѣ, а даже въ маѣ мѣсяцѣ, не погубила ихъ, еще нѣжныхъ и неспособныхъ выдерживать палящіе лучи солнца; поэтому-то ранній сѣвъ, апрѣльскій, считается въ описываемой мною мѣстности наилучшимъ, и понятно, съ какимъ неудовольствіемъ собирались въ одно прекрасное апрѣльское утро выборные «пятидворные» кочетовской волости на волостной сходъ. Хотя и былъ воскресный день (мы съ старшиной, конечно, и не подумали бы собирать сходъ въ будни), но мужики все-таки роптали за причиненное имъ безпокойство: надо бы дать лошади вздох-

нуть, да и самому бы не мѣшало выспаться хорошенько передъ завтрашней пахотой и дать отдыхъ наболѣвшимъ членамъ измученнаго за недѣлю работы тѣла, а тутъ—изволь ѣхать за пять, за десять верстъ въ волость, не знамо зачѣмъ, не вѣдомо про что. Нѣкоторые изъ бѣдняковъ выборныхъ, жалѣя своихъ надорванныхъ лошадей, предпочли утрудить свои собственныя ноги, благо онѣ не купленныя и ремонта не требуютъ,—по просту сказать, пришли на сходъ пѣшкомъ. Народу собралось не много: едва-едва хватало до законнаго, для открытія схода, количества голосовъ. Всѣхъ интересовалъ вопросъ, для чего это въ необычную пору года сходъ согнали?

— Н. М.! Да скажи ты намъ, по какому это дѣлу насъ потревожили?—рѣшились обратиться ко мнѣ двое мужиковъ, войдя въ канцелярію. — Господи Боже нашъ! теперь самая пахота, завтра чуть свѣтъ въ поле выѣзжать надо, а тутъ за двѣнадцать верстъ тащись въ волость ни вѣсть про што!..

— Не моя въ томъ вина, господа! Начальство только на этихъ дняхъ прислало бумагу, чтобы безпремѣнно въ двухнедѣльный срокъ приговоръ составить.

— Это что и говоритъ! Ваше дѣло, извѣстно, подневольное, — писарское; что скажутъ, то и исполняй... А о чемъ дѣло-то будетъ?

— Въ маѣ мѣсяцѣ гласныхъ въ земство выбирать надо отъ крестьянъ; въ Демьяновскомъ будетъ съѣздъ, такъ намъ отъ своей волости надо выборщиковъ на этотъ самый съѣздъ назначить.

— Такъ за эвтимъ только дѣломъ и тревожили?

— Только за этимъ.

— Ну, и дѣла!.. Да вы бы сами назначили!..

Въ сотый разъ приходится объяснять, что ни судей, ни десятскихъ, ни выборныхъ назначать своею властью мы съ старшиной не можемъ.

— А это чтожъ такіе за гласные? Это которые въ судейной палатѣ ристантовъ судятъ?.. спрашиваетъ вполголоса одинъ мужикъ другого.

— Молчи, дурья голова, не бреши! Чай, это присяжные, потому они присягу пріймаютъ... Я лѣтось ходилъ въ присяж-

ныхъ, такъ очень хорошо тебѣ всѣ эти порядки изъяснить могу.

— Вре?.. Аль взаправду ходилъ? И судилъ ристантовъ?..

— Судилъ, вотъ-те хрестъ! Да нешто-жъ у васъ на хуторѣ не слыхать было?

— Гдѣ намъ слыхать! Живемъ мы на отшибѣ, народу насъ не много, въ волости по разу въ годъ може бываемъ...

— Такъ, такъ, это что и говорить... Вотъ я и толкую тебѣ что это присяжные, а то—гласные.

— Каки-жъ таки гласные?..

— Гласные-то?.. А вотъ на святкахъ въ трахтирѣ старшина Яковъ Иванычъ о нихъ гуторилъ, — онъ въ этихъ самыхъ гласныхъ ходитъ, который ужъ годъ!.. Съ господами будто въ одной комнатѣ сидятъ и слухаютъ, какъ они дѣла рѣшаютъ...

— Что-жъ это за дѣла такія?.. Чудно чтой-то, братецъ ты мой!

— Они ужъ тамъ знаютъ, каки!.. Да вотъ, Н. М. опять нешто потревожитъ?..

Я лишь притворялся занятымъ, а самъ со вниманіемъ слушалъ заинтересовавшій меня разговоръ мужика изъ большого села съ мужикомъ изъ маленькаго хутора. Видя, что бесѣдовавшіе все-жъ таки не рѣшаются меня тревожить, и не желая упускать удобнаго случая распространить въ массѣ болѣе вѣрныя свѣдѣнія объ обязанностяхъ и правахъ гласныхъ, я остановилъ пріятелей, уже собравшихся было идти въ трактиръ, и разсказалъ имъ, что такое гласный; при этомъ я обѣщалъ и всему сходу, когда онъ соберется, разсказать о земствѣ, о земскихъ собраніяхъ, объ управѣ и проч. Я такъ и сдѣлалъ. Сходъ съ большою охотою сталъ слушать мою немудрую лекцію о земствѣ; не знаю, былъ ли я вполнѣ понятъ всѣми выборными, но что всѣ слушали меня съ нескрываемымъ интересомъ — это было очевидно. Думается, что слова мои не прошли вовсе безслѣдно; по крайней мѣрѣ, ропотъ на то, что тревожатъ народъ въ рабочую пору изъ-за нестоящихъ вниманія пустяковъ, что выборщиковъ можно бы назначить и безъ созыва волостного схода, — ропотъ этотъ, явственно слышный до начала моей рѣчи, по-

слѣ ея уже больше не слышался, и пятидворные довольно охотно приступили къ назначенію выборщиковъ, имѣющихъ явиться на съѣздъ. Впрочемъ, происшедшіе выборы ничѣмъ не отличались отъ обычныхъ выборовъ судей, „пятидворныхъ“ и проч.: интересующіеся общественными дѣлами „Парфены“ выбрали самихъ себя,—конечно, съ полнаго согласія и одобренія своихъ односельцевъ, — въ надеждѣ поживиться чѣмъ-нибудь на съѣздѣ. деньгами ли, водкой ли; рядовые мужики, тѣ, которые отъ общественныхъ дѣлъ поживы себѣ не видятъ и считаютъ всякую общественную службу за натуральную повинность,—тѣ были очень рады оказавшимся добровольцамъ, ибо съ нихъ, рядовыхъ, снималась этимъ самымъ часть натуральной повинности; оставшіяся незамѣщенными вакансіи на должности выборщиковъ были разложены по сельскимъ обществамъ пропорціально числу ихъ ревизскихъ душъ, а тамъ—пошли обычныя препирательства объ очередяхъ, стали конаться на кнутовищахъ и орясинахъ, выпрашивать у старосты рублевку-другую на харчи изъ мірскихъ суммъ,—словомъ, произведены были всѣ обряды и манипуляціи, о которыхъ я уже говорилъ выше. Какъ-ни-какъ, а полный комплектъ выборщиковъ, не долженствующій, по закону, превышать одной трети общаго числа лицъ, имѣющихъ право голоса на волостномъ сходѣ,—былъ составленъ, списокъ избранныхъ написанъ мною, а лично имъ было приказано явиться на 20-е мая въ село Демьяновское, къ 10-ти часамъ утра.

XXI.

Въ виду выборовъ въ земскіе гласные.

Ежемѣсячно десятаго числа почти всѣ комняты зданія, принадлежащаго —скому земству, наполняются самой разнохарактерной, многочисленной публикой. Въ этомъ зданіи, пріобрѣтенномъ земствомъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, нашли себѣ пріютъ, кромѣ уѣздной управы, еще нѣсколько уѣздныхъ учрежденій, какъ-то: присутствія по крестьянскимъ дѣламъ и по воинскимъ дѣламъ, дворянская опека, училищный совѣтъ, съѣздъ мировыхъ судей; здѣсь же имѣется помѣщеніе для

арестуемыхъ по приговорамъ мировыхъ судей. Еще предмѣстникомъ нынѣшняго предводителя дворянства, Столбикова, до сихъ поръ памятнымъ въ уѣздѣ покойнымъ Сафоновымъ, совмѣщавшимъ въ себѣ должности предсѣдателя уѣздной управы и предводителя дворянства, было заведено, что старшины и писаря всѣхъ волостей уѣзда должны были разъ въ мѣсяцъ, десятаго числа, являться въ тѣ апартаменты, гдѣ въ трогательномъ единеніи сливались крестьянское присутствіе съ уѣздной управой, гдѣ не только два предсѣдателя совмѣщались въ одномъ лицѣ, но и секретарь уѣздной управы то пребывалъ таковымъ, то оказывался секретаремъ крестьянскаго присутствія, то—воинскаго, а то самому себѣ, какъ секретарю управы, представлялъ отъ себя, какъ смотрителя надъ арестованными по приговорамъ мировыхъ судей, рапортъ о количествѣ потребленнаго этими послѣдними хлѣба или о числѣ требующихъ ремонта холщовыхъ портовъ. На одномъ изъ столовъ, скажемъ: № 1, велась „исходящая“ книга, въ которую записывалось, напр., отношеніе уѣздной управы въ одно изъ присутствій; бумага эта, за подписью предсѣдателя Сафонова и секретаря К., передавалась на другой столъ (№ 2), гдѣ записывалась во „входящую“ книгу; тотъ же Сафоновъ клалъ на ней соотвѣтствующую резолюцію (согласіе съ ней прочихъ членовъ присутствія само собой подразумѣвалось) и отвѣтная бумага, за подписью тѣхъ же С. и К., благополучно прибывала обратно въ столъ № 1. Такимъ образомъ, всѣ дѣла, касавшіяся управы или присутствій, опекъ или совѣтовъ, рѣшались быстро и аккуратно; пикировокъ между этими учрежденіями никогда не происходило, что, конечно, тоже благотворно отражалось на многосторонней дѣятельности ихъ... Лицо, стоявшее во главѣ всѣхъ этихъ учрежденій, имѣло огромный вѣсъ въ уѣздѣ; все и вся предъ нимъ, если не трепетало, то во всякомъ случаѣ преклонялось; старшины и писаря были какъ шелковые, ибо Сафоновъ „сокращалъ“ ихъ въ срокъ, гораздо меньшій двадцати-четырехчасового: значеніе его было такъ велико, что онъ могъ „доѣхать“ даже исправника, еслибъ того захотѣлъ; понятно, что волостные чины наслаждались жизнью лишь по стольку, по сколько это входило въ виды всесиль-

наго начальника. Именно имъ, для своего удобства, и было введено за правило, чтобы разъ въ мѣсяцъ всѣ писаря и старшины являлись въ... право, не знаю какъ сказать — въ управу, или въ присутствіе, лучше скажу,—чтобы являлись предъ начальническія очи. Въ эти дни выдавались старшинамъ деньги для передачи земскимъ фельдшерамъ, учителямъ и проч.; въ эти дни разбирались жалобы; тогда же приходили крестьяне съ разнаго рода изустными просьбами, увѣренные, что они всякое начальство найдутъ въ сборѣ; сюда же забѣгалъ судебный приставъ, чтобы повидаться съ нужнымъ ему старшиной, агентъ земскаго страхованія, письмоводитель судебнаго слѣдователя, и проч., и проч. Словомъ, одновременный съѣздъ волостныхъ былъ далеко не безполезенъ, ибо имъ значительно сокращалась канцелярская переписка: многое—и приказы, и донесенія—передавалось изустно. Волостные, просидѣвъ нѣсколько часовъ въ канцеляріи управы и въ комнаткѣ для сторожей, потолкавшись у дверей залы засѣданія уѣзднаго присутствія, отправлялись вечеромъ того же дня по домамъ, толкуя о тѣхъ изъ своихъ сотоварищей, которые получили въ этотъ разъ возмездіе за свои прегрѣшенія вольныя и невольныя (арестъ для старшины, штрафъ—для писаря); на какомъ основаніи и по какой статьѣ какого тома законовъ налагались (и теперь налагаются) штрафы на писарей — неизвѣстно, но я долженъ отмѣтить тотъ фактъ, что, несмотря на всю строгость Сафонова, онъ пользовался большою популярностью между волостными, и, сравнивая порядки, бывшіе при немъ, съ порядками, заведенными Столбиковымъ, многіе и многіе съ сожалѣніемъ вспоминали о врежнихъ временахъ. Рискуя сильно отклониться въ сторону, я попытаюсь, однако, охарактеризовать этого замѣчательнаго, въ своемъ родѣ, земско-дворянскаго дѣятеля, съ тѣмъ, чтобы къ нему больше не возвращаться. Вотъ, что разсказывалъ мнѣ одинъ изъ старшинъ, служившій нѣсколько лѣтъ при Сафоновѣ.—„Строгій онъ былъ начальникъ, что и говорить,—да тѣмъ былъ хорошъ, что наши мужицкіе распорядки зналъ и нужду мужицкую понималъ. Куда нонѣшнимъ супротивъ него тягаться!.. Бывало, вызоветъ къ себѣ: „Григорій,—говоритъ,—вотъ мнѣ Борщовъ, вашъ помѣщикъ, жа-

ловался, что крестьяне парину его травятъ скотомъ, просилъ взыскъ на нихъ наложить; ну, я ему обѣщалъ, лишь бы отвязался,—ихъ, знаешь, тоже ублажать надо, они это любятъ; сдѣлать — не сдѣлай, а не отказывай вовсе... Теперь я думаю,—чтожъ съ мужиковъ взять? Я вѣдь ихъ выгона знаю; куда они свою скотину дѣнутъ, коли онъ имъ парины не дастъ? Не на печь же коровъ посадишь!.. Ты имъ скажи, чтобъ они повеликатнѣе тамъ жили, а я этого дѣла поднимать не буду". Такъ и отпуститъ, да еще накормить велитъ, коли къ себѣ въ имѣніе вызывалъ... А то разъ въ присутствіи собралъ всѣхъ насъ, старшинъ, и такую рѣчь повелъ: „Вотъ теперь новое начальство у васъ проявилось,—урядниками зовутся. Слыхалъ я, что эти самые урядники къ вамъ придираются, мужиковъ прижимаютъ, а сами только чаи въ трактирахъ распиваютъ. А вы этому начальству въ зубы не глядите! У васъ одинъ начальникъ—я!.. Пришелъ въ волость урядникъ, или хушь становой, спросилъ тамъ, что ему нужно,—вы ему честь-честью разскажите все, какъ надо, справку дайте; а тамъ—съ Богомъ по морозцу: нечего ему въ волости проклажаться, не надъ кѣмъ куражиться; въ волости вы начальники, а не полиція... Артачиться будутъ,—вонъ ихъ гоните, въ зубы имъ не глядите!.. Да силы имъ не давайте надъ собой взять! Охъ, пропадетъ Рассея, если полиція силу возьметъ!.. Слышите, старшины, не давайтесь полиціи! Какъ чуть что, сейчасъ мнѣ все, какъ на духу, говорите!.." Такъ-то онъ разговариваетъ, а тутъ же о бокъ съ нимъ господинъ исправникъ сидитъ и ни гу-гу... Вотъ какой былъ покойникъ-то!"

Этотъ же Сафоновъ, когда отпускалъ своихъ крестьянъ на волю, захотѣлъ ихъ переселить въ другое усадебное мѣсто. Онъ указывалъ имъ на выгоды, имѣющія произойти отъ такого переселенія: дворы ихъ будутъ находиться какъ разъ въ центрѣ надѣльной ихъ земли, никакихъ штрафовъ за потравы они, поэтому, платить не будутъ, вода будетъ имѣться подъ бокомъ и т. п.; онъ давалъ крестьянамъ полный надѣлъ, извѣстную сумму на переселеніе и нѣкоторое количество лѣсу и соломы на стройку. Крестьяне его были довольно-таки своевольный народъ; онъ самъ ихъ обучилъ, при крѣпостномъ

правѣ, никого не бояться, кромѣ его самого, а разъ его власть была манифестомъ уничтожена, то мужики и возомнили, что имъ, по новому положенію, самъ чортъ не братъ... Сафоновъ вообще любилъ, чтобы его подданные жили сытно; чуть только, бывало, замѣтитъ, что чье-нибудь хозяйство приходитъ въ упадокъ, тотчасъ же начнетъ дознаваться, гдѣ кроется причина обѣднѣнія; если таковая оказывалась уважительной, то Сафоновъ давалъ мужику средства справиться: снималъ тягло, дарилъ корову или лошадь, но если оказывалось, что обѣднѣніе происходило по дурости или пьянству домохозяина, то поролъ его на конюшнѣ жестоко... Любилъ онъ также, чтобы мужики его одѣвались хорошо, чтобы по праздникамъ на всѣхъ, по возможности, были сапоги, кумачевыя рубахи и плисовые шаровары; какимъ путемъ добывалась эта роскошь, онъ не допытывался. Нерѣдко онъ говаривалъ: „воруй, да не попадайся“; и дѣйствительно, если у него самого уворовывали что-нибудь, но такъ, что виноватаго нельзя было розыскать, то онъ даже восхищался молодечествомъ своихъ удальцовъ; но если воръ бывалъ неискусенъ и попадался, то его нещадно драли... Такого рода режимъ несомнѣнно долженъ былъ отразиться на характерѣ и бытѣ сафоновскихъ мужиковъ; и теперь они отличаются огромнымъ, сравнительно съ прочимъ мѣстнымъ населеніемъ, достаткомъ: избы у всѣхъ прекрасныя, запашки дѣлаются большія, работаютъ всѣ мужики на полѣ до седьмого поту, лошадей менѣе двухъ на дворѣ нѣтъ, а есть и по десяти (въ среднемъ—около пяти лошадей на дворъ); всѣ мужики ведутъ собственное хозяйство,—даже вдовыя бабы не бросаютъ земли, а нанимаютъ работниковъ. Но зато во всемъ селѣ только двое порядочно грамотныхъ, и народъ вообще грубый, дерзкій на слова и на-руку, сутяга, очень часто посѣщающій волостной судъ, потому что съемка земли участками или душами у окрестныхъ крестьянъ, для передачи ея нуждающимся по мелочамъ, практикуется большинствомъ дворовъ; въ результатѣ же подобнаго рода операцій оказывается всегда масса исковъ съ неисправныхъ арендаторовъ... Итакъ, эти мужики, разсудивъ, что царь барскую власть уничтожилъ, рѣшили Сафонова не слушаться и насиженныхъ мѣстъ своихъ

не покидать. Однако, съ Сафоновымъ оказались шутки плохи: онъ призвалъ военную силу, и послѣ разныхъ порокъ, ломки строеній и проч., крестьяне должны были убѣдиться, что не всю барскую власть уничтожилъ царь... Теперь они живутъ на новыхъ усадьбахъ, и нельзя сказать, чтобы были ими недовольны. Довольно характерное обстоятельство: несмотря на экзекуцію, Сафоновъ сполна выдалъ крестьянамъ и деньги, и строительной матеріалъ, обѣщанные имъ въ подмогу переселенцамъ... Когда Сафоновъ былъ избранъ предводителемъ дворянства, то до самой уже смерти, въ теченіе нѣсколькихъ трехлѣтій, несъ эту почетную должность, къ коей присовокупилъ, какъ сказано выше, должность предсѣдателя уѣздной управы, сравнительно недурно оплачиваемую. Крупные землевладѣльцы не очень-то тянули его руку, въ виду того, что онъ не всегда соблюдалъ ихъ интересы, какъ это видно, напр., изъ вышеприведеннаго разсказа старшины; но зато мелкое дворянство было безъ ума отъ своего предводителя, который, благодаря мелкопомѣстнымъ, всегда проходилъ значительнымъ большинствомъ голосовъ. Говорятъ, что передъ дворянскими выборами въ*** всегда закупались цѣлыя партіи брюкъ, сюртуковъ, серебряныхъ часовъ и т. п.; кому эти вещи предназначались и отъ кого—о томъ исторія умалчиваетъ.

Таковъ-то былъ всесильный въ —скомъ уѣздѣ Сафоновъ. Многое изъ установленныхъ имъ порядковъ сохранилось и при Столбиковѣ, но многаго этотъ послѣдній сохранить—несмотря ни все свое желаніе — не могъ, ибо появилось двоевластіе, столь пагубное для... органовъ самоуправленіи. Предсѣдателемъ земской управы Столбиковъ выбранъ не былъ и трогательное единеніе уѣздныхъ учрежденій нѣсколько нарушилось: секретарей появилось трое, отношенія управы уже не такъ быстро принимались къ исполненію присутствіемъ и наоборотъ, и т. д. Впрочемъ, въ глазахъ не только простыхъ крестьянъ, но и нѣкоторыхъ старшинъ, управа и крестьянское присутствіе оставались нераздѣльными: Столбиковъ считался „начальникомъ“, а всѣ прочіе, въ томъ числѣ и предсѣдатель управы,—„членами“. Въ дѣйствительности это такъ и было въ крестьянскомъ присутствіи, но мнѣ стоило боль-

шого труда убѣдить моего Якова Ивановича, что Столбиковъ въ земской управѣ ни при немъ.

— Значитъ, тамъ Суровскій главнымъ?—въ десятый разъ переспрашивалъ меня старшина.

— Да, онъ предсѣдателемъ земской управы.

— А такой-то и такой-то?

— Это члены управы.

— А какъ же, когда по осени гласныхъ собираютъ, въ „гласности“ засѣданія бываютъ,—такъ опять Павелъ Иванычъ на большомъ креслѣ сидитъ и въ колокольчикъ звенитъ?

— Такъ то земское собраніе, а не засѣданіе управы... и проч. въ томъ же родѣ. Наконецъ, я его научилъ кое-какъ распознавать различныя учрежденія, имѣющія мѣстопребываніе въ земскомъ зданіи, по секретарямъ: въ управѣ—длинный и худой секретарь, въ крестьянскомъ присутствіи—рыжій, въ воинскомъ—лысый; тогда онъ уже пересталъ ошибаться комнатами, но все еще удивлялся, какъ это во всѣхъ комнатахъ одно и то же начальство, а секретари разные.

Вспомнивъ, вѣроятно, либеральные фразы, обильно расточавшіяся имъ до выбора его въ предводители, Столбиковъ внесъ въ присутствіе билль о привлеченіи старшинъ и писарей къ болѣе сознательному отношенію къ вопросамъ, рѣшаемымъ въ присутствіи. Мысль была бы, дѣйствительно, удачная, еслибъ ее не извратило плохое ея исполненіе. Въ самомъ дѣлѣ, было бы прекрасно, еслибъ начальство, разсмотрѣвъ извѣстное дѣло по возникшему въ какой-нибудь волости вопросу и постановивъ согласное съ закономъ рѣшеніе, объяснило въ живой рѣчи всѣмъ старшинамъ, почему именно надо поступать такъ-то и такъ-то, а не другимъ какимъ-либо образомъ, и затѣмъ давало бы разъясненія на могущія возникнутъ у волостныхъ начальниковъ новыя сомнѣнія и вопросы по тому же предмету. На лучшій конецъ надо полагать, что Столбиковъ именно это и имѣлъ въ виду, когда велѣлъ поставить нѣсколько рядовъ стульевъ въ залѣ, гдѣ происходили засѣданія присутствія, и усадилъ въ ней старшинъ и писарей, сильно перепугавшихся этихъ новшествъ. Какъ и слѣдовало ожидать, всѣ „благіе порывы“ съ перваго же дня превратились въ пустую комедію. Столбиковъ предсѣдатель-

ствовалъ, прочіе члены засѣдали; Столбиковъ скороговоркой прочитывалъ заготовленное секретаремъ рѣшеніе по извѣстному дѣлу, изрѣдка удостоивая прочесть и подлинное прошеніе просителя, затѣмъ изъ вѣжливости, должно быть, обращался къ членамъ присутствія съ вопросомъ: „такъ?„— тѣ кивали головой, и дѣло, какъ рѣшенное, откладывалось; за нимъ слѣдовало другое, пятое, десятое, двадцатое... Во время чтенія, одинъ изъ старшинъ и одинъ изъ писарей, услыхавъ знакомыя имъ названія селъ и фамиліи крестьянъ, вставали и вытягивались; этимъ и ограничивалось ихъ „сознательное“ отношеніе къ рѣшаемымъ вопросамъ, ибо стараться разслушать, что собственно читается, было бы безполезно: волостные знали, что черезъ недѣлю или двѣ они получаютъ изъ присутствія бумагу, въ которой будетъ прописано все, что въ данную минуту читается. Иногда предсѣдатель находилъ нужнымъ вопросить моргавшаго отъ страха старшину: „что жъ, ты принялъ мѣры для огражденія правъ просителя“?

Точно такъ-съ! Всѣ силы-мѣры!.. бывалъ отвѣтъ.

Въ этихъ невинныхъ занятіяхъ проходило дня два. Волостные ужасно скучали, лучше сказать — томились отъ вынужденнаго бездѣйствія, очень хорошо зная въ то же время, что дома въ волости стоятъ неотложныя дѣла, что нужно ѣхать составлять приговоръ, что завтра утромъ долженъ пріѣхать судебный слѣдователь, который вызвалъ для допроса 30 человѣкъ свидѣтелей, и что если хоть одинъ изъ вызванныхъ не явится, то старшинѣ попадетъ отъ не любившаго шутить слѣдователя на орѣхи... Съ горя и со скуки, волостные забирались по вечерамъ въ трактиры, гдѣ истребляли изрядныя дозы „очищенной“ и огромное количество „кипяточку“; тратились даромъ деньги, пропадало даромъ время; инымъ приходилось ѣздить верстъ за 50 и болѣе, такъ что у такихъ отдаленно живущихъ пропадало ежемѣсячно съ проѣздомъ по 3—4 дня, итого въ годъ— около полутора мѣсяца. Все это сильно не нравилось волостнымъ начальникамъ, и старинные служаки изъ нихъ съ сожалѣніемъ вспоминали былыя времена, когда Сафоновъ задерживалъ ихъ въ городѣ не болѣе, какъ на одинъ день.

Такъ вотъ, въ одно изъ десятыхъ чиселъ, всѣ мы были въ сборѣ въ залѣ и слушали скучное чтеніе шаблонныхъ секретарскихъ произведеній; многіе посматривали на часы,— скоро ли стрѣлка покажетъ четыре, предѣльное время нашихъ засѣданій. Вдругъ, еще за полчаса до срока, Столбиковъ поднялся и обратился къ намъ съ обычнымъ: „можете идти“. На это съ нашей стороны послѣдовали молчаливые поклоны, послѣ каковыхъ мы гурьбой поспѣшили къ выходу; но на лѣстницѣ насъ догналъ сторожъ и объявилъ, что приказано намъ опять собраться въ тотъ же день, въ 6 часовъ вечера. Всѣ мы пришли въ недоумѣніе, что за причина такая приключилась?.. Вечернее засѣданіе, что ли, назначили, чтобы отпустить насъ въ тотъ же день, не задерживая на завтрашній?.. Съ сильной надеждой на такой исходъ дѣла, мы всѣ собрались къ назначенному времени,--но увы, никого, кромѣ рыжаго секретаря, въ присутствіи не застали. Этотъ послѣдній обратился къ намъ съ рѣчью приблизительно такого содержанія:

— Разсматривая представленные вами, господа, приговоры о выборѣ лицъ для участія на избирательныхъ съѣздахъ, Павелъ Иванычъ изволилъ усмотрѣть, что во всѣхъ волостяхъ назначенъ самый полный комплектъ выборщиковъ, при чемъ вами упускалось изъ виду, что теперь пора рабочая, и что мужикамъ каждый день дорогъ. Между тѣмъ, въ положеніи о земскихъ учрежденіяхъ сказано, что число выборщиковъ отъ волости можетъ не превышать числа сельскихъ обществъ, входящихъ въ составъ волости, при чемъ отъ каждаго общества долженъ быть хотъ одинъ представитель. Павелъ Иванычъ пожелалъ поставить вамъ это обстоятельство на видъ, а я отъ себя совѣтую вамъ, господа, ограничить число выбранныхъ до наименьшаго размѣра, дозволеннаго закономъ. Тогда съѣзды будутъ не такъ многочисленны, и самые выборы будутъ производиться въ большемъ порядкѣ...

— И будутъ выбраны тѣ, которыхъ желательно видѣть выбранными?... раздался голосъ изъ нашей кучи.

Секретарь нѣсколько смѣшался, но, по долгу службы, продолжалъ развивать геніальную мысль своего начальника.

— Мужики вѣдь совершенно не понимаютъ, кого выбира-

ютъ; это вамъ всего лучше извѣстно, господа. По моему... т.-е. вообще говоря, совершенно все равно, сто ли человѣкъ участвуютъ въ выборахъ или тридцать...

— Геннадій Эмануиловичъ! Но представительство отъ волостей будетъ вѣдь въ такомъ случаѣ крайне неравномѣрно,—попробовалъ и я вставить свое замѣчаніе.—Въ одной волости—пять сельскихъ обществъ, въ другой—двадцать-пять, хотя по числу ревизскихъ душь и дворовъ онѣ равны между собой; если дѣлать по вашему, то одна волость будетъ имѣть въ пять разъ больше представителей, чѣмъ...

— Ну, тутъ гововорить не о чемъ!.. Я вамъ передалъ приказаніе... то бишь—сдѣлалъ разъясненіе закона и затѣмъ ничего больше прибавить къ этому не имѣю...

Мы двинулись къ выходу. Двое-трое писарьковъ изъ породы кровныхъ халуевъ и нѣсколько старшинъ изъ тѣхъ, что поглупѣе, съ восхищеніемъ отзывались о предложенномъ ихъ вниманію толкованіи закона.

— Павелъ Ивановичъ ужъ никогда не упустятъ случая сдѣлать мужикамъ добро!—осклабившись, говоритъ бывшій писецъ присутствія, посланный нынѣ „кормиться“ въ хлѣбную волость.

— Извѣстно, изъ какой это корысти цѣлую полсотню лишняго народу гнать харчиться?.. И десятку-то тамъ дѣлать нечего,—глубокомысленно разсуждаетъ быкообразный старшина.

Другіе волостные, иначе смотрѣвшіе на это дѣло и понимавшіе, въ чемъ тутъ суть, угрюмо молчали, боясь громко высказать свое мнѣніе объ этомъ предметѣ: очень ужъ мы, старшины и писаря, не довѣряли другъ другу.

XXII.

Выборы гласныхъ по нашему участку.

Съ ранняго утра 20-го мая 188... года къ селу Демьяновскому стали со всѣхъ сторонъ стягиваться подводы съ выборщиками. На избирательномъ съѣздѣ должны были участвовать четыре волости: Демьяновская при 80-ти выборщикахъ, наша Кочетовская при 68-ми, и еще двѣ небольшія сосѣднія волости—Петровская и Семеновская—съ 40 выбор-

щиками каждая,—итого на съѣздкѣ должны были принять участіе болѣе 225 человѣкъ. Непремѣнный членъ Щукинъ, имѣвшій открыть съѣздъ, пріѣхалъ еще съ вечера; въ волости шла суета; писаря и старшины бѣгали, считая и повѣряя явившихся выборныхъ изъ своихъ волостей, а сами выборные лежали въ тѣни растущихъ вокругъ зданія правленія деревъ, наблюдая за своими лошадьми, стоявшими таборомъ вокругъ пожарнаго сарая. Трактиръ торговалъ бойко: на харчи выборнымъ были сдѣланы по всѣмъ волостямъ ассигновки изъ мірскихъ суммъ, и старосты не скупились на чай съ кренделями. Водку пили покуда немногіе лишь—„на свои“, ибо старосты боялись ставить до начала выборовъ мірское угощеніе: могли бы оказаться подвыпившіе, а тогда отъ Шукина перепало бы на орѣхи старостамъ навѣрно. Кандидатовъ въ гласные изъ „интеллигентовъ“, т.-е. изъ землевладѣльцевъ или священниковъ, не было никого, а двое изъ выборныхъ отъ крестьянъ, сильно желавшіе попасть въ гласные, боялись дѣйствовать черезчуръ открыто и ограничивались только обѣщаніями угощенія въ будущемъ; то были—извѣстный уже читателю демьяновскій волостной писарь Ястребовъ, произведшійсебя въ выборные и намѣревавшійся, должно быть—съ согласія и одобренія своего высшаго начальства—поближе пробраться къ земскому пирогу, и нѣкто Дыхляевъ, крестьянинъ того же общества, къ которому приписался Ястребовъ (вѣроятно, и самая приписка Ястребова именно къ этому обществу была не случайна). Этотъ Дыхляевъ можетъ служить прекраснымъ типомъ деревенскаго кулака-выжиги, всѣ помыслы котораго сосредоточены на извлеченіи копеекъ изъ всѣхъ, близко къ нему приближающихся кармановъ, будь то карманъ хоть полу-нищаго... Разоривъ своихъ братьевъ при раздѣлѣ отцовскаго имущества, онъ завелъ разныя торговыя операціи, преимущественно лѣсныя, и, какъ человѣкъ грамотный, юркій и съ большимъ грабительскимъ нюхомъ, успѣлъ быстро разбогатѣть: ему теперь только 30-ть съ небольшимъ лѣтъ, а считается онъ уже въ нѣсколькихъ тысячахъ, ходитъ всегда въ поддевкѣ синяго сукна, знакомъ съ разными чиновными лицами, да и самъ грезитъ попасть въ начальство. Два уже года состоялъ онъ

кандидатомъ волостного старшины и велъ въ то время сразу двѣ мины: одна изъ нихъ должна была сдѣлать его настоящимъ старшиной (она уже удалась), другая—земскимъ гласнымъ (эта, покуда, не удалась); думаю, что онъ грезитъ даже пробраться когда-нибудь въ члены управы, и по всей вѣроятности грезитъ этимъ и по нынѣ. Онъ пользовался такимъ же благоволеніемъ отъ начальства, какъ и Ястребовъ, если не больше,—и будучи поэтому увѣренъ въ своемъ избраніи, нѣсколько даже надменно относился къ слабымъ къ вину выборщикамъ, изрѣдка подходившимъ къ нему и просившимъ „угощеньица“.

— Эко ты, ворона, чего запросилъ!.. Дуракъ я, что ли, на свою бѣду возжаться съ вами? Рази не знаешь, что въ законѣ насчетъ вина сказано?.. Ужо послѣ... вечеркомъ, а теперь—шалишь!

— Да мы, Лукьянъ Прокофьевичъ, за все просто, безъ всякаго то-ись... А такъ, думали промежъ себя, не будетъ ли что отъ твоей милости?..

— Сказано, будетъ. Нешто я покорыстуюсь вамъ два ведра не поставить, али тамъ сколько потребуется?.. Не жаль мнѣ денегъ, а нельзя теперь,—вотъ спроси хоть Григорь Ѳедорыча...

Избиратель отходитъ въ нѣкоторомъ смущеніи, а Дыхляевъ направлялся къ болѣе вліятельнымъ выборщикамъ вести рѣчь на тему, что „въ гласные вобче выбирать надо съ осмотромъ, потому нонѣ начальство за этимъ—ухъ, какъ строго наблюдаетъ“...

Впрочемъ, былъ слухъ, что наканунѣ выборовъ происходила значительная попойка въ демьяновскомъ трактирѣ: угощалъ, будто бы, Дыхляевъ, а угощались человѣкъ десять демьяновскихъ воротилъ, изъ коихъ нѣкоторые были избирателями; Ястребова же на попойкѣ, будто бы, не было: онъ держался въ сторонѣ отъ всего, могущаго его скомпрометировать. Надо, однако, замѣтить, что демьяновскіе кандидаты въ этомъ дѣлѣ много ума не выказали, попавъ самымъ грубымъ образомъ впросакъ, и вотъ какимъ путемъ. Желая быть всегда угоднымъ начальству, Ястребовъ поступилъ согласно „совѣту“ рыжаго секретаря и распорядился, чтобы

выборныхъ отъ демьяновской волости было на избирательномъ съѣздѣ лишь по одному человѣку отъ сельскаго общества, а всего по волости двадцать съ чѣмъ-то человѣкъ; кто именно изъ назначенныхъ на сходкѣ оказался фактическимъ выборнымъ и получилъ разрѣшеніе участвовать на съѣздѣ, доподлинно сказать не могу: знаю только, что ни въ демьяновской, ни въ какой другой изъ волостей, принявшихъ къ свѣдѣнію и исполненію секретарское разъясненіе закона, вторичныхъ приговоровъ волостного схода постановлено не было, а потому сортировка--кому быть на съѣздѣ, и кому не быть— была сдѣлана, вѣроятно, чисто домашнимъ образомъ, посредствомъ приказовъ сельскимъ старостамъ. Такимъ образомъ, вмѣсто 160 выборныхъ отъ трехъ волостей явилось только 56, а отъ одной нашей кочетовской—55 человѣкъ... Итакъ, голоса одной нашей волости составляли почти большинство. Яковъ Иванычъ, нашъ старшина, ужасно опасался, какъ бы за такое ослушаніе начальническихъ „разъясненій“ онъ не былъ въ отвѣтѣ, и за нѣсколько дней до съѣзда раза два обращался ко мнѣ съ полувопросомъ, полупросьбой: не разослать ли приказы, чтобы не всѣ выборные выѣзжали на съѣздъ, а только по одному отъ общества? Въ этомъ случаѣ отъ нашей волости было бы только 17 голосовъ, такъ что надежды провести кого-нибудь изъ нашихъ кандидатовъ въ гласные было бы очень мало, и наоборотъ,—демьяновскіе кандидаты прошли бы навѣрное. Не находя достаточныхъ основаній подчиниться страннымъ начальническимъ разъясненіямъ и уже предвкушая всю прелесть предстоящаго на выборахъ инцидента, я твердо стоялъ за точное выполненіе приговора волостного схода о числѣ выборныхъ и ни на какое уменьшеніе этого числа согласія своего не давалъ. Яковъ Иванычъ не мало разъ повздыхалъ и почесалъ затылокъ, но, по привычкѣ во всемъ слушаться писаря, рѣшился и на этотъ разъ пренебречь отеческими совѣтами начальства; такимъ образомъ и оказалось, что представители одной нашей волости почти равнялись числу представителей отъ трехъ другихъ; послѣдствія такого оборота дѣла становились для меня ясны, и мнѣ смѣшной казалась увѣренность Ястребова и Дыхляева попасть въ гласные.

Нужно сказать, что къ этому времени сталъ сильно выдвигаться изъ массы кочетковскаго крестьянства Иванъ Моисеичъ, о которомъ я уже довольно много говорилъ въ началѣ этихъ очерковъ. Отчасти благодаря знакомству со мной, отчасти вслѣдствіе другихъ обстоятельствъ, Иванъ Моисеичъ сталъ довольно сознательно относиться къ общественнымъ дѣламъ, интересовался всѣмъ, происходившимъ въ области земскаго хозяйства, взялся за веденіе двухъ мірскихъ тяжбъ и оказался прекраснымъ повѣреннымъ, ибо по уму, по понятливости превосходилъ рѣшительно всѣхъ извѣстныхъ мнѣ крестьянъ; словомъ, тамъ, гдѣ не было большого соблазна въ видѣ личной выгоды, Иванъ Моисеичъ былъ вполнѣ мірскимъ человѣкомъ, умно и энергично соблюдавшимъ мірскіе интересы. Мнѣ казалось поэтому, что въ земскихъ гласнымъ Иванъ Моисеичъ былъ бы совершенно на своемъ мѣстѣ: независимый отъ начальства, звонящаго на собраніяхъ въ колокольчикъ, обезпеченный въ матеріальномъ отношеніи, умный, знающій бытъ и нужды народные, какъ никто изъ интеллигентныхъ гласныхъ, и при всемъ этомъ не робкій и довольно складно говорящій,—онъ сразу сталъ бы силой въ собраніи, вожакомъ всѣхъ гласныхъ отъ крестьянства и стойкимъ защитникомъ обще-крестьянскихъ интересовъ. Кромѣ того, мнѣ было извѣстно, что въ земствѣ стоялъ на очереди вопросъ о переоцѣнкѣ земель въ уѣздѣ, для болѣе соразмѣрнаго обложенія ихъ съ доходностью, вопросы о способахъ борьбы съ чумой, объ измѣненіи правилъ страхованій отъ огня и, наконецъ, одинъ вопросъ, непосредственно касавшійся кочетовскаго сельскаго общества: о вознагражденіи его за трехлѣтнюю чинку почтовой дороги, исправленіе которой лежало, въ дѣйствительности, на обязанности земства. Кандидатъ мой, какъ оказалось, и самъ былъ далеко не прочь принять званіе гласнаго. Въ прежнее трехлѣтіе гласнымъ отъ нашей волости былъ одинъ только Яковъ Иванычъ; какъ человѣкъ вообще робкій и какъ старшина, застращенный всякаго рода администраторами, онъ былъ образцомъ „безгласнаго гласнаго“, вскакивающаго съ трепетомъ со стула, когда начальство встаетъ во время баллотировки, и сидящаго нѣмымъ, какъ рыба, если начальство сидитъ... Яковъ Иванычъ и самъ

понималъ свою, какъ старшины, непригодность для земской службы, и по собственной иниціативѣ, хотя не безъ внутренней борьбы, предложилъ уступить свою кандидатуру Ивану Моисеичу; такъ было сначала и рѣшено, что отъ нашей волости будетъ одинъ только заправскій кандидатъ — Иванъ Моисеичъ; но когда за часъ до открытія съѣзда выяснился огромный по числу перевѣсъ кочетовскихъ избирателей надъ прочими, то мы съ Иваномъ Моисеичемъ задумали новый маневръ: провести въ гласные исключительно кочетовцевъ. Наскоро составленная избирательная комиссія наша, изъ Ивана Моисеича, старшины, меня и двухъ-трехъ мужиковъ поумнѣе, рѣшила выставить пятерыхъ кандидатовъ, по числу требовавшихся отъ нашего избирательнаго участка гласныхъ; въ число кандидатовъ вошли, конечно, Иванъ Маисеичъ и старшина, остальные же были довольно заурядные мужики, ибо выборъ хорошихъ кандидатовъ изъ числа только участниковъ съѣзда представлялъ не мало затрудненій; впрочемъ, я утѣшалъ себя тѣмъ соображеніемъ, что подъ наблюденіемъ и руководствомъ Ивана Моисеича и прочіе наши гласные не ударятъ на собраніи въ грязь лицомъ. Составленный списокъ кандидатовъ былъ мною прочитанъ кочетовскимъ выборнымъ, собраннымъ для этого въ кучку, въ сторонѣ отъ выборныхъ изъ прочихъ волостей (каждая волость совѣщалась особо отъ другихъ и выставляла своихъ особыхъ кандидатовъ).

— Ладно, живетъ!.. Народа хорошаго набрали, — послышались замѣчанія.

— Ишь, Ѳедулъ-то Осиповъ — въ баре захотѣлъ!.. Гласнымъ будетъ, ха-ха!..

— Нѣтъ, Петра-то, Петра, братцы мои, туда же! (Петръ, одинъ изъ числа кандидатовъ, былъ совсѣмъ бѣдный, безлошадный, но сметливый мужикъ, почему мы его и включили въ списокъ).

— А чего-жъ и мнѣ государю-батюшкѣ не послужить? Нешто ему моя мошна нужна?.. Ему, чай, не мошна требуется, а понятіе чтобъ правильное... На харчи въ городъ опять изъ волости по шести гривенъ въ день даютъ, такъ чѣмъ же я хуже другихъ буду?.. кричалъ Петръ въ отвѣтъ на обидныя для него замѣчанія.

— Ну, ну, ты и впрямь?.. Мы вѣдь это такъ, любя!.. Съ тебя ужо могорычъ!..

— Нѣтъ, братцы, вы теперь о могорычахъ-то рѣчи ужъ не подымайте, не ладное это будетъ дѣло,—замѣчаю я.

— Чего тамъ, рази мы тоже не понимаемъ?.. Будьте покойны, мы вѣдь это только такъ, смѣшкомъ.

— Н. М.! А какъ эвти самые выборы будутъ дѣлаться? Я на нихъ николи не бывалъ, такъ боязно чтой-то!

Я подробно разсказалъ о порядкѣ выборовъ, о конструкціи избирательнаго ящика и проч.; всѣ слушали меня съ напряженнымъ вниманіемъ, ибо, какъ оказалось, многіе не имѣли совершенно никакого понятія, что значитъ положить шаръ направо, что—налѣво.

— Н. М.! А отъ прочихъ волостей тоже и эти самые кандидаты будутъ?

— Какъ же, непремѣнно будутъ.

— О, шутъ ихъ возьми! Да мы никого не знаемъ изъ нихъ! Какъ же имъ класть шары-то?

— Чего тамъ, братцы, глядѣть имъ въ зубы-то! Вали имъ всѣмъ налѣво, вотъ-те и весь сказъ!.. крикнулъ кто-то, не сдержавши нервнаго возбужденія, почему-то охватившаго всю нашу группу.

— Эй, кочетовскіе!—закричалъ какой-то чужой староста съ крыльца правленія.—Писарь вашъ гдѣ? Посылайте сюда, членъ его требуетъ къ себѣ.

Въ волости меня встрѣтилъ демьяновскій писарь Ястребовъ.

— Списокъ кандидатовъ вашихъ готовъ? Давайте сюда, непремѣнному члену на просмотръ.

Я отдалъ. Черезъ нѣсколько минутъ Ястребовъ вышелъ изъ комнаты, занимаемой Щукинымъ, и съ усмѣшкой возвратилъ мнѣ списокъ.

— Приказалъ вамъ двухъ кандидатовъ исключить, чтобы не больше трехъ человѣкъ отъ волости баллотировалось.

— Что вы пустяки говорите? На какомъ же основаніи...

— Ну ужъ, батюшка, не намъ съ вами объ основаніяхъ толковать. Я вамъ передалъ приказъ, а вы, какъ знаете, такъ и дѣлайте.

Ничего во всемъ этомъ не понимая, я рѣшилъ идти къ

Щукину, чтобы выяснить дѣло. Онъ курилъ сигару, лежа на диванѣ.

— Кто тамъ? Что надо?—спросилъ онъ, не оборачиваясь.

Я изложилъ ему сущность моего недоумѣнія: нигдѣ въ законѣ, насколько мнѣ извѣстно, не ограничено число кандидатовъ, желающихъ баллотироваться въ гласные, поэтому я затрудняюсь исполнить приказаніе—вычеркнуть изъ списка двухъ кандидатовъ.

— Что вы ко мнѣ съ законами лѣзете?—закричалъ онъ.— Что я сказалъ, то вамъ и законъ!... Ваше дѣло не разсуждать, а исполнять, что прикажутъ. Я не допущу болѣе трехъ баллотироваться,—не до ночи же мнѣ тутъ сидѣть!

Возражать что-либо на такое категорическое приказаніе я не имѣлъ права, апеллировать было не къ кому, и мнѣ ничего не оставалось дѣлать, какъ покориться. Я подбивалъ было Ивана Моисеича и другихъ избирателей, какъ имѣющихъ право голоса, протестовать противъ совершаемаго начальствомъ насилія, но храбрецовъ не выискивалось... Двое кандидатовъ, въ томъ числѣ и Яковъ Иванычъ, были вычеркнуты изъ списка.

Все было готово; ожидали только старшину одной изъ маленькихъ волостей, почему-то запоздавшаго: безъ него нельзя было приступить къ выборамъ, такъ какъ онъ списка избирателей еще не представлялъ. Въ тѣни растущихъ близъ волости акацій были поставлены столъ и стулъ; на столѣ красовался избирательный ящикъ и рядомъ—деревянная чашка, изъ которой волостной сторожъ въ обыкновенное время хлебаетъ щи; теперь же въ чашкѣ лежали кусочки мелко распиленныхъ прутьевъ въ видѣ шашекъ: эти послѣднія должны были замѣнять шары, которыхъ въ волости не оказалось въ запасѣ. Наконецъ, прибылъ и запоздавшій старшина. Щукинъ сильно раскричался на него, хотя тотъ и приводилъ какое-то, заслуживающее вниманія, оправданіе. Уставши кричать, начальникъ сѣлъ на приготовленное ему мѣсто: избиратели густой толпой, но на почтительномъ отдаленіи окружили столъ; всѣ хранили глубокое молчаніе и были безъ шапокъ; только на Щукинѣ красовалась форменная фуражка съ кокардой.

— Ну, я открываю съѣздъ. Вы сюда созваны, чтобы избрать пятерыхъ гласныхъ въ земство. Мнѣ поданы списки вашихъ кандидатовъ. Нужно выбирать людей хорошихъ, не пьяницъ какихъ-нибудь. У васъ есть, напримѣръ, старшины, которые знаютъ толкъ въ дѣлахъ, и которыхъ вы хорошо знаете... Теперь вамъ нужно предсѣдателя выбрать. Кого вы хотите?

Огромное большинство избирателей врядъ ли поняло что-либо изъ этой вступительной рѣчи, а о выборѣ какого-то „предсѣдателя“ не имѣло ни малѣйшаго понятія; поэтому на послѣдній вопросъ Щукина отвѣтомъ было то же глубокое молчаніе; кто тоскливо вздыхалъ и шепталъ: „Господи, Господи“, кто прибавлялъ къ этому; „а-ахъ, грѣхи, грѣхи“, кто просто мялъ шапку въ рукахъ... Наконецъ, Иванъ Моисеичъ и нѣсколько человѣкъ изъ нашихъ кочетовскихъ крикнули: „Рогожина Якова Иваныча, кочетовскаго старшину!“ Этотъ возгласъ былъ подхваченъ еще десяткомъ-другимъ выборныхъ, нашихъ и чужихъ. Щукинъ повелъ по толпѣ глазами.

— Такъ Рогожина выбираете?.. Эй, старшина, подходи сюда ближе! Кто-нибудь изъ писарей,—ну, ты что ль, Ястребовъ, читай списокъ выборщиковъ. Да у меня поживѣй откликайтесь и подходите къ столу,—не дремать!.. Кто тамъ первый кандидатъ? Выходи сюда, покажись народу!

Первымъ стоялъ въ спискѣ Дыхляевъ; онъ вышелъ къ столу, галантно—не по-мужицки—поклонился Щукину, потомъ обернулся къ толпѣ и сдѣлалъ жестъ рукою: вотъ, молъ, и я. Выборщики молча смотрѣли на „кандидата“.

Началась перекличка. — „Иванъ Петровъ!“ — „Гдѣ Иванъ Петровъ?..“—Здѣсь!—„Подходи живѣй, чего спишь!“... „Сидоръ Веревкинъ!..“ Тута!—„Петръ Шестеркинъ!“ и т. д. Выкликаемые подходили безъ шапокъ къ столу, брали изъ рукъ стоявшаго также безъ шапки „предсѣдательствующаго“ шаръ и, засучивая правый рукавъ, съ сосредоточеннымъ вниманіемъ просовывали руку въ ящикъ; нѣкоторые, впрочемъ, клали шаръ совсѣмъ зря, что было замѣтно по всей ихъ фигурѣ; одинъ даже ухитрился не руку сунуть въ ящикъ, а бросить шаръ въ отверстіе ящика; иные отъ волненія пыхтѣли, потѣли и утирались рукавами поддевокъ и „халатовъ“,

размазывая широкія грязныя полосы по лицу. Щукинъ нѣкоторое время сидѣлъ молча, но на второмъ десяткѣ выкликаемыхъ не выдержалъ.

— Чего вы, какъ мертвые, ходите?.. Пошевеливайте ногами-то, не отвалились онѣ у насъ... Василій Старовъ! Гдѣ этотъ каналья?

— Здѣсь, здѣсь я,—отликается выборщикъ, протискиваясь сквозь толпу.

— Заснулъ, разиня!.. Слышишь, вѣдь, зовутъ?

— Виноватъ, не дослышалъ маленько...

— Не дослышалъ!.. На то и уши у тебя есть, чтобъ дослушивать... Рукавъ засучи, засучи! · У, безтолочь!.. Всѣ вы засучите рукава, слышите, вы! А то съ вами тутъ до завтра просидишь!..

Такъ происходило вразумленье непонятливыхъ выборщиковъ; я слышалъ, какъ ближайшіе сосѣди мои перешептывались: „ну, и строгій же баринъ, ну-жъ и ругатель!..“

Перекличка кончилась; надо было считать шары. Яковъ Иванычъ, какъ принимавшій уже нѣсколько разъ участіе на выборахъ, зналъ ихъ порядки и, на правахъ предсѣдателя, придвинулъ къ себѣ ящикъ и чашку.

— Ты что?—окрикнулъ его Щукинъ.—А... шары считать? Ну, ну, считай. Ты, должно быть, уже бывалъ на выборахъ?..

— Какъ-же-съ, ваше в-діе, бывалъ,—отвѣтилъ, осклабившись, Яковъ Иванычъ и вдругъ рѣшился спросить:

— Дозвольте, ваше в-діе, шапку мнѣ одѣть, а то рука занята, шары неспособно считать!..

— Одѣнь,—послѣдовало милостивое разрѣшеніе.

Еще во время первой переклички я распорядился было принести для „предсѣдателя“ стулъ изъ волости, но Яковъ Иванычъ, увидавъ его, какъ-то съежился и постарался незамѣтнымъ образомъ отодвинуть его отъ себя подальше; такъ онъ, изъ почтенія къ начальству, и пробылъ все время своего предсѣдательства на ногахъ.

— Разъ, два, три...—сталъ считать Яковъ Иванычъ избирательные шары.

Избиратели не много понадвинулись къ столу; Дыхляевъ замеръ въ выжидательной позѣ.

— Сорокъ, сорокъ одинъ... сорокъ два!—не безъ торжественности провозгласилъ Яковъ Иванычъ.

— Эге-ге!..—пошелъ по толпѣ гулъ.—„Провалился“,—вырвалось у Ястребова.—„Сплоховалъ“,—замѣтилъ и Щукинъ и сталъ записывать цифры въ протоколъ: 42 избирательныхъ. 69—неизбирательныхъ. Я начиналъ восторгаться: кочетовцы, очевидно, дѣйствовали единодушно.

— Баллотируется Ястребовъ!.. объявилъ Щукинъ.

— Я ужъ боюсь и баллотироваться!—пробовалъ отшучиваться второй демьяновскій кандидатъ, чтобы скрыть свое смущеніе.—Такъ руки и дрожатъ; пожалуй, самъ себѣ черняка положишь.

— Ничего, мы вамъ одинъ черный за бѣлый сочтемъ: это счета не спутаетъ и намъ обидно не будетъ,—съехидничалъ Иванъ Моисеичъ.

— Смотри, братецъ, не сплошай и ты!—грозилъ Щукинъ Ястребову.

— Что-жъ, это какъ господамъ выборщикамъ угодно... А я послужить земству готовъ.

Увы, тщетной оказалась надежда и Ястребова! Онъ получилъ еще менѣе шаровъ, чѣмъ Дыхляевъ: только 28. Сдержанныя, но веселыя восклицанія раздались въ толпѣ: „сорвалось!.. что, братъ, не все, видно, коту масляница?.. Не выгорѣло!“ и т. д. Провалившійся кандидатъ такъ огорчился своимъ пораженіемъ, что не могъ даже продолжать переклички и передалъ списки другому писарю.

— Вы что-жъ это, шутите, что ли?—раскричался Щукинъ, лишь только результатъ баллотировки сталъ извѣстенъ.—Вѣдь вы такъ никого не выберете!..

— Кочетовскихъ дюже много понаѣхало, ваше в-діе, вотъ они и гнутъ на свою сторону,—„сфискальничалъ“ Дыхляевъ Щукину.

— Кочетовскихъ? Почему много? Какъ—много?..

— Истинно говорю. Извольте въ списки-съ посмотрѣть,—сколько отъ ихней волости народу и сколько отъ прочихъ.

Щукинъ посмотрѣлъ—и недоумѣніе отразилось на его широкомъ красномъ лицѣ.

— Почему же это такъ? Почему у васъ мало народу?

Ястребовъ поспѣшилъ разсказать, что, согласно разъясненію, данному секретаремъ присутствія, онъ счелъ долгомъ уменьшить количество выборщиковъ отъ своей волости, будучи увѣренъ, что и въ прочихъ волостяхъ будетъ поступлено также; однако, въ кочетовской волости...

— Кочетовскій писарь! Отчего это у васъ больше выборщиковъ, чѣмъ въ другихъ волостяхъ?

— Не знаю. Въ нашей волости законное число выборщиковъ; а если въ другихъ волостяхъ меньшее число, то это не наше дѣло и до насъ ни мало не касается.

Было очевидно, что непремѣннаго члена своевременно не познакомили съ „толкованіемъ закона“ о числѣ выборныхъ; вслѣдствіе этого, Щукинъ никакъ не могъ себѣ уяснить, нужно ли ему предпринять что-нибудь по этому случаю, или не нужно? Опасаясь, вѣроятно, попасть въ какой-нибудь просакъ, онъ рѣшилъ ничего не предпринимать, но сознаніе своего невѣжества обозлило его еще пуще, и онъ сталъ просто рвать и метать. Такъ одинъ изъ выборныхъ, думая, что очередь класть шаръ дойдетъ до него еще не скоро, пошелъ посмотрѣть свою лошадь,—все ли съ ней благополучно; однако очередь дошла до него, когда онъ еще не возвращался,

— Савелій Пановъ!—вызываетъ писарь.—Пановъ!

А Панова все нѣтъ. Выборные ищутъ его глазами и перешептываются: „да вѣдь онъ тутъ былъ? И куда это онъ дѣвался? Ахъ, грѣхъ какой!“

— Пановъ! – взревѣлъ и Щукинъ, колотя своей толстой палкой по столу: гдѣ этотъ мерзавецъ?.. Подайте мнѣ его сюда, каналью!.. (тутъ послѣдовали совершенно неудобныя для печати выраженія).

— N. N.,—рѣшился я самымъ почтительнымъ образомъ замѣтить обезпокоенному начальству: но вѣдь избиратель имѣетъ полное право даже вовсе уѣхать до конца выборовъ, такъ же какъ и вовсе не пріѣхать, и никакой законъ..

— Вы опять съ законами ко мнѣ пристаете? Я вамъ что говорилъ?.. Что я вамъ говорилъ, русскимъ языкомъ я васъ спрашиваю?.. Чтобы вы не совались не въ свое дѣло, слышите?..

Въ этотъ критическій для меня моментъ къ баллотиро-

вочному ящику сталъ протискиваться злосчастный Пановъ и этимъ отвлекъ отъ меня гнѣвъ разъяреннаго начальства, которое обрушилось на него цѣлымъ арсеналомъ бранныхъ эпитетовъ; я воспользовался этимъ счастливымъ для меня обстоятельствомъ и поспѣшилъ со срамомъ ретироваться, ибо, дѣйствительно,—какое я, просто наемный писарь, имѣлъ право соваться не въ свое дѣло?..

Дошла очередь баллотироваться и до нашихъ кандидатовъ; первымъ по списку стоялъ Иванъ Моисеичъ: онъ прошелъ блистательно, получивъ только 14 неизбирательныхъ и 96 избирательныхъ; второй кандидатъ получилъ 76, третій 72 бѣлыхъ, и всѣ трое оказались, такимъ образомъ, выбранными. По толпѣ пошелъ гулъ удивленія относительно результатовъ баллотировки, а лица кочетовскихъ избирателей сіяли: они радовались и своей побѣдѣ, и сознанію своего единодушія.

Не суждено было, однако, кончиться выборамъ безъ новаго, на этотъ разъ послѣдняго, инцидента. Приходилось баллотировать кандидатовъ волости, старшина которой опоздалъ на съѣздъ и тѣмъ прогнѣвалъ начальство.

— А что-жъ не баллотируется старшина?—спросилъ Щукинъ, заглянувъ въ списокъ кандидатовъ.

— Я, в. в-діе, и въ спискѣ выборщиковъ не стою.

— Что такое? Вотъ пустяки! Баллотируйся сейчасъ же.

— Увольте, в. в-діе! Я ужъ послужилъ въ гласныхъ, пусть и другіе послужатъ.

— Нѣтъ, шалишь!.. Это тебѣ въ наказаніе будетъ, что опоздалъ на съѣздъ. Баллотируйся сейчасъ!

Старшина долженъ былъ баллотироваться по-неволѣ. Наши кочетовскіе знали его за хорошаго мужика — и новый кандидатъ былъ выбранъ довольно значительнымъ большинствомъ шаровъ. Это избраніе было, впослѣдствіи, опротестовано губернаторомъ, ибо старшина, дѣйствительно, не имѣлъ права баллотироваться, какъ не включенный въ списокъ выборщиковъ; такимъ образомъ, наказаніе за неаккуратный пріѣздъ на выборы оказалось довольно чувствительнымъ: „гласному по-неволѣ“ пришлось осенью пріѣхать въ городъ на сессію только для того, чтобы пережить нѣсколько сквер-

ныхъ минутъ во время чтенія губернаторскаго протеста и принятія его земскимъ собраніемъ.

Тотчасъ послѣ выборовъ Щукинъ уѣхалъ,—и по селу Демьяновскому пошло веселье. Старосты раскошелились и выставили своимъ односельцамъ угощеніе на отпущенныя обществами харчевыя деньги; новые гласные, со своей стороны, отблагодарили избирателей за „безпокойство“, т.-е. за пріѣздъ на выборы, за многочасовое стояніе на солнцепекѣ, за ругань, принятую отъ строгаго начальства, и проч.; не угощалъ только нашъ кочетовскій Петръ, ибо ему и угощать было не на что; зная это, никто съ него угощенія и не требовалъ, а наоборотъ — еще ему подносили. Хотя лично мы съ Яковомъ Иванычемъ отъ всякихъ угощеній—по моей, конечно, иниціативѣ—уклонились и немедленно послѣ закрытія съѣзда отправились домой, но, разсуждая дорогой о происходившей въ демьяновскихъ заведеніяхъ гульбѣ, не рѣшались за нее осуждать мужиковъ.

— Вѣдь вотъ, къ примѣру сказать, господа, когда собираются въ земство, али на экзамены въ школу, али куда на слѣдствіе выѣзжаютъ,—завсегда послѣ дѣловъ закусываютъ: чай кушаютъ, случается,—и водочкой въ компаніи не брезгаютъ; такъ намъ-то, мужикамъ, нешто это запрещено закономъ? Вѣдь мы дѣло свое честь-честью сдѣлали, душой никому не покривили,—для ча-жъ, скажемъ, хоть съ Ивана Моисеича не выпить стаканчикъ? Вѣдь онъ съ этого стаканчика не обѣднѣетъ, а иному мужику, гляди, это лестно, потому—онъ свою лошадь по общественному дѣлу гналъ, сѣно травилъ, самъ день цѣлый прогулялъ... Что-жъ тутъ худого, коли ему и поднесутъ стаканъ-другой? — разсуждалъ Яковъ Иванычъ, и я былъ съ нимъ согласенъ.

Такимъ-то образомъ Иванъ Моисеичъ попалъ въ гласные. Нужно отдать ему справедливость, что онъ за первую сессію оправдалъ почти всѣ возлагавшіяся на него надежды: выхлопоталъ у земскаго собранія вознагражденіе кочетовскому обществу за чинку дороги, настоялъ на назначеніи помощника учителю нашей сельской школы, принималъ участіе въ обсужденіи разныхъ другихъ вопросовъ, при чемъ былъ даже выбранъ членомъ двухъ комиссій въ земскомъ собраніи, и

проч. Лично же для меня эти выборы имѣли то значеніе, что съ этой минуты я попалъ въ опалу къ предводителю Столбикову: онъ съ этой минуты понялъ, что я начинаю пріобрѣтать черезчуръ нежелательное для него вліяніе среди крестьянъ кочетовской волости, и участь моя, какъ волостного писаря, была съ этого момента рѣшена, тѣмъ болѣе, что мнѣ около этого же времени пришлось имѣть нѣсколько столкновеній съ разнаго рода начальствомъ и съ лицами, близко къ начальству стоящими. Мелкія эти сами по себѣ столкновенія настолько, однако, характеризуютъ сферу дѣятельности волостного писаря, что я считаю нелишнимъ передать о нѣкоторыхъ изъ нихъ хотя вкратцѣ.

XXIII.

Я неоднократно провинился въ глазахъ начальства и потому отцвѣлъ, не расцвѣвъ.

Одно изъ сельскихъ обществъ нашей волости, благодаря своему чрезвычайно малому и, по качеству, плохому земельному надѣлу (1 дес. на рев. душу), пришло въ чрезвычайное обѣднѣніе (50% безлошадныхъ дворовъ, 15% дворовъ вовсе безъ скота, и т. д.); послѣдній неурожай доконалъ этихъ крестьянъ, и они порядочно запустили какъ казенные платежи, такъ и оброкъ владѣлицѣ (крестьяне эти до послѣдняго момента не хотѣли идти на выкупъ, ожидая какой-то прирѣзки земли). Два года оттягивали они платежи, но, наконецъ, грянулъ громъ: всякіе данные имъ льготные сроки прошли, владѣлица на повую отсрочку уплаты не согласилась, и становой приставъ получилъ предписаніе произвести опись имуществу крестьянъ. Согласно одному изъ недавнихъ законоположеній, волостное правленіе должно было указать, какое именно имущество изъ описаннаго могло быть продано—„безъ разстройства хозяйства“ недоимщиковъ. Понятно, что всякій мужикъ, не исключая и волостного старшины, ясно сознавалъ, что ни о какой продажѣ имущества у обѣднявшихъ мужиковъ — безъ полнаго ихъ разоренія — и рѣчи быть не можетъ; именно такая резолюція и была положена нашимъ правленіемъ на описи. Уѣздное присутствіе (читай:

предводитель Столбиковъ) было, однако, другого мнѣнія и вернуло намъ опись съ строжайшимъ наставленіемъ – сдѣлать какія-нибудь отмѣтки о продажѣ; я не желалъ принимать грѣха на душу, способствуя разоренію крестьянъ, — и опись вновь вернулась въ присутствіе въ прежнемъ ея видѣ. Тогда присутствіе стало ужъ собственной властью назначать имущество въ продажу (согласно закону). Насколько мы съ старшиной и съ прочимъ мужичьемъ, составляющимъ волостное правленіе съ —одной стороны, и уѣздное присутствіе съ другой—расходились во взглядахъ, какое имущество крестьянину необходимо для веденія хозяйства, и какое не очень нужно и можетъ быть продано, доказывается лучше всего на слѣдующемъ примѣрѣ. Хозяинъ сосланъ въ Сибирь на поселеніе; дома—только жена его и четверо дѣтей, изъ коихъ старшему 13 лѣтъ; скота у нихъ никакого; недвижимое имущество: изба старая, сѣнцы и плетневый полуразрушенный дворъ; семья живетъ поденнымъ заработкомъ матери-домохозяйки и „кусочками“, собираемыми старшими ребятами по окрестнымъ деревнямъ. Уѣздное присутствіе нашло, что „плетневый дворъ“ въ этомъ хозяйствѣ составляетъ излишнюю роскошь и можетъ быть, безъ всякаго ущерба для домохозяйки, проданъ для покрытія недоимки (оцѣненъ онъ былъ въ три рубля)... Были ли произведены торги въ этомъ несчастномъ селеніи, я не знаю, ибо еще до развязки этого дѣла я оставилъ с. Кочетово.

Двое мужиковъ забрали зимой на хлѣбъ у одного барина, почетнаго мирового судьи изъ отставныхъ корнетовъ, подъ лѣтнія работы 25 руб., въ чемъ и выдали росписку; весною у одного изъ нихъ пала единственная лошадь; другого—цѣлое лѣто трепала лихорадка, порядочно таки свирѣпствующая въ этой мѣстности; словомъ — мужики своего обязательства не исполнили, долга не отработали, да и денегъ, конечно, вернуть не могли. Корнетъ подалъ жалобу въ волостной судъ, — само собой разумѣется, не лично, а чрезъ своего приказчика. Благодаря „законному документу“, роспискѣ, судъ вынужденъ былъ постановить рѣшеніе о взысканіи 25-ти рублей и какой-то неустойки съ отвѣтчиковъ въ пользу истца. Мужики пошли тогда къ барину и умолили его повременить уплатой: авось-де справятся на будущій

годъ. Но „авось“ рѣдко выручаетъ, а опустившійся разъ мужикъ еще рѣже поправляется; такъ случилось и на этотъ разъ: должники за годъ обѣдняли еще болѣе и уплатить рѣшительно ничѣмъ не могли,—ни деньгами, ни работой; тогда баринъ прислалъ сказать старшинѣ, чтобы этотъ послѣдній описалъ имущество должниковъ. По описи, у одного изъ нихъ оказалась лошадь, но коровы не было, а у другого — корова, но лошади не было, кромѣ того, у обоихъ—по избѣ и самыя плачевныя надворныя постройки; назначить въ продажу ничего нельзя было, „не разстроивая хозяйствъ“ крестьянъ, кромѣ развѣ куръ, которыхъ у одного оказалось 4, а у другого 5 штукъ; вотъ эти девять куръ, оцѣненныя по 15 коп. каждая, и назначены были волостнымъ правленіемъ въ продажу. Вырученныя за нихъ деньги, что-то около двухъ рублей (купили родственники хозяевъ и оставили въ пользованіе этихъ послѣднихъ), были отвезены старшиной на волостной парѣ за 12 верстъ, въ имѣніе г. почетнаго мирового судьи (если бы нанять, то меньше, чѣмъ за 2 руб., вольные ямщики не поѣхали бы); онъ сильно прогнѣвался на старшину за дурное выполненіе его приказа и потребовалъ чтобы для покрытія долга у должниковъ было продано еще какое-либо имущество. Яковъ Иванычъ съ трепетомъ передалъ мнѣ о барскомъ гнѣвѣ и просилъ совѣта, какъ теперь поступить?·. Черезъ нѣсколько дней, въ ту сторону, гдѣ расположено имѣніе г. судьи, долженъ былъ ѣхать мой помощникъ—развозить какія-то повѣстки. Воспользовавшись этимъ случаемъ, я ему далъ описи имуществъ неисправныхъ должниковъ съ тѣмъ, чтобы онъ показалъ ихъ строгому кредитору и убѣдилъ бы его, что продавать что-либо, не разоряя въ конецъ крестьянъ, совершенно невозможно. Эта попытка увѣнчалась... полнымъ неуспѣхомъ, ибо баринъ на помощника моего раскричался, затопавъ ногами, на описи только бѣгло взглянулъ и приказалъ продать корову у одного и сарай у другого, а деньги представить ему не позже, чѣмъ черезъ недѣлю. Однако этихъ недѣль прошло до моего отъѣзда около двадцати, а денегъ своихъ онъ, увы, такъ и не получалъ!.. О такой злостной неисполнительности волостного правленія, иначе сказать—писаря, было г. почетнымъ мировымъ судьей

обязательно сообщено г. предводителю Столбикову на зависящее отъ него распоряженіе.

Былъ и такой случай. Приноситъ въ волость приказчикъ одного землевладѣльца условіе, заключенное съ 28 крестьянами для засвидѣтельствованія; эти крестьяне брали (дѣло происходило зимой) 340 руб. подъ лѣтнія работы въ экономіи владѣльца. Вотъ краткія выписки изъ этого любопытнаго документа: „скосить десятину ржи, связать, свезть на гумно и сложить въ скирды—2 р. 50 к. (обыкновенная цѣна при наймѣ лѣтомъ—4 р. 50 к.—5 р.); вспахать десятину, посѣять овсомъ, взбороновать, скосить и убрать, какъ сказано выше —3 р. 50 к. (обыкновенно 7--8 р.); о времени начала каждаго изъ видовъ работъ—узнавать самимъ мужикамъ въ конторѣ, а за каждый день просрочки явки на работу—3 р. штрафа и наемъ рабочихъ за счетъ виновнаго, по какой бы то ни было цѣнѣ; за куреніе табаку въ неуказанномъ мѣстѣ—штрафъ по опредѣленію приказчика; за дурную работу—добровольный возвратъ владѣльцу забранныхъ денегъ, а если дѣло дойдетъ до суда—то вдвое; во всемъ—круговая порука нанимающихся“, и т. д. По прочтеніи этого любопытнаго документа, я обратилъ вниманіе приказчика на неправильное его, съ формальной стороны, составленіе: онъ превышалъ сумму 300 руб., т.-е ту, на которую можетъ быть составлено условіе, предъявляемое для засвидѣтельствованія; въ волостное правленіе; крестьянамъ же я указалъ на всю растяжимость понятія о штрафѣ по опредѣленію приказчика и предупредилъ ихъ, что за неосторожное обращеніе съ огнемъ они подлежатъ отвѣтственности передъ закономъ на общемъ для всѣхъ обывателей основаніи, помимо всякихъ особыхъ условій съ экономіей. Крестьяне потребовали, чтобы пунктъ о штрафѣ за куреніе былъ исключенъ и чтобы обусловлено было оповѣщеніе ихъ о времени начала каждаго изъ видовъ работы. Узнавъ о моемъ вмѣшательствѣ „въ добровольный договоръ между нанимателемъ и нанимающимися“ и о томъ, что я „входилъ въ разборъ добровольной цѣнности на работы“, землевладѣлецъ обратился къ старшинѣ съ строгимъ посланіемъ, изъ коего и взяты вышеприведенныя фразы; онъ обвинялъ меня чуть ли не въ возмущеніи рабочихъ противъ хозяина и обѣ-

щалъ о моихъ противозаконныхъ дѣйствіяхъ сообщить начальству, что, конечно, не замедлилъ исполнить.

Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ открыли свои дѣйствія отдѣленія крестьянскаго банка; въ нашей еще тогда не открывались. Однажды, послѣ засѣданія 10-го числа, Столбиковъ подозвалъ насъ, старшинъ и писарей, къ своему столу и сказалъ намъ рѣчь слѣдующаго, приблизительно, содержанія:

Для мужиковъ очень полезенъ будетъ банкъ; но у насъ его не откроютъ до тѣхъ поръ, покуда не поступятъ заявленія о нуждѣ, ощущаемой въ немъ крестьянствомъ. Поэтому представьте присутствію рапорты о томъ, что населеніе ждетъ съ нетерпѣніемъ открытія дѣйствій банка въ нашей губерніи; но крестьянамъ погодите говорить о предлагающемся открытіи банка, да и вообще о самомъ банкѣ ничего не говорите, во избѣжаніе разныхъ нежелательныхъ слуховъ и толковъ.

Словомъ, отъ насъ требовали завѣдомо ложнаго донесенія... Кажется, что волостныя правленія представили по таковому, я же воздержался, и это, безъ сомнѣнія, было мнѣ также поставлено въ счетъ.

Ни одного года не проходитъ, чтобы въ селѣ Кочетовѣ не было пожаровъ; иногда дѣло ограничивается нѣсколькими дворами, чаще нѣсколькими десятками ихъ, и однажды выгорѣло болѣе двухъ сотъ дворовъ. За недостаткомъ воды и за отсутствіемъ какой-либо организаціи рабочей силы, купленныя на общественный счетъ двѣ пожарныя трубы часто вовсе бездѣйствуютъ на пожарахъ; простыми же орудіями— баграми, топорами и проч., крестьяне дѣйствуютъ крайне недружно, неумѣло, и поэтому обыкновенно безъ всякаго результата. Я ни одного ближняго пожара по своей волости не пропускалъ и изъ многочисленныхъ наблюденій вынесъ заключеніе, что для деревянно-соломенныхъ деревень нашихъ пожарныя трубы мало полезны и могутъ съ успѣхомъ примѣняться лишь для заливанія головешекъ и обгорѣлыхъ бревенъ, вытаскиваемыхъ при помощи багровъ изъ пожарища, или при самомъ началѣ пожара для поливанія незагорѣвшихся еще сосѣднихъ крышъ. Наибольшее вниманіе при борьбѣ съ пожарами, должно, по моему мнѣнію, быть направлено

на какую-нибудь организацію рабочей силы, иначе сказать— на устройство пожарныхъ дружинъ, вооруженныхъ для тушенія преимущественно ручными орудіями, какъ-то: баграми, топорами и ломами. Впрочемъ, здѣсь далеко не мѣсто распространяться о моихъ проектахъ улучшенія пожарнаго дѣла въ Россіи; упомянулъ же я объ этомъ обстоятельствѣ, чтобы яснѣе была роль, которую я игралъ въ слѣдующемъ дѣлѣ. Въ послѣднюю весну моего пребыванія въ кочетовской волости, я предложилъ кочетовцамъ учредить у себя пожарную дружину, въ которую должны были войти непремѣнно молодые парни, по одному отъ пяти дворовъ; назначенные молодцы были подраздѣлены на группы, и каждой группѣ было указано, какими инструментами она должна дѣйствовать на пожарѣ, при чемъ были объяснены и нѣкоторые пріемы, напр., какъ препятствовать распространенію огня помощью войлочныхъ щитовъ, наброшенныхъ на сосѣднее зданіе и поливаемыхъ изъ пожарной трубы. Въ каждой группѣ былъ избранъ старшой, преимущественно изъ запасныхъ рядовыхъ, знающихъ военную дисциплину и, поэтому, болѣе или менѣе умѣющихъ приказывать и сохранять авторитетъ въ глазахъ своихъ дружинниковъ-односельчанъ. Словомъ, мною сдѣлана была попытка осмыслить борьбу съ пожарами, истребившими въ кочетовской волости за послѣднія десять лѣтъ болѣе чѣмъ на 200 тыс. руб. крестьянскаго имущества. Нужно замѣтить, что ничьего разрѣшенія на устройство пожарной дружины я не испрашивалъ, ибо полагалъ, что сельскій сходъ имѣетъ полное право принимать тѣ или другія мѣры для огражденія себя отъ разрушительнаго дѣйствія пожаровъ; но когда приговоръ объ этомъ предметѣ былъ составленъ, то я представилъ его отъ имени старшины въ присутствіе по крестьянскимъ дѣламъ, при чемъ почтительнѣйше просилъ войти въ оцѣнку учиненныхъ мѣропріятій и, буде таковыя, по мнѣнію присутствія, окажутся цѣлесообразными, предложить и прочимъ волостямъ испробовать предлагаемый мною способъ борьбы съ пожарной эпидеміей. Не знаю, какъ все присутствіе оцѣнило мой проектъ, но слышалъ, что Столбиковъ оцѣнилъ его съ совершенно своеобразной точки зрѣнія; врядъ ли онъ серьезно испугался предложенной мною мѣры, но не

подлежитъ сомнѣнію, что устройство мною пожарной дружины послужило ему впослѣдствіи однимъ изъ доводовъ при требованіи моего увольненія.

— Послушайте,—говорилъ онъ одному изъ членовъ присутствія: развѣ мы съ вами все еще студенты, чтобы не видѣть къ чему все это клонится? Вѣдь сегодня онъ устраиваетъ только пожарныя дружины, а завтра начнетъ, пожалуй, устраивать, чортъ знаетъ, какія?!.

Чтобъ не возвращаться къ вопросу о пожарныхъ дружинахъ, скажу кратко, что, съ отъѣздомъ моимъ, все дѣло рушилось, ибо населеніе не успѣло еще на опытахъ провѣрить пользу этого учрежденія, а сами добровольцы — привыкнуть къ новому дѣлу,—какъ говорится, втянуться въ него.

О прочихъ многочисленныхъ столкновеніяхъ моихъ съ волей начальства я не стану распространяться, ибо не въ нихъ главная суть: участь моя была уже рѣшена послѣ выборовъ гласныхъ и Столбиковъ выжидалъ только событій, чтобы безъ хлопотъ удалить меня, какъ непокорнаго слугу. Удобнымъ для этого моментомъ оказалась весна 188... года, когда, вмѣсто Щукина, человѣка, какъ уже извѣстно читателю, далеко не идеальныхъ качествъ, но все жъ таки до нѣкоторой степени самостоятельнаго, на должность непремѣннаго члена поступила креатура Столбикова, — молоденькій офицерикъ, ничего не смыслившій ни въ крестьянскихъ дѣлахъ, ни въ жизни вообще, и поэтому на все смотрѣвшій сквозь очки своего патрона. Такимъ образомъ, власть Столбикова въ присутствіи еще болѣе усилилась, и онъ нашелъ, что пора со мной перестать шутить. Проѣзжая однажды черезъ наше село, онъ во время смѣны лошадей обратился ко мнѣ съ слѣдующимъ предложеніемъ.

— Послушайте, А—ревъ, въ —цкой волости освободилось, какъ вамъ, вѣроятно, извѣстно, мѣсто писаря. Бывшіе тамъ писаря сильно запустили всѣ дѣла и даже вооружили населеніе противъ волости своими поборами и притѣсненіями. Я бы хотѣлъ, чтобы вы перешли туда на службу и исправили бы вредъ, причиненный этими недобросовѣстными личностями.

Это предложеніе было такъ неожиданно и странно, что я

въ первый моментъ совершенно растерялся; однако, собравшись съ мыслями, я указалъ Столбикову на то обстоятельство, что я обжился въ Кочетовѣ, привыкъ къ мѣстнымъ жителямъ и позволяю себѣ надѣяться, что они мною довольны и тоже привыкли ко мнѣ, такъ что на этомъ мѣстѣ я могу быть гораздо полезнѣе, чѣмъ въ —цкой волости, гдѣ надо будетъ убить нѣсколько лѣтъ жизни, прежде чѣмъ окажется возможнымъ заслужить довѣріе населенія. Я указалъ и на то обстоятельство, что можно бы меня и пожалѣть,—не посылая въ волость, гдѣ дѣла запущены и гдѣ придется употребить массу времени на приведеніе глупѣйшихъ канцелярскихъ дѣлъ въ порядокъ. Столбиковъ сосредоточенно курилъ папиросу и смотрѣлъ мимо моего лица въ стѣну.

— Да, первое время тамъ будетъ, можетъ быть, нѣсколько и потруднѣе, но вы скоро обживетесь... Польза службы требуетъ этого перевода вашего; я тутъ ничего не могу сдѣлать.

— Павелъ Иванычъ! Я не хочу приносить себя въ жертву какой-то миѳической пользѣ службы, такъ какъ, поступая на должность волостного писаря, я поставилъ себѣ цѣлью работать не для одной только канцеляріи волостного правленія... Если я уйду изъ Кочетова, три года моей упорной борьбы съ нѣкоторыми некрасивыми явленіями общественной жизни кочетовцевъ и съ нѣкоторыми личностями изъ ихъ среды—пропадутъ даромъ; моимъ переводомъ вы мнѣ не дадите возможности укрѣпить кое-какія мои начинанія... Словомъ, на предложеніе перейти—я смотрю какъ на опалу. При поступленіи моемъ на службу я просилъ васъ—и вы мнѣ обѣщали—дать мнѣ заблаговременно знать, когда вы найдете, что я достаточно послужилъ; теперь я вновь обращаюсь къ вамъ съ вопросомъ, долженъ ли я смотрѣть на это предложеніе, перейти въ другую волость, какъ на предложеніе вовсе оставить службу?

Мы были одни въ комнатѣ, и, можетъ быть, поэтому Столбиковъ поспѣшилъ меня увѣрить, что онъ мною совершенно доволенъ, что вовсе не желаетъ моей отставки, но что, въ видахъ пользы службы...

— Въ всякомъ случаѣ, подумайте и дайте мнѣ отвѣтъ въ

непродолжительномъ времени,—сказалъ онъ, когда въ комнату вошелъ сторожъ съ докладомъ, что лошади поданы.

Въ ближайшее 10-е число, когда я явился въ присутствіе вмѣстѣ съ писарями и старшинами прочихъ волостей, меня вызвалъ Столбиковъ и спросилъ: надумался ли я?

— Павелъ Иванычъ,—отвѣтилъ я,—если мнѣ суждено поставить крестъ надъ своими работами, пусть будетъ такъ; но я не чувствую въ себѣ достаточно силъ вновь продѣлать и и переиспытать въ —цкой волости то, что я продѣлалъ и переиспыталъ въ кочетовской.

— Но я долженъ васъ предупредить, что въ кочетовской волости я васъ, по нѣкоторымъ соображеніямъ, оставить не могу,—сказалъ онъ и ушелъ въ другую комнату.

— Это само собой разумѣется!—вырвалось у меня. Я теперь убѣдился вполнѣ, что предложеніе перейти въ другую волость было лишь дипломатической увертkой моего начальства, побоявшагося открыто и прямо заявить мнѣ о своемъ намѣреніи—совершенно удалить меня со службы. Признаюсь, горечь и злоба закипѣли во мнѣ... Три года не малыхъ трудовъ, три года нравственныхъ и матеріальныхъ лишеній—съ единственной цѣлью заслужить довѣріе населенія — все это пошло прахомъ отъ одного мановенія властной руки; сознаніе своего безсилія заставляло меня скрипѣть зубами, а въ душѣ складывалось совершенно „нелогичное“ рѣшеніе — бороться до конца и не уступать наглому насилію... Во время горькихъ моихъ размышленій, какъ нельзя болѣе „кстати“, подошелъ ко мнѣ одинъ изъ волостныхъ писарей, извѣстный прихвостень Столбикова, и сдѣлалъ предложеніе — принять участіе въ подпискѣ на икону для поднесенія Столбикову...

— Это по какому же случаю?

— Да такъ, въ видѣ знака привязанности, уваженія и благодарности... Мы было рѣшили по десяти рублей собрать съ волости, пять рублей—съ писаря и пять—со старшины.

— До сихъ поръ я слыхалъ, что поднесенія разныя бываютъ лишь по особеннымъ какимъ-нибудь случаямъ, ну, въ родѣ юбилея, что ли. Вы бы хоть подождали—если не этого, то другого какого-нибудъ событія, —имянинъ супруги его, или рожденія наслѣдника, что ли!

— Вы всегда... Что вамъ, пяти рублей жалко, что-ли?

— Да-съ, жалко!—прорвало меня.—Такъ и знайте, ни копейки отъ меня не получите на это... лизоблюдство!

...Мнѣ остается разсказать о послѣднемъ періодѣ своей службы въ волостныхъ писаряхъ очень немного, и то, что я разскажу, будетъ довольно заурядно. Сочувствіе своему горю я находилъ во всѣхъ, къ кому ни обращался за совѣтомъ; но активной поддержки не нашелъ, ибо вопросъ о моемъ удаленіи былъ Столбиковымъ поставленъ такъ удачно, что никакая, съ чьей-либо стороны, поддержка была почти немыслима. Столбиковъ предложилъ присутствію уволить меня, и когда трое изъ прочихъ четырехъ членовъ присутствія высказались противъ этого, ничѣмъ не мотивированнаго предложенія, то онъ заявилъ имъ, что принужденъ будетъ, въ такомъ случаѣ, обратить вниманіе высшаго начальства на мою „неблагонадежность“. Чтобы обвинить меня въ этомъ преступленіи, моему гуманному начальнику не потребовалось бы, конечно, никакихъ доказательствъ, и одного его намека было бы, думаю, достаточно, чтобы испортить мнѣ всю жизнь; разъяснить мнѣ это обстоятельство взялся секретарь присутствія, вслѣдствіе чего я былъ экстренно вызванъ въ городъ. Секретарь прекрасно выполнилъ возложенное на него порученіе: онъ ярко обрисовалъ мнѣ всю невозможность „бороться съ сильнымъ“ и при томъ съ такимъ, который не останавливается на полъ-дорогѣ къ цѣли... Другія лица, къ которымъ я обратился по этому дѣлу, сказали мнѣ, что сочувствіе ихъ всегда будетъ на моей сторонѣ, но что въ моихъ же интересахъ они совѣтовали бы мнѣ подать въ отставку, не ожидая выполненія Столбиковымъ своихъ угрозъ.

— Это человѣкъ на все способный,—говорили они мнѣ:—онъ ни предъ чѣмъ не остановится, если захочетъ уничтожить васъ, а что онъ этого захотѣлъ,—вы имѣли ужъ достаточно времени убѣдиться. Не губите же себя, заставьте замолчать свое самолюбіе, проглотите обиду и служите своему дѣлу въ другомъ мѣстѣ или на другомъ поприщѣ...

Много дней и ночей провелъ я въ нравственной борьбѣ съ самимъ собою, прежде чѣмъ подалъ въ отставку. Въ концѣ концовъ, я послушался такъ называемаго голоса „житей-

скаго благоразумія“ и, сдавъ должность своему помощнику, выѣхалъ изъ Кочетова, чтобы никогда туда болѣе не возвращаться...

XXIV.

Какую память оставилъ я среди кочетовцевъ?

Когда я встрѣчаюсь со своими старыми знакомыми или завожу новыя знакомства, и меня при этомъ рекомендуютъ, какъ человѣка, имѣвшаго случай три года наблюдать и изучать деревню и ея бытъ на самомъ близкомъ отъ нея разстояніи, то мнѣ обыкновенно задаютъ, иногда — съ интересомъ, иногда—„для разговора“, почти одни и тѣ же вопросы.

— Ну, вотъ вы присмотрѣлись достаточно къ народному быту, къ крестьянскимъ распорядкамъ: какое жъ вы изъ всего этого вынесли впечатлѣніе? Каковы ваши взгляды, выводы?..

Я всегда чувствую себя скверно отъ такихъ, въ упоръ мнѣ поставленныхъ вопросовъ. Мнѣ кажется, что меня экзаменуетъ строгій профессовъ по „предмету“, изъ котораго я знаю одинъ только билетъ: „введеніе“; самый же „предметъ“ кажется мнѣ столь обширнымъ, что я даже не даю себѣ яснаго отчета, какому изъ его отдѣловъ принадлежитъ первенствующее мѣсто, какому—второстепенное.

— Т.-е., о какого же рода впечатлѣніяхъ и выводахъ вы хотите знать? Относительно чего именно?.. спрашиваю я въ смущеніи.

— Да вотъ хоть о волостныхъ судахъ. Полезны они, или вредны? Нужно ли ихъ вовсе уничтожить, или только реформировать, или же оставить ихъ, какъ они есть?

И опять я чувствую себя въ положеніи школьника на экзаменѣ. Мнѣ тотчасъ представляется огромная площадь Россіи съ ея милліонами новгородцевъ, курянъ, костромичей, воронежцевъ, псковичей и проч., и проч., и тѣ тысячи волостныхъ судовъ, которые у нихъ функціонируютъ—съ одной стороны, и кочетовская волость съ ея судомъ—съ другой; я смутно вспоминаю о тѣхъ томахъ и отдѣльныхъ статьяхъ, о монографіяхъ и официальныхъ изслѣдованіяхъ, которыя посвящены научному разбору дѣятельности волостныхъ су-

довъ,—воображеніе мое рисуетъ мнѣ образы судей Черныха и Ѳедьки, а память воспроизводитъ мнѣ поперемѣнно — то мудрое рѣшеніе этихъ отправителей правосудія, то безсмысленное, то огромные пробѣлы въ законахъ и прекрасное пополненіе ихъ обычаемъ, то — примѣненіе этого же самаго обычая міроѣдами съ цѣлыми эксплуатаціи и грабежа...

— Я ничего не рѣшаюсь сказать опредѣленнаго по этому вопросу;—отвѣчаю я обыкновенно своему собесѣднику. — Я недостаточно самонадѣянъ, чтобы рубить этотъ нервный узелъ народной жизни съ плеча. Все, что я могу, это — передать вамъ свои наблюденія и сдѣлать кой-гдѣ намеки для лучшаго пониманія передаваемыхъ мною фактовъ, а тамъ—ваше дѣло: хотите—забудьте то, что̀ я говорилъ, какъ вещь безполезную, хотите—примите мои разсказы во вниманіе, когда будете составлять свое окончательное сужденіе по этому вопросу...

И не только въ разговорахъ, подчасъ застигающихъ врасплохъ, но и теперь, на досугѣ, сидя въ своей комнатѣ и спокойно размышляя о той или другой особенности крестьянской жизни, я не рѣшаюсь дать категорическаго отзыва, напр., о волостныхъ судахъ; я всегда помню, что самое лучшее учрежденіе можетъ быть плохимъ въ рукахъ плохихъ людей („законы святы“ и т. д.), и наоборотъ, хорошій человѣкъ и на плохомъ мѣстѣ будетъ по возможности хорошъ и до нѣкоторой степени можетъ внести свои индивидуальныя особенности въ отправленіе своей должности. Мнѣ кажется, что очень часто смѣшиваются понятіе о волостныхъ с у д а х ъ съ понятіемъ о волостныхъ с у д ь я х ъ, точно такъ же, какъ дѣлаютъ, напр., нѣкоторые органы печати, повально ругая земство и институтъ присяжныхъ засѣдателей за хищенія, обнаруженныя въ нѣкоторыхъ земствахъ, и за нѣсколько не совсѣмъ понятныхъ для посторонняго человѣка приговоровъ присяжныхъ. Мнѣ кажется, что одно дѣло говорить: „волостной судъ надо уничтожить“, и другое дѣло говорить: „надо прекратить безобразія, чинимыя нѣкоторыми волостными судьями“. Почему это, когда рѣчь идетъ про „интеллигентныхъ“ дѣятелей, говорятъ, напр., такъ: „мировой судья — скаго уѣзда А. сдѣлалъ такую-то гнусность“, или: „предсѣдатель —ской управы Б. укралъ земскія деньги“, — а когда

дѣло касается народной массы, то всякія личности изъ ея среды игнорируются, равно какъ и всѣ ихъ индивидуальныя качества и особенности, изъ всѣхъ участниковъ въ извѣстномъ дѣлѣ приготовляютъ какую-то окрошку и преподносятъ ее въ видѣ „одного факта изъ народной жизни, ярко обрисовывающаго, насколько волостной судъ“... и т. д.? — Можетъ быть, это потому, что мировыхъ судей немного, предсѣдателей еще меньше, мужиковъ же черезчуръ много расплодилось; можетъ быть, указывать поэтому, что такой „мужичій“ казусъ произошелъ тамъ-то, произведенъ тѣмъ-то и при такихъ-то обстоятельствахъ—совершенно безполезно, ибо мужики скроены всѣ на одинъ манеръ, и что сдѣлано однимъ или нѣсколькими негодяями изъ ихъ среды, то позволительно рекомендовать, какъ дѣяніе, характеризующее нравы и обычаи всего народа?.. Что касается меня, то я не могу представить себѣ „волостной судъ“, какъ нѣчто безличное, абстрактное: тотъ судъ, о которомъ я говорилъ и говорю,— это для меня Черныхъ, Колесовъ, Ѳедька и проч., при томъ непремѣнно въ ихъ родной обстановкѣ, въ —скомъ уѣздѣ Воронежской губерніи; перемѣсти ихъ, каковы они есть, въ какой-нибудь Тихвинскій уѣздъ — и они потеряютъ, можетъ быть, всѣ свои характерныя особенности, какъ судьи. То, что для даннаго уѣзда, гдѣ Черныхъ съ прочими дѣйствуютъ въ родной имъ сферѣ, можетъ быть и хорошо мною придумано, то легко можетъ оказаться малопригоднымъ для Новгородской губерніи; да наконецъ, могу поручиться, что и въ волостныхъ судахъ Воронежской губерніи реформа моя можетъ на каждомъ шагу провалиться, ибо удачный исходъ ея будетъ зависѣть отъ того, попадутъ ли въ составъ суда два Черныха на одного Пузанкина, или наоборотъ. Вотъ почему я почти не дѣлаю выводовъ, а привожу только факты и характеристики и жалѣю развѣ только объ одномъ, что привелъ ихъ мало; если бы приведенные мною факты и данныя оказались соотвѣтствующими фактамъ и даннымъ изъ практики волостныхъ судовъ Новгородской губерніи, то уже съ нѣкоторой увѣренностью можно было бы сказать, что и мѣропріятія, пригодныя для судовъ Воронежской губерніи, окажутся пригодными для судовъ Новгородской. Давайте-жъ,

поэтому, побольше фактовъ и характеристикъ изъ всѣхъ концовъ Россіи, сравнимъ одни данныя съ другими, изучимъ ихъ особенности, отбросимъ случайное, подчеркнемъ постоянное, — и только тогда приступимъ къ выводамъ, только тогда сядемъ писать проэкты! А теперь—слуга покорный: я не хочу уподобиться гимназисту, прочитавшему въ учебникѣ нѣчто о физическихъ особенностяхъ кавказскаго и монгольскаго племенъ и тотчасъ же возмнившему, что изучилъ антропологію...

Да не то что о волостныхъ судахъ, — на гораздо болѣе простые вопросы я не рѣшаюсь давать категорическіе отвѣты. Положимъ, что меня спрашиваютъ о слѣдующемъ: „вы пробыли три года писаремъ; все населеніе волости успѣло, вѣроятно, узнать васъ за это время; скажите, какую пользу принесли вы кочетовцамъ за эти годы, и поминаютъ ли васъ тамъ добромъ?“ Казалось бы, что на эти вопросы, лично до меня и моей дѣятельности относящіеся, у меня долженъ быть совершенно готовый отвѣтъ — или въ утвердительномъ, или, въ отрицательномъ смыслѣ; къ стыду своему я долженъ сознаться, что плохо даю себѣ отчетъ, какъ меня поминаютъ кочетовцы, да и поминаютъ ли меня какъ-нибудь?.. Очень можетъ быть, что добрая половина крестьянъ кочетовской волости узнала о моей отставкѣ лишь мѣсяцъ, два, а то и болѣе спустя ея, —именно не ранѣе того, какъ старшина Яковъ Иванычъ пріѣхалъ къ нимъ въ село для утвержденія какого-нибудь приговора и привезъ съ собой новаго человѣка, кратко рекомендовавъ его сходу: „это-де новый писарь“, — или когда самимъ обывателямъ пришлось завернуть въ волость по какому-нибудь дѣлу и когда они увидали, что за наибольшимъ столомъ сидитъ незнакомое имъ, новое лицо. Иду далѣе: многіе, скажу примѣрно, 10% обывателей (женскій полъ я нигдѣ въ разсчетъ не принимаю, такъ какъ бабы до волости почти никакого отношенія не имѣютъ), даже обратившись за своимъ дѣломъ къ новому писарю, не замѣтятъ происшедшей замѣны одного лица другимъ, потому что они меня за всѣ три года не успѣли запомнить, хотя и видѣли разъ десятокъ, а можетъ быть и больше: они такъ мало интересовались мною, какъ человѣкомъ, что черты моего лица не запечат-

лѣлись у нихъ въ памяти... А вотъ другое исчисленіе, которое также кажется мнѣ приблизительно вѣрнымъ: не менѣе $^4/_5$ обывателей, узнавъ тѣмъ или другимъ родомъ о моемъ увольненія, подумаютъ про себя или даже громко скажутъ: „надо полагать—набѣдокурилъ!.. Охъ, ужъ и писаря эти! Какой—какой выищется, чтобъ долго на одномъ мѣстѣ просидѣлъ, а все больше — годика два, али три; очень ужъ народъ дошлый, палецъ имъ въ ротъ тоже не клади“... Изъ остальныхъ 20% обывателей, которые выразятся о моей личности нѣсколько болѣе опредѣленно, около половины позлорадствуетъ по поводу моей отставки, припоминая тѣ вольныя и невольныя (бывали, конечно, и такія) обиды, которыя я имъ когда-либо наносилъ,—такъ что въ концѣ-концовъ не болѣе 10% пожалѣютъ обо мнѣ, помянувъ меня добрымъ словомъ. Къ этимъ послѣднимъ будутъ принадлежать, во-первыхъ, большинство мужиковъ, имѣвшихъ по какимъ-нибудь обстоятельствамъ частныя сношенія съ волостью: таковы старосты, десятскіе, судьи, ямщики, вообще—служилый народъ, Одни изъ нихъ будутъ вспоминать, какъ я старался имъ разъяснять ихъ недоумѣнія по поводу ихъ служебныхъ обязанностей; другіе—какъ я былъ доступенъ, по ихнему—„простъ“ („коли въ волости нѣтъ,—смѣло ступай на фатеру: приметъ и все честь-честью сдѣлаетъ и скажетъ“); третьи—какъ я заботился, чтобы не гонять даромъ лошадей изъ-за какой-нибудь пустой бумажонки, какъ я часто ѣзжалъ на одной клячѣ, имѣя право требовать себѣ пару (даже это поставятъ мнѣ въ заслугу!..) четвертые—какъ я выручалъ ихъ изъ той или другой бѣды или промашки по службѣ, и проч. Затѣмъ, во-вторыхъ, изъ лицъ, рѣдко имѣвшихъ соприкосновеніе съ волостью, добрымъ словомъ помянутъ меня лишь тѣ, которымъ я оказалъ когда-нибудь непосредственную и черезъ чуръ очевидную для нихъ услугу, и которымъ никогда впослѣдствіи не приходилось отказывать въ ихъ просьбахъ или какъ-нибудь иначе обижать ихъ; если жъ я хоть десять услугъ имъ оказалъ, а въ одиннадцатый разъ просьбы ихъ не уважилъ, даже вполнѣ основательно,—то всѣ прежнія услуги мои будутъ забыты и помниться будетъ только послѣдняя обида.

Отчего же происходитъ такое странное отношеніе крестьянства къ лицу, состоящему въ волости писаремъ, къ лицу, вѣрно и честно служащему ему, поставившему себѣ задачей жизни быть полезнымъ этому самому крестьянству?.. Оттого, отвѣчу я, что мужикъ волостью, волостными дѣлами и своимъ всякаго рода волостнымъ начальствомъ ни мало не интересуется и даже не вспоминаетъ о нихъ до момента своей личной нужды въ этой волости, въ этихъ старшинахъ и писаряхъ, какъ не интересуемся мы съ вами, читатель, напр., касторовымъ масломъ вплоть до того момента, когда почувствуемъ разстройство желудка. Далеко не первому приходится мнѣ отмѣчать тотъ фактъ, что волость со всей ея канцелярщиной—совершенно чуждое для мужика учрежденіе, съ которымъ онъ никакими, кромѣ какъ фискально-административными, интересами не связанъ; вмѣстѣ съ тѣмъ достаточно извѣстно, какими глазами смотритъ мужикъ на фискъ и администрацію во всѣхъ ея видахъ: поэтому, надѣюсь, не трудно понять, съ какой неохотой мужикъ имѣетъ дѣло съ волостью и съ какой легкостью даже забываетъ объ ея существованіи, если личной надобности до нея не имѣетъ, и она его, съ своей стороны, не трогаетъ. Все это, повторяю, такъ уже извѣстно и переизвѣстно, что я не рѣшаюсь распространяться на эту тему, саму по себѣ, однако, крайне интересную; упомянулъ же я объ этомъ обстоятельствѣ лишь съ той цѣлью, чтобы отвѣтить на вопросъ: какую я о себѣ оставилъ среди кочетовцевъ память? И вотъ мой на это по возможности опредѣленный отвѣтъ: у большинства обывателей—никакой, ибо я для нихъ былъ не человѣкомъ, интереснымъ самимъ по себѣ, имѣющимъ съ ними общія дѣла, общіе интересы, а только — писаремъ, „наемною шкурой“, какъ обозвалъ меня одинъ обыватель, будучи однажды въ пьяномъ видѣ... Чтобы нагляднѣе представить то расплывчатое понятіе о моей личности, которое имѣло мѣсто въ массѣ кочетовцевъ вплоть до послѣдняго дня моей службы, я позволю себѣ остановиться на одномъ эпизодѣ изъ моей жизни въ писаряхъ,—правда, очень мелкомъ, но прекрасно подтверждающемъ высказанныя мною мысли.

Въ самый разгаръ послѣдней масляницы, которую мнѣ

суждено было провесть въ Кочетовѣ, у меня случилась маленькая домашняя оказія: не хватило масла для блиновъ (пожалуйста, читатель, не гнѣвайтесь на меня, что я утруждаю васъ такими пустяками: примите во вниманіе, что пустяки даютъ окраску жизни); объ этой бѣдѣ домашніе мои сообщили мнѣ утромъ, когда я собирался идти въ волость, и объяснили, что искали по всѣмъ сосѣднимъ дворамъ, но нигдѣ продажнаго масла не нашли. Въ волости, куда я отправился, сокрушенный вышесказаннымъ печальнымъ обстоятельствомъ, я нашелъ прибывшія съ почтой отъ судебнаго слѣдователя повѣстки, которыя надо было немедленно раздать по назначенію; развозить ихъ взялся мой помощникъ, славный малецъ лѣтъ семнадцати. Зная, что въ одной изъ деревень, въ которой онъ долженъ былъ побывать, крестьяне живутъ зажиточные и держатъ скота по многу, я просилъ его купить тамъ мнѣ масла, если случится, при чемъ далъ два рубля денегъ. Присутствовавшій при нашемъ разговорѣ десятскій, изъ кочетовскихъ крестьянъ, замѣтилъ мнѣ:

— Н. М.! Я сейчасъ обѣдать иду домой: коли угодно, я у сосѣдей своихъ поспрошаю—нѣтъ ли у нихъ на продажу масла?

— Сдѣлай милость, спроси. Можетъ быть, онъ не привезетъ, такъ я на тебя надѣяться буду.

Нѣсколько часовъ спустя возвращается мой помощникъ и привозитъ мнѣ цѣлую корчагу прекраснаго масла, фунтовъ въ пятнадцать вѣсомъ.

— Деньги ваши я отдалъ; свѣсьте, сколько тутъ масла, и тогда доплатите, сколько не хватитъ: сговорился я по 25 к. за фунтъ,—отрапортовалъ онъ мнѣ.

Почти въ это же время приходитъ и десятскій, неся деревянную чашку съ наколупленнымъ масломъ очень невысокаго качества; по его словамъ, онъ обѣгалъ болѣе двадцати дворовъ и вотъ только въ одномъ нашелъ фунтовъ пять, по цѣнѣ 30 к. за фунтъ.

— Нѣтъ, братъ, спасибо, теперь мнѣ оно не нужно: и дорого, и плохо, да къ тому же вонъ цѣлую корчагу привезли. Отнеси назадъ.

— Ну, что-жъ, онъ эвтимъ не обидится, хозяинъ-то. Я и

назадъ снесу, а то зайду къ Иванъ Ермилычу (кабатчику),— може онъ возьметъ.

Однако, и Иванъ Ермилычъ этого масла не взялъ, такъ что оно благополучно вернулось къ своему хозяину. Вотъ какова несложная завязка комедіи, въ которой мнѣ пришлось играть очень глупую роль.

Прошло мѣсяца два съ половиной. Былъ май; сушь стояла превеликая и многіе изъ мѣстныхъ обывателей стали безпокойно спать по ночамъ, боясь пожаровъ, здѣсь очень частыхъ. Давно ужъ надо было привесть пожарный инструментъ въ порядокъ, но кочетовскій староста, Игнатъ Ивановъ, все откладывалъ это дѣло; бочки, между тѣмъ, разсыпались, рукава пожарныхъ трубъ были всѣ въ дырахъ, багры возмущали своимъ видомъ. Игнатъ былъ вообще чрезвычайно плохимъ старостой; попалъ онъ на эту должность лишь съ помощью водки, которой щедро угощалъ какъ весь сходъ, такъ, въ особенности, разныхъ Парфеновъ, мірскихъ воротилъ. Достигнувъ власти, онъ пятый мѣсяцъ не могъ протрезвиться, какъ слѣдуетъ, ибо постоянно пребывалъ въ трактирѣ, опивая жалобщиковъ и тѣмъ вознаграждая себя за убытки, понесенные имъ при выборахъ. Я давно былъ крайне недоволенъ имъ и неоднократно ужъ предупреждалъ его, что донесу присутствію о его полнѣйшей неспособности нести службу, но каждый разъ онъ просилъ прощенія, обѣщалъ исправиться, клялся, божился и проч. Наконецъ, терпѣніе мое лопнуло, и, въ виду огромнаго вреда, который могъ произойти отъ небрежности старосты, я твердо рѣшился привесть свою угрозу въ исполненіе. Случай мнѣ помогъ: однажды, въ волости проѣздомъ остановилось, для смѣны лошадей, одно начальствующее лицо, бывшее со мной въ хорошихъ отношеніяхъ. Зашелъ у насъ разговоръ о пожарахъ.

— Да не хотите ли полюбоваться на нашъ пожарный обозъ, стоющій болѣе пятисотъ рублей и рѣшительно ни на что негодный, благодаря запущенности?—замѣтилъ я.

Лицо поинтересовалось посмотрѣть и пришло въ ужасъ; немедленно было послано за старостой, который оказался, какъ и всегда, въ трактирѣ. Явился онъ въ сильномъ градусѣ, давалъ отвѣты грубые и глупые; короче сказать, проѣзжее

начальство рѣшило, что ему старостой быть не годится. Дѣйствительно, вслѣдствіе сообщенія, сдѣланнаго нечаяннымъ ревизоромъ уѣздному присутствію, волостью было получено предписаніе—старосту Игната Иванова отъ должности отрѣшить и возложить ея исправленіе на кандидата. Бумага эта была получена въ пятницу, а въ субботу я послалъ десятскаго предупредить неизвѣстнаго мнѣ крестьянина Алексѣя Суворова, значавшагося въ сельскомъ приговорѣ кандидатомъ на должность старосты, чтобы онъ явился въ воскресенье въ волость.

— А кто такой этотъ Суворовъ? Хорошій мужикъ? — полюбопытствовалъ я спросить у старшины.

— Ничего себѣ, мужикъ твердый, водки не пьетъ вовсе. Да нешто вы его не знаете? Коренастый такой, съ рыжей бородой...

— Нѣтъ, что-то не припомню.

Вѣсть о томъ, что кандидата требуютъ въ волость и что, слѣдовательно, прежняго старосту хотятъ смѣнить, быстро облетѣла все село; староста—это вѣдь свой, мірской человѣкъ, вѣдающій необходимыя мірскія дѣла (сдачу земли, наемъ пастуховъ, хлѣбный магазинъ и проч.), и поэтому судьба его интересуетъ міръ гораздо болѣе, чѣмъ судьба волостного начальства, стоящаго особнякомъ отъ міра, на отшибѣ.

Рано утромъ въ воскресенье приходитъ ко мнѣ на квартиру староста Игнатъ Ивановъ.

— Наслышамшись я, что меня смѣнять хотите?

— Да, любезнѣйшій; пришла бумага изъ присутствія, чтобы кандидата на ваше мѣсто поставить.

— Н. М.! Больше не буду, ей-Богу не буду!.. Инструментъ завтра же въ лучшемъ видѣ исправлю, кузнеца найму.

— Теперь, другъ мой, поздно. Намъ надо предписаніе исполнить.

— Не погубите, Н. М., дайте еще въ старостахъ походить! Я сильно на выборахъ похарчился, — дайте свое вернуть, а я вамъ заслужу.

И онъ вытянулъ изъ кармана заготовленную заранѣе пятирублевую бумажку.

— Извольте-съ, а вечеромъ раздобудусь—еще столько же... Дайте мнѣ послужить.

Каковъ былъ мой отвѣтъ, разумѣется само собою. Любопытно то, что близко стоявшія въ волости лица знали, что Игнатъ пошелъ ко мнѣ съ приношеніемъ; можетъ быть, онъ даже совѣтовался съ ними, сколько мнѣ дать. Вывожу я это изъ слѣдующаго обстоятельства. Тотъ же десятскій, которому я въ субботу приказывалъ позвать кандидата, спросилъ меня, когда я пришелъ въ волость:

— Что-жъ, прикажете звать Суворова, али не надо?

— Да вѣдь я тебѣ еще вчера приказывалъ позвать его!..

— Это точно-съ; мы ему говорили, да онъ не дюже повѣрилъ. Да и мы, признаться, думали такъ, что може и обойдется...

Я начиналъ чувствовать, что около меня образовывается какая-то тонкая сѣть неуловимой сплетни; но въ чемъ именно дѣло, я еще ясно не понималъ. Игнатъ, отдавая печать и знакъ кандидату, опять просилъ прощенія: „вѣдь оченно даже извѣстны, что эвто по вашей жалобѣ меня страмятъ; такъ будетъ ужъ,—накуражились надо мною, пора-жъ и милость вернуть“!.. Онъ былъ уже порядочно випивши.

Этимъ же вечеромъ отправились мы со старшиной въ гости къ мѣстному священнику, у котораго было какое-то торжество; пришлось идти мимо трактира. Въ тотъ самый моментъ, когда мы проходили мимо дверей этого „заведенія“, изъ него вывалило человѣка четыре сильно пьяныхъ мужиковъ; было такъ темно, что мы не сразу узнали, кто такіе эти гуляки,—они же насъ тотчасъ признали по нашимъ костюмамъ.

— А-а, благодѣтели! — раздался голосъ бывшаго старосты Игната. — Разорители вы мои, чтобъ вамъ ни дна, ни покрышки!..

— Кровопійцы вы! За что человѣка обидѣли?.. узнали мы голосъ одного изъ Парфеновъ. Мы поспѣшили уйти, во избѣжаніе какого-нибудь серьезнаго столкновенія съ разгоряченными виномъ сторонниками Игната.

Прошло еще съ недѣлю. Новаго старосту я рѣдко видалъ, такъ какъ почти все время былъ въ разъѣздахъ по волости; однажды, въ разговорѣ со старшиной, я вспомнилъ про него и спросилъ:

— А что, какъ Суворовъ дѣло свое правитъ? Въ трактирахъ не ночуетъ?

— Нѣтъ, онъ тамъ и допрежъ, почесть, не бывалъ, а теперь и вовсе разучился хòдить...

— Это почему?

Старшина нѣсколько замялся.

— Да такъ... Допекаютъ его пріятели того, стараго.

— Чѣмъ допекаютъ?

— Кто ихъ знаетъ... Я, признаться, хорошенько не слыхалъ, Очевидно было, что старшина скрываетъ отъ меня нѣчто, а я ужъ зналъ по опыту, что онъ ни за что не проговорится, если захочетъ что-нибудь скрыть, — развѣ ужъ въ пьяномъ видѣ проболтается; поэтому я рѣшилъ допытаться объ этомъ обстоятельствѣ у самого Суворова. Долго и онъ не хотѣлъ мнѣ говорить, въ чемъ дѣло; но наконецъ мнѣ удалось его убѣдить, что въ его же прямыхъ интересахъ — подѣлиться со мной своимъ горемъ.

— Да что, Н. М., страмъ одинъ и разсказывать-то!.. Народъ вѣдь нашъ глупъ и дюже легко всякой небывальщинѣ вѣру даетъ; баба какая-нибудь, паскуда, сбрешетъ, а худая молва и пойдетъ, и пойдетъ по міру: обѣляйся тамъ какъ знаешь... А передъ кѣмъ обѣляться будешь, коли никто тебѣ въ глаза ничего не скажетъ, а все за угломъ шушукаются?..

— Не тяни ты, пожалуйста! Слыхалъ я все это... Говори, въ чемъ дѣло?

— Проходу мнѣ не даютъ, все масломъ въ глаза тычутъ.. Изволите помнить, на масляницѣ десятскаго посылали масло по селу разыскивать? Вѣдь дернула же меня тогда нелегкая масло ему свое объявить, и хошь вы тогда и не купили его, а народъ-то видѣлъ, что десятскій отъ меня къ вамъ масло понесъ... Теперь, какъ произвели меня въ старосты, всѣ и говорятъ, что вы съ меня десять фунтовъ масла взяли, да по моей просьбѣ Игната смѣстили, чтобъ мнѣ въ старосты попасть... Вотъ поди ты съ нимъ, толкуй!...

Итакъ, несмотря на то, что ни одинъ человѣкъ изъ кочетовской волости не можетъ похвалиться, что я, за данную имъ взятку мнѣ, учинилъ какое-нибудь беззаконіе; несмотря на то, что десятскій, носившій взадъ и впередъ масло, былъ

живъ и здоровъ и могъ подробно разъяснить всю эту чепуху: несмотря на то, что многимъ было извѣстно о пятишницѣ или даже о двухъ пятишницахъ, которыя мнѣ предлагалъ Игнатъ и которыя я отвергъ, — несмотря на все это, деревенскій міръ повѣрилъ, что я могъ прельститься 10-ю фунтами масла, стоющими 2 р. 50 к., и за эту несчастную взятку рѣшиться смѣнить старосту!.. Признаюсь, горшей обиды не было мнѣ нанесено за все время моего пребыванія въ деревнѣ и нужно жъ было этому случиться почти передъ самымъ моимъ отъѣздомъ,—какъ будто именно для того, чтобы я не возмечталъ о своемъ значеніи въ волости, о нравственномъ вліяніи, которое я будто бы пріобрѣлъ, о любви и довѣріи ко мнѣ обывателей... Ни мало не утверждаю, что вовсе но было мужиковъ, которые отнеслись бы съ полнѣйшимъ недовѣріемъ къ этой сплетнѣ: всѣ знавшіе меня близко, конечно, не повѣрили, чтобы я могъ продать мужика за нѣсколько фунтовъ масла; но я не скрываю отъ себя и того обстоятельства, что невѣроятности сплетни, въ ихъ глазахъ, много способствовала черезъ чуръ малая цифра вознагражденія, полученнаго будто бы мною за услугу (10 ф. масла= 2 р. 50 к.); но если бы моимъ защитникамъ сказали, что я взялъ съ Суворова не 10 ф. масла, а 100 р. денегъ, то врядъ ли кто-нибудь изъ нихъ не повѣрилъ бы сплетнѣ въ такой редакціи... Все дѣло тутъ въ цифрѣ: одинъ всякаго продать готовъ за шкаликъ,—этотъ въ глазахъ деревенской публики, непутевый, пустой человѣкъ, которому самому грошъ цѣна; другой торгуетъ собой за рубли,—это средственный, обыденный человѣкъ; а кто себя за единицы или даже за десятки рублей не продаетъ,—это ужъ „гора-человѣкъ“, хотя эта же „гора“ противъ, напримѣръ, радужной можетъ и не устоять. Скажу даже болѣе: если эта „гора“ и противъ радужной устоитъ, то много потеряетъ во мнѣніи публики: „простъ онъ“, будутъ говорить про такого чудака, или же: „кто его знаетъ,—мудреный онъ какой-то, все у него не по-людски дѣлается“... Страшно сказать, но мнѣ кажется, что заурядный мужикъ (по крайней мѣрѣ, въ нашей мѣстности) вполнѣ честнаго человѣка, котораго нельзя купить и за тысячи,— представить себѣ не можетъ; есть вѣроятно и изъ этого пра-

вила исключенія, но... во всякомъ случаѣ, единичныя, и притомъ мнѣ не извѣстныя.

Чувствую, что я договорился до очень печальныхъ вещей: началъ, нѣкоторымъ образомъ, „за здравіе“, а свелъ „за упокой“... Что-жъ, однако, дѣлать, если дѣйствительность такова, какою я ее рисую? Я и теперь не поколеблюсь сказать всякому изъ интеллигентовъ, который спросилъ бы меня—„идти ли туда?“—„идите, тамъ ваше мѣсто“,—точно также, какъ и самъ пойду, если... (но позвольте умолчать, въ чемъ заключается это „если“). И однако, не будучи лицемѣромъ и узко-партійнымъ человѣкомъ, я не могу закрывать глаза и не видѣть самому, да и другимъ не указывать язвъ, разъѣдающихъ народный организмъ: надо знать, на что идешь и что тебя ожидаетъ; если не знаешь,—очень тебѣ трудно будетъ... Да и такъ надо сказать: еслибъ тамъ не было язвъ и все обстояло бы благополучно, то зачѣмъ бы туда и идти...

XXV.

Какую пользу я принесъ населенію за три года служенія народу?

Возвращаюсь къ рѣшенію поставленныхъ выше вопросовъ. На второй изъ нихъ: какую я о себѣ оставилъ память среди кочетовцевъ,—я отвѣтилъ еще довольно опредѣленно; гораздо труднѣе будетъ мнѣ справиться съ первымъ: какую пользу я принесъ населенію за три года своего писарства?..

Прежде всего долженъ оговориться, что послѣ меня не осталось рѣшительно ничего, на что можно было бы указать со словами: это—дѣло рукъ бывшаго писаря такого-то. Пробовалъ было я устроить, какъ сказано выше, пожарную дружину, но она рухнула и распалась тотчасъ послѣ моего отъѣзда; помогъ я совершенію и даже ускорилъ передѣлы земель въ нѣсколькихъ общинахъ (первые послѣ ревизіи),—но объ этой помощи, конечно, никто не помнитъ, да и вопросъ тутъ можетъ быть только относительно времени, когда совершились бы передѣлы безъ моей помощи: неравномѣрность распредѣленія земель внутри общинъ становилась настолько ощу-

тительной, что и безъ моего содѣйствія передѣлы непремѣнно произошли бы,—можетъ быть, лишь годомъ, двумя позже, чѣмъ они дѣйствительно произошли. Заводилъ было я рѣчь объ общественныхъ запашкахъ для засыпки хлѣбныхъ магазиновъ, но это вопросъ настолько сложный, что кочетовцы не могли его рѣшить сразу и при мнѣ его не рѣшили, а теперь, думаю, и рѣшать не будутъ Затѣмъ остается выяснить: какую я приносилъ, такъ сказать, текущую пользу кочетовцамъ за время моей у нихъ службы и что сдѣлалъ я такого, чего не сдѣлалъ бы всякій заурядный писарь на моемъ мѣстѣ? Единственное, на что я могу указать безъ колебаній, это—что я сохранилъ имъ нѣсколько сотъ рублей чистыми деньгами и нѣсколько тысячъ рабочихъ часовъ. Деньги я имъ сохранилъ тѣмъ, что ни самъ съ нихъ поборовъ не дѣлалъ, ни другимъ, по возможности, дѣлать не давалъ, что я велъ ихъ дѣла въ городѣ, устраняя тѣмъ необходимость самимъ туда ѣздить и тратиться на городскихъ „аблакатовъ“, и проч. въ томъ же родѣ. Рабочіе часы я имъ сохранилъ, не сзывая лишнихъ сходовъ, не разъѣзжая по пустымъ дѣламъ по волости, не задерживая просителей въ волостномъ правленіи, и т. п. Это я дѣйствительно дѣлалъ; но къ такому образу моихъ дѣйствій населеніе такъ привыкло, что удивилось бы, еслибъ у меня вдругъ пошли въ волости другіе порядки; говорятъ, что теперь, при новомъ писарѣ, пошли именно другіе порядки, и что мужики только теперь начинаютъ оцѣнивать лучшія времена, бывшія при мнѣ; но это только говорятъ... Если затѣмъ считать ужъ всѣ содѣянныя мною „благодѣянія“, то придется останавливаться на перечнѣ услугъ, оказанныхъ мною отдѣльнымъ личностямъ: выхлопоталъ отставному солдату шести-рублевую въ годъ пенсію, оградилъ во время сиротское имущество отъ расхищенія, хлопоталъ по дѣлу обиженной вдовы, и т. д. Но эти услуги только тѣмъ развѣ и заслуживаютъ вниманія, что онѣ обошлись облагодѣтельствованнымъ мною лицамъ даромъ, тогда какъ другой писарь потребовалъ бы съ нихъ за эти услуги извѣстное вознагражденіе; такимъ образомъ, все опять сводится къ сохраненію нѣкоторымъ изъ кочетовскихъ обывателей нѣсколькихъ лишнихъ рублей. Вотъ, если раз-

суждать на точномъ основаніи фактовъ, все, что я сдѣлалъ для населенія; конечно, этого очень мало, и самолюбіе нашептываетъ мнѣ, что можетъ быть, благодаря моимъ многочисленнымъ разъясненіямъ и разговорамъ на сходахъ и судахъ, кочетовцы стали лучше понимать свои права и обязанности, получили болѣе правильный взглядъ на нѣкоторыя вещи, словомъ—развились нѣсколько; но не одно ли это только самообольщеніе съ моей стороны?..

Итакъ, въ результатѣ своего трехлѣтняго изученія народной жизни я долженъ поставитъ вопросительный знакъ; но не вслѣдствіе неудачно намѣченной цѣли являются во мнѣ сомнѣнія, и даже не вслѣдствіе неудачнаго исполненія взятой на себя задачи... Я склоненъ думать, что работа моя оказалась безрезультатной, единственно благодаря малому періоду времени, которымъ я располагалъ: три года—черезчуръ ограниченный срокъ, когда приходится имѣть дѣло съ двѣнадцати-тысячнымъ населеніемъ, видѣвшимъ въ теченіе десятковъ лѣтъ въ писарской должности лицъ, которыя всѣ, какъ одно, скроены по извѣстному шаблону; поэтому, даже совсѣмъ новый человѣкъ, но на старомъ писарскомъ мѣстѣ, долго казался имъ писаремъ, правда, „ловкимъ“ и „ученымъ“, но только писаремъ, и ничѣмъ болѣе...

Мнѣ остается сказать, для финала, лишь нѣсколько словъ. Провожали меня изъ Кочетова не безъ торжественности: несмотря на рабочую пору и на будній день, пріѣхало даже нѣсколько старостъ, желавшихъ со мной проститься; наиболѣе близко знакомые мнѣ мужики и бабы толпились у крыльца, въ ожиданіи моего отъѣзда. Появилась и водка, этотъ неизмѣнный спутникъ всѣхъ житейскихъ радостей и невзгодъ; пили, цѣловались, просили не забывать другъ друга; отъ волненія, а вѣрнѣе, отъ водки, у нѣкоторыхъ, въ томъ числѣ и у меня самого, были на глазахъ слезы... Ямщики даромъ предложили своихъ лошадей до станціи, и три тройки съ провожатыми составили довольно шумный поѣздъ. На станціи опять водка, опять прощанія, пожеланія всякихъ

благъ... А вотъ подходитъ и машина. Прощай, Кочетово!.. Прощай, хорошее село, научившее меня понимать многое, что оставалось для меня непонятнымъ въ городѣ!..

Прощайте, кочетовцы! Не поминайте меня лихомъ, добрые люди,—меня, любящаго васъ всей душей, несмотря на многія и многія обиды, которыя вы мнѣ причинили, и на массу разочарованій, которыя я испыталъ за періодъ моего знакомства съ вами!.. Да простите и мнѣ, потому что и я виноватъ во многомъ предъ вами.

Я по сей день получаю отъ нѣкоторыхъ знакомыхъ изъ —ского уѣзда письма, въ коихъ они подробно описываютъ мѣстное житье-бытье вообще и кочетовское въ частности. Все идетъ тамъ своимъ порядкомъ. Столбикову была поднесена роскошная икона отъ признательныхъ подчиненныхъ его; пѣли по этому случаю молебенъ; писаря говорили рѣчи; Столбиковъ отъ полноты чувствъ прослезился. Затѣмъ былъ обѣдъ, поданный старшинамъ и писарямъ особо отъ прочихъ почетныхъ гостей, собравшихся посмотрѣть на трогательное торжество; словомъ, все было чинно-благородно.—Въ нашемъ уѣздѣ открыты дѣйствія крестьянскаго банка; непремѣнный членъ—юнецъ уже успѣлъ оскандалиться, навязывая демьяновцамъ противъ ихъ воли участокъ земли изъ имѣнія Столбикова; говорили что-то о приговорѣ, который предлагали подписать не прочтя его сходу... Дыхляевъ сталъ старшиной противъ воли схода, который для выборовъ старшины былъ собираемъ разъ пять; наконецъ, на послѣднемъ сходѣ, на которомъ присутствовалъ самъ Столбиковъ, старостамъ „предложено“ было приложить печати къ приговору о выборѣ Дыхляева, и нынѣ въ демьяновской волости орудуетъ такая парочка (Дыхляевъ и Ястребовъ), какую не скоро еще сыщешь въ цѣлой губерніи... Иванъ Моисеичъ понемногу пріобрѣтаетъ себѣ значительную популярность: между прочимъ, онъ принялъ себѣ за правило—во всѣ пострадавшія отъ пожаровъ селенія кочетовской волости, и даже окрестныхъ, посылать погорѣльцамъ печеный хлѣбъ; несмотря на то, что—скій уѣздъ горѣлъ въ 1885-мъ году, благодаря суши, особенно жарко, Иванъ Моисеичъ аккуратно разсылалъ цѣ-

лые воза съ хлѣбомъ, являвшимся очень кстати для погорѣльцевъ въ первые дни послѣ постигшаго ихъ несчастія... Старшина Яковъ Иванычъ чувствуетъ себя очень не хорошо: онъ подавалъ уже разъ въ отставку, но потомъ раскаялся, испросилъ у Столбикова прощеніе и нынѣ еще старшинствуетъ, хотя постоянно трепещетъ за свое существованіе...

„Милая, добрая провинція“!..

КОНЕЦЪ.

ЦѢНА **1** РУБ. **50** КОП.

Пересылка по разстоянію.

Подписчики „Русской Мысли“ пользуются уступкою **10%**.

1896

Н. Астыревъ. — „ВЪ ВОЛО

ЦѢНА
1 р. 50 к